

КОординаты
ЧУДЕС

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

ЗВЕЗДАНЫЙ ВИРУС
ИМПЕРИЯ ДВУХ МИРОВ
ФАКТОР АННИГИЛЯЦИИ





act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
2003



*Barrington
J. Bayley*

The Star Virus

■

Empire of Two Worlds

■

Annihilation Factor

■

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

**ЗВЕЗДНЫЙ
ВИРУС**



**ИМПЕРИЯ
ДВУХ МИРОВ**



**ФАКТОР
АННИГИЛЯЦИИ**



УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Б41

Серия основана в 1992 году

Barrington J. Bayley

THE STAR VIRUS

1970

EMPIRE OF TWO WORLDS

1972

ANNIHILATION FACTOR

1972

Перевод с английского В. Яковлевой («Звездный вирус»),

А. Митрофанова («Империя двух миров»),

А. Флотского («Фактор аннигиляции»)

Серийное оформление А. Сальникова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).*

Печатается с разрешения издательства Wildside Press
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 23.12.02. Формат 84×108^{1/32}.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 5000 экз. Заказ № 56.

Бейли Б.

Б41 Звездный вирус. Империя двух миров. Фактор аннигиляции: Романы: Пер. с англ. / Б. Бейли. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 510, [2] с. — (Координаты чудес).

ISBN 5-17-016656-7

Романы Баррингтона Бейли. Яркие образцы НАСТОЯЩЕЙ, КЛАССИЧЕСКОЙ научной фантастики...

...На галактическую империю землян, раздираемую гражданской войной, обрушивается новое зло — гигантское полумрачное Пятно, «поглощающее» все новые планеты...

...Почему великая цивилизация «чужих»-стриллов отделила Млечный Путь, заселенный людьми, от иных галактик невидимым Барьером? Почему считает землян опасными для всей Вселенной?..

...Исход межпланетной войны предстоит, как ни странно, решить авантюристу с унылой планеты Киллибол, давным-давно уже отрезанной от метрополии...

Прочтите — не пожалеете!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

© Barrington J. Bayley, 1970, 1972

© Перевод. В. Яковлева, 2003

© Перевод. А. Митрофанов, 2003

© Перевод. А. Флотский, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

ЗВЕЗДНЫЙ ВИРУС

Глава 1

Родроун созерцал открывавшийся перед его глазами вид, когда его вдруг посетило озарение. Он понял, чем подобные пейзажи для него привлекательны, и почему его постоянно тянет к одним и тем же мирам. Эти мрачные, зловещие, дьявольские картины казались безумными, как галлюцинации художника-шизофреника. Именно это обстоятельство как магнитом тянуло Родроуна в те заманчивые области, где царила относительность, а мысли и ощущения бесстыдно искажались до неузнаваемости.

Пейзаж представлял собой фантастическое сочетание резкого света и мрака, присущее безвоздушным планетам, а неправдоподобно огромное солнце, висевшее в небе, придавало ему зловещий цвет, переходивший от винно-красного к вишневому. С горы струился блестящий поток расплавленной руды, который извивался подобно белой сверкающей змее. От него тоже исходил свет, озарявший все вокруг на многие мили.

Техника горных разработок была грубой, однако достаточно эффективной. Основные приборы разбитого грузового судна столетней давности, нависавшего низко над горой, корректировали и направляли поток ядерной энергии, выплавлявший металл прямо из рудной жилы.

Люди в белых скафандрах медленно двигались вдоль берегов металлической реки, изредка подавая друг другу знаки. Со смотровой площадки корабля под названием «Стоенд», где сейчас находился Родроун, они казались ему похожими на маленьких злобных чертенят, которые норовят сбросить друг друга в губительный поток расплавленного металла и дальше — туда, где в обширном резервуаре металл остывал, приобретая зловеще красный оттенок.

На расстоянии мили стоял третий корабль экспедиции, «Открывающий». Родроун надел шлем, который прежде держал в руке. Он сделал это отнюдь не потому, что ему понадобилась защита — площадка, где он стоял, была надежно укрыта прозрачной пленкой, обволакивавшей корпус корабля подобно огромному мыльному пузырю, — ему просто нужно было воспользоваться вмонтированным в шлем прибором для связи. Теперь он ясно слышал, как его люди смеялись и подзадоривали друг друга подойти поближе к добела раскаленному потоку, как будто не опасаясь, что поток внезапно может изменить направление.

Родроун нажал на кнопку и связался с Калтолом, стоящим внизу возле резервуара. Слегка повернув голову, капитан взглянул на встроенный в его шлем маленький экран, на котором вскоре появилось заросшее рыжей щетиной лицо Калтола.

— Нашли что-нибудь? — спросил Родроун.

— Решительно ничего. Мы понапрасну теряем время.

Раскаленный поток состоял из расплавленного железа, однако железо им было ни к чему — они искали не его. В подобных рудах, на определенных планетах, вращавшихся вокруг солнц именно такого типа, иногда встречались кремниевые алмазы, которые были намного плотнее и тверже обычных, и потому весьма ценились в промышленности. Их было возможно синтезировать, но с огромным трудом, поэтому существовал устойчивый рынок сбыта натуральных камней. Родроун, несмотря на то, что друзья пытались отговорить его от этой затеи, решил попытать счастья. Но Калтол тщетно пропускал расплавленный металл через специальную решетку, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки драгоценных камней.

За последние несколько часов это был уже третий впустую исследованный участок.

— Железо первосортное, — заметил Калтол. — Может быть, мы могли бы на нем заработать?

— Забудь об этом.

Железо было самым распространенным металлом во вселенной. Хотя изредка его цена на бирже поднималась настолько, что разработка месторождений становилась прибыльным делом, в данное время оно не пользовалось большим спросом.

— Убирай приборы, — распорядился Родроун. — Мы уже достаточно здесь копались.

Огромный грузовой корабль, напоминавший своими очертаниями две большие сцепленные вместе башни, оторвался от горы и приземлился на равнине. Родроун отвлекся от величественного вида, который еще мгновение назад вызывал в его душе некое подобие транса, и шагнул к корпусу «Стоунда». Смотровая площадка за ним задвинулась, а когда он закрыл за собой люк, воздушный пузырь, окружавший корабль, сжался и пропал.

Сняв шлем, Родроун положил его в специальную нишу и на миг подошел к большому зеркалу. Подобно многим не вполне уверенным в себе людям, он не мог удержаться, чтобы не уделить пару секунд созерцанию своего отражения. Из зеркала на него смотрел высокий худощавый человек со смуглым лицом, густыми темными волосами и чувственными губами. Борода и яркие карие глаза придавали его лицу странное выражение — задумчивое и неуловимо опасное. Это было лицо романтического мечтателя и прагматичного авантюриста одновременно. Даже в космосе он носил короткий черный плащ и высокие, доходившие до бедер сапоги, вполне соответствующие остальной его одежде. На левом бедре был закреплен маленький золотистый пистолет.

— Ну что, не смертельно?

Молодой баритон вывел Родроуна из состояния задумчивости, и он повернулся к вошедшему человеку.

— Не смертельно — ответил он. Вошедший усмехнулся.

Клейву Тиори было около двадцати пяти лет. Он обладал удивительной внешностью. Казалось, что его сделали из мела. Его светлые, почти бесцветные волосы беспорядочно разметались по плечам, а широкое лицо было таким бледным, что Клейв производил впечатление чахоточного. Мертвенная бледность его лица усиливалась мимикой, точнее, ее отсутствием: немигающим взглядом глаз, похожих на стеклянные, и изгибом губ, словно застывших в полуулыбке, злой и вместе с тем веселой.

Однако первое впечатление мертвого лица было обманчивым и вовсе не вязалось с легкими быстрыми движениями Клейва, его здоровьем и живостью. Его интересовало абсолютно все, и чем невероятнее,

тем лучше. Родроун очень любил его, отчасти потому, что, несмотря на все попытки Клейва выглядеть закоренелым циником, на самом деле он был абсолютно бесхитростным и простодушным парнем.

— Возможно, нам грозят неприятности с рабочими, — произнес Родроун, направляясь вслед за Клейвом в сторону каюты в другом конце коридора.

— Ну, я думаю, ты сможешь с ними договориться.

Неприятности не заставили себя ждать.

Они пришли в одну из нескольких кают «Стоунда», расположенных между рубкой управления, двигателем и многочисленными кладовыми. Каюта была овальной формы, приблизительно тридцати футов в длину, и хорошо оборудованная. Однако здесь час тенько царил беспорядок, поскольку экипаж корабля отличался изрядной неряшливостью. Родроун сел и придвинул к себе блюдо с хлебом и кусками мяса, прислушиваясь к голосам и стуку тяжелых башмаков, доносившимся из коридора.

Дверь распахнулась, и в каюту ввалились не меньше дюжины рабочих. На некоторых из них все еще были скафандры, правда, без шлемов. Остальные были одеты в туники из грубой ткани, на груди которых красовались эмблемы Торгового Дома Карнесса.

Впереди всех стоял черноволосый человек, угрюмое лицо которого выражало ярость.

— Разве вы до сих пор не усвоили, что скафандры нужно оставлять внизу? — сухо спросил Родроун. — Чему вас только учили в этих бараках Карнесса?

Человек вспыхнул.

— Довольно об этом, Родроун. Мы хотим расчета!

— Отдела кадров у нас, извините, нет, — ответил Родроун.

— Когда мы отправились с вами, мы ожидали, что дела пойдут лучше,— заговорил другой человек, пытаюсь выбраться из скафандра.

— Прошло три месяца, а мы ничего не нашли.

— Так-таки и ничего? Я наблюдал, как вы веселились там, внизу. Точь-в-точь толпа обезумевших подростков.

— Послушайте,— сказал вожак уже более примирительно,— с этого куста можно снять неплохой урожай. Там лежат титан, золото и бериллий — ходи и подбирай! Кроме того, здесь есть органика. Все это стоит порядочных денег, и нужно только немного поработать...

— Ах, значит, вам нужна работа,— насмешливо заметил

Родроун.

— Все это стоит порядочных денег! — выкрикнул другой человек.— Так ведь нет, мы будто нарочно выбираем планеты, не стоящие ни гроша. Ферр говорил, что здесь не будет камней,— он показал на одного из своих товарищей,— и ваш человек, Харвер, говорил то же самое. Так за каким дьяволом мы прилетели сюда?

— Мне здесь нравится,— ответил Родроун нарочито бодрым и жизнерадостным тоном.— Прекрасное местечко для отдыха.

Рабочие возмущенно переглянулись, но, когда вошел Калтол с двумя членами экипажа Родроуна, сразу затихли. Калтол окинул кабину пристальным взглядом и встал возле стены, с очевидным интересом оглядывая присутствующих.

Родроун обдумал ситуацию и снова вздохнул. Он уже понял, к чему клонилось дело. Очевидно, все недовольные были рабочими Торгового Дома Карнесса, которых Родроун спешно нанял на планете системы Карнесса. Как всегда, принимая лю-

дей, он не задавал никаких вопросов, и теперь ему предстояло расплачиваться за это.

Так или иначе, их недовольство его опечалило. Эти рабочие привыкли, подобно рабам, полностью полагаться на своих хозяев и ни о чем не думать, а их представления о том, каким образом действуют пираты (каковыми и являлась команда Родроуна), были поразительно наивными. Они, вероятно, ожидали, что будут работать по четкому плану, добывая на необитаемых планетах металлы и другие минералы и продавая их, тем самым поддерживая торговое сообщество, деятельность которого распространялась на планеты системы Хаба. Возможно даже, что они до сих пор не подозревали о нелегальности своих действий и ущербе, который они наносят торговым домам. И уж конечно, они не предполагали, что находятся под командованием странного легкомысленного человека, которого почти не интересует работа и который высадился на этой планете под предлогом якобы поисков силиконовых алмазов, а на самом деле единственно из своего каприза. Коротче говоря, они верили во вселенский порядок, и эту веру поддерживали в них бывшие хозяева. Они не догадывались о существовании великого множества авантюристов и неудачников в пестрых и хаотичных мирах Хаба. В конце концов, если догадка Родроуна была справедлива, большинству из них предстояло вернуться на Карнесс и понести наказание. Впрочем, некоторые могли остаться на свободе.

Говоривший собрался с духом для окончательного и решительного сопротивления.

— Мы хотим отделиться, — заявил он. — Мы будем сами заниматься своим делом.

— Пожалуйста.

— Нам нужен корабль.

Родрун помолчал, как бы раздумывая.

— Ну ладно, — сказал он, пожав плечами. — Можете забрать старый грузовой корабль.

— Вы шутите? Мы сгорим заживо в этой развалине!

К несчастью, это было правдой. Древние двигатели выходили из строя трижды только за последний месяц, и Родрун давно намеревался каким-нибудь образом избавиться от этой горы металлолома.

— Едва ли три месяца, которые вы провели со мной, дают вам право завладеть «Открывающим», — заметил он.

— Мы знаем.

Черноволосый потер бровь.

— Назови свою цену. Мы подадим вексель в любой банк, который захочешь, и расплатимся с тобой в установленный срок.

— Ты забываешь, что вы — сбежавшие работники, и банки могут не принять вексель с вашей подписью. Кроме того, мне не хочется расставаться с «Открывающим». Мне жаль, джентльмены, что вас так разочаровала ваша новая жизнь. Если хотите, я выпущу вас на нашей следующей стоянке — в конце концов, если желаете, доставлю вас на Карнесс.

Говоривший сплюнул.

— Мы не собираемся возвращаться на Карнесс! Нам нужен этот корабль.

— Жаль, что нам не удалось договориться. Что ж, вы знаете, что есть только один путь завладеть им.

Произнеся эти слова, Родрун поднялся на ноги и с притворным смирением скрестил руки на груди.

Рабочие наверняка понимали, что если дело дойдет до схватки, то у них будет численное превосходство над людьми Родруна.

В сложившейся ситуации ни один мало-мальски опытный пиратский капитан никогда не подставил

бы свою спину, однако Родроун, казалось, и в ус не дул.

Кое-кто из рабочих как бы невзначай прикинул расстояние от руки Родроуна до пистолета на его бедре; другие нервно косились на Калтола и остальных. Один только Клейв ни на кого не смотрел. Он продолжал как ни в чем не бывало закусывать, и казалось, даже не прислушивался к разговору.

Почти у всех рабочих было оружие — у кого в руках, у кого в кармане или за спиной. Но стоило одному из них пошевелиться, маленький золотистый пистолет исчез с бедра Родроуна и оказался в его левой руке. Раздался слабый щелчок. Все замерли.

Изумленные рабочие смотрели на Родроуна, выпучив глаза. Капитан пиратов повторил свой колдовской трюк, еще и еще раз активизировав магнитное поле между двумя пластинами: на бедре и на запястье. Пистолет снова оказался у него на бедре, затем вновь взлетел и точно прирос к его руке, и все это произошло быстрее, чем кто-либо успел пошевелиться.

— Мои глаза не менее быстры, чем слова, джентльмены, — негромко предупредил рабочих Родроун.

— Они не смогут справиться со всеми нами! — прорычал черноволосый. — Вперед!

Он упал на одно колено и выстрелил.

Подняться ему не удалось. Выпущенная из обычного ружья пуля просвистела мимо Родроуна, а в следующее мгновение тонкий луч из крошечного пистолета пирата продырявил ему лоб.

Почти в тот же миг раздался ужасающий грохот. Направленный энергетический пучок, подобно ослепительному огненному копью, выжег в стене за спинами рабочих дымящееся отверстие.

Клейв стоял, держа перед собой за обе ручки грозное оружие — лучевую трубку.

— Следующим выстрелом я убью вас всех, — невозмутимо произнес он.

Калтол, шагнув к столу, расхохотался.

Рабочие стояли с ошеломленным видом. Лучевая трубка считалась оружием, не предназначенным для использования в закрытых помещениях. Они разом посмотрели на продолжавшую дымиться дыру в стене, затем повернулись к телу своего вожака, распростертому на полу. Молча, с угрюмыми лицами они побросали свое оружие.

— Вот так-то лучше, — сказал Родруун, возвращая на место пистолет. — Вы вели себя чрезвычайно глупо. Позвольте напомнить, что наказание за мятеж здесь, где не действуют никакие законы, может оказаться куда более суровым, чем на Карнесе.

— Что вы собираетесь с нами сделать? — сердито и испуганно глядя на Родрууна, спросил один из мятежников.

— Ничего. Наказания нагоняют на меня скуку.

Родруун уселся на кушетку, вытянув одну ногу в высоком сапоге и закинув ее на низкий столик.

— Вам решать, как распорядиться своим будущим. Если захотите остаться со мной, то должны будете беспрекословно подчиняться мне. В любом другом случае... — Он пожал плечами. — Есть множество других экспедиций, которые тратят на работу гораздо больше усилий, чем мы. Поскольку все вы опытные техники, нет сомнения, что рано или поздно вы найдете себе место. Так или иначе, могу сказать вам, что кое-какие планы на ближайшее будущее у меня есть. Решайте, подходят вам мои методы или нет. В конце концов, ваша судьба мне безразлична. Меня нисколько не опечалит, если вы закончите свой путь рабами Вайна.

При упоминании пользовавшегося дурной славой Дравианского Вайна в толпе рабочих послы-

шался испуганный ропот. Так называлась растительная культура, выделявшая туман жемчужно-серебристого цвета, который оказывал мгновенное наркотическое действие на ряд существ, в том числе и на человека. После этого люди становились бессловесными рабами, без рассуждения служившими исполнению желаний Вайна. Несмотря на то, что Вайн не обладал разумом, ему различными способами удалось захватить целый ряд миров, близко расположенных к его родной планете. Людей, случайно попавших в область его распространения, насчитывалось несколько десятков тысяч.

— Да, кстати, — закончил Родруун, брезгливо указав на пол, — пожалуйста, унесите тело вашего товарища. Кроме того, я хотел бы, чтобы завтра вы отремонтировали стену. Мы здесь любим порядок.

Без единого слова рабочие подхватили мертвеца и вышли из каюты. Да, прислушиваться к советам погибшего было весьма глупо с их стороны, равнодушно подумал Родруун.

Калтол только сплюнул.

— Грязные земляные собаки! — в сердцах воскликнул он.

— Не вини их слишком, — с отсутствующим видом отозвался Родруун. Он понимал, что вел себя с рабочими слишком безжалостно. Вполне можно было разрешить ситуацию путем бескровного компромисса. Истинная причина его поведения крылась в презрении, которое вполне разделял Калтол, к гигантским торговым домам и тем тепличным условиям, в которых пребывали все без исключения их служащие от рождения до самой смерти. Чтобы чувствовать себя счастливым в команде Родрууна, человек должен был быть закоренелым индивидуалистом; и то обстоятельство, что в этот круг было относительно нетрудно попасть, вовсе не означало отсутствия

проблем в дальнейшем, поэтому рабочие, конечно, недоумевали. Это могло показаться странным, но сегодняшний инцидент вызвала именно их многолетняя привычка к покорности.

Вскоре в каюте появились и другие члены экипажа, включая некоторых с «Открывающего». Они привели с собой девушек — новое приобретение команды на одной из последних планет, — и атмосфера понемногу стала разряжаться. Откуда-то появилось вино.

Воздух наполнился пульсирующей музыкой, и внезапно одна из стен каюты превратилась в трехмерный экран, на котором возникло изображение диких полуобнаженных танцоров.

Рабочие больше не появлялись. Родрун немного подождал, затем печально улыбнулся, поднялся и вышел. У него не было настроения принимать участие в оргиях, в которые неизменно превращались вечера отдыха экипажа.

Он добрался до своей личной каюты, намереваясь отдохнуть и расслабиться в спокойной обстановке. Здесь его окружали карты и книги, касавшиеся самых разнообразных предметов, в основном научные труды. Также здесь были кое-какие научные приборы, которые, впрочем, служили более для украшения каюты, чем для практических целей, и запах смазанной стали смешивался с ароматом, исходившим от куста экзотических бледно-розовых орхидей.

По сути своей Родрун был человеком, загнанным самим собой в ловушку. Он находился в состоянии внутренней войны между действием и мыслью.

Именно из-за этого он постоянно попадал в затруднительные положения, из которых ему приходилось потом с немалыми усилиями выкручиваться.

ся. Его необузданное воображение и склонность к фантазиям требовали выхода, который он искал в занятиях историей и науками.

Родроун лениво взял одну из своих любимых книг, историю доисторической Земли. В этой книге рассказывалось о драматических событиях древних времен, когда человечество еще ничего не знало о межпланетных перелетах, о Египте, об Америке и Средней Азии. Листая страницы, он наткнулся на красочные иллюстрации, относившиеся к египетской религии, и на некоторое время его взгляд задержался на картинке, которая всегда очаровывала его: барк, выстроенный миллионы лет назад, на котором Ра со своим экипажем из младших богов двигался напрямик через вселенную.

Родроуна часто посещала мысль, не допустил ли автор книги, который, похоже, пользовался недостоверными источниками, некоей важной ошибки. Не более ли логично было бы считать, что цивилизация Египта появилась позже, чем цивилизация Америки, то есть уже после первых космических полетов? Рассеянный солнечный свет, яркие краски и жесткие контуры, стилизованные изображения богов и космических процессов не могли принадлежать богатой кислородом атмосфере. Сюжеты подразумевали почти полное отсутствие биологической жизни. Эти картины принадлежали чуждому миру, находившемуся на расстоянии многих световых лет от человеческих цивилизаций, в безвоздушных пространствах, где мертвенно-бледный свет незнакомой звезды не давал оттенков и полутонов. Родроун чувствовал, что именно такой представлялась вселенная в египетских мифах, и ему казалось просто невероятным, что в Египте не было ничего известно о других мирах. И это в то же самое время, когда среднеазиатское сообщество с его тотали-

тарной философией «человеческого муравейника» стало именно той цивилизацией, которая направила человеческую активность в галактику прежде, чем потерпела поражение последняя попытка сохранить человечество в роли единственной правящей силы и не допустить его стремления к власти над бесконечным.

Содружество никогда не смогло бы возродиться... прежде всего из-за Хаба — мерцающего звездного завитка, видимого в небе каждой планеты, предполагавшего такое изобилие миров, что само представление о «мире» исчезло из человеческого сознания. Границ попросту не существовало вот уже пять сотен лет, с тех пор, когда люди появились в Хабе и осознали, что время границ безвозвратно ушло. Оказалось, что существовало не менее биллиона пригодных к существованию миров. В таких условиях всякая власть теряла смысл и становилась невозможной. Не стало наций. Не стало правительств, за исключением тех властей, которые пытались контролировать межпланетную торговлю. Наступило полумодернизированное время свободных людей, и не было причин, которые могли бы каким-то образом изменить существующее положение дел.

Известные людям до сих пор межзвездные маршруты, где звезды отделялись друг от друга десятками световых лет, были позабыты с тех пор, как человечество освоило систему Хаба. Планету под названием Земля было уже невозможно найти ни на одной из карт Родруна.

Последовавший беспорядок в человеческой популяции увеличился за счет использования новых технологий, для которых большие организованные коллективы отнюдь не требовались. Каждый теперь стал сам себе инженером и техником. Одновременно существовало множество абсолютно разобщенных тех-

нологий: к примеру, великое разнообразие источников топлива для космических кораблей. Возник тип исследовательского коллектива, подобный экипажу Родроуна — команды свободно мыслящих людей, которые создавались именно для работы в мирах, где не действуют стереотипные схемы и известные закономерности. Такие команды порой действовали отвратительно, а порой — превыше всяких похвал. Огромные Торговые Дома, всегда стремившиеся захватить политическую власть, ненавидели и боялись таких людей. В любой момент свободные искатели приключений могли быть обвинены в нарушении закона; чаще они просто попадали в зависимость, если возникала необходимость транспортировать свой груз или получить охрану от мародеров. Но группы людей думающих, имеющих свои корабли и способных за себя постоять, подобно экипажу Родроуна, представлялись Торговым Домам угрозой для их неустойчивого могущества.

Самому Родроуну Дома представлялись вредными паразитами, ничем не лучшими, чем Дравиянский Вайн. Чтение исторических книг лишь усиливало его природное отвращение к любым политическим институтам.

Во времена более ранние он мог бы стать университетским профессором или академиком. Однако вышло так, что он существовал благодаря силе собственных рук и быстроте ума, а его знания во всех областях были случайными и достаточно поверхностными.

Родроун отложил книгу, мысленно попрощался с яркими египетскими богами и открыл другой том, в котором сложный текст из физики был густо пересыпан математическими формулами. Но прежде, чем погрузиться в чтение, он помедлил: сперва нужно было сделать кое-что еще. Он шагнул к панели

управления и, покрутив несколько ручек, активизировал передатчик, связывавший его с другой частью корабля. Его база на планете Бруд находилась сейчас на расстоянии около десятка световых лет, поэтому связаться с ней было весьма сложно. Очередного блока новостей можно было дожидаться неделями.

Прошло около минуты, и засветился экран, на котором теперь можно было увидеть пустую комнату, залитую золотыми лучами полуденного летнего солнца. Сквозь окно в противоположной стене комнаты виднелось дно кратера, покрытое сиреневой травой и поросшее фруктовыми деревьями, где несколько лет назад он оборудовал свой постоянный лагерь.

В дальней стене кратера открывалась пещера, которую он использовал в качестве ангара для своих многочисленных космических кораблей.

В ответ на его сигнал на экране возникло юное лицо, обрамленное золотистыми вьющимися волосами.

— Ну, как дела? — нетерпеливо спросил Родроун.

Глаза юноши, похожие на глаза газели, блеснули, на губах возникла усталая улыбка.

— Мы нашли то, что тебе нужно, Родроун, — ответил он. — Крул сегодня утром доставил информацию. Хочешь, чтобы я перекинул ее тебе?

Родроун кивнул. Юноша говорил на своеобразном сленге, основой которого был жаргон компьютерщиков. Его слова порой звучали странновато. — Сейчас я перекачаю тебе последние новости.

На несколько секунд он исчез с экрана, затем появился снова.

— Планета называется Салтери, Крига IV. Там на краю пустыни небольшой городок. Он называет-

ся Главный Город — правда, звучит забавно? Вот координаты.

Он поднял маленькую пластиковую карточку, испещренную цифрами и значками. Родроун подался вперед и нажал на кнопку, переписывая то, что увидел.

— То, что тебе надо, находится в здании на главной улице, которое якобы принадлежит Торговой Компании Пустыни. Это, разумеется, фасад. Думаю, что они выжимают какой-то сок из того, что растет в пустыне.

— Сам Крул не был там?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Нет, он сделал только то, что ты хотел. Кстати, это слишком далеко. Он сам где-то снаружи.

Хочешь поговорить с ним?

— Нет, не беспокойся, на это у меня нет времени. — Ненадежная космическая связь обычно прерывалась через несколько минут, после чего приходилось ждать очередного сеанса несколько часов, если не несколько дней. — Мы направимся к Салтери. Выйду на связь позже.

Закончив сеанс связи, Родроун откинулся в кресле. Новости были хорошими, и по его телу разлилась теплая волна. Помимо вполне законного, но трудоемкого бизнеса по добыче ценных минералов, он предпочитал другой, более прибыльный: задерживать в космосе грузовые корабли и принуждать их капитанов продавать ему свой груз по смехотворным ценам. Ну, а уж если он находился в дурном расположении духа, он просто забирал груз без всякой оплаты.

Искусство подобных операций состояло в том, чтобы не слишком привлекать к себе внимание Гильдии Торговых Домов. Обычно они считали для себя затруднительным защитить своих посланцев и по-

чти невозможным — проследить, куда делись пираты после ограбления. Однако если потери оказывались слишком ощутимыми, то в некоторых случаях Дома могли организовать хорошо вооруженные и оснащенные военные экспедиции для поимки предполагаемого пирата.

Трудность для мародера состояла в том, что необходимо было знать, куда и в какое время направляются грузы, и что они собой представляют. Родроуну удалось осуществить свою давнюю мечту. У него появился надежный источник информации — компьютерные системы Торговых Домов. Первые опыты в этом направлении привели его к выводу, что Дома предусматривали такую возможность и держали всю информацию в особых местах, координаты которых были известны лишь немногим избранным. Крул, отвечавший в команде Родроуна за данные изыскания, провел полгода в качестве шпиона в семье Джал-Ди, чтобы обнаружить одно из таких мест.

Теперь Родроун мог полностью посвятить свое время некоему полезному и приятному занятию. Случалось, книга, лежавшая на его столе, бывала ему абсолютно непонятна; размышления Родроуна не отличались постоянством, а его интересы были слишком переменчивы, чтобы сконцентрироваться на внимательном изучении чего бы то ни было. Именно поэтому он прибегал к помощи наркотического средства ДПКЛ-59. Этот наркотик усиливал сознательное восприятие и настолько повышал способность к пониманию, что перед Родроуном мгновенно раскрывался смысл уравнений, которые прежде поставили бы его в тупик. Его мысль начинала работать с такой скоростью, что порой он усваивал содержание книги раз в двадцать быстрее обычного.

Правда позже, когда действие наркотика проходило, зачастую оказывалось, что смысл прочитан-

ного вновь ускользал от него. Но все равно Родроун успевал проникнуть во многие тайны и раскрыть невероятные возможности собственного интеллекта, и этот ни с чем не сравнимый опыт оставался при нем.

«Гениальность в бутылке», — пробормотал он, взяв небольшую порцию наркотика из специального сейфа. Пока он отсчитывал для себя нужное число капель, ему на память снова пришли разочарованные рабочие. Про себя он отметил, что, конечно же, присоединиться к его делам оказалось для них сущим несчастьем. Несмотря на свою способность к психоанализу, Родроун никогда не был уверен в том, как расценивать самого себя — как чрезвычайно сильную либо как чрезвычайно слабую личность. Даже хотя от него зависели люди, от которых, в свою очередь, были зависимы экипажи других кораблей, это не могло служить показателем — такие субъекты, как его подчиненные, имели обыкновение собираться возле самых неприятных личностей. Родроун часто чувствовал, что его лидерству недоставало цели, и что в итоге он посылал доверившихся ему людей навстречу неизбежному разочарованию.

Однако его команда — не из тех людей, что отступают перед трудностями. Завтра они высадутся на Салтери, и начнется дело. В данный момент Родроун ощущал необычайную ясность мыслей; ничего подобного ему до сих пор не приходилось испытывать. С легким шелестом распылитель образовал наркотическое облако под высоким давлением вокруг его запястья. Наркотик мгновенно впитался в кровь. Родроун ощутил легкое головокружение и начал погружаться в то неестественное состояние отрешенного абстрагирования, где полностью властвовал освобожденный от всего телесного разум.

Глава 2

Они приземлились в пустыне в нескольких милях от Главного Города. Жара, пыль... Со всех сторон их окружали бесконечные желтые пески. «Стоунд» и «Ревилер», громоздкие грузоперевозчики, потонули в рыжевато-коричневых облаках пыли. Теперь они напоминали две ладьи, защищающие опустевшую шахматную доску.

Солнце село. Звезды, видимые здесь даже в полдень, сформировались ночью в знакомые очертания созвездия Хаба. В отдалении, на самом краю пустыни, виднелись плоские крыши домов.

Калтол присвистнул от удовольствия.

— Выглядит как настоящий приграничный город. Пожалуй, можно было бы и отдохнуть!

— Что ж, неплохо, — пробормотал Родроун, — Нет смысла стараться быть незамеченными. Мы все пойдем туда и посмотрим что к чему.

Он увеличил панораму города на экране наружного наблюдения до максимального размера. Все сооружения здесь были из цветного пластика, универсального строительного материала, за последние несколько тысячелетий заполонившего галактику. Им пользовались при создании поселений лагерного типа, транзитных городов, а также для других временных построек. Но постепенно эти временные сооружения становились постоянными.

Под покровом ночи Родроун отправился в путешествие через пустыню на обычном автомобиле. Его сопровождали пять девушек и восемнадцать мужчин. Никого из бывших работников Торгового Дома Карнесса среди них не было. Неудавшиеся мятежники предпочли исчезнуть во время стоянки, чтобы попытаться найти более спокойного нанима-

теля. Впрочем, Родроун и сам бы никогда не взял их с собой в подобное предприятие.

Остановившись на главной улице, путешественники огляделись. На первый взгляд этот город ничем не отличался от тысячи других, хотя людей здесь было гораздо меньше. Ночной ветер поднимал над ним завесу пыли и заунывно выл между домами. Внимательно разглядывая фасады зданий на противоположенной стороне улицы, Родроун обнаружил офис Торговой Компании Пустыни. Это ничем не примечательное строение располагалось между баром и небольшой фабрикой. Дальше виднелись освещенные витражи ресторана.

— Может быть, выпьем чего-нибудь крепкого? — кивнул в ту сторону Калтол.

С трудом протиснувшись через крутящуюся дверь, они шумной толпой ввалились в просторный полумрак зала. Люди, сидящие за столиками, удивленно обернулись и принялись настороженно рассматривать незнакомцев. Калтол решительно направился к стойке. Родроун, Клейв и еще несколько человек последовали за ним. Остальные рассыпались по залу, громогласно требуя бармена. Калтол окинул искушенным взглядом ряд бутылок за стойкой.

— А это что еще за зеленое пойло? — показал он на одну из них.

Бармен жевал какую-то палочку, источающую едва уловимый аромат.

— Местное пиво, «роудраннер».

— Налейте-ка мне немного.

Бармен наполнил несколько кружек. Калтол залпом выпил одну из них и с силой опустил ее на стол. Родроун тоже взял пиво, но для начала сделал осторожный глоток. И в то же мгновение как будто тысяча горячих игл впились ему в горло, рот начал неметь. Ощущение было странное, но приятное.

— Из чего делается эта отравка? — поинтересовался Калтон, принимаясь за другую кружку.

— Напиток варят из какого-то местного растения. Кстати, мы видели, как приземлились ваши корабли. Вы здесь по делам?

— Да нет, заглянули только, чтобы немного отдохнуть, да выпить хорошего пива, — отозвался Клейв.

Бармен был явно чем-то обеспокоен, но промолчал и отправился обслуживать остальных клиентов.

«Наверное, боится, что мы собираемся ограбить город», — подумал Родрун, внимательно изучая лица людей, сидящих в баре. Внезапно его внимание привлекли протяжные звуки, доносящиеся откуда-то сверху.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнул Клейв.

Словно зачарованный, он не в силах был отвести восхищенного взгляда от потолка.

— Руби, — гордо заметил бармен. Он вернулся как раз вовремя, чтобы услышать слова Клейва. — Играет бесподобно! У нас есть еще один зал наверху. Если хотите, можете подняться и послушать.

— Пожалуй, я не против, — отозвался Клейв и направился к лестнице.

Родрун кинулся было удержать его, но в последний момент передумал.

— Все в порядке? — поинтересовался Калтон. Он всегда чутко подмечал любую перемену в настроении капитана.

— Думаю, нам тоже следует подняться туда.

Верхний зал оказался гораздо лучше нижнего. Убранство здесь было приятнее, а освещение мягче.

— Вы только послушайте, божественная музыка! — воскликнул мужчина за угловым столиком.

Девушка, сидящая рядом с ним, была также поглощена ужасающей какофонией звуков, доносящихся

ся из противоположного конца зала. Посмотрев в ту сторону, Родруун увидел какую-то толстушку, с ожесточением бьющую по клавишам электрооргана. Она была одета в цветастое платье, абсолютно не гармонирующее с массивными формами ее тела.

Капитан оглянулся на своих людей. Клейв казался полностью зачарованным игрой этой женщины. Калтол выглядел слегка озадаченным, но нельзя было с уверенностью сказать, что он заметил необычность ситуации.

Родруун медленно пошел к стойке бара. Неожиданно характер «музыки» изменился, орган издал серию дребезжащих звуков. Капитан увидел, как мышцы на лице бармена начали непроизвольно дергаться, и в то же мгновение почувствовал, что его самого захватывает нервный тик. Он решительно направился туда, где сидела женщина.

— У вас определенно талант, — подойдя к ней вплотную, любезно сказал он.

Она небрежно кивнула в ответ, как человек, давно привыкший к всеобщему восхищению. Между тем ее пальцы продолжали беспорядочно бегать по клавиатуре, извлекая из инструмента ужасную пародию на музыку.

— Эй, послушайте, — не выдержал Родруун. — Вы что же, действительно, собираетесь терзать орган всю ночь? Еще немного, и я попросту пристрелю вас.

Он угрожающе положил руку на пистолет.

Женщина бросила на него взгляд полный ненависти, но бить по клавишам прекратила. Ее руки безвольно упали на колени.

Родруун подошел к Клейву и легонько подтолкнул его, чтобы привести в чувства.

— Думаю, лучше заняться нашим делом как можно скорее, — сказал он, а затем добавил, обращаясь к Калтолу: — Держи ситуацию под контролем. Если

произойдет что-нибудь непредвиденное — немедленно уходи отсюда.

Родрун в сопровождении Клейва спустился вниз и вышел на улицу. Он не верил, что женщина надолго прекратит свою ужасную игру, но в настоящий момент ничего не мог с этим поделать. Ему предстояли гораздо более важные дела.

— Капитан! — окликнул его Клейв. — Что случилось?

— Женщина наверху управляет городом с помощью органа, но никто об этом даже не подозревает.

— Органа? Конечно, толстуха играет чертовски хорошо, но...

— Играет? Да она и понятия не имеет, что такое музыка! Окружающим только кажется, что они слышат восхитительные мелодии, а на самом деле... Простое внушение. Звуки органа действуют на нервную систему определенным образом. С помощью этого дьявольского инструмента можно заставить человека переживать любые эмоции и совершать любые поступки. На свете существует всего несколько таких органов. Многие пытались скопировать их, но всегда неудачно. Будь она немного поискуснее, могла бы обладать страшной силой. Но вряд ли ее способности контролировать человеческое сознание идут дальше пары мерзких трюков.

— Но зачем ей это?

— Ради удовольствия. Все только и говорят о королеве и ее таланте.

Клейв постепенно начал приходить в себя.

— Думаю, у каждого есть свой «пунктик».

— Да, но некоторые находят способ реализовать мечту.

Они подошли к зданию Торговой Компании Пустыни и поднялись на крыльцо. Клейв легко справился с замком и осторожно толкнул дверь.

— Прошу, ваше Величество, — с ухмылкой сказал он.

Они вошли, надели защитные очки и включили ультрафиолетовые фонарики. Этот свет невозможно было разглядеть с улицы.

Пара столов, стулья и буфет. Три двери вели в другие комнаты.

Клейв взглянул на спектрограф.

— Думаю, нам надо спуститься вниз.

За одной из дверей они обнаружили лестницу, ведущую в подвал. Там, надежно защищенный стальной решеткой, стоял компьютер. К нему вела только маленькая дверь с несложным запором.

— Да... — протянул Клейв. — Обычно в таких местах ставят сигнализации.

Он достал ультрафиолетовый фонарь, но тут же передумал и включил видимый свет. Затем извлек из чемоданчика что-то похожее на ружье со стволом толщиной в семь дюймов.

— Какие-то проблемы? — спросил Родрун.

— Нет, ничего особенного. Эта вещица должна нам помочь.

Он установил «ружье» рядом с сигнализацией. Теперь любая перемена в потоке электрических зарядов должна была автоматически компенсироваться.

Обезвредив сигнализацию, мужчины ступили за решетку и приблизились к компьютеру. Он оказался стандартной моделью со встроенным принтером, и, вероятно, был связан с офисами Джал-Ди за много тысяч световых лет отсюда.

Теперь предстояла не слишком сложная операция — активизировать принтер так, чтобы не сработал сигнал оповещения на центральном компьютере Джал-Ди.

Для этой цели Клейв приготовил небольшой портативный компьютер. Молодой пират поднял его,

но, потеряв равновесие, схватился за решетку. Выпитые «роудраннеры» не прошли бесследно.

— Знаешь, — глупо рассмеялся он, — я вот тут подумал об остальных. Они, наверное, с ума сходят от этой Руби!

Родрун мрачно взглянул на юношу.

— Юмор здесь неуместен, — спокойно заметил он. — Та женщина — зло. Своей игрой она может заставить мускулы сокращаться так, что все тело превратится в кровавое месиво.

— Что-о-о? И мы бросили их там?

— Или они, или работа. Впрочем, успокойся, это не происходит так быстро. Требуется время, чтобы обычная нервная система вошла в резонанс с вибрацией инструмента.

— Тогда почему же я...

— Я ведь сказал «обычная». Ты — другое дело.

— Тогда займемся делом, — пробормотал Клейв, подключая свою аппаратуру к большой машине и запуская программу, обычно используемую в таких случаях компьютерными ворами.

Послышался треск работающего принтера, и оттуда показался лист бумаги. Родрун достал его и пробежал глазами. Здесь была вся необходимая информация: грузы кораблей, координаты всех плановых перевозок на три месяца вперед.

— То, что нам надо. Теперь пора уходить, — коротко приказал он.

Клейв молча принялся собирать аппаратуру. Неожиданный треск принтера заставил их обернуться.

— Что это? Еще одна копия?

— Вероятно, команда печати продолжает выполняться, — неуверенно пробормотал Клейв. — Но это, должно быть, что-то другое.

Капитан вытащил новый лист и внимательно прочитал. Это были абсолютно свежие данные. Кто-то

посылал запросы в адрес компании, а чиновники Джал-Ди отвечали.

— Мы требуем передачи объекта.

— Невозможно. Право собственности находится у наших клиентов.

Очевидно, спор был в самом разгаре. Начало они пропустили, пока получали собственные распечатки.

После паузы машина передала другое сообщение. Родрун наклонился и прочитал:

— Для нас права собственности людей не имеют значения. Это окончательное требование стриллов. Сообщите координаты объекта.

— Но его уже транспортируют, — люди Джал-Ди, кажется, начали сдавать позиции.

— Мы перехватим корабль. Сообщите координаты.

— Ваше требование должен рассматривать суд! — даже сквозь бездушные печатные строки проглядывала безнадежная усталость от сопротивления.

— Человеческие суды ничего не значат для стриллов. Или вы подчиняетесь, или наш флот оккупирует систему Кэнтор.

Кэнтор — владение Джал-Ди, и Родрун с интересом ждал ответа. После продолжительной паузы принтер заработал вновь, и на листе возник стройный ряд цифр, означающих курс корабля.

— Ну что ж, — вздохнул капитан. — Эти бесхарактерные слизняки все-таки уступили!

Прежде чем Клейв успел что-нибудь ответить, снаружи послышались звуки выстрелов.

Они переглянулись.

Родрун вырвал последний листок из принтера и протиснулся сквозь решетку. Ему пришлось подождать, пока Клейв собирал оборудование и закрывал дверь. Поднявшись наверх, они остановились у окна, напряженно всматриваясь в темноту. Отврати-

тельные звуки органа далеко разносились по улицам несчастного города, вселяя ненависть в сердца его обитателей.

Из бара, отстреливаясь, выскочили люди Родроуна. Можно было без труда догадаться о том, что случилось. Руби натравила на них местных завсегдатаев заведения, легко поддающихся ее влиянию. Остальное оказалось неизбежным.

Капитан с тревогой посмотрел на Клейва. Трудно предвидеть, как тот отреагирует на новую ситуацию, и какое действие произведет на него игра Руби.

— Иди к машинам и жди нас там, — приказал он.

Клейв неопределенно кивнул.

Выйдя из офиса, Родроун поспешил к товарищам, стараясь бежать поближе к домам. Почти вся команда была уже на улице и держала выход бара под прицельным огнем, пытаясь помешать преследованию. Из окон верхних этажей раздались выстрелы. Пираты вынуждены были отступить.

Родроун отыскал Калтола.

— Чертовы отбросы! — выругался тот. — Они заварили эту кашу — не мы! Четверо наших остались там. Надо сравнять этот город с землей!

— Брось, лучше давай выбираться отсюда!

Калтол прокричал команду, и все кинулись к машинам. Через минуту они мчались к окраине города. Но даже выехав в пустыню, пираты продолжали слышать душераздирающие завывания органа.

Колеса автомобилей равномерно шуршали по желтому песку. Сзади мелькал яркий свет фар, напоминающая о погоне. Родроун достал излучатель и выстрелил в преследователей разрушающим лучом, сжигающим все на своем пути.

Через несколько минут они добрались до кораблей и без препятствий поднялись на борт.

Капитан вошел в рубку и сел, задумавшись. Он прекрасно осознавал, насколько возбуждена команда, какая ненависть и жажда мести охватила людей.

На экране видеофона появилось лицо Калтола.

— Будем сидеть здесь или снимемся с места?

— Снимайтесь. Этот город вызывает во мне отвращение.

— Да уж. Может, сбросить пару снарядов? Эти мерзавцы заслужили встряску.

— Нет, они уже и так достаточно наказаны.

Калтол остался недоволен, но промолчал.

Родрун опустил в кресло пилота и подал сигнал к отлету. Раздался гул. «Стоунд» медленно поднялся в воздух.

Когда корабли миновали атмосферу, лицо Калтола вновь появилось на экране.

— Куда теперь направляемся?

Родрун достал из кармана листок с координатами, захваченный им из офиса Джал-Ди.

— Отсканируй это и рассчитай курс. Как только все будет готово, сообщи.

— Опять грузовой корабль. Что-нибудь интересное?

— Нет, на этот раз мы грабим не Джал-Ди. Мы будем иметь дело со стриллами.

Капитан заметил испуг, промелькнувший на лице товарища.

— Сообщи, как только закончишь расчеты. Остальное объясню потом.

И не оставив времени на возражения, отключил связь.

Глава 3

Родрун понимал, что команды обоих кораблей находятся в волнении и тревоге. Но он привык не

обращать внимания на мнение подчиненных. Основной опорой его власти всегда была сила. Он никогда не культивировал в своих людях такие качества, как уважение и преданность. Так или иначе, но сейчас капитан решил твердо держаться принятого решения. И по крайней мере, в поддержке одного из членов команды он был уверен. Клейву нравилась перспектива одним ударом привести в бешенство Джал-Ди и задеть внушающих страх стриллов. Капитан понимал, что этот опрометчивый поступок может обрушить на их голову лавину неприятностей, но не собирался отказываться от своих планов. Раз уж стриллы так настойчиво требуют чего-то, значит, эта вещь должна обладать необычными свойствами. Возможно, это артефакт. Мысль о такой добыче подогревала любопытство пирата.

Большинство перелетов Родрун переживал, лежа на кушетке и наблюдая через иллюминаторы за звездами. И хотя вид Хаба — зрелище знакомое с детских лет, оно до сих пор продолжало волновать и очаровывать пирата. Он мог часами любоваться сияющими облаками звездных скоплений, переливающихся всеми оттенками голубого, желтоватого и розового. В этих мирах вид *homo sapiens* распространился повсюду. Долгое время он считался единственным видом разумных существ, способных к освоению космоса. Но встреча со стриллами доказала обратное.

Стриллы отнеслись к появлению людей удивительно прохладно. И хотя поначалу было много конфликтов, вскоре они прекратились. Чужая раса любила точность и авторитарную власть, поэтому она с презрением отнеслась к слабой централизации людей. И благодаря этому презрению они предпочитали избегать военных конфликтов. Иногда, правда, стриллы появлялись в колониях, принадлежащих

людям, и заявляли свои права на уже заселенные планеты. Но в целом их позицию можно было назвать холодной враждебностью.

У Родроуна уже был опыт общения с этой расой. Во время одного из военных конфликтов он ненадолго оказался в плену у стриллов. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ознакомиться с их странным мышлением. Отличаясь безжалостной математической логикой и неумением лгать, они считали себя доминирующей формой жизни в галактике, а людей — разрушителями космического порядка.

Для Родроуна, который не верил не только в высшее божество или космический порядок, но даже в неизменность законов физики, такая философия оказалась неприемлемой. Для него жизнь была стихией, необузданной и бурной. Пренебрегая любой формой власти, будь то биологическая или божественная, он считал, что для человека открыты все возможности вселенной.

Так он лежал, глядя на звезды, обдумывая самые смелые и рискованные планы.

* * *

«Стоунд» и «Ревилер» заняли позиции по обеим сторонам корабля Джал-Ди. Родроун надел шлем, чтобы в случае неминуемой проверки, которой будут впоследствии подвергнуты видеозаписи переговоров, противник не смог рассмотреть его лица.

На экране видеодисплея появился капитан торгового корабля Джал-Ди.

— Приготовьтесь нас принять, — не тратя времени на споры, сразу же приступил к делу Родроун.

Собеседник побагровел от ярости.

— На этот раз вы совершаете ошибку.

— Мои ошибки вас не касаются. Лучше подчинитесь, или мы проложим себе путь оружием. Предупреждаю, если вы попытаетесь ускользнуть, мы откроем огонь.

Родрун резко отключил связь и, сделав знак Клейву следовать за собой, вышел из рубки. В шлюпке их уже ждали остальные. Все молча заняли свои места, и шлюпка с легкой вибрацией покинула «Стоунд». Вскоре впереди замаячил корпус торгового судна. Сначала Родруну показалось, что противник решил не подчиняться, но в последнюю минуту люк открылся. Пираты зафиксировали шлюпку напротив входного отверстия с помощью клейких скоб. От использования магнитных крепежей они отказались с тех пор, как какой-то находчивый капитан торгового корабля применил защитное магнитное поле. Несколько человек, успевших уже покинуть шлюпку, оказались тогда в открытом космосе.

Родрун приказал команде быть настороже. Обычно торговые суда не оказывали сопротивления, но сейчас был особый случай. Страх перед стриллами мог оказаться сильнее. Однако у входа никого не было, и они благополучно поднялись на корабль. Люк закрылся. Их встретил широкоплечий мужчина в форме офицера второго ранга.

— Лучше положите это здесь,— указал он на оружие. — Вам повезло, капитан хочет договориться. Если остальные останутся здесь, я проведу вашего командира в рубку.

Родрун вышел вперед и приказал Клейву сделать то же.

— Я сказал одного,— нахмурился офицер,— хотя... хорошо, пусть идет.

— Если что-нибудь покажется подозрительным,— обернулся Родрун к остающимся,— поступайте так, как сочтете нужным.

Он последовал за офицером.

В рубке помимо капитана оказалось еще два человека. По уверенному выражению их лиц Родроун понял, что все они вооружены, хотя оружия и не было видно.

— Ну что ж, — сразу приступил к делу противник, — думаю, вы пришли за моим грузом. Неплохой улов! Мы возьмем шелка и другие дорогие материалы. Естественно, я не рассчитываю получить настоящую цену товара, но если вы не сделаете мне достойного предложения... Тогда я буду бороться до конца.

В воздухе повисла гнетущая тишина.

— Ну, что скажете? — раздраженно продолжал капитан Джал-Ди. — Как вас понимать? Сначала угрожаете оружием и глушите нашу коммуникацию, а теперь стоите как роботы и молчите. Хотя бы из вежливости лица открыли!

— Товар № 401, — тихо, но твердо произнес Родроун. Его голос раздавался из коммуникатора, висящего на шее.

Капитан побледнел. Ничего хуже этого он и представить себе не мог.

— Что... что это значит?

— Шелка и прочий товар можете на этот раз оставить себе. Мне нужен только № 401 из перечня грузов.

— Невозможно! — молодой человек судорожно сжал руками край приборной доски. — Не знаю, откуда вы об этом услышали, и зачем он вам, но в любом случае эту вещь...

— Очень хотят стриллы? Не так ли? — вмешался Клейв. — Не переживайте, вы уступаете силе. Ваша честь будет сохранена.

Тем временем его командир разоружил помощников капитана. Напуганные мощным костюмом пира-

та, а также видом излучателя, они не оказали никакого сопротивления. Затем Родроун пересек рубку и рывком вытащил ящик шкафа, рассыпав бумаги по полу.

— Идите в хранилище, — приказал он, связавшись через коммуникатор со своими людьми у входа, — ваша задача найти груз № 401.

— Что вы делаете! — в ярости прокричал капитан, глядя на рассыпанные документы.

— Ищу опись товара. В противном случае мы можем часами рыться в трюмах, прежде чем найдем то, что нужно.

— У нас нет никаких описей! Все сортируется только при разгрузке.

Родроун усмехнулся и продолжал поиски. В интересах скорейшей доставки перечень товаров есть почти всегда.

Минут через десять загудел коммуникатор.

— Шеф, товар найден! Один из команды согласился стать нашим проводником.

— Груз переносной?

— Да, два-три человека справятся.

— Хорошо, тогда несите его к выходу и ждите нас там.

— Может, возьмем еще что-нибудь? У них неплохая шерстяная ткань и...

— Хотелось бы, но... Если мы сейчас же не уберемся отсюда, у нас будут крупные неприятности.

— А мы? Вы не подумали, какие неприятности будут у нас? — обиженно пробормотал капитан.

Клейв насмешливо отсалютовал.

— Просто фортуна повернулась к вам спиной, — сказал он, — но не волнуйтесь, это не ваша вина.

— Но как я объясню это стриллам?

Страх перед стриллами был явно преувеличенным. Родроун знал, что они никогда не срывали

ярости на том, кто сумел доказать свою невиновность.

Пираты поспешно покинули рубку и направились к выходу. Здесь они увидели остальных, тащивших большой неуклюжий ящик.

* * *

Корабль Джал-Ди и его перепуганный экипаж скрылись из виду, когда на радаре появилась какая-то точка. Что-то быстро приближалось. Установленное время контакта — двадцать минут.

— Такое впечатление, что не успели мы покинуть чертову посудину, как стриллы уже все узнали.

«Ревилеру» были даны указания, и он направился в сторону, противоположную движению «Стоунда». При удачном стечении обстоятельств такая тактика могла сбить стриллов со следа прежде, чем они сумеют сориентироваться в ситуации.

Однако на этот раз фортуна была не на стороне пиратов. Правда, им повезло, что за ними послали только один корабль, но он последовал за «Стоундом». План отвлечь противника провалился. Дистанция между пиратами и кораблем стриллов начала резко сокращаться.

Только когда враг приблизился настолько, что на радаре появилось очертание его корабля, Родрун понял всю серьезность их положения. Он ожидал, что стриллы пошлют в погоню какой-нибудь легкий крейсер, с которым «Стоунд» сможет легко соперничать в огневой мощи. Но этот корабль оказался одним из новейших усовершенствованных моделей, легко способных справиться с дюжиной таких, как «Стоунд».

Теперь у пиратов оставалась одна надежда: скорее всего, противник побоится открывать огонь, чтобы

не повредить артефакт. Поэтому Родроун решил атаковать на расстоянии, а затем попытаться скрыться. Он направился к пульту управления ракетами.

— Два залпа в быстрой последовательности!

Это была тактика, придуманная самим Родроуном. Противник мог встретить ракетную атаку двумя способами: антиракетами или защитным силовым полем. В любом случае на несколько секунд после отражения атаки враг оставался незащищенным. Однако эта модель корабля отличалась быстротой реакции, поэтому второй залп был встречен так же эффективно, как и первый.

Внезапно корабль противника распался на пять частей. Все большие крейсера стриллов способны дробиться на неограниченное количество самостоятельных секций. Это была мудрая тактика. Против таких маленьких крейсеров ракеты пиратов оказались бессильны из-за чрезмерной массивности.

На этот раз Родроуну пришлось вплотную задуматься над перспективой бегства. Он приказал пилоту Браксону отступать, а сам с озабоченным видом принялся расхаживать по рубке. Сейчас для них не было никакой опасности. Даже если стриллы догонят их, то, получив обратно артефакт, отпустят безнаказанно. Они не мстительны, когда дело касается личных интересов. Но Родроун не хотел лишаться добычи. Вещь в ящике, чем бы она ни оказалась, приобрела в его глазах непомерно большую ценность.

Сначала стриллы почти потеряли их. Корабли двигались со скоростью большей скорости света, поэтому было трудно определить местонахождение друг друга. Каждый раз, как противнику удавалось засечь их, пираты меняли направление.

— Они настигают, — голос Клейва прозвучал, как всегда, спокойно, но в нем чувствовалось напряжение.

— Скорее! — поторопил Родроун людей в дальнем углу рубки.

Они исследовали звездную карту района, одновременно рассчитывая курс корабля. Возложенная на них работа обычно занимала часы, а капитан требовал немедленных результатов. Он не хотел и думать, что задуманный план может сорваться.

Проходя мимо артефакта, Родроун пнул ящик ногой, сорвав на нем злость за все те проблемы, которые из-за него возникли.

— Нашел! Звездная комета! — крикнул кто-то. Наконец они нашли то, что искали!

— Достаточно большая?

— Вероятно, да. В любом случае, поблизости нет ничего более подходящего.

Пилот получил необходимые координаты, и корабль тотчас же сменил курс.

— Ну что же, ребята, мы отправляемся в пекло, — сдержанно заметил Браксон, — скрестите пальцы на удачу.

Повисла мертвая тишина. Мало кто из команды использовал этот способ бегства прежде. Да и те, кто имел такой опыт, вряд ли хотели его повторить. Быстрые, непрерывно движущиеся вокруг звезд кометы встречаются в галактике повсюду, но только в Хабе можно обнаружить крупные экземпляры. Облака газа и камней, несущиеся со скоростью света. И хотя внутренняя часть такой кометы достаточно разрежена, для корабля погрузиться в нее равноценно самоубийству. Возможности уклониться от столкновения со скалой или газовым облаком фактически нет. Однако двигаться со сверхсветовой скоростью в такой ситуации гораздо безопаснее, чем с меньшей. Столкновения в любом случае будут неизбежны, но при скорости большей скорости света одни твердые тела проходят сквозь другие, не раз-

рушая при этом субстанцию, — но только при коротком периоде взаимодействия. Если такой контакт длится дольше нескольких микросекунд, результат будет тот же, что и при обычном столкновении на очень больших скоростях.

— Шестьдесят семь, — пробормотал Родроун.

Это была процентная возможность катастрофы. Он дважды уже проходил сквозь подобные кометы, спасаясь от преследования. И с каждым разом вероятность гибели увеличивалась. Родроун подумал об египетских богах так, словно молился им в критической ситуации.

Комета была удобна для беглецов по двум причинам. Во-первых, опасность для преследователей была так же велика, как и для преследуемых. Не каждый решится на такой отчаянный поступок. А во-вторых, обнаружить корабль, слившийся с кометным потоком, практически невозможно. Поэтому появляется реальная возможность вынырнуть из него в неизвестном противнику направлении.

Экран наружного наблюдения покрылся рябью. Родроун понял, что они вошли в комету. Перед тем как изображение полностью исчезло, он успел заметить, что стриллы без колебаний последовали за ними. Их корабль все еще был разделен на пять секций.

— Приготовьте торпеды, — приказал им Родроун.

Если им повезло, то стриллы потеряли след. Теперь оставалось осуществить последнюю часть плана. Девять торпед, способных наращивать инерционную массу для вражеских радаров, будут неотличимы от «Стоунда».

Как только торпеды были сброшены, Браксон развернул крейсер, стремясь быстрее вырваться из опасного потока газа, пыли и осколков камней.

Вскоре после того, как они благополучно покинули комету, на одном из дальних дистанционных радаров появились обломки одной из секций корабля. Судя по всему, она побывала в серьезной переделке.

Глава 4

Установив курс на Бруд, Родроун взял лом и, пользуясь им как рычагом, вскрыл загадочный ящик. В нетерпении разбросав по рубке белый упаковочный материал, он наконец добрался до чего-то гладкого и блестящего. Это оказался безупречный кристалл четырех футов в диаметре и трех толщиной. Блеском он превосходил любой известный пластик и скорее был похож на стекло, которым люди пользовались в древности. Словно зачарованный, Родроун смотрел на вихри света, кружащиеся в самом сердце кристалла.

Пират прищурился. Почему эта вещь так завораживает? Обычная блестящая игрушка, какую может сделать каждый. Однако она оставляла неясное ощущение чего-то чудного, магического.

— Взгляните-ка! — неожиданно воскликнул один из бездельничавших в рубке пиратов.

Родроун присмотрелся. Вихри света танцевали внутри кристалла, формируя цветные тени, которые быстро разрастались и превращались в определенные образы. Калейдоскоп движущихся картинок!

Может быть, это какое-нибудь развлекательное шоу, нечто вроде «волшебного фонаря»? Или коммуникатор? Учебное пособие?

Родроун наклонился поближе и сосредоточился на одной сцене. Его взору предстала равнинная местность с редкими деревьями. Какие-то странные су-

щества трудились над созданием машины, такой же скелетообразной, как и они сами. Внезапно пират заметил летящий над равниной самолет. Судя по всему «скелеты» тоже обнаружили его приближение и заволновались. В панике они бросились бежать, но напрасно. Сброшенные с самолета снаряды достигли цели. Спокойная до сих пор долина покрылась взрывами. Самолет плавно снизился, вероятно, оценивая нанесенный противнику ущерб. Затем снова поднялся и скрылся в отдалении. Картинка начала уменьшаться, пока не превратилась в едва различимую точку, а потом и вовсе исчезла. Родрун перевел взгляд на другую сцену. Сверкающий белый город с высокой башней...

Тяжело вздохнув, капитан оторвался от созерцания необычных картин. Казалось, его взору открылось множество неизвестных миров, и он не сомневался, что весь репертуар этой «игрушки» насчитывает тысячи подобных сцен. Но какова же цель всего этого?

Постепенно все, кто был в рубке, собрались вокруг кристалла. Среди общего гомона и восхищенных возгласов, Родрун уловил слова Клейва:

— Эй, да там человек!

Капитан поспешно обошел кристалл и присмотрелся. Да, очевидно, юноша был прав. Существо, закутанное в рясу наподобие той, какую в древности носили монахи на Земле, сидело спиной к зрителям. Голову его скрывал капюшон. Но руки явно принадлежали человеку.

Монах неподвижно сидел на скале, опустив голову на руки.

— Просто сидит, — заметил Клейв.

Внезапно Родруна охватило странное чувство ревности.

— Отнесите в мой кабинет, — резко приказал он.

— Но почему бы нам не посмотреть картинки? — проворчал кто-то. — Здесь так скучно.

Капитан раздраженно махнул рукой.

Больше никто не протестовал. Все знали, что иногда ему лучше не перечить.

Весь остаток пути до Бруда Родроун решил посвятить изучению кристалла. А прилетев на базу, постараться раскрыть секрет стриллов. Впрочем, в этом ему могла понадобиться помощь.

* * *

Солнце медленно клонилось к закату, когда Родроун вернулся со своей ежедневной прогулки по базе. Уже половина кратера была в тени, но золотистая волна света еще проникала в дальние пещеры.

Бруд — изумительная планета с теплым мягким климатом. Она идеально подходила для людей Родроуна — эмоциональных, увлекающихся, любящих предаваться развлечениям в свободное от космических путешествий время.

Знакомые звуки вечерней вакханалии достигли слуха капитана, когда он, согнувшись, входил в низкую сводчатую дверь.

В комнате, размером с небольшой танцевальный зал, царило веселье. Но ни полупрозрачные одежды танцовщиц, ни тонкий аромат духов, исходящий от них, не затронули чувств капитана. Он остался абсолютно равнодушным к девичьим прелестям, несмотря на то, что уже долгие годы у него не было никаких любовных приключений. Наркотик ДРКС-59 хорошо стимулировал мыслительные способности, но одновременно притуплял сексуальное влечение. Одно время Родроун пытался бороться с этим, принимая различные препараты. Однако искусственно стимулированный секс оставлял непри-

ятное чувство неудовлетворенности, и вскоре ему пришлось отказаться от этого.

Жену Родроун не видел уже пять лет. По слухам она продолжала жить на Лэнд V, где они и встречались последний раз. Но навещать ее в ближайшем будущем он не собирался. Эта женщина всегда была для него больше, чем просто жена. Она была другом и верным компаньоном. Их отношения не требовали постоянных встреч, чувства оставались крепкими без бесконечных заверений в любви. Им было достаточно знать, что где-то на свете существует родная душа.

Капитан окинул зал внимательным взглядом и остановился на яркой фигуре Ридейса Трудо. Это был человек, которого Родроун пригласил для исследования кристалла. Сейчас он о чем-то весело болтал с полулежащей танцовщицей.

— Рад вас видеть, шеф! — насмешливо крикнул он подошедшему капитану. — Но меня вовсе не радует перспектива оторваться от этого прелестнейшего существа!

Ридейс был бессовестный денди, красивый до карикатурности, с вычурными манерами. Обычно незнакомые люди принимали его за гомосексуалиста. Ради потехи он поддерживал их в этом мнении.

Сейчас он был одет в мягкий вышитый жакет с яркими полами и шляпу с пером. На ремне старого фасона висела перламутровая кобура с лазерным пистолетом, стреляющим любимыми Ридейсом серебристыми, нежно-розовыми и бледно-зелеными лучами.

Родроун втайне восхищался товарищем. В его характере удивительным образом сочетались два качества, редко встречающиеся в одном человеке. Он был натурой чувственной и сладострастной, но одновременно отличался глубоким умом и обширны-

ми знаниями в самых различных областях. Ридейс мог легко постигнуть содержание любой книги в библиотеке без помощи ДРКЛ-59. Но, несмотря на свои уникальные способности, этот удивительный человек придерживался анархических взглядов. Пренебрегая торговлей или производством, он и его банда жили исключительно пиратством. И занимались этим с таким энтузиазмом, что Торговые Дома не раз посылали специальные эскадры для их поимки.

— Ты закончил исследования? — сразу приступил к делу Родруун.

Ридейс притворно вздохнул и элегантно жестом указал в сторону дверей.

Они вышли из комнаты и направились в кабинет. Там на полу, окруженный оборудованием Ридейса, лежал кристалл.

Уже месяц как Родруун безуспешно пытался разгадать секрет стриллов. Вместе с Ридейсом они поставили немало опытов и тестов, но, так и не добившись никаких конкретных результатов, вынуждены были снова вернуться к размышлениям. Здесь их мнения разошлись. Родруун не желал соглашаться с теорией коллеги, что сцены в кристалле всего лишь беллетристические пьесы.

— Тогда почему же стриллы так хотят вернуть его? — выдвигал он самый веский аргумент.

— Кто знает, что творится в их голове? — пожимал плечами Ридейс. — Может, это любимая игрушка ребенка их правителя и он послал армию и флот, чтобы отыскать ее.

Капитану не понравилось такое объяснение. Он слишком благоговел перед кристаллом, чтобы принять такое банальное предположение. Час за часом проводил он, вглядываясь в бесконечный ряд картин. Изредка кристалл показывал что-нибудь знакомое, но в основном сцены происходили где-то на

чужих планетах или глубоко под землей. Продолжительность их варьировала от пяти минут до нескольких часов. Правда, было и исключение. Тот самый монах, который появился сразу после приведения кристалла в действие. От так и сидел, опустив голову на руки, только время от времени слегка меняя положение. Однажды монах поднялся и двинулся в путь. Он шел и шел до тех пор, пока не встретил толпу плохо одетых людей. Сомнений относительно их человеческой сущности не было. Монах что-то крикнул им, вынул из-за пояса кнут и принялся нещадно хлестать по спинам, гоня толпу перед собой, словно скот. Странная процессия брела по бесплодным долинам и холмам, переходила вброд медленные реки. Из всех историй кристалла, эта была самая длинная и утомительная.

Неожиданно Родроуна осенило:

— Это коммуникатор!

— Мм... И кто же по другую сторону?

— Никого. Просто кристалл аккумулирует реальные события по всем галактикам. Это своего рода вселенское обозрение.

— Нелогично,— откликнулся Ридейс после минутного размышления,— некоторые картины определенно беллетристического характера. Их значение символично.

Родроун вынужден был согласиться. Но все же ему не хотелось отказываться от новой теории. Символические картины могли быть просто более понятной для зрителя версией событий.

— Ну что же,— входя в кабинет, усмехнулся Ридейс,— кажется, наш труд движется к завершению. Хотя лично я думаю, это была напрасная трата времени.

Родроун сел и посмотрел на монаха, все еще гнавшего толпу оборванцев сквозь дождь и слякоть. Вок-

руг бушевала гроза, то здесь, то там мелькали яркие вспышки молний. Внезапно молния ударила одного из путников. Но монах не обращал внимания на отчаянные протесты несчастных людей, продолжая неистово хлестать по их спинам.

— И все-таки, дорогуша, — настаивал Ридейс, — это обычная запись, которую ты нечаянно включил. Думаю, рано или поздно весь ряд картинок повторится снова.

— Если это так, тогда зачем кристалл нужен стриллам?

— Нужен? Ты, скорее всего, переоцениваешь его важность. Хотя, возможно, существует какая-нибудь запись в кристалле, которая не должна попасть в чужие руки. Вот они и охотятся за ней.

Родрун поднялся и в раздражении пнул кристалл.

В это время дверь отворилась, и в кабинет заглянул коренастый бледный юноша.

— Что-то происходит с коммуникатором, шеф!

— Что значит «что-то происходит»? — прорычал капитан.

— Возможно, стриллы устанавливают с нами связь.

Оттолкнув юношу в сторону, Родрун выбежал из кабинета. Ридейс последовал за ним.

У коммуникатора уже находились Клейв и Калтол. Рыжеголовый хмуро потирал щетинистый подбородок. Клейв, несмотря на обычную ухмылку, игравшую на его губах, выглядел немного ошеломленным.

Экран коммуникатора был абсолютно пуст. Но из микрофона доносились какие-то скрипы, в которых с трудом можно было распознать человеческую речь. Когда стриллы общаются друг с другом, их голос напоминает кошачье шипение. Если же они

вынуждены говорить с людьми, то издают бормотание, похожее скорее на пародию человеческого голоса.

— Ответьте, пожалуйста.

— Не отвечайте, — приказал Родроун, заметив, что передающее устройство еще отключено, — дайте сигналу исчезнуть.

— Он и не собирается исчезать, — сиплым голосом возразил Калтол. — Кажется, они нашли удачную позицию и могут удерживать контакт столько, сколько пожелают.

— Какого дьявола, как им удалось обнаружить нас?

Клейв пожал плечами.

— Я бы сказал, что пока они просто пытаются установить с нами связь.

«Да, это вполне вероятно, — подумал Родроун. — Наверное, Джал-Ди под давлением стриллов дали им какие-нибудь сведения».

Постепенно комната начала наполняться любопытными.

Капитан решительно шагнул вперед и включил передающее устройство.

— Повторите ваше послание.

Голос, который по представлениям стриллов должен был изображать человеческий, произнес:

— У вас есть предмет, который нам необходим. Вы похитили его при транспортировке. Мы желаем получить эту вещь обратно.

— Зачем?

Пауза.

— Мы заплатим.

— Что вы предлагаете? — с интересом спросил Родроун.

— Назовите вашу цену.

— Мы не хотим продавать.

— Один миллион тонн материала известного только нам. Такого легкого и прочного у людей никогда не было.

— Нет, — эта игра доставляла Родроуну удовольствие.

— Тогда научные достижения стриллов, неизвестные человечеству.

Теперь он был заинтересован.

— Хорошо, тогда в качестве аванса дайте полное описание возможностей предмета, которым мы обладаем. А также набор инструкций по его эксплуатации.

— Нет.

— Тогда сделки не будет.

— Группа из двадцати галактик в районе Карго, с тысячью пригодных для жизни планет, населенных легко поддающимися управлению расами. Собственность будет гарантирована вам и вашим потомкам с условием защиты против всех агрессоров.

— Вы только послушайте! — выдохнул Крул. — Собственная империя!

— Нет, — голос Родроуна прозвучал жестко.

— Разве можно отказываться от такого предложения?

— Нет! — повторил капитан, обращаясь скорее к своей команде нежели к противнику.

После недолгого молчания скрипучий голос произнес:

— Ждите. У нас новые предложения.

Очевидно, Родроун не преувеличивал ценность кристалла. И эта фантастическая торговля лишний раз доказывала его правоту.

Он терпеливо ждал дальнейших предложений. Но прошло больше минуты, а стриллы молчали. Неожиданно Родроуна начало клонить в сон, он почувствовал легкое покалывание во всем теле.

— Соглашайся, — навязчивая мысль проникла в сознание, — договорись.

— Хорошо, — попытался сказать он, но вместо этого издал какие-то квакающие звуки.

В тревоге протянул руку к голове, но не смог. Тело больше не подчинялось его воле. Родроуна начал бить озноб. Постепенно дрожь улеглась, и он почувствовал, что может контролировать себя. Не задумываясь ни на секунду, он шевельнул запястьем. И тотчас маленький револьвер оказался в руке. Раздался выстрел. Почти сразу же комнату пронзил розовый луч из пистолета Ридейса, а затем зашипел лазер Калтола, довершая картину разрушений.

Капитан облегченно вздохнул. Самообладание полностью вернулось к нему, мускулы работали без дрожи.

От коммуникатора остались только дымящиеся руины. Пираты нервно переглянулись.

— Да, это они ловко придумали, — наконец пробормотал Ридейс, — применить гипноз. Пожалуй, мы бы сами отдали им кристалл, не оказав никакого сопротивления.

— Тогда почему же их план не сработал? — задумчиво спросил Родроун.

— Что касается меня, — заметил Калтол, — они почти достигли цели.

И он присовокупил к словам пару отборных ругательств. Приключение сильно испугало его.

— Думаю, — предположил Родроун, — их знания человеческой анатомии несовершенны. Сигналы не смогли должным образом закрепиться в нашем мозгу. Хотя, если бы мы не отреагировали так быстро, стриллы наверняка исправили бы свой промах.

Внезапно он вспомнил толстушку в баре. Да, скорее всего, и здесь не обошлось без стриллов. Орган, вероятно, сделан руками людей, но окончательный

штрих в него внесли стриллы. Вот почему никакие копии не получались такими, как оригинал. Здесь требовались знания другой расы.

— Внимание! — вслух произнес капитан. — Психологическая атака стриллов провалилась. Теперь они попытаются напасть на базу. В лучшем случае у нас есть несколько часов, в худшем — минуты. Мы не можем сражаться из-за их численного превосходства. Поэтому существует только один выход — бегство.

Тех, кто постоянно жил на Бруде, такой поворот событий поверг в шок. Но раз капитан так решил, посчитали они, значит иначе спастись нельзя.

Сборы были непродолжительными. Все грузовые отсеки кораблей набили оборудованием, амуницией и ценностями. Неизвестно, когда они опять попадут на Бруд, и будет ли вообще существовать база, если на ней побывают стриллы. Один за другим космические корабли покидали кратер. Родроун приказал использовать только самые быстрые и надежные крейсеры. Первые корабли уже достигли орбиты и установили наблюдение, чтобы вовремя заметить приближающегося противника. Их предостережения были получены, когда на базе оставалось только три корабля, в том числе и «Стоунд». Одним из них был маленький одноместный спейсер Ридейса Трудо: ухоженная темно-красная шлюпка, с кабиной пилота, двигательным и грузовым отсеками.

— Ну, и куда ты теперь? — поинтересовался у товарища Родроун, когда тот уже шел к спейсеру. — Опять к своим головорезам?

— Думаю, нет. Они вполне способны перегрызть друг другу горло и без меня.

Родроун усмехнулся. Ридейс никогда не имел постоянных компаньонов, а только временных попутчиков, в основном отборных негодяев.

— К тому же ты прав насчет кристалла, — добавил он, — есть в нем что-то притягивающее. Мне бы хотелось узнать о нем побольше.

И Ридейс решительно направился к «Стоунду». Меньше чем через минуту они уже были в воздухе.

— В направлении Бруда движется какая-то точка. Контакт через полтора часа — пришло сообщение от наблюдателей.

Как ни странно, но Родроуна сейчас волновала не столько безопасность его людей, сколько сохранность кристалла.

— Внимание! — приказал он. — Код перегруппировки — «кассиус». А теперь — врассыпную.

И тотчас же множество кораблей двинулось в различных направлениях, чтобы затеряться в бескрайних просторах космоса.

Стриллы допустили большую ошибку, дав пиратам время опомниться. Скорее всего, решил Родрун, они до сих пор полагают, что гипнотическое воздействие принесло результаты.

— Раз опыты не помогли нам в разгадке кристалла, — прервал его размышления Ридейс, — нам лучше всего обратиться к профессионалу. Я знаю одного парня, специалиста в атомной физике, говорят, он просто чудеса творит.

Родрун кивнул и взглянул на экран заднего радара. Флот стриллов напрасно преследовал уже исчезнувшую жертву.

Впереди, он надеялся, лежали новые открытия.

Глава 5

Планета Келевер, шестая от солнца, находилась в положении, которое в большинстве систем занимали огромные газовые образования. Когда-то давно она тоже была газовым гигантом, и поэтому в ее

атмосфере до сих пор еще сохранился неприятный аммиачный привкус.

Большую часть времени поверхность планеты оставалась в темноте, покрытая облаками. Дожди здесь практически не прекращались.

«Стоунд» приземлился в космопорте какого-то города. Здесь хорошо была развита промышленность, о чем свидетельствовало огромное количество грузового транспорта. Пока корабельный компьютер вел переговоры о пошлинах, Родроун огляделся. «Интересно, — гадал он, — способны ли стриллы выследить их здесь?» Нет, вероятность очень мала. Торговые Дома не имели здесь развитой информационной системы, и «Стоунд» был только одним из тысячи подобных крейсеров.

Из рубки корабля город представлялся серой непривлекательной громадой. Казалось странным, что пять миллионов людей по собственной воле решили поселиться в таком месте.

— Ты знаешь адрес этого Синта? — спросил он Ридейса. — Или нам придется искать иголку в стогу сена?

— Нет, к несчастью у меня нет адреса. Но могу гарантировать, что быстро найду парня. Келевер — ученый мир. Здесь много научных клубов и обществ. Синт — ученый с большой буквы и, думаю, хорошо известен. Нам надо только поспрашивать в нужных местах... и готово!

— Ну, а если этот деятель откажется помочь нам? Столько лететь, чтобы получить пинок?

Ридейс насмешливо посмотрел на него.

— Дружище! Синт вынужден будет заняться кристаллом, а не то мы опорочим его репутацию. А уж е-то он вряд ли станет рисковать.

Между тем компьютер закончил переговоры, и они смогли наконец выйти. Родроун решил захва-

тить кристалл с собой, так как опасался, что Джал-Ди могли выследить «Стоунд».

Вместе с Клейвом и Ридейсом он взял автомобиль возле космопорта и отправился в город. Вскоре они уже ехали вдоль мокрых тротуаров. Многие улицы были перекрыты крышами, но почти все они протекали. Непрерывные потоки воды неслись вдоль водосточных желобов по краям дороги.

Изредка среди серой массы однообразных домов мелькал красный неоновый свет фонаря, освещавшего вход какого-нибудь заведения. Но и он угрюмо смотрелся в мрачной обстановке города. Большая часть зданий имела как надземные, так и подземные строения. Видимо в этом сказывалось подсознательное желание горожан спрятаться от удушливой, перегруженной аммиаком атмосферы Келевера.

Жители Келла — так назывался город — отличались особой приверженностью традиции. Поэтому вычурная одежда Ридейса сразу же выделилась в толпе. В нем легко можно было признать чужеземца. Нисколько не стесняясь своей примечательной внешности, пират старался извлечь из нее как можно больше выгоды. Практически сразу же ему указали отель, где они и оставили кристалл в Комнате Гарантированного Хранения.

— А теперь, дорогие коллеги, — хвастливо произнес он, — мы перейдем к самой важной части миссии: поискам берлоги Марда Синта.

В следующие несколько часов они обошли множество научных клубов Келла, скорее напоминающих питейные заведения с особой клиентурой. Пираты погрузились в атмосферу дымного полумрака баров и странных разговоров. Ридейс и Клейв много пили и даже завели там кое-какие полезные знакомства. Родрун же был трезв и весьма неразговорчив.

Стены почти всех баров, которые они посетили, украшали диаграммы и фотографии полумистического содержания, по большей части абсурдные. Однако среди них попадались и такие, которые вызвали интерес Родроуна новизной идей.

Как успели выяснить пираты, отношение большинства людей, которых они встретили этой ночью, к солнцу напоминало поклонение египтян богу Ра. Именно благодаря этому светилу, только на несколько мгновений показывающемуся из облаков, преуспевала здесь вся эта ученая братия. Оно оказалось великолепным объектом исследования для ядерной физики.

Однако поиски Марда Синта затягивались. Все слышали о нем, но никто не знал его местонахождения. Он почти не посещал известные клубы и общества, а в последнее время не создал ни одной новой работы. Некоторые полагали, что Синт умер.

В конце концов Родроун и его спутники оказались в таверне в отдаленной части города. Это было небольшое здание, с низкими потолками, верхние этажи которого поддерживались тонкими колоннами из очень прочного местного дерева. Посетители, все люди немолодые, с подозрением уставились на юные лица вошедших.

Ридейс обратился с вопросом к пожилому человеку, одиноко сидящему в углу зала. Возле него стояла чаша с сиропообразным напитком, самым распространенным блюдом этого заведения. Он скорее не пил, а медленно потягивал содержимое чаши. Вероятно, это было нечто вроде лекарства от заболевания бронхов.

— Так вам нужен ученый? — прерывающимся голосом, тяжело дыша, спросил старик. — Да вы, молодежь, даже понятия не имеете, что такое наука!

— Гм, по крайней мере, у нас еще будет время узнать об этом, чего не скажешь о вас, — Ридейс произнес эту бестактность вежливым тоном.

— Юнцы всегда считают, что они умнее родителей, — продолжал собеседник. — Однако это не так. В наше время основывались на твердых научных фактах. Индукционный метод — единственно верный путь. Сбиться с него — значит попасть головой прямоком в бочку с навозом. А сейчас... Дедукция! Философствования!

Он поднял чашу, сделал маленький глоток и болезненно поморщился.

— Они относятся к энергии как к чему-то культовому. Эти мальчишки говорят даже о божестве!

Последние слова старик произнес тоном недоверчивого отвращения. Дальше он продолжал высказываться в том же духе, клеймя деградацию нового поколения.

Постепенно Родроун догадался, что люди в таверне, представители старейшего научного общества «твердо линейных», члены которого издавна фанатично придерживались экспериментальных методов в работе и без колебаний отбрасывали любую теорию, если ее невозможно было продемонстрировать на практике. Однако их ученики, устав от бесцветных доктрин и упрямства учителей, избрали противоположный путь. Они увязли в трясине философских размышлений и мистических культов. Озлобленное, вытесненное со своих позиций старшее поколение проводило время в воспоминаниях и проклятиях.

Сначала Родроун засомневался: может быть, кто-нибудь из присутствующих здесь ученых больше подходит для их дела, чем Синт? Но тотчас отверг эту идею: разочарование и бесконечное недовольство лишило этих людей той искры творческого воображения, без которых невозможна работа ученого.

— Но вы ведь знаете Марда Синта? — спросил он, заказав для старика еще одну чашу сиропа.

— Не произносите при мне этого имени, — мрачно заявил тот. — Этот негодный мальчишка умер для науки. Я потратил десять лет на составление планов, а он отверг их.

— Планы?

— Да, планы будущих исследований, — слегка поколебавшись, продолжил старик. — Если бы негодник последовал им... Для некоторых дел одной жизни недостаточно, нужен продолжатель, ученик.

— Так вы знаете его? — уточнил Клейв.

Происходящее начинало раздражать его.

— Он мой племянник. Брат поручил мне обучать его, но мальчишка оказался строптивее «морского дракона». Дракона, пожирающего собственное тело и выпивающего собственную кровь.

Старик тяжело вздохнул, затем встряхнул головой, отгоняя воспоминания.

— Зачем вам Синт? — неожиданно твердо спросил он, испытующе глядя на троих чужеземцев.

— У нас артефакт стриллов, — решил ответить Родроун, — и мы хотим, чтобы ваш племянник помог нам исследовать его.

— В самом деле? И какого рода артефакт?

— Пока мы сами не знаем ничего определенного.

— Гм. Стриллы делают иногда очень забавные вещицы. Возможно, мы могли бы... — он задумчиво поднял брови.

— Если хотите узнать больше, — перебил его Ридейс, — советую поинтересоваться у племянника. Если мы, конечно, когда-нибудь его найдем.

— Ну что ж, думаю, молодой Мард достаточно подготовлен для такой работы. В этом заслуга моя и его отца. Хотя, конечно, он бестолково растрачивает свои способности. Да... бестолково...

Старик поставил чашу на стол и выжидающе посмотрел на Родроуна. Тот неохотно заказал еще порцию сиропа.

* * *

Мард Синт жил в старинном особняке южного квартала Келла. Когда-то великолепный фасад здания, облицованный черным деревом, теперь выглядел совсем ветхим и по цвету напоминал ржавое железо.

Путешественники поднялись по каменным ступеням и позвонили.

— Кто? — раздался из громкоговорителя скрипучий голос.

Хозяина, вероятно, встревожили незнакомые лица на экране видефона.

— Вы нас не знаете, — ответил Родроун, — но у нас кое-какие дела к Марду Синту.

— А кто вас послал?

Ридейс выступил вперед.

— Ваше имя известно далеко за пределами Келевера. Во всяком случае, в Кантиливер Сити на планете Брокен один парень по имени Дирон Мактаер говорил, что вы отличный ученый. И когда мне понадобился эксперт — я сразу же подумал о вас.

— Никогда не слышал о планете Брокен, но знал Дирона Мактаера. Входите. Огни укажут вам дорогу.

Дверь открылась, и они вошли в полутемный холл. На стенах висели светильники, которые постепенно загорались, ведя гостей по длинному коридору вниз по ступеням.

В странной узкой комнате, освещенной красной лампой, за заваленным бумагами столом сидел какой-то человек.

— Наверное, вы предпочитаете обычное освещение? — спросил он, поднимаясь навстречу вошедшим.

Ярко вспыхнул свет. Теперь пираты смогли хорошенько рассмотреть хозяина. Синт оказался не таким молодым, как его представлял старик из таверны. Ему было уже за пятьдесят. Коренастый, сутулый, но благодаря широким плечам казался достаточно сильным. Лицо пугало своей безжизненностью. Особенно поражали глаза, слепые, без зрачков, точно мертвые глаза статуи.

Родроуна сильно озадачило это последнее обстоятельство. Слепота давно уже не являлась неизлечимой болезнью. Человек, чья профессия тесно связана со зрением, мог позволить себе глазной имплантат или, в крайнем случае, искусственный глаз, почти ничем не отличающийся от настоящего. Однако, Синт выбрал иной, достаточно странный способ. Он заполнил глазные впадины стальными шариками, а зрительную функцию выполняла специальная видеокамера, прикрепленная к правому плечу.

Когда Родроун шагнул навстречу хозяину, камера медленно повернулась, чтобы продолжать держать его в фокусе. Пират заметил, что через голову ученого протянут кабель, без сомнения, соединяющий камеру с оптическими нервами.

Родроун пожал Синту руку, стараясь не смотреть в лицо, от вида которого мурашки пробежали по спине.

— Вас было трудно разыскать. Нам помог ваш родственник, Верард.

Синт издал каркающий смешок.

— Дядюшка Верард! Бедный, совсем выживший из ума старик! Наверное, он сказал вам, что я погряз в бесполезных размышлениях и потерян для науки?

— Что-то вроде того.

Ученый кивнул. Неожиданная мимика для его безжизненной головы.

— Иногда мне жаль этих старых идиотов. Их достижения — это тысячи совершенно не связанных между собой фактов.

— Но ведь факты — основа любой науки, — задумчиво произнес Ридейс, поглаживая подбородок.

— Конечно. Но они считают, что все во вселенной построено логично, кирпич за кирпичом. Они не видят, как много иррационального и таинственного в нашем мире. Впрочем, я думаю, вы здесь не затем, чтобы обсуждать этих метафизиков.

Он жестом пригласил гостей сесть. Родроун коротко рассказал о своей находке и о тех заключениях, к которым они пришли. Синт, не перебивая, выслушал его до конца.

— Да... Вы обратились по адресу, — наконец произнес он. — Атомы — мой конек. И если это атомное изображение, как вы полагаете, то, может быть, я найду что-нибудь интересное. Надо взглянуть на кристалл. Где он?

— Мы оставили его в Комнате Гарантированного Хранения.

— Тогда лучше принесите его сюда. Последнее время я не выхожу из дома.

Клейв и Ридейс отправились в гостиницу, а Родроун остался наедине со странным ученым.

Некоторое время они молча сидели друг напротив друга. Объектив камеры Синта ни на минуту не упускал капитана из виду. Родроун понял, что его хладнокровно оценивают.

— Сначала я не исключал возможности, что вы роботы стриллов, — внезапно произнес Синт.

Это было так неожиданно, что Родроун рассмеялся.

— Но почему же?

— Стриллы обычно очень бережно относятся к артефактам, и ваша история лишний раз доказывает это. Однако она могла оказаться и изобретательным прикрытием. Кто знает, возможно, вы орудие стриллов, стремящихся взять больше, чем дать.

— Взять? Но что? — спросил заинтригованный пират. — Или у вас тоже есть что-нибудь принадлежавшее им?

Синт промолчал.

— А вы все еще считаете меня роботом? — поинтересовался Родрун.

— Нет, я произвел кое-какие исследования и полностью убедился, что вы человек. Стриллы не способны на такую совершенную подделку. Ваша нервная система соответствует норме, а они никогда не были сильны в тонкостях человеческого организма.

Родрун с удивлением взглянул на ученого. За несколько секунд произвести такой сложнейший анализ! Вот почему Синт не пожелал использовать обычные глазные имплантаты. Он избрал менее эстетичный, зато гораздо более эффективный способ. Видеокамера, должно быть, чувствительна ко всем длинам электромагнитных волн — от радиоволн до высокочастотных гамма-лучей. Хозяин мог использовать ее и как электронный микроскоп. Одержимый ученый адаптировал себя под нужды своих исследований.

Однако Родруна настораживала одна деталь их разговора. Откуда такому человеку, как Синт, могло быть столько известно о стриллах?

— А может быть, вы сами робот стриллов?

Синт разразился каркающим смехом. Затем, немного помолчав, поинтересовался:

— А вам никогда не казалось странным, что в галактике процветают только две расы?

Действительно, Родроун часто задумывался над этим. Почему при таком большом количестве разумных рас только люди и стриллы достигли достаточно высокого уровня развития? Тысячи цивилизаций в Хабе поднимались до определенного уровня, но никогда не переступали его. Поразительно, но нигде в галактике не было больше того рывка, который произошел в человеческом технологическом прогрессе. Правда, существовало несколько рас, достигших некоторого успеха и способных путешествовать к ближайшим лунам и планетам на неуклюжих громоздких ракетах. Но это был скорее последний триумф умирающей расы. Родроун всегда чувствовал симпатию к народам, которые на последней стадии угасания открывали атомную энергию. Увы, слишком поздно, чтобы сохранить себя.

— Кажется, вы воображаете, что знаете ответ,— мрачно сказал он Синту.

— Да, знаю ответ, но не причину. Человеческий мозг отличается от любого другого. Вот почему мы так быстро распространились по галактике. Обычный мозг Разумных логичен и предсказуем. И только человек нарушает все законы природы.

— А как же стриллы? Они во всем равны нам. Значит, и их разум нелогичен?

— Стриллы? Нет. Их мозг похож на другие.

— Тогда ваша теория нарушается. Или вы дадите другое объяснение их превосходству?

— Да, стриллы медленно продвигались вперед, тысячелетиями накапливая знания. Миллион лет назад люди не могли сложить два и два, а теперь наступают им на пятки!

— Лично я никому не наступаю на пятки,— огрызнулся Родроун.— Кроме того, ваш последний ответ — чистейшей воды увертка. Должны же существовать какие-нибудь эволюционные...

Резкий гудок прервал его на полуслове.

Синт нажал кнопку видеофона, и на экране появились лица Клейва и Ридейса. Ученый дернул рычаг, открывающий наружную дверь.

— Я только намекнул на истинное положение дел, — небрежно бросил он Родроуну. — Мне показалось, кристалл в некоторой степени с этим связан.

— А что насчет моей теории о галактическом обозрении? Вы считаете, она неверна?

— Нет, совсем не обязательно. Но если учитывать отчаянные попытки стриллов вернуть кристалл, думаю, здесь что-то более серьезное, связанное с конфронтацией двух рас.

Вошли Клейв и Ридейс, везя за собой маленькую тележку с кристаллом.

Синт не спеша поднялся и сделал гостям знак следовать за собой по длинному темному коридору. Они вошли в просторное помещение, вероятно, главную лабораторию хозяина. Пол был весь уставлен аппаратурой. Синт жестом указал место, куда поставить кристалл. Объектив камеры на его плече немного вытянулся вперед.

— Отлично, — через несколько минут пробормотал он, — да, отлично.

— Одно время мы думали, что огоньки в центре кристалла представляют карту галактики, — сказал Родроун. — Но это не подтвердилось.

— В самом деле?

Синт почесал подбородок, подошел к компьютеру и вынул оттуда какой-то провод. С содроганием Родроун наблюдал, как он приподнял волосы на затылке и вставил один конец провода в специальное отверстие в черепе. После этого ученый повернулся к кристаллу и в течение минуты стоял неподвижно. Его невидящие глаза были устремлены в пустоту, но объектив камеры внимательно изучал артефакт.

— Ваша догадка не так уж плоха, как вы думаете,— удивленно проговорил он наконец. — Это действительно звезды галактики, но той, которая существовала примерно триллион лет назад. Не удивительно, что ни один ваш компьютер не распознал ее. Галактика порядком изменилась с тех пор.

Родрун и Ридейс переглянулись. Они потратили не одну неделю, сравнивая звездные карты с узором в кристалле, а Синт произвел такое сравнение за минуту. Вероятно, соединение мозга с компьютером приносит ощутимые плоды.

— И что вы из этого заключаете? — поинтересовался капитан.

— Пока ничего. Но мы должны еще порядком поработать над ним. Мой сын поможет.

Ученый повернулся к коммуникатору и что-то пробормотал в него. Вскоре в комнату вошел темноволосый голубоглазый паренек лет двенадцати. У него были настоящие, искрящиеся жизнью глаза, но на плече красовалась точно такая же камера, как у отца. А на свежевыбритом участке затылка виднелось выполненное хирургическим путем гнездо для компьютерного провода.

Синт, должно быть, заметил непроизвольное отращивание, которое вызвал у пиратов вид ребенка.

— Обязанность каждого родителя — наставлять детей на правильный путь,— сурово произнес он.

— А разве ваш отец не совершал ошибок? — спросил Клейв.

Ученый, презрительно улыбнувшись, промолчал.

Глава 6

Монах все шел и шел вперед, хлеща по полуголым спинам людей. По дороге к ним присоединялись другие несчастные, в основном калеки и ни-

щие. Они громко кричали, ругались и обменивались злобными ударами.

Вдалеке показалась городская стена. Вероятно, это и была конечная цель их путешествия. Планировка улиц, пропорции домов и крепостных стен отличались математической точностью и систематичностью. Зная, развевающееся над высоким прямоугольным зданием, сплошь было испещрено всевозможными пифагорейскими треугольниками, эллипсами и параболами.

Армия безумного монаха расположилась под стенами города с очевидным намерением убивать и разрушать все на своем пути. Подгоняемые бичом, оборванцы бросились к крепостным стенам, карабкаясь по спинам друг друга. Но стены были высокими, гладкими и прочными. Люди бессильно падали вниз. Повсюду слышались проклятья и брань.

Среди толпы выделялся один человек. Все время долгого путешествия он был рядом с монахом, приносил еду, поддерживал его, если тот спотыкался, и передавал остальным приказания хозяина. Теперь, в раздражении, монах вытащил из-под плаща длинный нож и вонзил в сердце верного слуги. Потом презрительно оттолкнул тело в сторону.

Толпа бешено заревела, угрожающе трясла кулаками в сторону города. А их предводитель задумчиво сел на камень.

Родруун заставил себя отвести глаза от завораживающей сцены. Холодная испарина, как после ночного кошмара, проступила на лбу. Интересно, почему именно эта история так притягивала его? Может быть, из-за того, что она длится дольше других? Или потому, что только в ней встречаются люди? А что если кристалл пытается что-то передать ему?

Пират тяжело вздохнул. Чувство глубокой усталости и одиночества угнетало его. Товарищи теперь

редко появлялись здесь. Клейв не интересовался исследованиями, а атмосфера в доме ученого казалась ему чересчур мрачной и угнетающей. Ридейс же поначалу пытался работать вместе с Синтом. Однако вскоре стало ясно, что они не смогут успешно сотрудничать. Пирата раздражало затворничество и фанатизм ученого, его отношение к сыну. Синт же негодовал по поводу критики. Все чаще и чаще Ридейс отлучался из дома и бродил по улицам Келла, заходя в научные клубы, атмосфера которых забавляла его. И вот наступил день, когда Синт отказался с ним даже поздороваться. Ни разу не пожаловавшись капитану, Ридейс просто перестал бывать в этом доме.

Родруун осознал, что ему следовало бы встать на защиту старого товарища, однако ничего не предпринял. Слишком сильно захватила его идея открыть тайну кристалла. Оставшись без друзей, он безуспешно боролся с чувством заброшенности. Их отношения с Синтом были очень запутаны. Странности ученого одновременно пленяли и отталкивали пирата. В то же время его беспокоила позиция Ридейса. Почему этот умнейший человек так легко отказался от интересного дела, как только оно пошло вразрез с его взглядами? А он сам, не отличаясь таким блестящим интеллектом, любой ценой продолжает осуществлять свои амбициозные планы. Все эти сомнения держали Родрууна в постоянном напряжении.

Тем не менее исследования Синта принесли результаты. Теперь они знали о кристалле гораздо больше, чем он мог надеяться узнать самостоятельно.

За спиной раздались легкие шаги.

— Сэр, — почтительно произнес подошедший Фойел, — отец хотел бы поговорить с вами. Он ждет в кабинете.

Капитан кивнул, стараясь смотреть в сторону, чтобы не замечать неподвижно закрытых глаз мальчика. Тот постоянно ходил так. Очевидно, обычное зрение мешало эффективности камеры. Родроун с отвращением гадал, сможет ли Синт зайти так далеко, чтобы сделать мальчику такую же хирургическую операцию, как себе.

Ученый сердечно приветствовал пирата. Он сидел за рабочим столом, заваленным манускриптами, книгами и прочими бумагами. Специально для Родроуна был включен электрический свет: тусклый, но вполне достаточный.

— Ну, старина, — как обычно сразу перешел к делу Син, — думаю, настало время подытожить наши открытия и мм... поговорить о будущем.

Он запрокинул голову, собираясь с мыслями. Объектив камеры закрылся. Видимо, Синт не хотел, чтобы что-нибудь отвлекало его от размышлений.

— Пункт первый, — начал он. — В настоящий момент мы знаем, что светящиеся точки в центре кристалла соответствуют виду нашей галактики несколько триллионов лет назад. Однако датировка может оказаться несущественной. Мы обнаружили движение частиц этого галактического планетария, что говорит об изменении звездного узора во времени. Вероятно, кристалл представляет целый цикл истории галактики, бесконечное повторение ее рождения и гибели.

— Пункт второй: веками люди считали, что электромагнитная радиация — радиоволны, х-лучи, световые волны, гамма-лучи — единственный простейший тип радиации на атомном уровне. Ниже этого уровня существует только почти неуловимое излучение так называемого диапазона Ферман. С гордостью хочу заметить, что я первый человек, наблюдавший его напрямую.

Синт многозначительно постучал по камере.

— Тем не менее, — продолжал он, — наши исследования принесли беспрецедентные результаты. В кристалле был обнаружен еще один диапазон, гораздо более тонкого порядка. Это неизвестное до сих пор излучение и отвечает за проекцию картин во внутренней части кристалла.

— Пункт третий: наружная часть кристалла окружена мощным силовым полем неизвестной природы. Оно и является своего рода экраном для картинок.

— Интересное совпадение, — прервал его собеседник, — если вспомнить, что случилось с экспедицией к Андромеде.

Родруун имел в виду неудачу космических путешествий более чем на один галактический диаметр от нашей галактики. Хотя такие миссии теоретически считались возможными, все они сталкивались с каким-то силовым барьером, мешающим их дальнейшему продвижению. Другие галактики оказались недостижимы для человечества.

— Скорее всего, не совпадение, — ответил ему Синт. — Но продолжим. Линия поисков напрашивается сама собой. Это исследование нового типа радиации.

— А что означают сами «живые картинки»?

— Думаю, они отражают реальные события, происходящие в различных частях галактики в настоящее время или же в прошлом.

— А может быть, и в будущем, отец? — предположил Фойел.

Объектив камеры Синта ненадолго вытянулся в сторону мальчика.

— Да, интересный вопрос. Но о том, в каком отношении к настоящему находятся события, мы можем только гадать.

— Господи! Да ведь это может означать путешествие во времени! — воскликнул Родроун.

— Вполне, хотя лично я в этом сомневаюсь. Стриллы никогда не обладали такими возможностями. Скорее всего, кристалл отражает настоящее. А так как он достаточно древен, то может просто воспроизводить ранее записанные картины. Кстати, думаю, что создание этого артефакта может даже предшествовать зарождению человечества.

— А по какому принципу подбираются картинки? Должна же быть какая-нибудь система?

— Вероятно, подбор случаен.

Такой ответ совершенно не устраивал Родроуна.

— Но должно же быть что-то значительное в этой вещи. Зачем-то ведь она нужна.

— Ваша позиция абсолютно антинаучна. Но, думаю, вы все же правы. Какая то система контроля существует. И если мы обнаружим ее, то в галактике не останется ни одного места, недоступного нам.

— А мы сможем найти эту систему?

— Решительный ум преодолевает все, — догматично заявил ученый. — Но сейчас, должен признаться, я исчерпал все возможности. Поэтому предлагаю вам другую стратегию.

Он направил объектив камеры прямо на Родроуна и продолжал:

— Если кто-нибудь и сможет окончательно ответить на все наши вопросы, так это стриллы.

— Смешно! — фыркнул собеседник. — И что же нам делать? Пойти и вежливо спросить их? Впрочем, на Бруде я уже имел такой опыт. Поверьте, стриллы здесь не помощники!

Синт минуту молчал. Родроун чувствовал, что он собирается с духом, чтобы сообщить что-то важное.

— На этой планете есть стрилл,— наконец решился он.— Да, именно в этом городе.

Новость как громом поразила капитана.

— Здесь! Так, значит, они все же выследили кристалл!

— Нет, нет! Вы не поняли! — энергично потряс головой Синт.— Дайте объяснить! Много лет назад один стрилл нелегально прибыл на Келевер. Его привлек сюда слух о тайном обществе, фанатично изучающем философию стриллов. Сеффатт, так его зовут, правильно предположил, что здесь получит надежное убежище. С тех пор он и скрывается в Келле.

— Общество называет себя Обществом Единого Порядка,— помолчав минуту, продолжал Синт.— Значение названия вы поймете позднее. То, что я сейчас рассказываю, обычно держится в строгом секрете, но, поскольку наши интересы совпадают, думаю, в данной ситуации правильно будет ввести вас в курс дела. Я уже связался с обществом, и, полагаю, они согласятся сотрудничать с нами.

— Вы понимаете, что натворили?!! — в бешенстве вскричал Родроун, вскочив на ноги.— Сейчас весь флот стриллов направляется сюда, чтобы уничтожить нас!

— Выходит, вы так ничего и не поняли. Никакой опасности для нас не существует. Думаю, вам трудно в это поверить, так как каждый стрилл всегда защищает интересы своей расы. Но здесь необычная история. Сеффатт давно не общается с соплеменниками. Он беглый преступник.

— Никогда не слышал ничего подобного,— с сомнением пробормотал пират.— Что он сделал?

— Он заклеймен как вор.

— Вор? — озадаченно переспросил Родроун.

— Да, конечно, у стриллов нет частной собственности и преступлений в нашем понимании. Не

знаю точно, что совершил Сеффатт, но это, должно быть, что-то очень серьезное. Скорее всего, какое-нибудь нарушение гражданского долга или что-нибудь в этом роде.

— Может быть, идеологические разногласия? — спросил пират, вспоминая тирании раннего периода человеческой истории, коммунистические и религиозные общества.

— Нет, это было какое-то конкретное действие. Однако все произошло уже довольно давно. Стриллы живут долго. Сеффатту несколько тысяч лет. Теперь он совсем дряхлый.

— Вы сами член этого общества! — неожиданно догадался Родроун.

— Не сейчас, но был им. Я вышел из него, чтобы полностью посвятить себя науке.

— А теперь хотите попросить их о помощи?

— Думаю, Сеффатт поможет.

Родроун ощутил прилив ненависти к стриллам.

— Скажите, что чувствуешь, являясь частью чего-то враждебного человечеству?

— Личность и чувства не имеют отношения к знанию. Истина — единственно важное для меня.

Теперь пират понял, что с самого начала показалось ему странным в Синте. Он был заражен образом мышления стриллов. Синт кашлянул, посмотрев на настенные часы. И в ту же минуту раздался резкий звонок коммуникатора. Он нажал рычаг.

— Это они. Точно вовремя.

В комнату вошли пять человек, одетые в одинаковые черные одежды, элегантно облегающие их фигуры. На головах у них были шляпы с изогнутыми жесткими полями.

— Приветствую тебя, Синт, — вкрадчиво проговорил старший из них, по-видимому, лидер. — Ты оказался не таким предателем, как мы думали.

Ученый представил им Родруна, а затем, проведя в лабораторию, показал кристалл.

— Очень хорошо, — удовлетворенно пробормотал лидер. — Сеффат приказал перенести его в храм.

— Это так необходимо? — беспокойно спросил Синт. — Я надеялся, он сделает какие-нибудь выводы на расстоянии.

— Надеялся! — усмехнулся другой незнакомец.

— Извините, — на этот раз более твердо произнес ученый, — но я не хочу, чтобы кристалл покидал этот дом.

— Будь благоразумен, не мешай нам. Ты прекрасно знаешь, мы всегда осуществляем наши планы. Что ж, ребята, давайте, принимайтесь за дело.

Люди в черных плащах разобрали оборудование, мешающее доступу к кристаллу, и с удивительной легкостью подняли артефакт.

Фойел вопросительно посмотрел на отца. На мраморном лице Синта отразились муки сомнений.

— Хорошо, — наконец решился он. — Родрун, вы согласны?

Пират разрывался между желанием узнать, что скажет стрилл, и боязнью потерять кристалл.

— Да, но только при условии, что мы пойдем с вами, — немного поколебавшись, ответил он.

Они сели в огромный автомобиль, поджидавший их снаружи, и вскоре добрались до места. Это было огромное здание из яркого пластика и черного дерева, со всех сторон окруженное высоким забором.

Войдя в пустой зал, люди, несшие кристалл, остановились. Через другую дверь вошел еще один человек, одетый в точно такие же одежды, как и все остальные. Только шляпа его была чуть выше. Вероятно, высота шляпы определялась положением, которое занимал человек. Так или иначе, но в нем легко можно было распознать главу общества.

— Рад твоему возвращению в наши ряды, Синт. Однако сначала надо разрешить пару вопросов.

— Да, командующий, — робко пробормотал ученый.

— Мы не будем выяснять, почему ты не сообщил об артефакте ранее. Вероятно, покинув общество, ты не считал себя обязанным делать это. Но остается еще вопрос о дальнейших отношениях. Кристалл сейчас наш, и, хотя ваши услуги были бы весьма кстати, мы не желаем вашего постоянного участия, кроме как по предписанным нами условиям.

— Кристалл — это моя собственность! — взорвался Родрун.

Лидер только неопределенно махнул рукой.

— Командующий, позвольте мне вновь принять обет, — заискивающе попросил Синт.

— Что значит твой обет?! Однажды ты его уже нарушил.

Ученый виновато опустил голову.

— Впрочем, пусть будет так, как ты хочешь, — удовлетворенно продолжал лидер. — А как насчет твоего сына?

— Он еще слишком молод.

— Нисколько. Обучение можно начинать уже сейчас.

— Хорошо.

— А он? — указал на Родруна командующий.

— Думаю, он не поддержит наши взгляды.

— Тогда разоружите его.

Несколько человек приблизились к пирату и, прежде чем он успел пошевелить хотя бы пальцем, ловко отобрали оружие. Теперь Родрун был абсолютно беспомощен.

— Мы еще ничего не решили относительно его судьбы, — продолжал лидер. — Люди часто меняют свои взгляды, когда им показывают правду. Все ста-

нет ясным завтра. А теперь отнесем кристалл Сеффатту. Он страстно желал видеть его.

— Вы, — указал он на Родроуна, — пойдете с нами на случай, если ему захочется узнать подробности.

Процессия торжественно двинулась через анфиладу просторных комнат, спустилась по широкой длинной лестнице и оказалась в огромном помещении. Станный запах и убранство зала, создавали впечатление какого-то культа. Стены были увешаны замысловатыми рисунками, значение которых оказалось недоступно Родроуну. Дальнюю часть зала скрывал широкий занавес. Перед ним стояли низенькие столики, заваленные всевозможными предметами неизвестного предназначения. Что-то вроде жертвенного алтаря.

Кристалл почтительно положили на один из столов. Лидер церемонно повернулся к занавесу.

— Мастер, артефакт здесь.

Тишина. Затем из-за занавеса раздались каркающее покашливание, постепенно превратившееся в стрилловское подражание человеческой речи.

— Он здесь? Неужели после стольких лет мучений моим страданиям пришел конец?

— Мастер?

— Это уже слишком! Слишком! Снова увидеть оракула галактического плана. Нет, это слишком!

Даже сквозь странные для человеческого слуха интонации стрилла можно было различить волнение и горе. Синт открыл было рот, желая что-то спросить, но Сеффатт заговорил вновь:

— Оставьте меня в покое! Оставьте! Это очень тяжело для старика.

Лидер резко повернулся и жестом приказал всем выйти из зала.

— Это действительно великий день, — торжественно выдохнул он, когда минутой позже присоеди-

нился к остальным. — Вы слышали Мастера? Артефакт — оракул. Оракул, который откроет нам галактический план!

Родрун не был вполне уверен, что следовало так поспешно полагаться на слова стрилла. Он никогда не слышал ни о каком «галактическом плане».

— Может быть, Сеффатт и вправду очень стар? — язвительно спросил он. — Его слова показались мне не слишком разумными.

Лидер бросил на него надменный взгляд.

— Больной не в силах постичь состояние разума Мастера.

— Больной?

— Да, все мы больны, приятель. Больны нашей человечностью.

Он повернулся к Синту.

— А ты готов дать обет?

Ученый кивнул.

— Хорошо. Твой приятель видел уже слишком много, поэтому можешь показать ему, что значит Признание Истины.

В смежной комнате их ожидали два человека. Один держал раскаленный докрасна жезл, а другой, подойдя к Синту, велел ему опуститься на колени и обнажить спину. Лидер встал напротив.

— В чем ты клянешься?

— Клянусь искать истину, — произнес нараспев Синт, — клянусь делать все, от меня зависящее, для открытия единого упорядоченного плана. Клянусь всеми силами способствовать уничтожению неподходящих форм жизни.

Лидер обошел вокруг коленопреклоненного мужчины и взял из рук помощника раскаленный жезл. Жезл заканчивался небольшим круглым клеймом. На спине Синта уже существовала подобная отметина.

— Этим железом я скрепляю твою клятву, — торжественно произнес лидер и наложил жезл чуть ниже предыдущей отметины.

Раздалось шипение раскаленного металла. Синт содрогнулся от боли, но не издал ни звука.

Голубые глаза Фойела наполнились ужасом, а объектив камеры на его плече закрылся. Родруун инстинктивно двинулся к мальчику.

— Вы ведь не собираетесь также варварски обойтись с ребенком? — гневно спросил он, когда Синт поднялся.

— Пока нет, — слабым голосом откликнулся ученый. — Его должны сначала обучить. Клятва приносится добровольно.

Рана начала понемногу затягиваться. Искаженное страданием лицо Синта постепенно приобрело обычное выражение.

— Теперь все должны отдохнуть, — сказал лидер. — Позже мы снова поговорим.

Родрууна, Синта и Фойела отвели в небольшую комнату с тремя кушетками и заперли снаружи.

Пират мрачно уставился на Синта.

— Что вы там говорили об уничтожении «неподходящих форм жизни»?

— Это относится в основном к *homo sapiens*, — без тени смущения ответил ученый. — Видите ли, мировоззрение стриллов очень отличается от нашего. Они считают, что во вселенной нет места выбору и случайностям. Отсюда и название общества. Однако они допускают, что случайности могут происходить при определенных условиях. Это и есть начало «болезненного» существования, раковая опухоль космоса, конец всеобщей гармонии. *Homo sapiens* — вирус, который разрушает здоровый организм. И он быстро распространяется по галактике. По мнению стриллов, нам не следовало покидать Землю.

— И поэтому человечество будет уничтожено? Меня это нисколько не удивляет. Стриллы всегда втайне желали нашей гибели. Единственное, почему они до сих пор не напали на нас, так это из опасения, что все может получиться как раз наоборот. Но странно видеть людей с такими же убеждениями.

— А разве истина не выше личных интересов? Что если стриллы правы? Может, мы действительно опасны для вселенной?

— И вы в это верите?! — резко оборвал его Родрун.

Синт вздохнул.

— Когда общество только зарождалось, оно представляло собой всего-навсего небольшую группку людей, решивших изучить философию стриллов. Это был академический проект, не больше. Они мало чего достигли: стриллы никогда не открывали свои секреты чужим. Поэтому ученые довольствовались малыми крохами, тем, что они с величайшим трудом смогли узнать. Но доктрина все больше захватывала их... нас... пока постепенно мы не начали убеждаться в превосходстве мышления этой расы над человеческим.

Синт помолчал немного, предавшись воспоминаниям. Затем продолжал:

— Мы, вероятно, знаем о науке стриллов больше, чем кто-нибудь еще. Человечество со всеми его достижениями кажется нам бледным и убогим по сравнению с глубиной стриллов. Но тогда у общества были только разрозненные части того целого, что представляет собой их знание. И вот появился Сеффатт. Он многому научил нас. Общество сильно продвинулось вперед на пути к ИСТИНЕ.

— Но вы-то покинули общество.

— Да. Казалось, оставаться нет смысла. Я стал убеждаться, что коллеги извращенно понимают док-

трину: их разум оказался не готов к ней. Что касается Сеффатта, то он открыл нам только то, что посчитал необходимым, а затем остановился. Кроме того, теперь он очень стар и редко бывает последователен. Атмосфера Келевера сильно повредила его здоровью. Теперь его апартаменты наполнили чистым воздухом, но слишком поздно.

Родроун задумался. Наука у стриллов неразрывно связана с философией. А он слишком хорошо знал, как сильна бывает философия, даже если она ложная. Его пугало научное, строго придерживающееся фактов мышление стриллов. Они всегда были только правы и не признавали за собой никаких ошибок. А между тем, непохожее на них человечество следовало своим путем, нисколько не заботясь, верный он или нет. Родроун с гордостью чувствовал себя Человеком.

— Мне все равно, правду сказал стрилл или нет! — почти прорычал он. — Я — человек и останусь им навсегда, пусть даже из-за этого вся вселенная полетит в тартарары!!! Я выберусь отсюда и заберу с собой кристалл. Он мой!

Синт в сильном волнении схватил его за руку:

— Но подумайте! Кристалл, несомненно, несет в себе ЗНАНИЕ. С помощью Сеффатта оно может стать нашим.

— К черту ваше знание! — с отвращением оттолкнул ученого Родроун. — Завтра они убьют меня!

— Нет, если вы вступите в общество.

— Гм... И как же это сделать? Они наверняка направят на меня цефалограф, чтобы убедиться, что я говорю правду.

— Это нетрудно исправить, — ученый многозначительно постучал по камере. — С ее помощью я настраю цефалограф на мысли кого-нибудь из членов общества.

— Определенно вы полны сюрпризов! — Родрун не мог удержаться от смеха. — Но не благодарю. Вы сами все это устроили. И вот еще что. На протяжении многих поколений эти люди внушали себе ценности стриллов и с пренебрежением относились к человеческим. Разве вы не видите, что это значит? Слишком серьезное искривление мозгов для кого бы то ни было. Человек не может отказаться от самого себя без ощутимых последствий. Не удивительно, что они все сумасшедшие.

Он в упор посмотрел на Синта и продолжал:

— Вы, кажется, единственный среди них, кому удалось сохранить разум.

Родрун окинул комнату беглым взглядом и остановился на Фойеле, незаметно устроившемся в углу. Пират успел привязаться к этому тихому задумчивому мальчику. Грустно было думать о будущем, которое его здесь ожидает.

* * *

Вокруг царило беспокойное оживление. За дверью то и дело слышались поспешные шаги. Пользуясь своим необычным зрением, Синт сумел рассмотреть, что вся эта суeta велась вокруг кристалла.

— Они совершенно не понимают его значения, — мрачно заметил он. — Видимо, они считают его своего рода оракулом. Теперь, думаю, готовятся к церемонии.

— А разве Сеффатт говорил не об оракуле? Может, он действительно предсказывает будущее?

— Может быть. Но Сеффатт обычно не слишком выбирает слова. «Оракул» в его устах может значить что угодно.

Вечером дверь в их комнату открылась. Вошел командующий в сопровождении еще трех человек.

— Вам разрешено присоединиться к нам этим вечером. Мастер должен многое поведать сегодня. Мы прикоснемся к тайнствам галактического ЗНАНИЯ.

Порядком волнуясь, Родроун последовал за остальными в храм. Зал оказался полон. Около тридцати мужчин и женщин сидели, скрестив ноги, на подушках. И те и другие были одеты одинаково: аккуратный, хорошо сшитый жакет и брюки. На головах — шляпы с изогнутыми полями. Все, казалось, ожидали чего-то необычного.

Кристалл занимал почетное место перед огромным занавесом. Вокруг него стояла какая-то сложная аппаратура.

— Мы, общество Единого Порядка, — торжественно обратился к собравшимся командующий — стремимся к галактической гармонии. Этот кристалл — Контролер Вселенной.

На огромном экране, висящем слева от «алтаря» возникли странные диаграммы, значение которых было абсолютно недоступно Родроуну.

— И теперь Великий Замысел неумолимо подходит к своему осуществлению.

Командующий замолчал, и взгляды всех обратились к экрану, где прекрасные изображения плавно сменяли друг друга. Это были главные символы общества. Каждый образ имел название: «Путешествующая волна», «Круглая стена», «Ослепляющий гиперкуб»... Родроун чувствовал необъяснимое обаяние этих картин.

Наконец экран погас, но еще несколько секунд в зале стояла зачарованная тишина.

Командующий кашлянул.

— Эта ночь — особенная в жизни общества. Всем известно, что теперь мы владеем артефактом стриплов. И, естественно, не случайная цепь событий

привела его к нам. Вероятно, это знак свыше. Предвестник грядущих перемен. Скоро мы и все остальные человеческие существа сможем, наконец, избавиться от страданий и очистить наше преступное бытие в океане блаженного небытия.

Теперь давайте проведем уникальный эксперимент. С помощью научных технологий, давно открытых Мастером, мы установили прямую связь артефакта с сознанием. А сейчас несколько слов Мастера.

Он выжидающе повернулся к занавесу. Затем, немного поколебавшись, добавил:

— Мастер слегка недомогает сегодня.

Командующий ударил в маленький золотой гонг.

— Мастер, мы готовы. Если вы желаете говорить...

Из-за занавеса слышалось хриплое дыхание. Затем продолжительный нечеловеческий кашель, сквозь который с трудом можно было расслышать тихий, агонизирующий шепот:

— Друзья, тайна жизни... должна быть... сохранена...

Снова кашель и хриплое дыхание. Затем все стихло. Ожидание затягивалось, но стрилл молчал.

— Мастер... ушел в свои апартаменты,— тихо произнес командующий.

Он подошел к аппаратуре, нажал какие-то рычаги и опустил на свободную подушку.

Родрун не ожидал от предстоящего ничего, кроме грандиозного обмана. С его места картинки кристалла казались вихрем радужных мерцаний. Однако общее возбуждение передалось и ему.

Сначала раздавался лишь слабый прерывистый гул, постепенно становящийся все громче. Потом Родрун перестал понимать, слышит ли он что-нибудь на самом деле, или же звук теплыми волнами вливается прямо в его сознание.

Внезапно гул прекратился. Все молча, словно зачарованные, смотрели на мерцающий кристалл. Что-то изменилось. Еле заметная картина-точка на кристалле росла, и увеличивалась до тех пор, пока не поглотила все. Люди, комната, предметы были сметены и заменены чем-то совершенно чужим.

Родрун стоял на краю обрыва. Внизу, насколько хватало глаз, тянулись желтые пески пустыни, кое-где пересекаемые мелководными речушками. Неожиданно он почувствовал грубый толчок. Он попытался пошевелить руками, но тут же понял, что они крепко связаны по бокам. Вокруг толпились какие-то двуногие существа. На их отвратительных черепообразных лицах блуждали гнусные ухмылки.

Поднялся сильный ветер. Только сейчас несчастный осознал, что происходит. Тщетно пытался он бороться, его неумолимо волокли к самому краю обрыва. Странный нечеловеческий смех. Последний толчок, и вот уже он летит в воздухе, с ужасом ожидая неминуемой гибели.

Невыносимый страх еще владел им, но сцена резко изменилась. Кажется, теперь он оказался в подземелье. Небольшое помещение, чьи очертания терялись в темноте, было наполнено всевозможными инструментами, от вида которых мурашки пробегали по телу. Вопли и стоны раздавались повсюду.

Родрун в отчаянии осознал, что это комната пыток и что-то ужасное приготовлено и для него. На этот раз ноги несчастного были так же крепко связаны, как и руки. Его отнесли к какой-то жуткой машине и бросили в нее. Раскаленные добела лезвия неумолимо приближались. Острая боль пронзила тело. К счастью, мука длилась недолго.

Селектор двинулся в другую часть кристалла. И снова сцена изменилась. На этот раз руки и ноги Родруна оказались свободны. Теперь он был членом

пестрой армии сброда, собравшегося под стенами прекрасного города. Осада была в полном разгаре. Катапульты забрасывали город огромным количеством камней. Однако и осажденные отвечали залпами из мощных орудий. Постепенно становилось ясно, что горожане в состоянии выдержать такую неподготовленную атаку.

Родроун огляделся в поисках безумного монаха, ведущего своих рабов к поражению. Он попытался рассмотреть под капюшоном его лицо, но не сумел. Черты лица оставались затуманены, даже когда монах неожиданно посмотрел на Родроуна. Что-то привело его в бешенство. Кнут, со свистом рассекая воздух, метнулся по направлению к пирату. Тот успел вовремя отскочить. Однако, отскакивая, не заметил баллистической машины, двигающейся прямо на него. Еще секунда — и...

Селектор снова двинулся в другую сторону. Казалось, он специально спасает жертву прямо перед тем, как она умрет или потеряет сознание.

На этот раз Родроун плыл под водой, дыша жабрами, словно рыба. Он ощущал такое сильное давление, будто находился на глубине нескольких миль. Рядом с ним плыли амебообразные рыбы. Все они направлялись к входу в пещеру, но, видимо, против своей воли. Те, кто подталкивал их туда, были вооружены стимуляторами, причиняющими строптивым невыносимую боль.

Прежде чем Родроун успел оценить ситуацию, он был уже в пещере. Здесь начинался настоящий кошмар. Ужасные существа, словно водоросли, облепившие стены пещеры, свешивались вниз, вытягивая навстречу жертвам мерзкие щупальца и алчные челюсти. И из всей этой уродливой массы безумным огнем сверкали дьявольские глаза. Невозможно было представить себе что-нибудь более отвратитель-

ное, чем эти смертельные джунгли. Они выбрасывали в воду ядовитое вещество, парализующее жертву, прежде чем схватить ее.

Увидев, что несколько собратьев уже беспомощно бьются в щупальцах чудовищ, Родроун поплыл было назад. Но поздно. Склизкие щупальца схватили его и медленно поволокли в сторону алчущей пасти. Словно тысяча игл впилась в тело несчастной жертвы...

Внезапно кошмар прекратился. Вокруг творилось невообразимое. Люди в панике носились по залу, что-то крича в безумном страхе. Натыкались друг на друга, падали и снова бежали, пытаясь спастись от воображаемых преследований. Родроун тоже в ужасе попытался кинуться к дверям, но быстро взял себя в руки. Среди этой беснующейся толпы он разглядел знакомые лица Клейва, Ридейса и еще двух членов экипажа «Стоунда». Они стояли в стороне и недоуменно следили за происходящим. Бледность лиц, впрочем, обычная для Клейва, но не характерная для Ридейса, говорила об их растерянности. Излучатель Клейва еще дымился. Энергетический луч, только что выпущенный из него, спалил оборудование вокруг кристалла, вернув, таким образом, окружающих в реальный мир.

— Вы вторглись в Святилище! — злобно прошипел командующий.

Всеобщая суматоха не задела его. Он стоял в стороне от толпы и держал наготове излучатель. Блеснул тонкий луч. Пираты, отстреливаясь, кинулись врассыпную. Командующий снова поднял излучатель. Один член экипажа упал замертво, а Клейву серьезно обожгло руку. Он выронил оружие. Впрочем, и ответные выстрелы не остались безрезультатны. Командующий получил смертельную рану и бессильно опустился на пол.

Однако следующий выстрел пришел оттуда, откуда его никто не ждал. Синт и Фойел все это время молча стояли в стороне. Проекция кристалла, видимо, не оказали на них никакого действия. Их восприятие сильно отличалось от обычного. Теперь тонкий алый луч, выпущенный камерой Синта, прошел всю комнату, поразив второго человека Родруна прямо между глаз. Тот упал на пол, не проронив ни звука.

— Не двигайтесь, — спокойно произнес Синт, — надеюсь, вы понимаете эффективность нашего оружия? Стоит только мне или Фойелу воспользоваться камерой, и...

— Не будь идиотом, Синт! — перебил Родрун. — Это шанс выбраться отсюда и забрать кристалл!

Теперь, кроме них пятерых, в зале никого не было. Остальные успели покинуть страшное место. Где-то далеко слышались отголоски недавней суматохи.

— Но вы забываете, что теперь я один из них, — покачал головой Синт.

— Вы такой же сумасшедший, как и другие! — с негодованием фыркнул пират.

Камера Синта плавно повернулась в его сторону. Хотел ли он убить Родруна или же просто взглянуть на него — этого теперь никто не узнает. Ридейс угрожающе поднял излучатель. Камера моментально среагировала, повернувшись назад. Алый луч поразил несчастного.

И в ту же минуту Клейв начал действовать. С кошачьей ловкостью метнулся через всю комнату к Фойелу и, рванув провод, соединяющий камеру с мозгом мальчика, порвал его. Фойел завопил от боли и упал на колени, схватившись за голову.

— Отец!!!

Лицо Синта исказилось страданием. Камера завращалась в поисках Клейва. Однако тот быстро

передвигался, постоянно меняя направления, при этом старался держаться все время слева от ученого.

Между тем Родроун отыскал среди дымящегося оборудования металлический прут и, размахнувшись, обрушил его на камеру Синта. Удар чуть не сбил ученого с ног. Камера разлетелась вдребезги.

Синт с трудом удержал равновесие. Он стоял посреди зала, вытянув вперед руки, слепой и абсолютно беспомощный.

— Мальчик, мой бедный мальчик, — тихо прошептал он, шагнув на звук рыданий ребенка. — Иди ко мне. Мы сейчас пойдем домой. Все еще можно поправить, не обращай внимания на боль. Идем, идем...

Никто не пошевелился, чтобы помочь им, когда эти два жалких существа, цепляясь друг за друга, пошли к двери.

— Как твоя рука?

— О' кей, шеф! — маскируя боль непроницаемой усмешкой, ответил Клейв.

— Ну, в любом случае, спасибо. Ты здорово справился с ними.

— Это было так очевидно! Камера Синта вмонтирована в правое плечо. Значит, слева у него находится постоянно «слепой» сектор. Все, что оставалось сделать, это держаться левее. Вот только у меня до сих пор нехорошо на душе. Обидеть ребенка!

— Не бери в голову. Он мог прикончить тебя своей дьявольской камерой! Но лучше расскажи, как вы вообще попали сюда?

Клейв печально улыбнулся.

— Ты же не думал, что мы бросим тебя? Ведь нет? Ридейсу не нравилось все, что творилось в том доме. Он чувствовал, что ты вляпался во что-то нехорошее. Мы не все время тратили, шатаясь по кабакам Келла, а наблюдали за домом и последовали

за вами сюда. Казалось, ты пришел не по своей воле. Мы дали тебе несколько часов и вошли. Но должен сказать, никто не ожидал ничего подобного! Что здесь происходило?

— Ты видел что-нибудь? — с любопытством спросил Родроун.

— Все вопили, будто их режут.

— Они из общества, изучающего философию стриллов. Каким-то образом «живые картинки» кристалла сумели спроецировать в наше сознание. Позволь заметить, это были сплошные кошмары.

Обойдя вокруг стола с кристаллом, Родроун отдернул красный занавес. За ним, на маленькой платформе, лежал Сеффатт. Он был мертв. Сзади простирался длинный узкий туннель, вероятно, ведущий в апартаменты стрилла.

Что он пытался сказать им перед смертью?

Родроун не мог подавить чувства жалости к стриллу. Тот лежал на боку, скрючив в смертельной агонии семь слабеньких коротких ног. Вряд ли этот старик был еще способен руководить обществом. Вероятно, всем здесь в последнее время заправлял командующий.

— Пойдем отсюда! — резко бросил он Клейву.

Потом приложил лекарство к руке товарища и, захватив кристалл, вышел наружу. Он хотел сначала забрать тела погибших, но передумал.

По дороге к космодрому они промчались мимо Марда Синта и его сына. Мальчик медленно вел отца.

— Ридейс не любил Синта, — заметил Клейв. — Ему не нравились эксперименты над ребенком.

— Этот чертов город полон сумасшедших, — отозвался капитан.

Теперь Родроун знал о кристалле гораздо больше, чем раньше. Он был уверен, что артефакт яв-

ляется чем-то вроде галактического плана. Однако говорить об этом с Клейвом не стал. Единственным человеком, с которым можно было бы обсудить это, был Ридейс Трудо, но теперь он никогда не сможет беседовать с ним...

Глава 7

Родроун не обращал внимания на суету, царящую вокруг. Его мысли витали далеко от привычной картины бурной жизни стандейкерского космопорта.

Развевающийся за спиной плащ и лихой вид пирата вполне гармонировали с пестрой толпой, окружавшей его. Здесь собрались авантюристы различных мастей, от мелких предпринимателей до таких же искателей приключений, как и он сам. Легко пробираясь между торговыми палатками, бранящимися купцами и всевозможного рода космическими кораблями, он думал о своем недавнем выступлении в Совете Торговой Гильдии.

Покинув Келевер, Родроун долго не мог решить, что же делать дальше. Кристалл все так же тревожил его воображение, заставляя искать новые подходы к секрету стриллов. Наконец он направился к Стандейкеру, где, как известно, жили самые прославленные атомщики. Кроме того, эта планета меньше всего контролировалась Торговыми домами, благодаря своему пограничному положению. Немаловажный фактор для безопасности пиратов. Тут они могли чувствовать себя относительно свободно.

Но не успел «Стоунд» приземлиться, как Родроун получил приглашение посетить офис Торгового Дома Дроун, самого влиятельного на планете. И хотя, как и большинство его коллег, пират скептически относился к Торговым Домам, уже не раз пы-

тавшимися принять на себя функции межзвездных правительств, он решил пойти. Однако там его ждал сюрприз. Это оказалось собрание представителей различных Торговых Домов, в том числе и Джал-Ди. Собирались люди, одетые в дорогие меха, разъевшихся и неповоротливых бездельников, привыкших использовать рабски послушных слуг.

— У нас есть сведения, — без излишних предисловий начал оратор от Джал-Ди, — что в настоящий момент вы владеете предметом, принадлежащим стриллам.

Родрун окинул присутствующих беглым взглядом.

— Да, действительно у меня есть нечто подобное. Оратор удовлетворенно хмыкнул.

— Рад, что вы не пытаетесь это отрицать. Кристалл собственность стриллов. Они требуют его обратно. Боюсь, вам придется отдать.

Пират только рассмеялся. Он всегда был свободным человеком и привык поступать так, как ему заблагорассудится. Поэтому Гильдии он совершенно не боялся.

— И вы все собрались здесь лишь для того, чтобы сообщить об этом? Ну уж нет, кристалл мой!

— Стриллы давно требуют его, — резко сказал другой делегат. — Не думаю, что мы станем противодействовать сильной и потенциально дружественной расе ради алчности человека вроде вас.

— А какие права предъявили на кристалл стриллы? Они просто сказали, что это их собственность. Но кристалл очень древний. Он мог быть сделан другой, давно погибшей расой. В любом случае я не собираюсь его отдавать.

Он встал, собираясь уйти.

— Что касается «дружбы» стриллов, у меня на этот счет особое мнение. Вам хорошо известны их

действия. Удивительно, что после всего, что было, вы еще говорите о дружелюбии!

— Да, они действительно захватывают некоторые планеты. Но те, которые населены низшими расами, по большей части не человеческими. Так или иначе, они гарантировали нам неприкосновенность Хаба в случае удовлетворения их настоящего требования.

Родроун с трудом сдержал саркастический смех. Он вовсе не был так уверен в стриллах. Для них люди были такой же низшей расой, как и все остальные.

— Вы глупцы, если думаете, что можете договориться со стриллами! Что же касается кристалла, то зачем, вы думаете, он им понадобился?

Пират сделал многозначительную паузу.

— Артефакт обладает необычными свойствами, господа!

— Ну... Давайте лучше посмотрим, что нам о вас известно, — покачал головой собеседник. — Родроун Чэнг. Многочисленные донесения о пиратских действиях. Есть личный флот, вооруженный до зубов... И вы думаете, мы поверим такому человеку, как вы?

— Не было никакого пиратства! — с негодованием солгал Родроун. — Мы просто предлагаем торговым кораблям продавать нам товары по разумным ценам. Или вы хотите, чтобы мы голодали?

— Не имеет значения, — с досадой произнес собеседник. — Просто это приказ. Передайте кристалл, и мы оставим вас в покое.

— Кристалл мой, — повторил Родроун. — Он стоил мне больших усилий. У вас нет надо мной никакой власти. Это окончательный ответ.

И с решительным видом он чуть откинул край плаща, продемонстрировав оружие.

Представитель Торгового Дома Корму покраснел от негодования.

— Это приказ!!! Подонок! — гневно вскричал он вслед уходящему Родроуну. — Мы знаем кто ты, чертов пират. Ты смутьян и грабитель!

На этот раз Родроун предпочел оставить тираду без ответа. Он поспешно покинул зал и выскочил на улицу. Надо было срочно улетать со Стандейкера.

Неприятное чувство не оставляло пирата. Презрение больно жалило человеческое самолюбие, пусть даже оно исходило от таких ничтожных людей, как эти. Он прекрасно осознавал, что в их представлении был смутьяном, человеком с сомнительным прошлым и еще более сомнительным настоящим.

Добравшись до космопорта, он почувствовал себя спокойнее. Здесь можно было рассчитывать на поддержку.

Родроун расслабился, наслаждаясь окружающей его суетой. Вокруг люди занимались какими-то важными для них делами. Здесь торговля была в самом разгаре. Дело чуть не дошло до драки. Там — женщина в пышных юбках сидела на чемоданах с багажом...

Больше тысячи кораблей всех размеров и моделей двигателей стояло в космопорте. Это были и совсем новенькие крейсеры, и груды ржавого металла, в которых с трудом можно было признать корабль.

Родроун не спеша направился в сторону «Стоунда», чей разбитый корпус поднимался вверх на четверть мили. Неожиданно он остановился, заметив припаркованный около него длинный автомобиль с эмблемами Джал-Ди. Рядом стояли вооруженные до зубов люди.

Капитан невольно отступил, стараясь как можно скорей скрыться за корпусами чужих кораблей. Бешенство охватило его. Они пришли за кристаллом!

Но кристалла не было на борту «Стоунда». Он предусмотрительно переправил его в один из отелей города.

Раздался шум приближающегося автомобиля. Мимо пронеслась еще одна полицейская машина. Команда «Стоунда» давала отпор противнику. Но шансов у них почти не было.

— Конфисковали? — любопытно спросил механик ближайшего боусера, останавливаясь неподалеку.

Родрун ничего не ответил.

Он поспешил покинуть космопорт и направился в город. Дома здесь в основном были построены из безвкусно яркого пластика. Родрун быстро добрался до отеля, где оставил кристалл: типичного пятиэтажного здания с приятным интерьером. Поднялся на четвертый этаж и вошел в номер.

— Ну и как дела? — лениво поднялся ему навстречу Клейв.

— Плохо.

Капитан рассказал о том, что произошло.

Клейв не выказал ни удивления, ни тревоги, хотя, безусловно, чувствовал их.

— Смотрел картинки, пока тебя не было. Удивительны!

Молодой человек пересек комнату и подошел к стоящему в углу кристаллу. Родрун присоединился к нему. Да, ему хорошо было известно, как завораживала эта вещь. До сих пор не пресытился он созерцанием бесконечного разнообразия сцен. Они поражали воображение. Каждая имела начало и конец, за исключением одной, которую он смотрел теперь как персональный сериал: безумный монах и его сброд атакуют прекрасный город. Родрун отвергал любую мысль о том, что это может быть обыкновенное картинное шоу. Слишком уж реалистичны пьесы. Он был убежден, что они отражали досто-

верные события. Капитан сконцентрировал внимание на сверкающих точках в центре кристалла и подумал о бесчисленных солнцах Хаба.

— Большинство людей не понимают, как стриллы относятся к нам, — пробормотал он. — Для них мы нечто вроде паразитов, или, в лучшем случае, домашних животных. Чиновники Торговых Домов, возможно, знают что-то, но это их вполне устраивает. Они богаты, так чего же им волноваться? В результате они просто не хотят проблем.

Он задумчиво посмотрел на косой солнечный луч.

— Мы должны выбраться отсюда, как только стемнеет. Я пойду назад в космопорт и попытаюсь достать нам билеты на какой-нибудь корабль. Тебе лучше остаться здесь.

— А как же остальные?

— Мы ничего не можем для них сделать. В противном случае рискуем потерять кристалл. Впрочем, никто не причинит им никакого вреда. Джал-Ди, пожалуй, даже разрешат им забрать корабль назад.

Он молча походил по комнате, поглаживая бороду и раздумывая над сложившейся ситуацией. На несколько минут остановился у зеркала. Кто он? Необычно сильный или самый слабый человек?

За весь оставшийся вечер оба больше не произнесли ни слова. Родрун провел его, в основном, уткнувшись в картинку кристалла. Когда наступила ночь, он отправился в космопорт.

* * *

Ночью оживленность в космопорте несколько не уменьшилась. Зато теперь здесь было гораздо больше тени и, пожалуй, еще больше толкотни, чем днем.

Сначала его преследовала неудача. Первые десять капитанов, к которым он обратился, ответили

отказом: семерым было просто не по пути, а три с недоверием отнеслись к таинственному грузу. Новости распространялись слишком быстро.

Одиннадцатый капитан оказался более сговорчив. Может быть, оттого, что был не совсем трезв. Родроун встречал людей такого типа и всегда отлично ладил с ними. Даже в возрасте они чувствовали себя пятнадцатилетними мальчишками, чья энергия не поддавалась никакому контролю. Капитану было лет шестьдесят. Морщинистое лицо, покрытое неопрятной седой щетиной. Он носил не униформу, а обычную одежду свободного торговца.

Капитан радушно пригласил Родроуна к себе и налил из графина бледно-голубой жидкости.

— Шоун. Гил Шоун, — представился он. — Корабль называется «Стейтор». Только недавно приобрел его. Обошелся мне очень дешево.

Он залпом осушил свой стакан.

— Чем могу быть полезен?

— Мне надо на Скелтер Клустер. Со мной друг и небольшой груз. Мы хорошо заплатим, если вы сниметесь как можно скорее.

— Мы собирались вылететь ночью. Но Скелтер немного в стороне от нашего маршрута: мы везем груз на Тифе.

Родроун поднялся, чтобы уходить.

— Ну что ж, сожалею, что побеспокоил вас, — разочарованно заметил он.

— Эй, подождите минутку, — окликнул его Шоун. — Пожалуй, доставка не очень спешная, а другой работы у нас нет.

— Так мы можем договориться?

— Да. Что за груз?

Лицо Родроуна стало непроницаемым.

— Так я и думал! — Шоун заговорчески наклонился вперед. — Проблемы с Гильдией, верно?

Пират кивнул.

— Хорошо, — удовлетворенно продолжал капитан. — Ненавижу этих жирных свиней. Они разнесли ваш корабль.

— Как! Я и не знал этого!

— Да... И поскольку Скелтер только в нескольких градусах от нашего курса, мы отправимся туда за каких-нибудь пятнадцать тысяч кредитов.

От такого запроса у Родруна даже дух перехватило. Но торговаться не приходилось.

— Хорошо. Я заплачу на Скелтере. Вы ведь не рассчитываете, что я ношу такие деньги в кармане!

— Что ж, полностью полагаюсь на вас. — Гейл Шоун встал. — Добро пожаловать на борт. Вам здесь понравится. Команда — хорошие ребята, некоторые со мной уже годы. Джерми поедет с вами и поможет забрать приятеля и груз. Потом мы сразу же отправляемся.

Затем, понизив голос, предостерегающе добавил:

— Слышал, Гильдия попросила владельцев космопорта разрешить досмотр кораблей.

Джерми, невысокий темноволосый мужчина с крысиным лицом, встретил их у грузового люка. Шоун помахал им рукой на прощание и скрылся внутри корабля.

Хотя капитан не успел перекинуться с ним ни словом, Джерми проявил большую расторопность. Вероятно, быстрота была привычной для людей Шоуна.

Все время до отеля они молчали.

Клейв поднялся им навстречу, бросив мимоличный взгляд на капитана и более внимательный на Джерми.

— О' кей, — дребезжащим голосом проговорил тот. — Это? Закутайте его в одеяло и выносите на улицу.

Пираты несли кристалл очень осторожно, боясь повредить. Родруун чувствовал себя чрезвычайно глупо, словно преступник, таща через освещенное фойе отеля какой-то завернутый в одеяло предмет.

В космопорте ситуация оказалась накаленной до предела. Полиция развернула обширные поиски. Небольшая группа кораблей оказала сопротивление. Атакованные полицейскими машинами корабли отвечали залпами орудий.

Вокруг царил^{*} невообразимая суматоха. Некоторые разогревали двигатели, чтобы подняться в воздух, как только возникнут какие-нибудь проблемы. Шум моторов стоял невообразимый.

— Что за черт...

Джерми свернул, чтобы не врезаться в толпу вооруженных до зубов людей — членов экипажа одного из кораблей.

Наконец впереди показался «Стейтор». Джерми на максимальной скорости подъехал к грузовому отсеку.

— На борт! — резко бросил он.

— Посмотрите! — воскликнул Клейв.

Три осажденных корабля взмыли вверх. Вероятно, битва продолжалась так долго, что они успели прогреть двигатель.

Неожиданно из темноты вынырнула фигура в униформе и заглянула в окно автомобиля.

— Выйдите из машины. Это проверка.

Джерми достал маленький револьвер и выстрелил незнакомцу в голову. При этом на лице его не отразилось никаких эмоций.

— Теперь быстрее! — крикнул он пиратам, открывая дверцу и отпихивая ногой тело несчастного полицейского.

Не успели они вынуть кристалл из машины, как раздался голос, усиленный громкоговорителем.

— Внимание! Корабельный досмотр! Откройте люки и приготовьтесь к обыску. Эй, вы там! Опустите сходни!

— Быстрее! — нетерпеливо крикнул Джерми, хлопнув дверцу автомобиля.

Он так и не предложил помочь в переноске неуклюжего груза.

Голос полицейского прозвучал глуше, так, словно он отвернулся от мегафона.

— Лейтенант, думаю, я нашел их! Они заносят что-то на борт большого корабля.

Через секунду тот же голос в панике продолжал:

— Господи! Они же убили Ролли!

Завыла сирена.

Из люка грузового отсека выскочил мужчина крепкого телосложения и, почти вырвав из рук Родроуна кристалл, втащил его внутрь. Затем, схватив пирата за руку, втянул следом.

Сердце Родроуна болезненно сжалось, когда ящик с кристаллом с грохотом ударился об пол.

Выстрел оплавил металл по обе стороны люка. Полицейские были совсем близко. Больше пираты ничего не успели заметить, так как люк плавно закрылся.

Из громкоговорителя на стене раздался голос Гила Шоуна.

— Как там у вас внизу?

— Все на борту, шеф!

— Замечательно. Тогда отправляемся.

Родроуну показалось, что он чувствует слабую вибрацию. Но никакого шума двигателя не было слышно.

— Ну вот, джентльмены, — продолжал Шоун. — Мы в пяти тысячах миль над поверхностью. Теперь набираем скорость. Капитан приглашает пассажи-

ров в Контрольную галерею. Жду, как только будете готовы.

Родроун вопросительно посмотрел на мускулистого незнакомца. Тот молча пожал плечами и повел всех по длинному узкому коридору. Интерьер «Стейтора» был в основном металлическим и состоял из трюмов и галерей, связанных коридорами. Однообразная обстановка напоминала Родроуну тюрьму.

Контрольная галерея, центр жизни капитана Шоуна, ничем не отличалась от прочих. Продолговатая, сорока фунтов длиной и пятнадцати высотой. Здесь всегда было холодно и мрачно. Панель управления — чуть ли не единственный предмет обстановки. По стенам развешаны самые разнообразные вещи: трофеи, оружие и прочее.

Потолок покрывал орнамент, пожалуй, единственное украшение на всем корабле. Картину дополняли матрац и груда одеял, сваленные в углу.

Капитан Шоун сидел у приборной панели, с улыбкой глядя на вошедших. Перед ним уже стояли три бокала.

— Ну, друзья мои, подходите и наливайте. К черту полицию и весь этот мусор! — рассмеялся он.

— Спасибо, Шоун, вы хорошо делаете свою работу. Какого рода двигатель вы используете? Я никогда не слышал об абсолютно бесшумных моделях.

— Да уж, здешнее оборудование совершенно бесшумно, — согласился тот. — А как зовут вашего приятеля?

— Клейв Фиори.

— Фиори? — с интересом посмотрел на Клейва капитан. — Уж не из старинной ли фамилии Фиори? Клейв кивнул.

— Рад видеть на борту своего корабля представителя столь славного рода. Старый Джон Фиори и

его сыновья много сделали для науки. Джон был замечательный человек. Хотя прошло столько времени... Я думал, семья распалась...

— Да, распалась — согласился молодой Фиори.

Родроун поднял свой бокал и сделал маленький глоток.

— И как долго мы будем в пути? — спросил он.

— Думаю, около двух недель в корабельном времени.

— А что Джал-Ди? Нас могут преследовать.

— Ленивые торговцы недостаточно энергичны, чтобы гоняться за нами, — усмехнулся Шоун. — Они просто скажут стриллам, что упустили добычу, а затем забудут и думать об этом. Именно стриллов нам следует опасаться.

Наступила тишина. Шоун пристально посмотрел на пирата, затем вытянул ноги и откинулся в кресле.

— А знаете, что с вами? — неожиданно поинтересовался он. — Вы — заколдованный. Просто родились таким. Неизлечимое желание упорно преследовать и искать — вот в чем ваша проблема. Вы не можете остановиться, не так ли?

Родроун не ответил, чувствуя себя неуютно под этим испытующим взглядом.

Шоун кашлянул.

— Пожалуй, вы слишком остро воспринимаете вещи, — продолжал он. — Нужно жить проще, беря то, что само идет в руки.

Это замечание заставило пирата задуматься. Позднее, когда было выпито достаточно вина, а беседа приобрела более доверительный характер, он спросил:

— В последнее время вы случайно не бывали на планете Сандер?

— Сандер?

— Да. Лэнд У. У меня там жена. Мы не виделись уже пять лет.

— Вы не похожи на человека, от которого могла уйти жена. Как случилось, что она не с вами?

Родроун пожал плечами. Обычно люди, много времени проводящие в космосе, берут жен с собой, особенно, если учитывать «временной эффект» межзвездных путешествий. Но не он. Как объяснить другому их отношения? Их настроенность друг на друга, при которой нет необходимости постоянно находиться рядом.

— Сандер, — повторил Шоун. — Странное название...

— Да.

Родроун отвернулся. Он чувствовал громадное искушение попросить Шоуна отправиться на Лэнд и забрать жену. Это заняло бы девять месяцев Объективного Галактического времени и всего несколько недель корабельного. Однако время сейчас было слишком дорого для него. Он собирался отправиться к своей эскадре, которая находилась где-то на Скелтере, а затем продолжить изучение кристалла. В этот раз он намеревался найти помощь и проводить исследования под надежной защитой эскадры.

Глава 8

В последующие несколько дней Родроуну и Клейву ничего не оставалось, как только ближе знакомиться с экипажем, а также с их странными, почти отчаянными способами бороться с уединением. Вскоре они знали всех. Джерми — человек без юмора. Джублоу — нескладный, с кирпично-красной шеей, по-мальчишески готовый ввязаться в любую авантюру. Неулыбчивый, меланхоличный Крэт, грубый и язвительный Пим... Всего человек десять.

Но в этом сплоченном коллективе царила какая-то странная нездоровая атмосфера. Единственным человеком, чье здоровье не оставляло сомнений, был Филдонет. Именно он помог Родроуну взойти на борт корабля. Очевидно, здесь он был недавно.

Капитан Шоун редко присоединялся к их бурной деятельности. Обычно он сидел в стороне со своей любимой бутылкой вина и наблюдал, весело смеясь их затеям.

На третий день пути несколько человек из команды вошли в комнату Родроуна, забрали кристалл и отнесли в Контрольную галерею. Пират попытался было протестовать, но его не пожелали слушать. Шоун также не предпринял ничего, чтобы остановить их. Все, кто был на корабле, собрались в комнате. Отсутствовал только Клейв. Он занимался стрельбой где-то в дальних отсеках, переделанных под тир.

Кристалл с шумом опустили на пол. После непродолжительной потасовки за лучшие места, люди устроились вокруг кристалла и словно замороженные уставились на «живые картинки». Чтобы быть честным с собой, Родроун не мог обвинить их в излишнем любопытстве. На этом скучном корабле любая новинка была привлекательна, а кристалл определенно оказался сенсацией.

Пим, сидевший на корточках возле кристалла, достал ножик и попытался поковырять его поверхность.

— Хотелось бы посмотреть космические битвы.

— Да! — с энтузиазмом подхватили остальные.

— Эту вещь невозможно регулировать, — сердито проинформировал их Родроун. — Выбор сцен случаен.

— А-а-а, — недовольно скривился Пим. — Эй! Посмотрите-ка! Да вот же оно!

Родроун протолкнулся вперед, чтобы взглянуть. Пим был прав. Посреди космической тьмы космоса виднелись очертания кораблей. Кажется, они сражались друг с другом. Корабли были странной и неизвестной Родроуну формы.

— Надо же, а здесь еще! — промычал Джублоу.

С другой стороны кристалла два клинообразных корабля стояли напротив друг друга. Кажется, они сражались за право владения близлежащей планетой.

— Как тебе это удалось? — резко спросил Родроун.

— Что?

— Контролировать его?

— А кто сказал, что я контролирую?

— Но у меня ни разу не вышло получить те изображения, которые я хотел!

— Если бы ты, приятель, хоть раз сыграл с нами, то знал бы, как часто сильные желания могут становиться реальностью, — рассмеялся Пим. — Клянусь, я неоднократно убеждался в этом!

Окружающие одобрительно загоготали.

— Слишком уж часто вы удивляетесь, приятель, — заметил капитан. — Вот был бы здесь старина Джон Фиори, он бы не стал беспокоиться по пустякам.

Родроун в недоумении огляделся.

— Так вы знали Фиори? — неожиданно осенило его.

— Безусловно.

Так вот в чем дело! Теперь все встало на свои места. И странность экипажа, и необычный корабль. Шоун оказался лично знаком с дальним предком Клейва. Человеком, жившим около двух тысяч лет назад! Да, эти люди многое повидали. Они перевозили грузы в самые отдаленные уголки галактики,

за много тысяч световых лет. Их называли «смертниками» за полную изоляцию от общества вне корабля и отсутствие любых человеческих привязанностей. Практически это были «потерянные люди», без прошлого и будущего. У них не было ничего, кроме железного мавзолея — «Стейтора». Эффект временного расширения гарантировал, что они никогда не вернутся в то поколение, которое покинули. Люди и вещи вне «Стейтора» не имели для них никакого значения. В «смертники» шли в основном неудачники, те, у кого не сложилась личная жизнь или же те, кто вынужден был по каким-либо причинам скрываться.

Вскоре кристалл наскучил команде. В Контрольной галерее остался только Родроун да негромко похрапывающий Шоун.

Пират несколько минут сидел задумавшись, затем встал и отправился исследовать корабль.

На «Стейторе» стояла странная тишина. Шум шагов гулким эхом разносился по пустым коридорам. Впереди, там, где по предположению Родроуна должен был находиться двигательный отсек, горел электрический свет, слышались негромкие голоса. Подойдя ближе, пират увидел экипаж «Стейтора». Удобно устроившись на полу небольшого отсека, люди играли в карты. Ни разу до сих пор он не видел их такими сосредоточенными.

— Раскрываемся, — сказал Пим, выкладывая карты на стол.

На несколько минут в комнате повисла гробовая тишина. Все внимательно подсчитывали очки.

Наконец кто-то вскочил и, подойдя к панели, выдвинул один из замедляющих стержней реактора.

Родроун в ужасе сделал шаг вперед.

— А! Решили присоединиться к нам! — воскликнул Пим, заметив его.

— Что за игра?

— Брэг. Здесь нужны и удача, и мастерство.

— Но реактор! Это слишком опасная штука, чтобы включать ее в игру!

— Да, он становится неуправляемой бомбой. Но в чем, собственно, дело? — Пим удивленно поднял брови. — Мы играли в это и на Стандейкере, когда вы только пришли на наш корабль.

— На Стандейкере?!!!

— Конечно.

— Но вы могли взорвать половину космопорта!

— Весь, приятель. Весь. Это старый, добрый реактор. Ну, так я сдаю?

Родрун молча подсел к «смертникам». Игра продолжалась. Это была игра, в которой никто не имел прибыли, но все могли получить один смертельный проигрыш. Когда счет переваливал за определенное количество очков, один из стержней реактора выдвигался. Если же сумма оказывалась точной, стержень возвращался на место. Смысл был в том, чтобы обыграть партнеров, пока очки еще достаточно низкие. Цель — выйти живыми, а это требовало огромной удачи и мастерства. При раскрытии карт все очки каждого из игроков прибавлялись к очкам лидера. Раскрываясь, никто не мог быть уверен, что держат другие. Это было все равно, что играть в русскую рулетку. Однажды Родрун наблюдал эту игру. Двое стреляли себе в голову из излучателя с одним зарядом из пяти. Если везло, то выстрел оказывался холостым. Однако в «рулетке» «смертников» ставкой были не деньги. Здесь важен был сам процесс. Опасная затея. Но почему бы и нет? В каком-то смысле все они уже мертвы.

Был у этих странных людей и особенный способ обезопасить игру от шулерства. Того, чьи нервы не выдерживали, и кто пытался отказаться от уплаты

штрафа, запирали в полости за реакторным щитом. Это была страшная смерть.

Родрун играл осторожно и достаточно умело, но остальные были экспертами.

Неожиданно пират почувствовал, что кто-то стоит у входа. Он поднял голову.

Клейв вошел в отсек, окинув всех быстрым взглядом.

— Брэг? Прекрасно!

И тотчас присоединился к игре.

Родрун почувствовал беспокойство. Знает ли мальчишка, во что ввязывается? Та легкость, с которой Клейв набирал очки, говорила о том, что ему неизвестны ставки. Лица «смертников» становились все напряженнее, на всех читалась одна и та же мысль — «это оно». Несмотря на то, что юноша достиг порядочного счета, не зная, что он делает, никто не снизошел до объяснений двум дополнительным игрокам.

Наконец, после получаса игры, до Клейва начал доходить смысл манипуляций с реактором.

— Да... — протянул, он задыхаясь. — Это, пожалуй, зашло слишком далеко.

Юноша отбросил карты в сторону.

— Вы не можете отказаться, мистер, — сурово произнес Крэт.

— Черт! — Клейв взглянул на счетчик реактора. — Только посмотрите на него!

— Да, здесь жарковато, — согласился Джерми и коротко объяснил смысл ставки.

— И вы участвуете в этом? — молодой человек бросил на Родруна дикий взгляд.

— Это правила, Клейв, — раздраженно пожал тот плечами.

Клейв вскочи на ноги.

— Вы не втянете меня в эту ужасную авантюру!

И в то же мгновение несколько человек кинулись на него и сбили с ног. Родруун прыгнул вперед, чтобы помочь несчастному, но кто-то грубо откинул его назад. Через минуту все было кончено. Юношу впихнули в узкий проход между защитными стенками реактора и наглухо закрыли тяжелый люк.

«Смертники» молча столпились вокруг, избегая смотреть друг на друга. Внезапно кто-то из них достал музыкальные инструменты, и комната наполнилась удивительно приятной мелодией, эхом давно минувших столетий. Тела «смертников» с особым вдохновением принялись исполнять свои обычные пляски, но лица их казались лицами трупов.

С отвращением Родруун покинул отсек и направился обратно в Контрольную галерею. Шоун сидел, устремив в пустоту затуманенный взгляд.

Пират без сил опустился в кресло.

— Эти кровожадные упыри только что убили Клейва, — вяло произнес он.

— Убили? Как?

Родруун объяснил.

— Да, жаль. Он был приятным юношей, — грустно произнес Шоун.

— Жаль?! — слова капитана поразили Родрууна. — Вам жаль?! И больше вы ничего не скажете этим убийцам?

— А? Возмущаетесь? Но ведь это то, что вам всегда так нравилось. Беззаконие! Беспорядок! Вы стремились к нему — так получите его. Все может случиться во вселенной. И хорошие, и плохие, и совершенно ужасные вещи. И какое право вы имеете устанавливать здесь какие-нибудь границы?

Некоторое время Родруун смотрел на капитана.

— Кстати, — заметил Шоун, — к нам приближаются стриллы. Три или четыре корабля. Думаю, лучше убраться с дороги.

Он встал и нетвердой походкой направился к картам. Откорректировал курс, а потом вновь вернулся к пульта управления.

Через минуту его лицо приняло обеспокоенное выражение.

— Филданет! — проревел он в коммуникатор.

— Да, сэр!

— В чем дело?

— Какие-то неполадки с двигателем.

— Займись этим.

Полчаса спустя в Контрольную галерею вошел смущенный Филданет. Запинаясь, он принялся объяснять, что вмешательства в работу реактора каким-то образом вывели из строя двигатель. А потом сообщил, что не может отремонтировать его, так как впервые видит подобную модель.

— Это ваш механик? — изумленно спросил Родрун.

— Да, я принял его пару остановок назад, — вздохнул капитан. — Он показался мне способным малым. Говорил, что неплохо разбирается в своем деле. Кто ж знал, что это ложь!

Шоун обвиняюще взглянул на переминающегося с ноги на ногу Филданета.

— Но я сказал правду, — начал оправдываться тот. — Просто до сих пор я никогда не слышал о такой системе. Я хорошо разбираюсь в технике и полагал, что нет ничего, с чем бы я не смог справиться. В следующий раз не буду таким самоуверенным.

Родрун был явно заинтригован.

— Теперь понятно, почему корабль так дешево стоил, — продолжал механик. — На свете существует только три таких модели. И вряд ли найдется много техников, знакомых с подобными системами.

— И вы решили, что можете стать одним из них? — пожал плечами Шоун.

Родроун посмотрел на экран наружного наблюдения. Три длинных угловатых корабля стриллов направлялись к ним.

* * *

У «смертников» не было причин полагать, что стриллы питают к ним враждебные намерения. Однако, когда Родроун объяснил ситуацию, они развили энергичную деятельность. Завязалось сражение.

Пока шла битва, Родроун сидел в дальнем углу Контрольной галереи, безразличный ко всему. Смертельная усталость овладела им. Гибель Клейва потрясла его до глубины души. Он осознавал, что, попав к «смертикам», с удивительной готовностью воспринял их мораль. Это были люди, выброшенные из нормальной жизни. Их неполноценная психика принимала смерть, бросая вызов жизни, и не придавая ей никакого значения. Какая ирония судьбы привела его к ним?

Вокруг стоял невообразимый грохот. Звуки выстрелов из тяжелых орудий доносились из отдаленных частей корабля. В ответ раздавался оглушающий треск ответного огня стриллов. «Стейтор» тряхнуло. Шоун держался за стол одной рукой и отдавал приказы по внутреннему коммуникатору. Снова толчок и капитан слетел со стула. Еще удар, и корабль погрузился в темноту. Где-то во мраке выругался Шоун.

Битва продолжалась, но Родроун больше ничего не слышал. Он опустил голову и намеренно отключил сознание от реальности, предавшись воспоминаниям. Пират все еще был погружен в свои мысли, когда через двадцать минут снова вспыхнул яркий свет и голос Шоуна насмешливо произнес:

— Ну же, хватит дуться. Мы победили. Это были патрульные крейсеры. У нас есть пленный.

И капитан рассказал Родроуну, что Джерми снарядил спасательную экспедицию к одному из вражеских крейсеров и доставил на борт одного чудом уцелевшего стрилла. Пленника ввели в Контрольную галерею. Несмотря на перенесенные неприятности, тот чувствовал себя неплохо, судя по здоровому голубому оттенку кожи. Нечто вроде юбки природного происхождения окаймляло тело, скрывая под собой шесть пар маленьких ножек и пару рук. Странные сапфировые глаза внимательно посмотрели на Родроуна, затем обратились к кристаллу, все еще лежавшему на полу галереи.

— Значит, это правда, он у вас.

Родроун кивнул.

— И что вы намерены с ним делать?

— Собираюсь исследовать и понять цель его создания, — без колебаний ответил пират.

— Как?

— Должен же быть какой-нибудь способ!

Стрилл издал странный фыркающий звук.

— Нелепо. Это могут понять только стриллы.

— А вы понимаете?

— Я? Конечно, нет. Я только инженер на патрульном корабле. Кристаллом же должны заниматься те, кто живет в Созерцательных мирах.

Родроун засомневался. Ему уже не раз приходило в голову, что тайна кристалла может быть за пределами человеческого понимания. А если так, стоит рискнуть.

— И где же эти Созерцательные миры?

— Вас это не касается. Единственное, что вам следует сделать, так это передать кристалл его истинным владельцам, стриллам.

— Не раньше, чем я пойму, как им пользоваться. Возможно, потом вы сумеете убедить меня в необходимости отдать его.

Стрилл расположился на полу в позе сфинкса.

— Ну, если таково ваше желание, можете отправляться в Созерцательные миры. Может быть, философы объяснят вам все, что вы захотите, и получат взамен кристалл.

— Я сказал «возможно».

— У вас нет выхода. Вскоре придут другие корабли. Если вы не встретитесь с философом, то никогда не исполните своего желания.

Родрун усмехнулся над тем, как изящно стрилл поставил его в затруднительное положение.

— Это безумие,— возразил Шоун.— Мы никуда не пойдем.

— Да, у нас поломка двигателя,— вновь обратился к стриллу Родрун.— Мы не знаем, как ее устранить. Возможно, у вас получится. В таком случае, мы отправимся в Созерцательные миры, как вы и предлагаете. Конечно, если капитан согласится.

Он вопросительно взглянул на Шоуна. Тот многозначительно пожал плечами.

— Нас заведут напрямиком в ловушку, но так и быть...

Стрилл поднялся.

— Кристаллу лучше быть у стриллов, чем вновь исчезнуть в космосе. Отведите меня в двигательный отсек.

Глава 9

Осмотрев двигатель, стрилл не произнес ни слова, но к концу дня тот был уже в полном порядке.

После нескольких дней полета пираты оказались недалеко от цели путешествия. Это была заброшенная планета, покрытая красноватой ржавчиной. Голубое солнце придавало атмосфере холодный вид. Насколько было известно, здесь не было никого,

кроме живущего в отшельничестве философа. Он обитал в подземельях, полностью посвятив себя философии и науке.

Прежде чем они приземлились, Родроун вышел на связь с Калтолом, назначив место сбора эскадры.

— Да, капитан. Можете на нас положиться, — как всегда важно ответил рыжебородый.

Экран погас. Калтол не был сентиментален и не любил пускаться в длительные разговоры.

«Стейтор» опустился на планету, на целый фут потонув в красноватой пыли.

Родроун последовал за стриллом в сопровождении Шоуна, помогавшего нести ящик с кристаллом. Через тысячу ярдов стрилл остановился. Они оказались около небольшого кургана, длинный темный туннель вел внутрь. Сначала было темно, но по мере продвижения, туннель заполнялся успокаивающим светом зеленого и оранжевого тонов.

Апартаменты философа оказались просторными. Некоторые из них отличались богатым убранством, другие же, напротив, были отделаны голым металлом, наподобие «Стейтора». В голубых полупрозрачных держателях тлели ароматические палочки, наполняя воздух странным волнующим запахом.

Неожиданно Родроун почувствовал чье-то присутствие. Из мрака выступила стройная женская фигура.

— Я думал, философ живет в одиночестве, — заметил Родроун своему проводнику.

— Как видите, нет, — мягко ответил тот. — Это просто обычай, а не обязанность.

Женщина скользнула к пирату, вытянув вперед тонкие руки, чтобы прикоснуться к его щеке.

Тот невольно отступил назад, но тотчас раскаялся в этом инстинктивном движении. Тусклое лицо девушки пугало болезненной бледностью, но, при-

смотревшись внимательней, можно было заметить его привлекательность.

— Кто ты? — удивленно спросил Родроун.

— Сэна, — грустно ответила она.

Приподняв подол изящного платья свободного покроя, струящимися волнами спадающего с ее плеч, девушка легким движением провела ногой по мягкому ворсу ковра.

— Когда-то я была известной певицей. А сейчас служу забавой для стрилла.

— Как долго ты здесь?

— Не знаю... Годы... может быть... вечность.

За ее спиной возникла фигура стрилла. Философ величественно вышел вперед. Он был уже не молод, кожа сморщена от старости, а глаза тусклые, небесно-голубые. Стрилл сначала посмотрел на кристалл и только потом на гостей. Инженер обратился к нему на своем языке, полном шипящих и чихающих звуков, некоторые из которых и вовсе были за пределами человеческого слуха.

— Так, «Великий План» после долгих странствий вернулся туда, где ему и положено быть, — важно произнес философ. — Мне только что рассказали о вашем желании знать правду о кристалле, после чего вы добровольно отдадите его законным владельцам.

— Я не обещал...

— Неважно. Когда вы узнаете истину, то непременно согласитесь.

Родроун посмотрел на кристалл. Голос отказывался повиноваться.

— Во-первых, — продолжал философ, — вы думали, что кристалл сделали стриллы. Это была ваша первая ошибка. Его сотворили догалактические существа громадного интеллекта, которые существуют где-то во вселенной. Теперь о второй ошибке.

Вы думали, что это карта-копия, отражающая галактическое развитие. Это не карта, а оригинальный замысел, схема по которой были сформированы все звезды галактики.

— Невероятно! Галактика образовалась из сгущения водорода!

— Так считают.

— Тогда какую роль мог играть в этом кристалл?

— Кристалл — это устройство, связывающее макрокосмос и микрокосмос. С помощью очень тонкой радиации он находится в постоянном контакте со всеми частями галактики и контролирует все, что там происходит.

— Не может быть! Это просто фантастика! А как же остальные галактики? Они тоже обязаны своим существованием вашему «космическому богу»?

— Возможно, некоторые.

На минуту воцарилась мертвая тишина. Затем стрилл заговорил вновь.

— Кристалл — план в четырех измерениях, но в нем есть элементы неопределенности. Это неизбежно для квантово-механической природы субатомного мира. Кристалл как раз и нужен для того, чтобы противодействовать неопределенности природы. Чтобы осуществлять такой контроль, необходимы Хранители. В течение всего времени существования галактики ими были разные расы. Но в настоящее время избранными оказались стриллы. Но что может быть гарантией против некомпетентности Хранителей?! И вот, полторы тысячи лет назад, произошла катастрофа: кристалл переправлялся из одного места хранения в другое под присмотром презренного Сеффата, и...

— Сеффата! — перебил Родрун. — Он что-то сделал с кристаллом?

— Вам знакомо это имя? Возможно, вы слышали легенды. Корабль, на борту которого перевозился кристалл, потерпел крушение. Автоматически он разделился на секции. Секция, в которой находился артефакт, так и не была найдена. Века спустя, видимо, кто-то подобрал его, и только недавно кристалл вновь появился, но уже как товар в человеческой межзвездной торговле. Теперь вы видите, какое тяжелейшее бремя лежало на стриллах все эти годы.

— Однако вряд ли это была вина Сеффата, — пробормотал Родрун.

— Существует вероятность, что, избрав альтернативный маршрут, он мог избежать катастрофы. Но, так или иначе, он виновен... С потерей кристалла судьба галактики оказалась во власти случайных событий. Наши худшие страхи оправдались, когда на сцену выступила человеческая раса, с ее захватами в Хабе. Люди не должны были выйти в космос. Человечество — одна из многочисленных рас, которые сыграли роль на сцене своей планеты и исчезли в короткий срок. Но вместо этого, вы начали распространяться по галактике подобно вирусу. Люди — зло, раковая опухоль вселенной.

— Может быть, для кого-то это и плохо, но не для нас.

— Это плохо для всех. В жизни людей нет порядка, их действия непредсказуемы. В один и тот же отрезок времени может существовать только одна звездная раса в галактике. Из-за нашей неосмотрительности, гармония нарушена, и мы должны исправить ошибку. Действие кристалла не ограничено настоящим, оно может также влиять на прошлое и будущее. Чтобы исправить ошибку, мы вынуждены будем стереть ваше прошлое. Человечество вряд ли когда-нибудь выйдет за пределы родной планеты.

— Ну уж нет! — возмущенно воскликнул Родрун. — Меня устраивает настоящее положение дел!

— Не может быть! — удивился философ. — Теперь вы знаете истину, но так и не покорились необходимости?!

— Вы действительно наивны, если полагаете, что я соглашусь жить в планетарной темнице! Думаю, в галактике все идет так, как и должно быть.

— Нет, это будет верная гибель!

Родрун рассмеялся. Неожиданно странное чувство овладело им. Ощущения были такими же, как когда он принимал ДРКЛ-59. Только спустя несколько мгновений он понял, что происходит. Философ, горя желанием испытать кристалл, использовал ментальные способности, чтобы запустить его в действие. Сознание Родруна помутилось, он погрузился в пропасть.

* * *

Космос. Мертвая тишина. Но он слышит вещи, слышит сознанием, так как у него нет ушей, нет тела. Вокруг огромное количество атомических галактик. И внутри каждой из них существует свой мир. Атомы не подобны планетам, а сходны с ними. И в этих галактиках живут сходные существа. С трепетом осознал он, что это миры возможных шансов. Значение неопределенности. И только одна из этих возможностей может стать действительностью в макрокосмосе. Создатели кристалла тщательно подготовили сценарий галактической истории, но не смогли уничтожить фактор неопределенности в атомическом мире. Злая энергия людей распространилась по Хабу. В этом дезорганизованном Хабе теперь могло случиться что угодно. И это устраивало Родруна. Он подумал о «смертниках», Марде

Синте и его сыне... Но даже они нравились ему больше, чем мудрая, упорядоченная система, к которой стремились стриллы.

Родроун чувствовал мощную энергию, исходящую от философа. Тот собирался выйти в прошлое и предотвратить распространение людей в Хабе. Родроун с ужасом и раскаянием подумал о той глупости, которую совершил, позволив сознанию стрилла привести кристалл в действие. Чужая воля парализовала его силу, но в то же время он знал, что его сознание продолжает бороться. Это было ментальное сражение человека и стрилла. Каждый раз, как кто-нибудь из них пытался что-то предпринять, второй блокировал его действия. Жестокая схватка, где ставкой была не только чья-то жизнь, но и судьба всего человечества. Однако Родроун прекрасно понимал, насколько его сила уступает силе философа. Он уже чувствовал, как воля начинает покидать его. И в ту же секунду решение само пришло к нему. Стрилл слишком долго жил в одиночестве и привык не придавать большого значения физическому миру. Родроун же огромным усилием воли перенес часть своего внимания в физический макрокосмос. Вряд ли философ успел сообразить, что происходит, когда пират слегка шевельнул запястьем и энергетический луч, выпущенный им из маленького пистолета, сжег стрилла дотла.

Сознание Родроуна не сразу отключилось от кристалла. Теперь он ясно видел, что их ментальное сражение не осталось без последствий. Оно обострило конфронтацию между людьми и стриллами. Вокруг с ужасающей скоростью проносились события, и он с трепетом осознавал, что может направить их тем или иным путем. Злобный хохот рос в его душе. Они пытались лишить человечество свободы? Так почему бы и нет? Почему бы и не война!

Ужасающая по силе энергетическая волна сотрясла его сознание, и в ту же минуту он снова оказался в подземелье.

* * *

Родроуну хватило беглого взгляда, чтобы понять, что произошло, пока он находился в трансе. Вероятно, второй стрилл выстрелил в него из серебряного излучателя, который теперь валялся на полу. Но луч так и не достиг цели. Капитан Шоун кинулся на инженера, получив при этом смертельную рану в живот, но прежде чем упасть, успел застрелить стрилла.

Сэна стояла, прижавшись к стене, и смотрела на них полными ужаса глазами. Родроун бросил на нее быстрый взгляд, а затем опустился на колени возле раненого.

— Шоун, мне больно видеть, как вы умираете. Капитан криво усмехнулся.

— Что? Даже не стараетесь обнадежить меня?

— Да, вы должны знать правду. Вы умираете.

Шоун попытался приподнять голову, но не смог.

— Знаю... Я видел все, что хотел, теперь мне все равно. Да... Я был в таких мирах, о которых вы даже не слышали. Однажды мне приходилось побывать у самого Барьера. Оттуда можно наблюдать Андромеду. Какой вид! Галактика как на ладони.

Слова, казалось, давались Шоуну без труда. Но это была, вероятно, только бравада. Внезапно он замолчал, а его голова безвольно откинулась назад.

Родроун поднялся и взглянул на Сэну. Вид гибкого тела девушки сильно подействовал на него. Давно женщины не вызывали в нем таких чувств. Вероятно, сказалось то, что он больше года не употреблял ДРКС-59.

— Тебе лучше пойти со мной, Сэна.

— Нет, теперь мой дом здесь.

— Но ты была его пленницей, рабыней. Теперь он погиб и ты свободна.

— Нет, я останусь.

И грациозным движением откинув с лица длинные волосы, девушка повернулась, чтобы уйти. Родроун решительно шагнул за ней и, нежно взяв за плечи, повернул к себе. Затем подхватил на руки и понес к кушетке. Легкое одеяние Сэны скользнуло вниз, обнажив совершенные линии стройного тела. Родроун страстно обнял девушку, желание обладать ею заглушало все остальные чувства. Неожиданно его взгляд упал на лицо Сэны. Оно не выражало ничего, кроме усталости, безразличия и покорности судьбе. Дальше продолжать он не мог.

— Ты должна пойти со мной, — неуверенно пробормотал он, отходя от девушки.

В ответ она только вздохнула. Вряд ли он мог еще что-нибудь сделать для нее. Бросив на Сэну долгий прощальный взгляд, Родроун направился к выходу из пещеры. Неожиданно девушка запела. Грустная мелодия разносилась по туннелям подземелья. Казалось, Сэна отдает последнюю дань погибшему хозяину.

Происшествие с Сэной напомнило пирату, что где-то на Сандере у него есть жена.

Вернувшись на корабль, он приказал доставить кристалл обратно на борт, а сам отправился в Контрольную галерею, чтобы поразмыслить о случившемся.

Через пятнадцать минут в комнату вошел Джерми.

— Ну и куда мы теперь? — грубо прервал он размышления пирата.

— Что? — рассеянно переспросил Родроун.

— Капитан погиб. Он был нашим отцом, но он мертв. Теперь вы наш капитан. Люди хотят знать, куда мы отправимся теперь.

Родрун удивленно поднял брови. Да, пожалуй, «смертники» правы. Они нуждаются в ком-то вроде Шоуна, человеке с крепкими нервами, но более живом, чем они сами. И Родрун как никто другой подходит на роль их лидера.

— Сандер, — коротко произнес он. — Я собираюсь навестить жену.

* * *

Пока Родрун с помощью Филданета рассчитывал курс на Лэнд, «Стейтор» быстро двигался к месту сбора эскадры. На экране коммуникатора появилось лицо Калтола.

— Вижу, вы поменяли корабль, — поприветствовав капитана, заметил он. — Жаль, что мы лишились «Стоунда». Так вы переберетесь на «Ревилер»?

— Нет, я останусь здесь.

— Как? С этой компанией... — Калтол не договорил, но по выражению его лица можно было судить, что он догадывается, кто экипаж «Стейтора». — Извините, сэр, но вам лучше было бы лететь с нами.

Родрун сознавал, что слова Калтола разумны, но разум никогда не играл большой роли в его поступках.

— Может быть, и так, но я останусь здесь, — решительно проговорил он. — Направляйся по координатам, которые я тебе дам.

И не дожидаясь ответа, отключил связь. На Калтола можно было положиться.

Родрун подозревал, что истинной причиной его нежелания перебраться на «Ревилер» была боязнь встретиться с Калтолом лицом к лицу и рассказать

о том, как погиб Клейв. Пират раздраженно отогнал волнующие воспоминания и посмотрел на кристалл. С тех пор как он побывал у философа, характер «живых картинок» сильно изменился. Ситуации стали динамичнее и взрывоопаснее. Даже безумный монах длительно и безнадежно осаждавший прекрасный город, теперь получил в руки новое оружие. Однажды кто-то принес ему странный предмет — серебряную трубу. Сначала он недоверчиво подержал ее в руках, а потом приложил к губам и подул. Раздавшийся звук, должно быть, оказался невыносим для слуха, потому что окружающие в ужасе закрыли уши руками. Их лица скривились, словно от зубной боли. Флаги на стенах города содрогнулись, стены зашатались. Монах с силой подул еще раз. На сверкающей белой стене показались маленькие трещинки. Они разрастались, пока под напором неведомого звука целый кусок стены не обрушился вниз. Толпа заревела в восторге. Монах победоносно поднял трубу вверх и помахал ею в воздухе. Вибрации звука несли все новые и новые разрушения. Армия сброда ринулась сквозь бреши в стене на улицы прекрасного города и занялась отвратительным грабежом.

Гудок коммуникатора оторвал Родроуна от созерцания этой сцены. Предупреждения пришли одновременно от Калтола и с самого «Стейтора». Приближалась большая флотилия стриллов.

Времени с трудом хватало, чтобы привести в действие заранее подготовленный план. «Стейтор» занял свою позицию в эскадре Родроуна, которая по плану растянулась, образовав кольцо.

Поначалу все складывалось в пользу пиратов. Противник устремился в кольцо прежде, чем сумел разобраться в обстановке. Обстреливаемые со всех сторон корабли стриллов разделились на мелкие сек-

ции, которые некоторое время беспорядочно кружились под изнуряющим вражеским огнем. Но постепенно начало сказываться их превосходство в огневой мощи.

Родрун хотел приказать рассыпаться, но тотчас понял, что это было бы ошибкой. У противника достаточно боевых единиц, чтобы преследовать каждый корабль.

«Стейтор» трещал и стонал в неистовстве битвы, но не получил ни одного существенного повреждения. Кажется, «смертники» давно уже заключили соглашение с Ангелом Смерти. Их опыт игры в брэг, а также способность Джерми запустить в действие кристалл говорили о многом. Может быть, именно это и спасало их сейчас.

Экран наружного наблюдения давал Родруну печальную картину. Многие славные корабли его эскадры погибли. Среди них был и «Ревилер». Битва подходила к концу. Среди бесчисленного количества обломков своих и вражеских кораблей трудно было определить, какие из них еще функционируют, а какие нет.

Наступила мертвая тишина. Обе стороны пытались разглядеть противника. Никто не стрелял из опасения обнаружить себя. Тем не менее Родруну удалось разглядеть несколько функционирующих вражеских единиц, но он не нашел ни одного свидетельства, что кто-нибудь из его эскадры еще жив.

— Мы можем незаметно удрать, — прикоснулся к его руке Джерми.

— Удрать?

— Наш двигатель бесшумен.

Родрун с сомнением посмотрел на экран. Где-то там, возможно, его люди нуждаются в помощи. Но как можно им помочь?

— Хорошо, — неохотно согласился он.

Когда «Стейтор» отошел на безопасное расстояние, Родруун прослушал космическое радиовещание. Везде была одна и та же история. Противостояние между людьми и стриллами вылилось в открытую войну. Повсюду шли сражения. Новости застали его врасплох. Он никак не ожидал такой стремительности событий и теперь чувствовал себя подстрекателем.

— Но зато никто не подвергнет людей гонениям! — подбодрил он себя.

Теперь Родруун чувствовал еще большее желание видеть жену.

* * *

Через несколько недель они вошли в систему Лэнд. Радость наполнила сердце Родрууна, когда он увидел на экране знакомое лиловое солнце и одиннадцать планет, вращающихся вокруг него. Но вскоре он понял, что здесь что-то не так. Седьмая планета дымилась. От нее шли ядовитые испарения. Она двигалась по своей орбите, словно погребальный костер некогда прекрасному миру с пятнадцатимиллионным населением. В ужасе Родруун приказал подойти ближе к шестой планете. Она тоже оказалась безжизненной, ее атмосфера превратилась в радиоактивный суп. После этого он двинулся на Сандер, уже не ожидая ничего хорошего. Сандер оказался опустошен настолько, что вряд ли даже бактерии могли там уцелеть. Стриллы взорвали всю систему Лэнд.

Джерми посмотрел на экран и ухмыльнулся:

— Что, капитан, еще одна смерть?

Кулаки Родрууна невольно сжались.

— Это происходит повсюду в Хабе, капитан. На их стороне и на нашей, — добавил Джерми, заметив выражение его лица.

— Да! — вмешался Джублоу с мальчишеским ликованием. — Многие планеты взорваны!

Родрун чувствовал непреодолимое желание убить их обоих. Но вряд ли можно было ожидать от таких людей чего-то другого.

Глава 10

Вдалеке взорвалась атомная бомба, посылая волны света и радиации сквозь мрак космоса. Родрун присмотрелся. На экране появилась еле заметная точка, быстро удаляющаяся от эпицентра взрыва. «Стейтор» последовал за ней. Вскоре уже можно было различить очертания знакомого предмета.

Родрун вздохнул. На кристалле не было повреждений. Ни взрыв, ни радиация не нанесли ему никакого ущерба. Ни малейшей царапинки на его блестящей ровной поверхности. Очевидно, кристалл невозможно было разрушить. В ужасе от страшной судьбы системы Лэнд и остальных событий, происходящих в Хабе, Родрун решил уничтожить артефакт. Он испробовал все: взрывал, растворял в кислоте и даже пытался воздействовать электричеством — ничего не помогало.

— А что если так и должно быть? — заметил Филданет, когда они втащили на борт неповрежденный кристалл. — Может быть, он должен существовать. Он влияет на события и неизвестно еще, что будет, если мы разрушим его.

Филданет — самый умный в команде. Наблюдая за действиями инженера-стрилла, он легко научился справляться с двигателем «Стейтора». К тому же механик недавно попал на корабль и еще не был окончательно испорчен его атмосферой. Очевидно, если бы судьба не забросила его к «смертникам», он смог бы преодолеть ту личную трагедию, которая

заставила его повернуться спиной к нормальной жизни. Но теперь у него не было ни малейшего шанса.

— Нет, — покачал головой Родроун. — Я уже думал об этом. Скорее всего, стриллы допускают огромную ошибку, ставя телегу впереди лошади. Галактике не нужен кристалл, чтобы контролировать ее. Это неестественная конструкция. Возможно, когда-то она и дала толчок возникновению жизни, в чем я сильно сомневаюсь, но теперь в ней нет необходимости. Каким-то образом стриллы захватили артефакт, чтобы поддерживать свое господство в галактике, прикрываясь божественной Истиной. Кроме того, я вовсе не уверен, что кристалл способен контролировать события. Думаю, его сцены — это бесконечные возможности, некоторые, возможно, никогда и не случались вовсе, а просто могли случиться.

— А война? Ведь это вы развязали ее с помощью кристалла?

— Да, я так считаю, но у меня нет никаких доказательств. Между стриллами и людьми всегда были напряженные отношения, все, что я сделал, — это подтолкнул их. Возможно, используя кристалл, можно просто увеличить вероятность того или иного события.

Пока они разговаривали, остальные толпились возле экрана космической трансляции. Они каждый день развлекались подобным образом, с жадностью вглядываясь в волнующие события, происходящие в Хабе. У Родроуна спектакль вызывал отвращение, но он понимал, что для «смертников» это «запах жизни».

Стриллы отступали на всех направлениях. Им не хватало гибкости мышления, чтобы противостоять многообразным тактикам, которые применяло против них пестрое население планет. Неожиданно

для всех в космосе появилось огромное число нечеловеческих рас, которые с готовностью присоединились к людям против своих старинных угнетателей. Веками угнетенные расы изучали достижения человеческой космической технологии, но только сейчас осмелились выйти за пределы своих солнечных систем.

— Когда мы тронемся в путь? — прервал размышления капитана Джерми.

— Куда? — недоуменно покачал головой Родрун.

— Мы больше месяца стоим тут. Груза нет, и нам нечего делать. Ребята желают знать, какие у вас планы.

Эти люди не могли долго находиться без движения. Надо было срочно что-то предпринять. Тем более, что Родрун еще так и не решил вопроса с кристаллом. Была только одна возможность избавиться от него — это потерять где-нибудь в глубоком космосе. Да, путешествие будет длительным, а эффект временного расширения навсегда отрежет их от настоящего. Но это не тревожило пирата, слишком мало связывало его теперь с этим временем.

— Ты был с капитаном Шоуном, когда он ходил к Барьеру? — обратился он к Джерми.

— Да, — кивнул тот, а затем добавил: — Но другие не были, сэр.

— А пойдешь туда снова?

— Да, капитан.

— Ну так сообщи команде.

Глава 11

«Стейтор» быстро продвигался вперед. Его двигатель отличался не только необыкновенной бесшумностью, но и мощностью. Иногда Джерми, Филда-

нет, Крэт, Пим, Джублоу и другие заходили в Контрольную галерею навестить капитана. Но большую часть времени они бесцельно бродили по мрачным коридорам корабля, периодически развлекаясь детскими играми. Теперь, когда Родруун запретил им трогать ядерный реактор, их любимому развлечению был положен конец. Но они выказали гораздо меньше недовольства, чем ожидал капитан.

На экране коммуникатора появился Филданет.

— Капитан, мы, должно быть, подошли слишком близко к барьеру!

— Как ты узнал?

— Двигатель ведет себя немного странно.

Первая экспедиция к Андромеде погибла, так и не успев выйти за пределы галактики.

— Держите курс на Барьер, — приказал Родруун. — Не останавливайтесь до тех пор, пока я не прикажу.

— Да, капитан.

Кажется, механику нравилась такая перспектива. Возможно, он начинал гордиться необычными способностями «Стейтора» и хотел испытать их на практике. А может быть, его притягивали те же идеи разложения и распада, что и остальных членов экипажа.

Родруун отключил связь и задумался. Галактический барьер и силовое поле, окружающее кристалл, должно быть, имеют общие начала. Для чего они? Может быть, их целью является защитить галактику от внешнего вторжения, позволить ей развиваться без помех снаружи.

Капитан снова связался с Филданетом и велел докладывать о любых изменениях.

День проходил за днем, не принося ничего нового. Родруун снова принялся рассматривать кристалл. Теперь сцены стали еще более необычными,

чем раньше. А многие из них он и вовсе не смог понять. Это была какая-то абстракция, что-то вроде математических упражнений. Может быть, это результат поражения стриллов?

Но бесконечная история безумного монаха продолжалась. Армия голодранцев опустошала беззащитный город, разрушая здания и убивая жителей. Их предводитель забрался на груды булыжников, бывших некогда прекрасным строением, и дико хохотал. Скрытое капюшоном лицо монаха с каждой минутой становилось все больше и больше, заняв чуть ли не половину кристалла. Все остальные картины-пьесы исчезли. Резким движением монах откинул капюшон назад. Родрун подался вперед, чтобы получше разглядеть незнакомца, и в ужасе вскочил на ноги.

Это было его собственное лицо!

Где-то в глубине души, он всегда знал, что история монаха — это его история. Измена друзьям, варварское разрушение прекрасного города гармонии и порядка — вот все, что предвосхитил кристалл в своей драматической пьесе. Серебряная труба — это сам кристалл, с помощью которого монаху удалось победить строптивый город.

Но мог ли он поступить как-нибудь иначе?

Раздался гудок коммуникатора.

— Что-то случилось, капитан, — раздался взволнованный голос Филданета.

— Что?

— Не знаю, но мы остановились.

— Остановились? Не будь идиотом! Как мы могли остановиться?!

Он взглянул на кристалл. И в ту же секунду все перевернулось. Он, Контрольная галерея, «Стейтор» — все оказалось внутри кристалла, словно замороженные в огромном куске льдины.

— Кристалл! — дико закричал Родрун, чувствуя, как помутился его рассудок. — Кристалл!!!

Внезапно все вернулось на свои места.

— Капитан! — в голосе Филданета звучало радостное возбуждение. — Вы видели? Кристалл в резонансе с силовым полем вокруг галактики! Может, попытаемся преодолеть его? Кто знает, что случится?!

— Кто знает, что случится, — повторил Родрун.

Слова, казалось, материализовались в воздухе прямо перед ним. **КТО ЗНАЕТ, ЧТО СЛУЧИТСЯ! СЛУЧИТСЯ! СЛУЧИ-И-И-ИТСЯ!**

* * *

«Стейтор» с бешеной скоростью растягивало и вновь сжимало в пространстве. Джерми, Пим, Крэт, Филданет, словно мимолетные видения, проносились перед глазами Родруна. Неожиданно все пропало: люди, комната, корабль — все перестало существовать. Он несясь вперед сквозь безграничный космос, погружившись в безумный кошмар. Создатели кристалла явились ему в виде бесформенных фигур. Их нечеловеческие лица пугали своим равнодушием, полным безразличием к судьбе других разумных существ. Но в то же время это не были чужие лица, они вызывали в нем обожание своей беспристрастной холодностью. И они танцевали, танцевали какой-то незнакомый ритуальный танец, и свет, вспыхивающий от блеска их украшений, наполнял миллионы галактик. Танец прекратился. Одно существо поднесло ко рту предмет, напоминающий охотничий рог. И из него посыпались миллионы населенных миров. Выдающийся эксперимент был завершен. Создатели исчезли.

Подсознательно Родрун понимал, что эти существа не создавали вселенную, но вмешались в нее,

экспериментируя над ней, как люди экспериментируют с неживой материей. Теперь они погибли, были истреблены биллионы биллионов лет назад, но их выдающийся эксперимент каким-то образом нашел свой путь в реальном космическом времени.

Головокружительная карусель ускорялась. Родроун протянул руку, чтобы ухватиться за что-нибудь, но кругом была одна пустота.

Неожиданно рука наткнулась на край приборной доски. Прогоулка на космической карусели была окончена.

Колени Родроуна подгибались от слабости, он поспешно опустился на стул. Произошедшее не было ни сном, ни галлюцинацией, он чувствовал это. Капитан огляделся в поиске кристалла, гадая, не он ли сыграл с ним подобную шутку. Кристалла не было. С криком Родроун упал на колени перед небольшой лужицей странного вещества, чего-то среднего между водой и воздухом. И когда он прикоснулся к нему, вещество исчезло, подобно тому, как леденец тает во рту.

Несколько минут Родроун молча стоял, глядя в пустое пространство, где раньше находился кристалл.

— Вот это да! — раздался из коммуникатора восхищенный голос Джерми. — Этот кувырок я готов повторить в любое время!

Однако не всем их приключение понравилось. Джублоу болезненно стонал. Другие испуганными и взволнованными голосами обсуждали случившееся.

— Капитан! Барьер пройден! — неожиданно раздался голос Филданета.

— Что ты сказал?

— Да. Больше ничего не удерживает нас. Мы в свободном космосе, симметричном по всем направлениям, и можем лететь, куда пожелаем!

Родрууну потребовалось время, чтобы осознать услышанное. Но теперь вывод напрашивался сам собой: с разрушением кристалла разрушился и силовой барьер вокруг галактики.

— Это правда, капитан? — послышался недоверчивый голос Джерми.

— Конечно, правда! А теперь к Андромеде!

— К АНДРОМЕДЕ! АНДРОМЕДЕ! — эхом разнеслось по гулким коридорам «Стейтора».

Интересно, правда ли, что человечество — опасная болезнь, «звездный вирус», размышлял Родруун. Если это так, то теперь ничто не сдерживает его, и он распространится по всей вселенной.

«Стейтор» бесшумно преодолевал безграничное море галактики.

ИМПЕРИЯ ДВУХ МИРОВ

I

Нам не светило ярко солнце в тот день, когда мы мчались по серой каменистой равнине со скоростью в семьдесят миль в час, убегая из города Клиттманн. За спиной у нас, заполняя весь пейзаж, высились на фоне холодной каменистой равнины огромные серые каменные стены Клиттманна.

Раньше я только один раз был снаружи, так что зрелище было мне в новость, и я, несмотря на то, что мы находились в роковом положении, все-таки нашел время рассмотреть город под этим новым, необычным углом.

Снаружи Клиттманн почти не казался искусственным сооружением. Это была бесформенная громада, гора, изрезанная грубыми трещинами. Титаническая масса камня, которая поднялась из земли в результате какой-то природной катастрофы и образовала плиты, глыбы, вымоины и каньоны, похожие на пандусы осыпи и своды. Он весь состоял из грубых комьев, а по сторонам лежал осыпавшийся лавиной лишний строительный материал.

Снаружи здесь все смотрелось нелепо. Внешняя часть стены для обитателей Клиттманна была несущественна, они о ней не думали. Нет ни окон, ни дверей, только единственный портал на уровне земли, который почти никогда не открывался. Город был замкнут внутри себя. Если что-то перестраивалось или пристраивалось, то работы велись с внутренней стороны, а о том, как это будет смотреться снаружи, никто не задумывался.

Хоть город и не был симпатичным, вид его брал за душу. Мы не сомневались в том, что свой дом мы больше не увидим. К тому же мы едва унесли ноги. Я не сводил взгляд с круглого портала, расположенного у основания железобетонной громады, и вдруг из него пулей выскочил полицейский шлюп и погнался за нами.

— Один у нас на хвосте! — сказал я Бекмату.

Бекмат сидел за рулем. Он посмотрел в зеркало и хмыкнул.

— Так я и думал. Мозгов у полицейских нет. Держитесь, сейчас мы их достанем.

Он резко снизил скорость примерно до сорока. Вскоре полицейский шлюп уже мчался по серой каменистой равнине с такой же, как и мы, скоростью, двигаясь параллельно с нами, но на почти-тельном расстоянии. Я увидел, что из портала начали появляться другие шлюпы.

Бекмат снова хмыкнул. «Он думает, что может с нами играть. Выгнать бандитов из города, и тут, снаружи, ему уже нечего бояться. Ладно, давай». Он резко развернул шлюп, отчего заскрипели колеса, и мы стали сближаться с полицейским судном.

Свой шлюп мы построили специально для действий на улицах в самом низу Клиттманна, там, куда полиция не осмеливается и сунуться. Но строили мы его с расчетом на непредвиденные ситуации, так

что наш шлюп был крупнее и обладал большей огневой мощностью. Шлюп имел в длину тридцать пять футов, наибольшая ширина составляла двенадцать футов, и вооружен он был пулеметами системы «Джейн» и пушками «Хаккер». Бекмат смеялся. Полицейская машина не успела свернуть, и мы начали бить по их броне из Хэккера. По нашей броне забарабанили пули. Но вот полицейское судно завилало из стороны в сторону, перевернулось и превратилось в покореженную груды.

Бек поехал по широкой дуге, сохраняя дистанцию прежней. Из-под обломков начали выползать израненные, окровавленные полицейские. Наши «Джейны» дали очередь свинца. Полицейские подергались и остались лежать неподвижно.

— Как остальные придурки? — спросил Бек.

Я и Рит уже смотрели назад в сторону Клиттманна. Остальные шлюпы двинулись было вперед, но, видя, что постигло их братьев, вспомнили об осторожности. Они остановились, затем направились к portalу.

— Решили не соваться, — сказал я.

— Так я и думал. Ладно, убираемся отсюда.

Он прибавил газу, и мы помчались вперед. Постепенно и очень медленно Клиттманн, оставшийся позади, начал уменьшаться, и мы оказались в пустыне одни. Но прошло еще много времени, прежде чем он совсем скрылся из виду. До этого бурная деятельность не давала нам подумать о том, в каком ужасном положении мы оказались. Теперь же на шлюп опустилась тишина, которую нарушал только вой двигателей и скрип корпуса. Большие надувные шины беззвучно катились по безжизненным камням. Все мы уныло и со страхом смотрели на окружавшую нас со всех сторон местность, где не было никаких признаков жизни.

Вот нас и выпшвырнули из Клиттманна за то, что мы попытались стать слишком крутыми. Но куда деваться теперь? У меня неприятно засосало под ложечкой; такое ощущение возникает, когда лифт за десять секунд доезжает с верхнего этажа до самого нижнего. Кто-то включил в шлюпе внутреннее освещение, отчего вид снаружи сделался еще более унылым.

Все серое. Серая плоская равнина. Серое небо. Серый свет. На Киллиболе даже воздух серый. Серый и безжизненный. Ничто не растет. Ничто не движется. Единственная жизнь — это люди, единственная пища — та, что выращивается в цистернах в городах или в фургонах у горстки кочевых племен. Где же нам брать пищу в этом немилосердном мире?

Когда портал скрылся из виду, мы остановились для ремонта. Шлюп потрепало во время городского боя, но он выдержал. Заодно мы избавились от трупов Брогатама и Флега, которые лежали в задней части главного салона и заливали кровью весь шлюп.

— Бек, — сказал я, — мы потеряли двоих. Получается, что пищи у нас хватит на два с половиной месяца, и то, если только морить себя голодом.

Осталось нас семеро: Бекмат, я, Грейл, Рит, Хассманн и еще два пассажира — Торчок-Тон, который как дурак в последний момент вскочил к нам на борт, и Хармен, алхимик, которого взял с собой Бек по известным только ему причинам и разместил в трюме с припасами.

— Я думаю об этом, Клейн, — сказал Бек мрачно. — Я очень много об этом думаю.

Мне было жаль Бека. Он наверняка чувствовал горечь, отчаяние от того, что видел, как рушатся все его мечты и честолюбивые планы. Но, черт, мы все находились в отчаянии.

— Но, Бек,— не унимался я,— что мы будем делать? Снова проникнуть в Клиттманн мы не можем. Нам некуда деться.

Пока продолжался ремонт, ребята истерично развеселились. У бандитов всегда, после того как они выберутся из опасной переделки, начинается братание, но сейчас, я думаю, это веселость от сознания безнадежности ситуации. Ребята хотели показать друг другу, что не бояться.

Грейл открыл несколько консервных банок, чтобы отпраздновать наше удачное бегство в пустыню. Бекмат все это время молчал. Как только ремонт закончился, он снова повел шлюп, хотя солнце уже опустилось, и начало темнеть. Я с горечью вспоминал об удобствах, к которым привык в Клиттманне.

Я уселся на соседнее с Беком сиденье.

— Нам надо решать, пока еще есть запасы. Может, мы сможем добраться до какого-нибудь другого города и попытаемся проникнуть внутрь.

— И какая перспектива будет у нас в другом городе... Или, хотя бы, какова вероятность того, что мы в него проникнем? — спросил Бек, ухмыляясь. — Не волнуйся, мы все устроим. У нас есть знаток герметической науки.

Я недоумевал:

— Что? Тот старый дурак, что сидит там? Зачем мы взяли его с собой? Мы не можем его кормить. Нам надо его вышвырнуть.

— Я тебе выброшу.

— Но, Бек,— сказал я, глядя на бескрайнюю пустыню, по которой мы неслись, словно пуля. — *Куда же мы направляемся?*

Бек посмотрел на меня своим строгим взглядом.

— На Землю.

На Землю? Я помотал головой, так как ничего не понял. Если Бек не хочет говорить, то он вам

ничего и не скажет. Но я знал, что на Землю никак не попасть. С Киллибола никуда не деться.

II

Города на Киллиболе очень похожи на термитники, такие, как на Земле или на Луне. Внутри город так огромен, что представляет собой целый, совершенно замкнутый мир. Он весь однотонный. Там всюду серый цвет: холодный серого металла и серый потеплее — камня и бетона.

Наш город Клиттманн — типичный пример. В одних его районах бурлит жизнь, в других — мертвая тишина. Куда бы вы ни пошли, вы все время оказываетесь среди лабиринта улиц, пандусов, переулков, шатких мостиков через провалы, опор и балочных ферм. В оживленных районах все слегка вибрирует, и в воздухе всегда висит пыль.

Энергией обеспечивают ядерные реакторы, а пища происходит из протеиновых цистерн. Никому никогда не удавалось вырастить что-нибудь съедобное на совершенно безжизненном, мертвом грунте Киллибола. Благодаря долгой и сложной переработке можно разложить каменную породу Киллибола, а одну из частей использовать в производстве пищи, чтобы таким образом компенсировать потери, но основная часть материала поступает в цистерны в результате вторичной переработки канализационных стоков и кухонных отбросов.

На Киллиболе нет ничего важнее цистерн. Жизнь каждого зависит от связи с какой-нибудь цистерной. Почти во всех городах согласно букве закона право гражданина на пищу является неотъемлемым, а высшей мерой наказания является изгнание из города, за пределами которого вы обречены на голодную смерть. Но на практике может случиться так, что

вы потеряете связь с цистерной, и тогда вам придется добывать себе пропитание, роясь в отбросах, оказывая случайные услуги или встав на путь преступлений. Цистерны прикреплены ко всем существующим в городе организациям. У полиции свои цистерны, а у строителей — свои, то же самое у промышленников и у городского правительства. Так что все эти люди, если вы им не понравитесь, могут отсоединить вас, и ничего вы поделать не сможете, так как закон в Клиттманне много не церемонится. Даже если вы работаете на правительство, но вас увольняют, то сразу аннулируют вашу распределительную карточку.

Таких людей в Клиттманне тысячи, и почти всех их можно найти в городском чреве — в пользующемся дурной репутацией, опасном районе, расположенном в самом низу. Полицейские наведываются туда редко, и хотя им и хотелось бы бывать там почаще, жестокая правда жизни создала что-то вроде границы между зонами влияния полиции и преступного мира.

В общем, это немного вводит вас в суть дела. Каждый город на Киллиболе изолирован, поглощен самим собой. Из-за отсутствия ионосферы дальний радиоприем невозможен, а отправляющиеся иногда торговые караваны чаще всего становятся добычей банд кочевников, так что возможностей для странствий и путешествий немного. Но следует заметить, что в таких городах, как Клиттманн, из поколения в поколение происходит все одно и то же. Нет ни развития, ни упадка. Граждане со слепым инстинктом занимаются работой и следуют своим жизненным привычкам, в точности, как те термиты, о которых я говорил. И, естественно, ни полиция, ни правительство, да и практически никто не хочет знать ни о каких переменах.

Но, думаю, ничто не продолжается вечно. Даже среди постоянства этих огромных термитников в конце концов должен был появиться человек подобный Бекмату.

Клиттманн стремится строиться вверх. Магнаты и правительственные шишки, которые строят себе шикарные апартаменты или затевают программы городского расширения, все работы производят на верхней внешней части термитника. Таков их инстинкт. Иногда их усилия заходят слишком далеко, новые наросты обрушиваются и осыпаются лавиной с внешней стороны стены, прихватывая с собой сотни рабочих. Попытки спасательных работ длятся недолго и проходят без энтузиазма; люди, смущаясь собственных ошибок, автоматически замуровывают секцию, которую постигло несчастье.

Но вообще инженеры в Клиттманне работают хорошо. По мере того как громада растет вверх, опоры и бастионы внизу делаются все шире и массивнее, чтобы выдерживать нагрузку. Некоторые части Основания — огромного района, расползшегося в самом нутре города — представляют собой нагромождения лачуг, над которыми нависают массивные железобетонные арки.

За изгибом Десятого северного бастиона скрывается Грязная улица. Названа она так потому, что постройки там выполнены из низкосортного бетона, который похож на грязь. В Клиттманне Грязная улица — это то же самое, что захолустный район хибар. Вообще-то район немного похож на первобытные деревни, которые позднее я видел на Луне. Он пыльный, дома скучены и кривы. От деревни он отличается только тем, что над ним нависает и, кажется, давит его держащий вес находящегося на-

верху Клиттманна бастион. Проектора наверху дают тусклое желтоватое освещение.

Как раз в том месте, где заканчивается бастион и Грязная улица выходит на длинной в милю металлическую эстакаду, заброшенную сейчас, находится заведение, известное в округе как «У Кламера». Проходите через дверь с занавеской, и внутри — столики и игровые автоматы с играми вроде рикшета и спинбола. К тому же иногда там можно достать дурь, так что там всегда много наркош.

В то время «У Кламера» принадлежало Дараку Кламеру, мелкому жулику, который более или менее контролировал всю Грязную улицу. Когда я впервые увидел Бекмата, а было это в зале с игровыми автоматами на Грязной улице, я работал на Кламера. Можно даже сказать, что я ему принадлежал. Бек все это изменил.

О налете я узнал только тогда, когда услышал, что в главном игральном зале крики и стрельба. Я находился в задней части здания вместе с одним человеком Кламера, как вдруг из главного зала к нам вбежал, весь перепуганный, еще один его парень.

Я не стал задавать вопросов. «В машину», — сказал я. Мы выбрались через черный ход, выходящий в боковой переулок, в конце которого и стояли наши машины.

Налетчики уже поставили в переулке своего человека, чтобы он нас перехватил, но я думаю, он не ожидал, что мы появимся так скоро. Я выскочил с выстрелами. Пули, посланные в меня, попали в мягкий камень стены рядом с моей головой и обсыпали пылью, в то время как мои пули отбросили тело стрелявшего прямо к концу переулка.

— Двигаем отсюда быстрее, — сказал Херш, когда мы запрыгнули в машину. Как я помню, он был

подвижным пареньком, который не любил безрас-
судно рисковать.

— Нет,— ответил я.

Мы выехали из переулка, и я заметил, что на другой стороне Грязной улицы стоят две машины больше нашей, которые на фоне массивного бастиона казались горбатыми жуками. В машинах сидели люди: не все налетчики ворвались в игральные залы. Я резко повернул машину, врезался во входные двери нашего заведения и перекрыл их корпусом машины. Затем я открыл дверь, и мы снова забежали в игровой зал.

Там были четыре вооруженных налетчика. Они явно считали, что уже завладели заведением. Наши посетители, те, кто еще остался жив, толпой валили к черному ходу. Отлично, подумал я, теперь через черный ход тоже не войти.

У меня был только пистолет большого калибра. У Херша был автомат, который он успел схватить, когда мы убегали — вообще-то, это был единственный автомат в банде Кламера. Херш накрыл градом пуль весь клуб, убивая без разбора и налетчиков, и клиентов. Стрельба продолжалась всего несколько секунд, но, казалось, что длится она вечность, и вокруг уже царит полная неразбериха. И вдруг я заметил, что стреляю только я один. Четверо налетчиков были мертвы. А также Херш и тот, другой парень — не могу сейчас вспомнить, как его звали. Клуб был пуст.

Я быстро выглянул из главного входа и посмотрел на улицу сквозь окна машины. Двое чужих все еще находились на своих местах. Наша машина крепко застряла во входных дверях, и я решил, что быстро ее не уберут. Так что я перевернул стол и занял такую позицию, чтобы черный ход был под прицелом.

Как раз тогда я начал подозревать, что, вероятно, сглупил. Я был загнан в угол и мог надеяться лишь на то, что явится вдруг с подмогой Кламер, а в том, что это произойдет, я, зная Кламера, очень сомневался. Мне было интересно, кто такие эти налетчики. Может, у них зуб на Кламера?

В задней части помещения шевельнулась занавеска. Я выстрелил. Грузно упало чье-то тело, оттопырив ткань. Все тихо. Такое долгое ожидание треплет нервы. Я оглянулся и посмотрел на засевшую во входной двери машину. С той стороны мне почти не грозила опасность. Я находился в стороне от линии, если станут стрелять через дверь, а для того, чтобы войти внутрь, людям потребуется пробираться сквозь машину. Я ошибался. Я все еще смотрел назад, как вдруг раздался взрыв, и часть стены обрушилась внутрь.

Я просто разинул рот. Все помещение заволокли клубы пыли. Когда пыль рассеялась, налетчики были уже внутри и держали меня под прицелом своих автоматов. И я оказался в дурацком положении.

Они посмотрели на трупы на полу, и им это явно не понравилось. Один из вошедших повернулся ко мне с крайне неприятным выражением на лице.

— Да только посмотри, что у нас тут.

Я медленно встал, пистолет висел в расслабленной руке. Этот, с мерзкой рожей, подошел ко мне, нагнулся и отобрал пистолет. Положив его к себе в карман, он отошел и, злорадно улыбаясь, многозначительно направил свой автомат мне в живот.

Как раз в этот момент вошел еще один человек, осторожно ступая по обломкам и стряхивая оседающую пыль со своих плеч. Он стал оглядываться, и все почтительно уступали ему дорогу.

Наконец взгляд его обратился ко мне, и тогда я впервые встретился лицом к лицу с Бекматом. Он

был подвижным человеком, ростом чуть ниже среднего, в своих движениях аккуратный и осторожный. Одевался он так, что плечи казались квадратными, лицо его тоже было немного квадратным, а черные волосы зачесаны на сторону и плотно прилизаны. Он задумчиво смотрел на меня своими маленькими, почти черными глазами, которые, казалось, иногда как-то странно поблескивают, когда он смотрит на вас.

— Это ты вел машину? — спросил он спокойным баритоном. Я кивнул.

— Неплохо. — Он подошел к одному из трупов и перевернул его ногой. — Очень нехорошо вышло с Хетом. Он был хорошим работником. — Он поднял брови и снова посмотрел на меня. — Ты работаешь на Кламера?

— Да.

— Больше не работаешь. Кламер мертв. Теперь Грязная улица — часть моей территории.

— Ну, ты размечтался, — бросил я.

Странно, но он не счел это оскорблением.

— Жаль, что нам пришлось испортить заведение, — сказал он. — Но оно ведь все равно многого не давало, ведь так?

— Я прикончу этого придурка, босс? — с нетерпением спросила мерзкая рожа.

— Что? Нет, мне нравится этот парень! Когда я сидел в машине и увидел, как он выскочил из-за угла, я подумал, вот, наконец, кто-то, кто соображает. Это ведь редкость. — Он ткнул в меня пальцем. — Как тебя зовут?

— Клейн.

— Но он нам стоил пятерых! — возразил другой.

— Знаю. Берем его с собой.

Не говоря больше ни слова, он направился по обломкам к выходу. Мы пошли следом, я — с дулом автомата у ребер.

Мы направились к центру Основания, вначале по старой, заброшенной эстакаде, свернув затем на более новое и оживленное шоссе.

В этой, более зажиточной, части Основания порядка было больше, чем там, откуда мы приехали. Наконец машины съехали по пандусу в гараж. Стальные шторы загудели и тихо закрылись за нами. Меня подтолкнули и вывели из машины. В другом конце гаража находились еще двери. Мы вошли в одну из них и оказались в помещении, которое при плохом освещении показалось мне спальней. У меня возникло ощущение, что я попался нехилой банде.

— Я поговорю с новичком, — сказал Бекмат. Через несколько минут, к моему огромному изумлению, я остался с ним наедине. Помещение для этой части мира было удивительно опрятным. Бекмат зажег сигарету, предложил мне и сам тоже закурил. Я понюхал сигарету с подозрением, но она была обычной, а не той, с дурью, какие курят люди, потерявшие к себе уважение.

— Хорошо, — сказал Бекмат. — Расскажи мне о себе.

Ну, я рассказал. Когда-то я был слесарем-механиком. Но поругался с одним бюрократом, когда выполнял работу лично для него, и вдруг обнаружил, что я больше не могу по своей карточке получать пищу из цистерны слесарей-механиков. Помочь мне никто не хотел, так как тот государственный чиновник имел влияние на управление этой цистерны.

Вначале я пытался выжить, выполняя частные заказы. Но узнал то, что узнали многие и до, и после меня: если начал падать — уже не остановишься. Я опускался все ниже по социальной лестнице, пока в конце концов не оказался в банде Кламера.

Бек внимательно слушал мой рассказ, глядел в пол и время от времени потягивая сигарету. Наконец он кивнул.

— Теперь будешь работать на меня, — сказал он спокойным голосом.

— А если я не люблю, чтобы за меня решали?

— У тебя нет выбора. Сегодня я потерял пятерых. Ты мне очень много должен. Он вдруг усмехнулся. — Кроме того, ты теперь на пути вверх! Смотри, у меня, как и у тебя, нет цистерны, но это меня не особо беспокоит. Хочешь услышать мою историю? Без цистерны я с пятнадцати лет, как тебе такое? Да, в Основании я оказался в пятнадцать лет.

— Как такое может случиться?

— Там наверху на большой стройке случился пожар. Сильный пожар. Обвинили моего отца. Из-за пожара был большой скандал. Отца расстреляли. Семью его, конечно, никак наказать не могли, но мы все равно продуктов по карточкам больше не получали.

— Твой отец был разработчиком проекта?

— Нет, он был рабочим.

— Почему же тогда обвинили его? — спросил я возмущенно. — Почему не обвинить того, кто включил в проект сгораемые материалы? — Запрет на использование в строительстве сгораемых материалов очень строг в Клиттманне, и нарушается он не часто.

Бекмат пожал плечами.

— Я знаю Основание вдоль и поперек. И наверху я тоже бывал. Я знаю, как действуют все эти банды, которые хотят только разок урвать здесь; и знаю, как работают банды, которые хотят только разок урвать там. Да весь этот проклятый город только и хочет, что разок урвать.

Он задумчиво выпустил дым.

— Я видел, в чем ошибка их всех. В конце концов недавно мне удалось создать собственную банду. Я все делаю правильно. Мы развиваемся. Пока ты с нами, о пище можешь не беспокоиться. Скажи, что за помои ты ел у Кламера?

Я скривил лицо. Бекмат рассмеялся.

— Не очень вкусно? Могу себе представить. Протеин со вкусом бумаги, потерявший свежесть несколько месяцев назад. У нас ты будешь хорошо питаться. Мы уже почти взяли под контроль все нелегальные поставки в Основание. Смешно, но на черном рынке деликатесных продуктов больше, чем обычных. Конечно, это не все. Как только мы организовались, я начал забирать под себя то здесь, то там. Надо только в нужном месте и в нужное время применить силу. Мы расширяемся, все время растем. Нам уже принадлежит распределение дури в Основании.

Дурь — это вызывающий привыкание наркотик, который можно колоть в руку или — что еще опаснее — курить. Где ее выращивают, для многих до сих пор тайна. Одни говорят, что где-то есть секретная цистерна, другие — что выращивает ее некая государственная структура. И даже если Бекмат знал — где, мне тогда его спрашивать не хотелось.

Может, настроение у меня улучшилось просто от сигареты. И Бекмат стал мне чем-то нравиться. Он не был простым бандитом из Основания, это было ясно. Он уже начал как-то необычно воздействовать на меня, притягивать, очаровывать. Думаю, он — прирожденный руководитель.

— Зачем ты все это мне рассказываешь? — спросил я.

— Я же сказал, у тебя есть мозги. Я это вижу по тебе. Людей с мозгами здесь не хватает, а они мне нужны.

Он закурил вторую сигарету, затем обратил свой необычный искрящийся взгляд на меня.

— Тебе лучше быть у меня в банде, Клейн, потому что очень скоро я собираюсь все Основание превратить в империю.

III

Бекмат вскоре сдержал обещание.

Меньше чем через год он уже стал самым важным человеком в Основании. Почти все предприятия были взяты под контроль, то есть они ему платили за право существовать. Но несколько предприятий он оставил в покое. «Всегда нужно место для маневра», — говорил он обычно.

Я понял, что он имеет в виду, когда полиция начала интересоваться и послала к нам один из своих патрульных шлюпов. Обычно так не делают. Полицейские поддерживают правопорядок там, наверху, и им хватает хлопот, так что бандитское Основание они, как правило, оставляют кипятиться в собственном соку. Как и следовало ожидать, их вторжение вызвало беспорядки, и они ретировались в сильно поврежденной машине, но в чем-либо обвинить Бека не смогли. Он каким-то образом вовлек полицию в разборку с бандой Воклейта, одной из независимых, оставленных им в покое организаций.

За этот год я быстро продвинулся у Бека и стал его заместителем. Не всем из его ближайшего окружения понравился мой быстрый рост, но многие сумели сообразить, что у нас с Беком складываются особые отношения, так что они смирились с такой ситуацией. Только Грейл, та самая мерзкая рожа, которая хотела всадить в меня пулю в заведении Кламера, возненавидел меня всей душой.

Я уже заметил, что честолюбивым устремлениям Бекмата становилось тесно в пределах Основания. После полицейского рейда он велел мне разработать проект шлюпа и приступить к его постройке — шлюпа такого же, как у полиции, только больше и лучше. Бек явно думал, что однажды в будущем ему, может быть, придется встретиться с полицией на равных.

Однажды я зашел к Беку в кабинет и увидел, что он курит и думает. «Садись Клейн, — сказал он. — Нужно кое-что с тобой обсудить».

Он часто прибегал к моей помощи, чтобы отточить собственные мысли. Я взял сигарету из стоявшей на столе коробочки и закурил.

— Ты знаешь, — начал он, — гангстеры ведь не только в Основании. Наверху гангстеры тоже есть.

— Ты имеешь в виду некоторых из правительственных чиновников?

Он махнул рукой.

— И их в том числе, но не только. Там существуют личные интересы, личные империи, как и у нас тут. Только они орудуют, не проливая и капли пота. Потому что основы настоящей власти находятся наверху и принадлежат им.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, Клейн, — прибавил он, пристально посмотрев на меня своими черными глазами. — Я говорю о цистернах.

— Естественно, если не поешь, много не наработаешь, — проговорил я негромко.

— Правильно. Думал ли ты когда-нибудь, Клейн, вот над чем. Думал ли ты когда-нибудь над тем, почему в Клиттманне ничего не изменяется? Почему мы все делаем так, как делали и многие поколения до нас?

Его вопрос озадачил меня. Я пожал плечами.

— Вообще-то не думал. А разве все может быть иначе?

— Вот именно, иначе.— Некоторое время он смотрел на дымок, спокойно поднимающийся от кончика сигареты, которую он держал.— Знаешь, прошли столетия, а может быть, и тысяча лет с тех пор, как люди пришли с Земли и поселились на Киллиболе. Когда они пришли, был период расцвета науки и техники. Эпоха великих перемен.

— Я об этом не знал.— Сказать по правде это просто не укладывалось у меня в голове.

— Мало кто об этом знает. Но как только возникли города, ворота, соединяющие с Землей, были закрыты, что-то произошло. Все окаменело, даже наука и техника. И мы оказались в том состоянии, в каком и находимся сегодня — в застое. Систематического знания больше не существует, есть лишь передаваемые из поколения в поколения навыки. У меня есть теория, объясняющая, почему так произошло. Во-первых, самая главная потребность — это потребность в пище. Цистерны — вот та цитадель, которая не подпускает людей к каким-либо изменениям, — тем более что цистерны находятся в руках меньшинства, и все остальные находятся от этого меньшинства в зависимости. Ты не можешь о чем-либо думать, если, придумав, можешь лишиться протеина. Во-вторых, то обстоятельство, что Каллибол — безжизненная планета, заставляет каждый город замыкаться в себе, и это препятствует общению между ними. На Земле все было иначе. Там пища была повсюду, и города постоянно общались друг с другом. Все, должно быть, было полно деятельности. Может быть, действительно необходимо это сообщение между городами, чтобы было развитие.

— Откуда ты все это знаешь, Бек?

— Я читал книги.— Он взял со стола старинный потрепанный том.— В Основание приходит за дурью один парень. Зовут его Тон, Торчок-Тон. Он

очень странный парень. Он знает место, где можно достать все эти старые книги, и приносит их мне, а в обмен получает дурь.

Бек медленно встал и убрал книгу в шкаф.

— Разве не прекрасно, Клейн, освободить людей от рабской зависимости от цистерн?

— Это невозможно.

— Да. Но, может быть, застой был бы преодолен, если бы у цистерн не стало хозяев. Предположим, Клиттманн управляется железной властью, по-настоящему сильным правителем или диктатором, как было на Земле много тысяч лет назад, и цистерны — доступны всем. Станут государственной собственностью, как и предполагалось, когда Клиттманн был основан. Может, мы даже сможем распространить свою власть и на некоторые другие города.

— Ты об этом хотел со мной поговорить, босс? — Поскольку я едва понимал, что он говорит, мне тогда было не совсем ясно, какое это имеет отношение ко мне.

Он покосился на меня, и я почувствовал, что он во мне разочарован.

— Нет. Основание мы захватили, но на этом мы не остановимся. Те важные шишки наверху не так уж и важны без своих протеиновых цистерн. Клейн, нам нужна цистерна.

От его слов у меня все мысли из головы вылетели. Только сейчас я понял, что теоретические выкладки Бека подошли к практическому выводу. Но это был такой важный шаг, что я просто не в силах был его осознать.

— Бек... откуда нам ее взять? — изумился я.

— Вот видишь? — ответил он, поморщившись. — Ты не можешь даже представить это. Ты думаешь о себе как о человеке без цистерны, как о бандите,

живущем вне закона. Но что такое закон? Это вооруженные люди — то же, что и мы. Как только у нас будет то же, что и у них, мы сможем прибрать весь этот проклятый город.

— Ну, ты раз мечтался.

— Кто-то же должен мечтать. Теперь послушай, ты ведь хочешь узнать, как мы это сделаем. На самом деле не так все трудно, как кажется. Шлюп готов?

— Готов. — Я действительно несколько дней назад опробовал новую машину.

— Отлично, он нам понадобится. Есть парень по имени Слепой Бисси. У него есть цистерна, всего одна, и она спрятана в одном тихом уровне, сразу над нами. Благодаря цистерне у него несколько фабрик, он окружен своими людьми, ведет коммерческую деятельность и шикарно живет.

Доводы Бека произвели на меня впечатление.

— Черт, прямо как мы!

— Правильно. Торчок-Тон знает, где цистерна. И она, кстати, совсем рядом с тем местом, где хранятся старые книги. И это еще одна причина, по которой я хочу туда отправиться. Вот что мы сделаем. Как-нибудь ночью мы поедем туда по заранее спланированному маршруту и захватим цистерну. — Произнося последние слова, он поднял брови. — Все просто.

У меня шумело в голове от дерзости этого предприятия.

— У нас ничего не выйдет!

— Почему? Если мы увидим, что не можем удержать цистерну, тогда заберем всех специалистов и привезем их сюда, и еще возьмем с собой как можно больше органического материала из цистерны. Запомни, нужны только органический материал и знание технологии. В Основании мы цистерну оборуду-

ем заново. Я же свяжусь со Слепым Бисси и предложу поделиться.

— Это означает войну— сказал я, предчувствуя недоброе.— Нас втопчут в землю.

— Так думаешь? А кто такой Бисси без цистерны? Она ему так нужна, что за нее он отдаст мне пятьдесят процентов. Боясь за цистерну, он даже попросит полицию не вмешиваться. Я тебе говорю, в сущности, он такой же бандит, как и мы. Так что организация Бисси станет для нас первым шагом на пути к настоящему влиянию. Как только мы окажемся наверху, то сразу начнем напирать на союзы рабочих, забирать все больше цистерн, заводить связи с членами правительства и даже с полицией. Пройдет время, и уже никто не сможет нас остановить.

— У тебя уже все продумано,— признал я.

Бек улыбнулся.

— Я прочел много книг, Клейн. Некоторые из тех, кто жил много веков назад, кое-что соображали.

Шлюп, ровно урча, мчался по блестящей железной эстакаде, лишь слегка шурша на поворотах. За нами ехали три автомобиля поменьше, в которых, так же как и в большой машине, сидели бандиты.

Район был спокоен, почти мертвенно тих. Постройки по обеим сторонам широкого проспекта образовывали непрерывный фасад, уходивший вверх и смыкавшийся с крышей, которую было плохо видно из-за яркого света уличных фонарей. Бек тщательно разведal маршрут; мы знали, что в это время не будет полицейских патрулей, и рассчитывали, что все пройдет гладко.

На каждой машине наверху закрепили по большой бочке. В четыре бочки, конечно, не влезет все

содержимое цистерны, но в них войдет большая его часть, а самое ценное здесь, на Киллиболе, — это органические вещества.

Вел машину Бекмат. Рядом с ним сидел Торчок-Тон, иссохший, нервный тип, который перед отправлением вколол себе в руку дурь. Люди, попавшие в зависимость от дури, перестают быть собой, когда кончается запас. Их нервная система требует наркотика.

Между водительским сидением и основным вооруженным отрядом сидели я и Рит, еще один из ближайшего окружения Бека. Рит был легкий, ловкий и подвижный. Бекмат был прав, что выбрал его. Рит всегда смотрел в оба, он один из всех помощников Бека иногда открыто критиковал решения своего босса, за что Бек его явно ценил.

— Здесь помедленнее, — сказал Тон. — Тут справа незаметный въезд.

Шлюп замедлил ход, и мы заметили арку, закрытую большим стальным листом. Хотя, как сказал Тон, въезд можно открыть только изнутри, такое препятствие надолго нас не задержит. Мы взяли с собой взрывные пашки, такие же, какие используют при вырезании сложных контуров из листового металла.

Пашки закрепили менее чем за минуту. Короткий резкий удар — кусок стали со звоном упал на землю, образовалось отверстие, в которое может пролезть человек. Тон забрался внутрь, и вскоре дверь начала подниматься, уползая вверх.

Наша колонна автомашин направилась в темноту по наклонной неровной поверхности. Тон велел нам остановиться. Мы вышли из машин и пошли пешком, освещая путь ручными фонариками.

Я горел нетерпением. Я еще никогда не видел места, где делают еду, для меня оно было окружено

такой тайной, какой окружено чрево собственной матери. Неудивительно, что тем, кто заправляет цистернами, так легко удерживать эти цистерны и подчинять себе людей. Только такой человек, как Бекмат, мог преодолеть чувство благоговения и потребовать цистерну себе.

Тон открыл какую-то дверь, и мы оказались там, куда шли. Все с удивлением посмотрели в нашу сторону, когда мы ввалились с автоматами и пистолетами.

Смотреть особо было не на что. Мы попали в длинный зал, длиной футов в двадцать или тридцать. Одна стена была занята циферблатами приборов и переключателями. В дальних концах зала находились двери, ведущие к банкам культур.

Мы отвели перепуганных специалистов в дальний конец помещения. Из любопытства я открыл одну из дверей и заглянул внутрь. Освещение было тусклым, а воздух сырым, пахло мускусом. Там находился ряд коротких коридоров. И все. Сама цистерна, как мне было известно, герметично закрыта.

Я снова затворил дверь.

— Что теперь? — тихим голосом спросил я у Бека.

— Лучше и не пытаться удерживать помещение, — сказал он. — Мы сможем какое-то время его продержать, но что потом? Нам лучше торговаться, находясь на собственной территории.

Он подозвал Тона.

— Ты говорил, что сможем скачать питательную жидкость. Ты по-прежнему в этом уверен?

— Сможем, если заставим специалистов помочь.

— Они нам помогут, — сказал Бек, бросив взгляд на перепуганных специалистов. Все они были в белых халатах и белых перчатках. Раньше я никогда не видел такого наряда.

Под полом коридора находился клапан, при помощи которого из цистерны сливались органические вещества. Он блестел, явно регулярно использовался, когда сливали отходы и снова доливали питательный раствор, полученный из материалов, переработанных в соседнем помещении.

Специалисты вначале поупирались, их пришлось порядком избить, прежде чем они согласились открыть клапан. Вещество, которое полилось, было густым, вязким и пахло так сильно, что мы поперхнулись. Мы начали наполнять бочки. Несмотря на запах, все мы радовались, как дети, так как делали то, что до нас еще никто не делал.

— Ладно, — сказал Бек Тону, посмотрев, как идет работа. — Теперь отведи меня к этому старику.

Тон направился к выходу.

— Идем с нами, Клейн, — сказал мне Бек. — Я хочу, чтобы ты посмотрел.

Мы в темноте прошли немного назад вверх по пандусу. Тон отыскал коридор поменьше, который отходил под прямым углом от главного, а потом сильно закручивался спиралью. Вскоре показалась массивная дверь, по краям которой пробивался свет. Тон забарабанил по ней кулаком.

— Открывай, Хармен, — прокричал он своим писклявым голосом. — Это я — Тон.

За дверью послышалось шарканье, и она открылась. В проеме показался старик с косматыми волосами до плеч. Он был высоким, худым, но все еще энергичным и почти не сутулился. Его лицо производило сильное впечатление с первого же взгляда: нос костлявый и крючком, уголки губ опущены, взгляд напряженный и пронизательный. Но в уголках глаз веселые морщинки, да и вообще он производил впечатление доброго человека, несмотря на странный вид.

— Я привел друзей, они хотели с тобой познакомиться, — сказал Тон старику.

Хармен недовольно смотрел на нас, когда мы входили к нему в помещение.

— Я же просил никого не приводить сюда.

— Никогда не надо доверять Торчку, — сказал ему Бек, улыбнувшись.

Еще до того, как дверь открылась, я услышал какое-то слабое гудение. Теперь оно сделалось громче, но стало прерывистым. В воздухе пахло электричеством и какими-то неизвестными веществами. Помещение было большим. Свет колыхался и исходил в основном от различных приборов, которые светились нерегулярными вспышками и отбрасывали всполохи на стены и потолок.

Приборы эти занимали несколько столов. Все кругом было таинственно, невероятно. По спине у меня поползли мурашки.

— Раньше Хармен был специалистом, обслуживающим цистерну, — тихо сообщил мне Бек. — Но все время интересовался кое-чем еще. Когда он ушел на пенсию, то оборудовал здесь помещение. Оно, как видишь, идеально ему подходит. Уютно, и никто не мешает. Только Тон знал о нем. Хармену было жаль Тона, и он помогал ему доставать дурь.

— Он же алхимик, — прошептал я. — Какого черта мы здесь делаем?

Об алхимиках я уже слышал, но ни одного, естественно, не встречал. Алхимики — это что-то, чем пугают детей. Считалось, что они обладают злыми колдовскими чарами и имеют плохую привычку пить кровь у живых младенцев. Я не знал, что они существуют и на самом деле, пусть даже и втайне. В городе были изданы указы, запрещающие «проведение несанкционированных или тайных экспериментов», да и народ боялся алхимиков.

— Алхимия — это единственная оставшаяся в мире наука, — тихо произнес Бек, стараясь меня успокоить. — Не верь тому, что говорят об алхимиках. Хармен не пьет кровь и не может завладеть твоей волей, превратить тебя в свою марионетку и управлять на расстоянии. По крайней мере, мне кажется, что не может, — Бек поглядел по сторонам. — Только посмотри на это! Могу поручиться, что этот парень разбирается в электронике лучше всех в городе.

Некоторые из стоящих на столах приборов представляли собой разрядные трубки различных форм и размеров: одни сферические, другие в форме реторты с несколькими электродами в одной камере. То, что происходило в этих разрядных трубках, было таинственно, страшно, но красиво. Цвета — все воображимые оттенки цветов. В разрядных трубках — или, может быть, колбах — находились различные вещества, на которые воздействовали электрические разряды. В одной реторте вещество плескалось о стенки и меняло свой цвет в определенной последовательности: черный, красный, белый, затем желтый с яркими островками зеленого, затем темно-фиолетовый. Действие было гипнотическим. Я тут же оторвал взгляд, вспомнив вдруг рассказы о том, как алхимик может похитить вашу волю и поместить ее в маленькую механическую куклу.

— Что вам здесь нужно? — спросил алхимик своим скрипучим голосом.

— Мы пришли посмотреть, что ты умеешь, старик. Что ты знаешь. — Я чувствовал, что Бек вдруг смутился в новом для себя окружении. Он вдруг ощутил себя невоспитанным бандитом.

— Вы хотите обучиться герметической науке? — спросил Хармен удивленно и настороженно.

— Все нормально, — весело сказал Тон. — Это не полицейский рейд.

— Это правда, — произнес Бек. — Расскажи нам о своей науке.

Во время их разговора я заметил ширму в углу помещения. Из-за нее то и дело доносился громкий гул. Я подошел и заглянул за ширму.

Там находился большой сферический аквариум. Гул раздавался, вероятно, каждый раз, когда в аквариум подавался разряд высокого напряжения, так как аквариум кипел и светился таким ярким светом, какого я еще не видел. Я оказался тут же ослеплен и, моргая, отшатнулся назад. Хармен высокопарным языком давал Беку объяснения.

— Алхимия, или герметическая наука, — говорил он, — вечна, она старше всех остальных наук и останется даже тогда, когда все остальные науки умрут. Развитие эзотерических знаний позволяет все больше совершенствовать алхимические процедуры, а забытые методы могут заново создаваться, и таким образом великая работа продвигается по пути к своему завершению.

— И в чем же заключается это завершение?

Хармен немного нахмурился.

— Тебе нужны все ответы сразу? Мой учитель сообщил мне это только после того, как я полностью овладел четырьмя самостоятельными экспериментальными дисциплинами.

— Ну и что? А мне скажи сейчас.

— Думаешь, что это тебе поможет? Цель работы — Тинктура, прима материя, *гиле*, первовещество. Она не является ни массой, ни энергией. Обладая Тинктурой можно покорить пространство и время.

Это заявление Бек воспринял бесстрастно. На лице Хармена появилась ироничная ухмылка.

Алхимик продолжил говорить своим монотонным голосом, но Бек явно перестал улавливать смысл слов, так как вскоре он перебил:

— Это правда, что Тон все эти книги достал у тебя?

Алхимик кивнул.

— Я собрал довольно большую библиотеку. Те книги по истории меня не интересуют, так что мне было не жаль с ними расстаться. Книги по точным наукам и технике я оставил себе. Применяемые сейчас в алхимии методы основываются на науке, развитой примерно восемьсот лет назад.

Он показал Беку толстый старинный том, который вынул из шкафа. На обложке старинным видеошрифтом было написано название: *Физика плазмы и тайная наука*.

— Но моя библиотека охватывает еще и примитивное состояние науки, начиная с *Изумрудной таблицы*, и в ней есть такие ценные работы, как *Софический гидролит*. Любой процесс я могу провести через шесть ступеней, от Головы ворона до Крови дракона. Но, увы, не до Тинктуры. Однако эти операции восходят к доатомному этапу развития алхимии. Более поздние работы, такие как *Физика плазмы* и тексты по делению вещества при помощи высокочастотных магнитных полей, намного расширили алхимические процедуры.

Я догадался, что Хармену было настолько приятно говорить о своей работе, что ему не очень важно, что мы совсем не понимали его слов.

— Ладно, Хармен, ты нас убедил. Как насчет того, чтобы убраться отсюда и продолжить свою работу у меня в банде. Я дам все, что тебе нужно,— все. Здесь тебе наверняка не хватает оборудования.

Хармен кивнул.

— Недостает. Но какой тебе в этом смысл? Меня интересуют оригинальные исследования. В мире так давно не было ничего нового. Я хочу изменить такую ситуацию.

Алхимик поджал губы.

— Заключительная операция приготовления Тинктуры требует использования атомной печи. У меня ее нет. Можешь мне ее достать?

Бек немного подумал.

— С этим мы справимся. Главной трудностью, с какой мы столкнулись при постройке шлюпа, было раздобыть для него атомную силовую установку. Но мы сумели достать ее, так что, я думаю, сумеем достать и во второй раз.

— Тогда я подумаю над твоим предложением. Приходите через несколько дней.

— Извини, старик, решать надо сейчас. — Он обратился ко мне: — Направляйся к цистерне, Клейн, и пришли сюда нескольких ребят помочь Хармену упаковать оборудование и книги. Думаю, что позже мы зайти не сможем.

Хармен зарычал от возмущения, но ничего уже поделать не мог. Он почему-то понравился Беку. Его похищали точно так же, как и обслуживающих цистерну специалистов.

Я вернулся в помещение под пультом управления. Туда, где сейчас проводились работы. Вонь была ужасной. Ребята наполнили бочки и сейчас заливали емкости, которые нашли здесь, на месте. У Бисси была небольшая цистерна, кормившая всего несколько тысяч человек, но ребятам пришлось закончить работу, выкачав не больше трети запаса органического раствора. Нам приходилось довольствоваться этим. Специалисты и так вопили из-за того, что есть риск загрязнить питательный раствор и погубить его.

Я направил нескольких ребят к Беку. Через полчаса они вернулись, притащив груды хлама, книг и барахла, и снова пошли за следующей партией. Хлама оказалось столько, что многое пришлось ос-

тавить. Затем явился Хармен, в бешенстве. Я подумал, как хорошо, что я предусмотрел на шлюпе так много грузового пространства. Но нам все равно пришлось многое оставить валяться на полу.

Отъехали мы нескоро. Снаружи на изогнутой полумесяцем улице все еще было пусто. Мы запихали Хармена и шестерых специалистов к нам в шлюп и направились назад в Основание.

Главный специалист орал, что это безумие, преступное безумие с нашей стороны.

— А нас то зачем вы забрали? — вопил он, хотя и сам наверняка мог догадаться.

Бек, сидевший за рулем, сказал через плечо:

— Успокойся. Все с тобой будет нормально. Устроишься у меня, будешь выращивать пищу, как и раньше. Относиться к тебе я буду лучше, чем Слепой Бисси.

— Да ты идиот! — бушевал главный специалист. — Ты же не думаешь, что выращенный в цистерне протеин съедобен? Он сырой, тебя вырвет, как только ты его попробуешь. Его еще надо перерабатывать, чтобы получить знакомую тебе пищу.

— Значит, переработаеть. Мы дадим тебе все, что нужно.

Мы уже въезжали в Основание. Специалисты взирали через окна на грязь и хаос. Почти никто из них, вероятно, раньше здесь, внизу, не бывал. Человек не из Клиттманна может и не заметить разницы между этим и тем, более изысканным, районом, к которому привыкли специалисты, но если ты всю жизнь воспитывался в каком-то одном месте, то важны даже мелочи. Лица специалистов сделались кислыми.

Мы проехали прямо в укрепленный гараж и заперли специалистов под охраной. После этого Бек направился в свой кабинет, взяв меня с собой.

У Бека в кабинете имелся видеотелефон, один из немногих во всем Основании. Он быстро набрал номер. Послышалось гудение, это заработали устройства: одно передавало изображение лица Бека, другое создавало расплывчатое пятно света на приемном бумажном экране.

Вначале на экране появилось лицо горничной. Бек напрямик сказал, что хочет поговорить с ее хозяином. Она, должно быть, что-то заподозрила по тону его голоса, так как отвернулась, сдвинула что-то на столе, и изображение исчезло.

— Бисси слушает, — послышался шепот. К досаде Бека — а он очень гордился своим видеотелефоном — изображение не появилось.

— Покажись, Бисси. Я хочу видеть, с кем разговариваю, — потребовал Бек.

— Я же тебя не вижу. Зачем тебе на меня смотреть? Что надо?

— Лучше давай покажи мне свое лицо, — сказал Бек. — Речь о твоей цистерне.

Наступила пауза, затем экран прояснился, и на нем появилось низкого качества изображение сидящего в кресле толстого человека. Голова поднята, глаза — явно незрячи. Одной рукой он ласкал собаку-поводыря.

— Ну, вот он я. Что там с цистерной?

Резко, грубо Бек рассказал ему о том, что мы сделали. Лицо толстяка вытянулось и побледнело. Вначале он просто нам не поверил. Бек предложил ему самому навести справки. После того, как Бисси все проверил, он затрясся.

— Вы, придурки! — прошептал он дрожащим голосом. — В этом городе есть законы. К вам сейчас заявится полиция и месиво из вас устроит.

— Конечно, пусть, — весело произнес Бек. — Позвони в полицию. Но тогда можешь распрощаться с

питательным раствором. Если нам покажется, что к нам хочет заявиться полиция, мы сделаем так, что раствор уже нельзя будет использовать.

У Бисси, правда, оставалось две трети общего запаса, но потеря даже одной трети ему была страшна. За многие поколения ничего подобного еще не случалось.

— Что ты хочешь? — прошипел он.

— Слушай, — сказал Бек, — и слушай внимательно. Мы хотим пятьдесят процентов...

Бек все говорил, и слова его для слепца были словно удары. Когда Бек закрыл рот, Бисси был раздавлен.

Бекмат наслаждался победой. Все шло в его пользу, и он это понимал. Это было время великих событий, и оно казалось ему счастливым, ведь он полагал, что это только начало.

Бисси капитулировал. Вначале он хотел, чтобы питательный раствор вернули в цистерну, но Бек не согласился. Так что за счет больших затрат в Основании была оборудована небольшая цистерна. Она производила не съедобный продукт, а лишь сырой протеин, который поставляли наверх.

Алхимика устроили очень хорошо. Из помещений, которые банда использовала под гаражи и квартиры, Бек выделил ему место под мастерскую, алхимик называл ее «лаборатория».

Если ему что-нибудь требовалось, то он и Бек отправлялись наверх и каким-то образом это доставали. Атомной печью мы все еще занимались.

Вскоре в его «лаборатории» все шипело, вспыхивало и гудело, и творилось многое, что мне просто не описать. Мне не нравилось туда ходить. Иногда там в воздухе чувствовались какие-то странные виб-

рации, которые шли прямо в мозг, отчего у меня кружилась голова и возникали странные ощущения. Но Бек, бывало, говорил с Харменом часами.

Иногда Бек отправлялся наверх и виделся со Слепым Бисси. Бек планировал перебраться наверх, в мир крупных группировок, и он все прощупывал Бисси. Толстяк нас, конечно, ненавидел, но сдерживался: ласкал собаку, уставив незрячий взгляд в пространство.

Мы совершали как раз один из таких визитов, как вдруг все наши планы рухнули.

Я тогда еще подумал: интересно, почему это Бисси так доволен нашим визитом? Толстяк даже улыбался. И когда мы прощались, мне совсем не понравилось самодовольное выражение у него на лице.

По пути назад Бек захотел остановиться и купить что-то. Теперь у него была покупательская карта, одна из тех, что выпускается большими картелями производителей, и он с огромным удовольствием ею пользовался. Так что мы остановили машину и пошли к распределительному пункту. Бек очень долго выбирал металлический пояс с чеканным рисунком. Когда мы вышли из пункта, мимо проносились полицейские шлюпы и направлялись в сторону Основания. Очень много шлюпов. Бек нахмурился, а у меня похолодело внутри.

— Посмотрим, что происходит, — произнес Бек мрачно. Когда вереница машин проехала, мы направились к нашему дому, для безопасности поехав в объезд.

В Клиттманне к шуму каждый привык с детства. Так как город представляет собой единое огромное замкнутое пространство, звук распространяется легко и на большие расстояния. Едва мы въехали в Основание, как услышали выстрелы и взрывы.

Испугало меня именно последнее. Взрывчатые вещества в Клиттманне используются со строгими ограничениями, и их никогда не применяют в бою. Слишком велика опасность повредить конструктивные элементы города. Вот почему в клубе Кламера то, что Бек применил гранату, стало для меня такой неожиданностью. Сейчас Бек многозначительно взглянул на меня. Мы проехали немного вперед, затем остановились, вышли из машины и направились к магазину, которым владел торговец по имени Клепп, всегда все знавший.

— Что происходит? — резко спросил Бек. — Ты что-нибудь слышал?

— Происходит что-то важное, — устало ответил Клепп. — Здесь полно полиции. И не только, здесь еще что-то вроде частного вооруженного ополчения. И не только... — он замолчал.

— Ну, давай, говори! — Бек злобно сжал кулаки, глаза загорелись злобой.

— Многие старые мелкие банды из Западной секции ожили и сформировали против тебя консорциум. Это бунт, Бек. На тебя идут со всех сторон.

Бек выругался и вышел из магазина.

Мы остановились снаружи.

— Бисси знал об этом, — сказал Бек. — Он просто играл с нами. Посмотрим, что делается в гараже.

По мере того как мы продвигались дальше, шум боя делался все громче. Приближались мы осторожно. Бой шел и в других районах Основания — люди в незнакомой форме, пришедшие сверху, неуверенно бродили и стреляли внутрь разных домов.

— Могу поспорить, это — рабочие Бисси, — сказал Бек. — Им дали оружие и сказали, что они дерутся за свой паек. Все хорошо спланировано.

Мы оставили машину примерно в полумиле от гаража и пошли пешком. Перед главным фасадом

стояли полицейские шлюпы. Штора была опущена — огромная железобетонная плита, которую мы установили, чтобы сдерживать нападение. Наши пулеметные точки молчали, а шлюпы обстреливали снарядами из Хаккеров преграду, стараясь пробить ее.

— Они скоро прорвутся, — задумчиво произнес Бек. — Пошли, попробемся через заднюю дверь.

Нам не потребовалось много времени, чтобы обойти вокруг и пробраться в наш комплекс через задний потайной вход. Внутри царило отчаяние. Из чего попало построили баррикады, чтобы отбиваться от полицейских, когда они прорвутся через штору. Половина бандитов уже тихо улизнула.

Всем заправляли Грейл и Рит.

— Мы тебя ждали, — сказал Грейл, когда Бек появился. — Что делать — драться или бежать?

— Бежать, — сердито произнес Бек. — Куда бежать? Думаешь, в Клиттманне сможешь прятаться всю жизнь? После этого уже не будет Основания, где можно будет укрыться.

Рит насмешливо посмотрел на Бека.

— Ты это что, правда? Думал, что сможешь прибрать весь город. — Он покачал головой, грустно улыбаясь.

— Заткнись! — крикнул Бек и ударил его по лицу.

Рита это не смутило и не удивило. Бек набирал номер по видеотелефону, пытаясь соединиться с Бисси.

Наконец линия соединилась, послышалось шипение, но на бумажном экране ничего не появилось. На этот раз Бисси решил не показываться.

— Да? — проворчал он шепотом.

— Что это значит, Бисси? — резким тоном спросил Бек. — Мы так не договаривались.

Вместо ответа послышался сухой смех.

— Я испорчу твой органический раствор! — в гневе прокричал Бек. — Ты ни пинты не получишь!

— Не рыпайся, козявка, — сказал по видеотелефону сухой хриплый голос. — Я что? Я — всего лишь маленький владелец цистерны. Но выше меня стоят очень большие ребята. Им не понравилось то, что ты сделал. Они, когда слышали, даже не позволили мне самому разобраться с этим делом. Они возместят мне украденный тобой питательный раствор. Так что наслаждайся, пока у тебя есть время.

Связь оборвалась.

Бек задумался.

Я тоже. Шепот Бисси все еще звучал у меня в ушах. Это был очень болезненный урок, показавший, что у Клиттманна есть власть — власть, которую Бек недооценил.

Глухой рокот взрывов делался все громче и резче. В гаражах слышались крики ужаса. Штора явно раскалывалась.

— Я не заметил там нашего шлюпа, — сказал наконец Бек. — Ты его туда посылал?

— Нет, не было смысла против такой армады, — ответил Рит. — Мы ведь ждали, что ты вернешься.

— Ты поступил правильно. Он вооружен и полностью готов?

— Да. Готов отправиться.

— Погрузить дополнительные пищевые запасы. Все, что у нас есть.

— Пищевые запасы? Зачем?

— *Делай, что говорю*, — крикнул Бек. — До тебя что, еще не доходит? С сегодняшнего дня все наши поставки отрезаны.

Рит отправился, чтобы обо всем распорядиться. Грейл все еще был тут, взволнованный, но твердый.

— Садимся в шлюп и бежим, — сказал ему Бек. Только ввосьмером или вдевятиером. Остальным ска-

жи, чтобы незаметно уходили через заднюю дверь, пока еще можно.

— Черт, зачем? — произнес Грейл, оскалась. — Пусть эти придурки получают свое. Они отвлекут от нас огонь.

Бек строго на него посмотрел. Затем обратился ко мне.

— Алхимика берем с собой. Идем, поможешь его убедить.

В лабораторию вела лестница, которая шла из того угла гаража, где стоял шлюп. Когда мы проходили мимо, Рит и еще несколько парней забрасывали в кладовые мешки с протеином. Я напоследок с восхищением посмотрел на длинный черный торпедообразный корпус шлюпа, и мы побежали вниз по лестнице.

Хармен явно имел смутное представление о том, что происходило у него над головой. Обычно у него одновременно проводилось с полдюжины разных экспериментов, но на этот раз проводился только один. Алхимик сидел за столом и производил настройку на пульте. На середине стола находилась большая сферическая разрядная трубка, он, однако, называл их не разрядными трубками, а ретортами, из которой отходило штук шесть горлышек, и в каждом торчал электрод. Вообще-то, когда я посмотрел внимательнее, реторта оказалась совсем не сферической — она была составлена из нескольких полостей. Электроды с громким шипением выдавали быструю серию разрядов, и сфера вспыхивала. Внутри что-то клубилось и переливалось всеми цветами радуги.

Некоторое время мы молча стояли, захваченные зрелищем. С каждой серией разрядов клубы газа в реторте принимали все более определенную форму. На несколько секунд они приняли четкую форму крохотного человеческого существа. Тело было ярко

красным. Существо, одетое в пеструю одежду, смотрело на нас и призывно протягивало руки.

Я вскрикнул. Крохотное существо снова растворилось в клубящихся бесформенных цветных разводах. Хармен повернулся к нам с улыбкой.

— Боюсь, всего лишь фантом. Но это мой первый шаг к созданию андрогина. Существовал рецепт, сейчас утерянный, по которому можно было вырастить гомункулов из настоящей плоти и крови, именно такого размера. Но они требуют особой среды, и поэтому их нельзя выпускать из стеклянных колб.

— Не говори это перед Клейном, он начнет волноваться, — предупредил его Бек. — У меня для тебя плохие новости Хармен. — Он вкратце описал ситуацию.

— Этим всегда все кончается, — с сожалением произнес алхимик, поджимая губы. — Среди первых поселенцев, пришедших на Каллибол, было много американских и немецких бандитов. Только эта традиция и сохранилась за все века. Но все это бросить... — Он обвел рукой мастерскую.

Бек вдруг заговорил настойчивым тоном, то и дело обеспокоенно косясь на меня.

— Ты ведь помнишь, о чем мы говорили на днях? — сказал он Хармену. — Тебе известно... где то самое место?

— Да? — Хармен поднял брови.

— В общем, бери все нужные инструменты. И карты.

— Ты собираешься?..

— Нет, — поспешно ответил Бек. — Но необходимо иметь возможность выбора.

Все это было для меня загадкой, но я не стал над этим думать. Я был поглощен тем, что происходило наверху. Хармен стал рыться вокруг и наваливать

нам в руки приборы. Сам он понес только несколько книг и свитков.

В гараже уже почти никого не осталось. Члены банды Бека сбежали, кроме тех, кому приказали отправиться в шлюпе. Мы забрались в шлюп и заняли свои места. Бек велел Хармену спрятаться в грузовом отсеке.

Выехали в главный гараж, туда, где штора гремела и сотрясалась под снарядами из «Хаккеров». До этого она держалась неплохо, но сейчас уже начинала разваливаться. Сквозь нее там и тут пробивался свет.

— Ладно, подожди, — сказал Бек. — Будем надеяться, что она еще работает.

Он вышел из шлюпа и направился к выключателю шторы. Как раз в этот момент у нас за спиной раздался крик. Из одной из дверей вышел, покачиваясь и прижимая к груди коробочку, Торчок-Тон.

— Возьмите меня с собой! — в отчаянии закричал он. — Не бросайте меня тут!

Бек пожал плечами и большим пальцем показал Тону, чтобы тот залезал в шлюп. После этого он нажал на выключатель. Тяжело взвыли моторы.

Штора начала подниматься, и запыхавшийся Бек снова забрался на водительское сиденье. Шлюп ринулся вперед прямо на массу железобетона.

Мы резко рванули с места. Штора с грохотом пошла вверх, затем застряла, оставив зазор, в который мы едва-едва смогли протиснуться. Не успели моргнуть и глазом, как уже оказались во дворе среди полицейских.

Они, естественно, не ожидали нашего появления. О нашем шлюпе они ничего не знали, а он был лучше всех их машин. Мы пронеслись мимо, сея разрушение из наших крупнокалиберных «Хаккеров». И вот мы уже мчались по главному шоссе,

направляясь к Южному пандусу и Кольцевой дороге Первого уровня.

Как раз тогда мне стало интересно, какова же цель нашего пути, куда направляется Бек и что он собирается делать? Нашим единственным имуществом был этот шлюп.

Мы на большой скорости сделали полный круг по Кольцевой дороге, то и дело сбивая своей массой в сторону другие машины, но полицейские повисли на хвосте.

Шлюп встряхнуло взрывом. Бек резко свернул с Кольцевой дороги и помчался по узкой улице, где мы были не так уязвимы. На хвосте у нас висели три полицейских судна.

Бек, надо сказать, водил машину превосходно. Но я даже не подозревал, что у полиции есть столько шлюпов, сколько они выставили против нас в тот день. Бек сворачивал в такие улицы, в которые, казалось, шлюп не войдет, и его расчет всегда был верен. Но и полицейские хитры. Они теснили нас туда, куда им было надо: к краю города. Теперь я понимаю, что Бек принял это с покорностью, ему некуда было деваться.

От наших выстрелов внутреннее помещение шлюпа наполнялось дымом. Машина начала замедлять ход, двигатели заработали на холостом ходу. Я вдруг заметил, что мы находимся на краю большой пустой площадки пред огромным закрытым порталом диаметром в тридцать футов.

Мы находились рядом с единственным выходом из Клиттманна.

В нескольких сотнях футов от нас, держась на почтительном расстоянии, неровной линией выстроились четыре или пять полицейских машин. К моему удивлению, из одной машины вышел полицейский и приставил к губам громкоговоритель.

До нас долетели его слова, тихие и искаженные.

— Этому городу ты не нужен, Бекмат... Места тебе здесь нет...

Шлюп остановился. Мы все посмотрели на Бекмата, не понимая, что же происходит, но тотчас отвели от него свой взгляд. Кое-что действительно происходило. Огромная створка портала медленно ползла вверх. Сквозь открывшийся круглый проем открылся *пейзаж*: мрак, бесцветность и холод.

Впервые увидеть это — незабываемое событие для городского жителя Каллибола. Это подобно тому, как если бы землянин заглянул в огромную бездонную пропасть.

— Ты знал, — с укором сказал я Беку. — Ты знал все это время.

— Нет! — закричал Грейл. — Драться до конца! Погибнем в бою!

Не думаю, что Бек слышал его или меня. Рядом разорвался снаряд. Бек повел шлюп вперед. Мы стали набирать скорость, неумолимо приближаясь к portalу. Интересно, подумал я, это полицейские оттеснили нас или их сюда заманил Бек? Мы промчались по небольшому подъему и проскочили сквозь огромный круглый проем. Вон. Во мрак. На холод. К голым безжизненным камням.

Вот так нас изгнали из Клиттманна.

IV

Освещение снаружи всегда более тускло, чем то, что поддерживается в Клиттманне, но наши глаза быстро к нему привыкли. Однако в первый день мы не выключали в шлюпе свет. Солнце садилось.

Сутки на Каллиболе длятся пятнадцать часов. Когда наступила темнота, Бекмат продолжил путь при свете фар. Что касается меня, то я улегся спать.

Когда проснулся, солнце уже снова встало, а Бекмат все не выпускал руль. Алхимик сидел на соседнем с ним кресле, разложив на передней панели карту, и справлялся по смешному маленькому прибору, в котором колебалась стрелка.

Рит передал мне плитку протеина. Я откусил и стал наслаждаться фруктовым вкусом. Но плитка скоро кончилась, а я так и не наелся. Пока я жевал, оценивал компанию, в которой оказался.

Не считая Хармена и Торчка-Тона, мы все четверо входили в ближайшее окружение Бекмата. Здесь был Грейл, вульгарный и грубый, у которого способность хватать первым, и самый большой кусок. Отношения с ним у меня сложились плохие. Тут находился Хассманн, здоровенный бык, не очень сообразительный, но надежный в делах, где не надо много думать. Он из тех, кто никогда не обсуждает приказы, а сразу приступает к исполнению.

Самым умным из троих был Рит. Лучше всего я ладил с ним. Таких, как он, я называю здравомыслящими парнями.

Все они были тверды, воспитаны в труппах и бывали жестоки. Но они умели делать свое дело. Тем более что, пройдя школу у Бекмата, они обучились его особым формам руководства и способам организации. Одним словом, ребята толковые, они многое умели. В любой переделке я предпочел бы оказаться именно с ними. Если в этом беспощадном мире есть трещина, куда можно заползти, то эти ребята обязательно воспользуются такой возможностью. Только все дело в том, что я сомневался, есть ли трещина.

Бек же был самым толковым из всех, толковее вообще любого. Из простых людей никто не мог обойти его в ловкости. Думаю, никто из нас не винил его за то, что в своем падении он увлек за собой и нас. У великих людей великие ошибки.

Я проглотил остатки протеина.

— Ладно, — услышал я слова Бека, обращенные к алхимику, — будем ехать, пока не наткнемся на реку.

В этот момент он явно что-то заметил через окно, так как резко свернул и замедлил ход.

Я посмотрел, и пульс мой участился. Девушка, и она шла одна. Увидев нас, она побежала. Бек поехал рядом с ней, а мы стали кричать и дразнить ее. Я слышал, как тяжело она дышит, пытаюсь убежать.

— Это кочевница! — сказал Бек с азартом.

— Эй ты, крошка, — крикнул Грейл, открыв окно. — Давай, не ломайся.

— Затаскивай ее, ребята. — Бек остановил шлюп.

Пара парней выскочила и схватила ее. Они затащили ее в шлюп и прижали к внутренней обшивке корпуса.

Девушка глядела на нас гневно, непокорно. Надето на нее было немного, только драный халат, который оставлял неприкрытыми ногу и одну грудь. Когда девушка двигалась, то видно было еще больше. У девушек из кочевых племен нет чувства стыда, как я слышал.

— Да она хорошенькая, — сказал Бек, пожирая ее глазами. — Теперь слушай, крошка. Раз ты тут одна, да еще и пешком, значит, твое племя неподалеку. Может быть, за тем холмом, так?

Девушка ничего не ответила.

— Дай я отведу ее в корму, — предложил я. — Я выдолблю из нее ответ.

Бек усмехнулся, немного нахмурясь.

— Этим кочевницу не испугать. Всею свой срок, Клейн, для этого еще будет много времени.

Девушка заговорила.

— Да, за холмом. Прямо там.

— Ну, если ты мне соврала... — Бек вытер губы, задумчиво глядя на невысокий холм на горизон-

те. — Значит, так, милая, сейчас мы отправляемся за холм, и ты мне покажешь, какие фургоны с протеином. Поняла? Тебе ничего не сделают. Если мы захватим один фургон, — пояснил он, — еда у нас никогда не кончится.

Двигатели завывали, мы въехали на холм и остановились на вершине. Девушка указала рукой и хихикнула.

— Вон там!

Стойбище кочевников действительно находилось внизу. Но мы надолго не задержались. Стойбище было слишком велико. Среди пыли стояли огромные фургоны и тягачи. И кочевники заметили нас сразу, как только мы показались на холме. Раздался хлопок, и в нашу сторону со свистом полетел минометный снаряд.

Бек налег на руль, и мы с ревом бешено помчались вниз с холма. Я потряс девушку за плечо.

— Красавица, шутя так, ты очень рискуешь!

— Ладно, — грустно сказал Бекмат, — от большого кочевого племени с протеиновыми цистернами другого ждать и не приходится. Разбой нам не подходит. Ладно, продолжим. У нас еще есть План А.

Тогда я впервые услышал о Плане А, но в тот момент думал не только об угрозе голодной смерти. Я оттащил девушку в заднюю часть водительской кабины.

— Как тебя зовут, теплый животик? — спросил я, ощупывая ее плечи.

— Гельбор.

— Ладно, Гельбор, своего племени ты больше не увидишь.

Она была напугана и подавлена, но старалась этого не показывать.

— Ну и что? — сказала она дерзко. Она пригнулась ко мне и нежно прижалась.

— Может быть, мы умрем с голоду. Тогда и ты умрешь.— Сейчас я ласкал ее прикрытую грудь. Возможно, это происходило от необычности ситуации, но у меня начала кружиться голова, как никогда не кружилась ни от одной женщины.

Бекмат обратился ко мне через плечо.

— Не мечтай, Клейн. У нас не хватит на эту женщину продовольствия.

Мы уже далеко отъехали от стойбища кочевников. Гельбор уныло глядела через окно на бесцветную равнину и удаляющиеся холмы.

— Племя скоро снимается с места. Если вы меня ссадите, я уже не успею назад!

— Много хочешь. Мы на ходу тебя вышвырнем. Когда грохнешься об землю на скорости в семьдесят миль в час, то, я думаю, шансов выжить немного.

Гельбор обмякла в моих руках, услышав этот смертный приговор. Голова ее повисла.

— Черт, какая тут разница? — возразил я. — Если умрем, так умрем. То, что она останется с нами, многого не изменит. Жалко уже выбрасывать, раз она тут.

Бек помолчал немного. Наконец вздохнул и пожал плечами.

— Твоя взяла. Не волнуйся, девочка. Во всяком случае, пока.

Я провел ее в корму мимо моторных отсеков, мимо ящиков с боеприпасами в трюм с продовольствием.

— Это я для тебя все уладил, — тихо сказал я. Что она пробормотала, я не разобрал.

Я ее раздел, и это было действительно здорово, когда наши бедра стали тереться. Когда все было закончено, я поймал себя на том, что пристально смотрю ей в лицо. Я только теперь посмотрел на Гельбор, как на человека.

Бекмату, казалось, сон был не нужен. Он настаивал на том, чтобы вести шлюп самому и почти не выходил из-за руля ни днем, ни ночью. Он давал на время руль мне, Риту или Грейлу, но через четыре или пять часов снова брался за управление и иногда вел без перерыва по двадцать часов.

Мне было интересно, что будет делать Тон, когда у него закончится дурь. Запас находился у него в коробке, с которой он не сводил глаз, но навечно ведь его не хватит. Тон то и дело исчезал в корме, чтобы уколоться. Мы не обращали внимания, только Грейл иногда издевался над Тоном.

Вскоре молчание Бека всем надоело. Нам хотелось ответов. Мы молчали до сих пор, вероятно, из-за того, что втайне боялись, что ответов нет, что у Бека нет никаких мыслей.

Но жизнь в шлюпе была монотонна, и мы начали ссориться. Беку все чаще приходилось нас разнимать. В конце концов Рит заявил:

— Слышишь, босс, мы хотим знать, куда направляемся.

— Проголодался, что ли? — Бек сделал вид, что немного удивлен.

— Еще бы нам не проголодаться, — стал жаловаться Хассманн. — От того, что мы едим, и собака сдохнет.

Бек рассеянно кивнул, словно мысли его находились где-то вдалеке.

— Значит, хотите еду. Ладно, тогда послушайте. Есть место, где еда растет прямо на земле всюду, куда ни кинь взгляд. Вы просто топчите еду ногами. И самого грунта не видно из-за того, что на нем растет. Еды, сколько хочешь. И имя этому месту — Земля.

Грейл с горечью посмотрел на него.

— Земля? Не надо над нами издеваться, босс, мы не идиоты.

— Воздержусь от комментариев на этот счет. Просто привыкните к той мысли, что мы направляемся на Землю.

— Но это невозможно, — на этот раз заговорил Тон.

— Я знаю, о чем вы думаете, — ответил Бек. — Много столетий тому назад ворота, связывавшие с Землей, были разрушены, взорваны. А вещество рассеяно. Сообщение с Землей прекратилось, и с тех пор никто не проходил ни сюда, ни отсюда. Но кое-что вы не знаете. Там, в Клиттманне, я много беседовал с алхимиком. Он изучил все старые книги и еще многое и сообщил мне о воротах то, что не знает никто другой.

Хармен всю похвалу принял бесстрастно. Ах ты, старая лысина, подумал я, значит, за всем этим стоишь ты. Ты заразил Бека своими фантастическими идеями.

— Вы, может быть, знаете, а может, и нет, — продолжил Бек, — что ворота состояли из вещества, которое одновременно существовало и здесь, на Каллиболе, и на Земле. Мне, например, раньше было неизвестно, что эти ворота вообще созданы алхимиком. Правильно, Хармен? Продолжи, расскажи им.

Алхимик угрюмо кивнул.

— Все так, и прочесть об этом в старинных документах может всякий, кто умеет разбирать тайные символы. Вещество, из которого были сделаны ворота, получили из *Тинктуры* — первоматерии бытия, которая не подчиняется законам пространства и времени. Как иначе могли существовать такие ворота? Как эзотерическая наука могла создать то, что может существовать в двух местах одновременно? Тинктура неуничтожима, неделима, и, следовательно... — Он прервался. — Пусть вам скажет ваш начальник.

— В инструкциях для рабочих этого, конечно, не написано, — признал Рит, потирая подбородок. — Правду говоря, я никогда и не задумывался над тем, как действовали ворота. Все это было так давно, еще задолго до того, как я родился.

— Хармен имеет в виду то, — продолжил Бек, — что, хотя вещество, из которого были сделаны ворота, ядерным взрывом разбросали на сотни или даже тысячи миль, оно не утратило своего единства. За столетия оно снова собралось вместе, как бы стягиваясь. И более того, оно сейчас там же, где и было раньше. По расчетам Хармена, сейчас ворота уже снова воссоздались. — Рит нахмурился.

— Хочешь сказать, что все молекулы стянулись туда, где они были до взрыва?

— Правильно, — начал было Бек, но алхимик его поправил:

— Тинктура не имеет молекул. Вещество, состоящее из атомов и молекул, — это загрязненная форма первоначальной *гиле*, которая едина, проста и неделима, что трудно поддается пониманию. Человеку, привыкшему руководствоваться грубым чувственным восприятием, может показаться, что при определенных условиях ее можно разделить. И опять же, очень большая сила может утончить ее до такой степени, что может показаться, будто она исчезла, однако по истечении времени она снова примет такую же форму, какая была у нее в момент дистилляции. Гилические объекты можно заставить изменить свою форму только при помощи очень сложных алхимических процессов.

— По вашему мнению, с воротами так все и произошло? — спросил я.

— Хотя ворота и не из чистой гиле, сходство веществ очень близко, так что все сказанное относится и к воротам.

— В общем, так, — заключил Бек, — если всех тонкостей не понимаете — не волнуйтесь. Самое главное то, что *мы знаем, где находятся ворота*. И нам надо добраться до них до того, как у нас кончится продовольствие.

Грейл все это время чистил свой пистолет. Он в гневе отшвырнул его, что было редким для него проявлением недовольства.

— Все это полный идиотизм! Знаешь, что я думаю, босс? Тебя водит за нос этот псих-алхимик!

— Ну, я не знаю, — произнес Рит более спокойным, задумчивым тоном. — Звучит разумно. То есть все связно. Но если спросите меня, то все это очень неопределенно.

— Конечно, очень неопределенно, — ответил Бек добродушно. — Это азартная игра. Может быть, мы до ворот так и не доберемся. А может быть, Хармен насчет ворот ошибается. Скоро узнаем.

Грейл разозлился.

— Нам следовало остаться в Клиттманне!

— В Клиттманне ты был бы уже трупом. Ты думаешь, что у нас был выбор? Очнись. Мы — все, что осталось от организации. В Клиттманне мы были ядром, главной конторой, и полицейские не успокоились бы, пока нас всех не похватали. Мне эта ситуация не нравится так же, как и тебе.

Тон фыркнул. По лицу ползло подленькое выражение, которое означало, что его организм нуждается в подзарядке. Я знал, о чем он думает. Есть ли на Земле какая-нибудь дурь. Может быть, он надеялся, что там она тоже растет прямо из земли. Бек снова повел шлюп. Я сел на соседнее с ним сиденье.

— Как там будет на Земле, босс?

— Кто его знает. Похоже, что Земля и Каллибол существуют в разных... временных системах. — Ему явно и самому это было малопонятно. — Иног-

да одна система ускоряется относительно другой, иногда замедляется. За столетия, прошедшие здесь на Каллиболе, на Земле прошел миллион или более лет. Никто не знает, что мы там найдем.

Я посидел минуту, осмысливая сказанное.

— Значит, это путешествие в одну сторону. Назад мы не вернемся, так как...

Бек бросил на меня свирепый взгляд.

— Клейн, мы вернемся назад! В этом не сомневайся! — Он вдруг усмехнулся. — Странно, правда? Подумай только. Если мы пробудем на Земле год и вернемся сюда, мы обнаружим, что на Каллиболе прошло только несколько секунд. На самом деле все гораздо проще. Хармен говорит, что сейчас временные системы двух планет синхронизированы. Он говорит, что обе планеты сейчас в апогее своих циклов. Так что если все пойдет нормально, а вероятность всего лишь один к одному, то мы сможем ходить между Землей и Темным миром, как захотим.

— Темным миром?

— В древних книгах так называют Каллибол.

— Почему?

— Не знаю. Здесь, конечно, не очень светло. Не так светло, как в городах.

— Но ведь нельзя же сказать, что темно.

— Нельзя. — Минуту он помолчал. Затем взглянул вверх. В небе светили звезды. В последние дни он часто на них смотрел. — Знаешь, Клейн... Земля — в другой галактике. На расстоянии в несколько миллиардов световых лет отсюда. Только подумай! Это же так далеко.

На следующий день Бек остановил шлюп. Наши моторы гудели среди все той же мрачной бесцветной равнины. Недалеко от нас находился город.

— Согласно карте, это Чомбрел, — сказал Бек. — Сейчас это мертвый город. Его цистерны заразились чумой.

Он стал медленно объезжать город, внимательно разглядывая его. Бека что-то в нем заинтересовало. И действительно, город этот был не похож на Клиттманн. Он был более рельефным. Стены его поднимались более прямо, но затем заканчивались рваной кромкой.

— Чомбрел по архитектурному замыслу должен был представлять сухой древесный пень, — произнес наконец Бек. — Видишь, как на одной стороне стены выступают вверх, словно отломился кусок ствола?

Я однажды видел рисунок дерева, но все это мало что для меня значило. Бек снова повел шлюп по намеченному курсу.

— На этой безжизненной планете это очень символично...

Не знаю, что бы он мог еще сказать, но как раз в этот момент я заметил то, что мне совсем не понравилось. Грейл припер Гельбор к задней переборке кабины. Сейчас она уже считала себя моей девушкой, а я считал ее своей. От страха она не могла сопротивляться, но все смотрела на меня с видом страдания и растерянности. Я бросился и оттащил от нее Грейла. Он спокойно посмотрел на меня, зловеще подняв руку.

— Успокойся. Эта баба для всех.

Бек оглянулся в нашу сторону, затем снова вернулся вперед.

— Что с тобой, Клейн? Это не очень-то деликатно.

Мы с Гельбор обменялись взглядами.

— Девушка — моя! — крикнул я. — Любой придурок, кто сунется к ней, будет иметь дело со мной.

Бекмат по-прежнему не соизволил повернуться к нам лицом, но он строго произнес:

— Теперь послушайте, придурки. Еще одна неприятность из-за нашей милой кочевницы, и я сам вышвырну ее из шлюпа. Так что успокойтесь.

Грейл криво ухмыльнулся.

— И кому достанется девушка?

— Клейн главное тебя. Делай, как он говорит.

Я почувствовал неловкость оттого, что Беку пришлось таким образом подтверждать мой авторитет, но, по крайней мере, у меня осталась Гельбор. Грейл злобно на меня посмотрел, а затем присоединился к Риту, Хассманну и Тону, которые играли в карты. Гельбор, косясь на них с опаской, села, прижавшись ко мне.

— Не волнуйся,— тихо сказал я.— Они такие из-за того, что им в Клиттманне тяжело приходилось. Просто держись за меня.

— Конечно. Я буду держаться за тебя,— ответила она негромко и немного поежилась.

Я оставил ее и снова сел рядом с Беком.

— Спасибо,— сказал я.

— Не надо благодарить,— ответил он грубо. Голос его был резок и жесток, таким жестоким я его еще не слышал.

Наконец мы добрались до широкой чистой реки, которую, согласно карте Хармен, мы должны форсировать. Вниз по течению плыли большие плиты камня, который был легче воды. Когда оказалось, что река слишком глубока, и в брод шлюпу ее не пересечь, Рит предложил привязать шлюп к одной из этих плит.

Работа эта заняла некоторое время, но любой, выросший в Клиттманне, немного механик, а так

же электрик и строитель. Мы сумели поймать одну из плит и при помощи двигателя шлюпа подтащить к берегу. Труднее всего было прочно привязать к ней машину. Наконец мы отчалили и пошли вниз по течению.

Нам надо было искать некий ориентир, так что Бек решил, что мы можем спускаться вниз по реке, пока его не увидим. По площади плита была больше шлюпа, и мы сидели на ней, а двое из компании в это время отталкивались шестами.

Получилось так, что я оказался рядом с Беком, один и вне пределов слышимости других. Последнее время Бек говорил лишь о труднопонятных вещах. Он посмотрел на других и с ироничным видом не то хмыкнул, не то усмехнулся.

— Бандиты, — сказал он. — Вот кто мы такие — бандиты. Помнишь, что говорил алхимик? Среди тех, кто поселился на Каллиболе, важное место занимали бандиты. Может быть, загнивание и застой начались от этого. Но знаешь что, Клейн? Ведь это мы — бандиты, и в Клиттманне мы самые ловкие.

— Может, и так, — ответил я, — но нас выгнали.

— Да, правильно. И знаешь, почему? Только мы несем Клиттманну *перемену*. Мы опасны. Нас надо уничтожить. Послушай меня, Клейн: мы можем стать зародышем чего-то нового в мире. Да, бандиты. А кто еще тут есть? В Клиттманне сейчас существует только эгоизм. Мы можем это изменить и создать государство, которое существовало бы ради самого себя и требовало преданности всех людей. Государство, которое завоевало бы другие города, создало империю, освободило бы в людях творческие способности и изменило весь мир.

Думаю, Бек уже долго старался на меня воздействовать. И правда, с тех пор, как я с ним познакомился, я все больше попадал под влияние его

личности и идей. Некоторые из них я не понимал, но он притягивал меня к себе, словно волшебством. Раньше, конечно, я ни с чем подобным не сталкивался.

— В этом государстве, в этой империи, — говорил он мне, — надежда человечества. Это что-то, что делается не ради чьих-то личных интересов, а ради самого дела. Ты понимаешь меня, Клейн?

— Зачем ты мне все это говоришь? — спросил я, проглатывая слюну.

— Остальные ребята — хорошие ребята, умелые. Но это все. Вот разве что Рит... но Грейл и Хассманн? Да что с них взять? Они безмозглые придурки. Инструменты. А ты, Клейн, можешь соображать. Иногда это, может быть, трудно заметить... но я наблюдал за тобой. В конце концов идеи до тебя доходят. Так вот, Клейн, государство — прежде всего. Это будет развивающийся город, понимаешь?

Я был увлечен тем, что он говорил. Мне казалось, что я впервые в жизни слышу что-то новое, чистое. Преданность, которая превышает всего личного. Вот о чем мне сейчас говорил Бек, и это казалось неопровержимо. Может быть, если вспомнить, в каком положении мы находились, то все это покажется смешным, но у Бека была способность заставлять даже в поражении видеть радость и надежду.

— Прежде всего, понимаешь? — повторил Бек. — Даже прежде женщины.

Гельбор сидела на краю нашего плота и болтала в воде ручкой. Я взглянул на нее и проглотил слюну. Как ни воодушевляли меня рисуемые Беком образы, одно я все-таки должен был признать.

— Иногда прежде всего бывает женщина, Бек, — сказал я.

И что же сделал Бекмат, когда это услышал?

Он вынул пистолет и, пока я только соображал, что происходит, застрелил Гельбор. Я уже знал, как метко Бек стреляет. Пуля попала ей в голову. Даже не вскрикнув, девушка свалилась в воду и скрылась из виду.

Когда я увидел, как она, словно кусок глины, падает с плота, все мои внутренности сжались в плотный комок. В то же время по телу прошло что-то неописуемо сладкое и болезненное. Я в гневе вскочил на ноги.

— Ты придурок! Я тебя убью за это!

— Государство прежде всего, Клейн, — голос Бека был несообразно с ситуацией мягок. — Надо быть последовательным.

— Ладно, — с трудом проговорил я, — государство прежде всего.

С этого момента я стал непоколебимо верен Беку. Я впервые в жизни узнал, что такое настоящая преданность. Если бы не эта преданность, я, думаю, никогда бы не смирился с тем, что не отомстил за смерть Гельбор.

И все-таки вся ситуация была абсурдна. Вот мы — почти мертвецы, а Бек разглагольствует о государстве и империи. Во время нашего путешествия он со мной еще не раз говорил на эту тему, в подробностях излагая свои планы. Он установит между городами регулярное сообщение, сказал он, уничтожит банды кочевников и организует станции, на которых путники смогут пополнять свои пищевые запасы. Все это было прекрасно, не ясно было только, как нам все это сделать.

Но как я уже говорил, теперь я просто влюбился в эту мечту, и вместо того, чтобы относиться к ней со скептицизмом или порицать, я принимал ее со всей серьезностью.

На второй день плавания по реке мы заметили тот ориентир, по которому мы должны выйти к воротам: колонну из нержавеющей стали высотой в тысячу футов. Она была обветрена и местами изъедена. Она явно простояла здесь долго, и также явно было то, что воздвигли ее уже после того, как ядерный взрыв уничтожил ворота. Жившие в те времена люди поставили ее зачем-то в качестве ориентира.

За колонной находилась неглубокая долина длиной около двух миль, обрамленная двумя скругленными валами. Мы вытащили шлюп на сушу и проехали по долине до места, где валы соединялись. В месте соединения или, точнее, прямо перед ним в земле образовалась трещина, зияющий провал, довольно длинная. А прямо над трещиной находилось что-то, что не сразу и заметишь.

Оно походило на огромное, прозрачное, очень чистое желе бледно-лилового цвета. По форме это был удлиненный овоид, большое яйцо.

Бек взглянул на алхимика. Хармен кивнул.

— Мои расчеты оказались верны. Это оно.

Мы вышли из шлюпа, чтобы посмотреть вблизи. Когда мы трогали материал ворот, то возникало ощущение, словно опускаешь руку в очень неплотную жидкость. Может, неплотное масло. Вещество не препятствовало движению, но на ощупь было прохладным и скользким.

Трещина имела глубину в несколько сотен футов. То, что она проходила именно тут, было, вероятно, случайностью. В том смысле, что она была побочным продуктом ядерного взрыва, произошедшего несколько столетий назад, так как кругом земля была значительно искорежена, и трещины поменьше расходились во всех направлениях.

Мы вернулись в шлюп, чтобы посоветоваться.

— Откуда мы знаем, что они еще работают? — раздраженно бросил Грейл.

— У тебя есть какой-нибудь прибор, чтобы проверить их? — спросил Бек Хармена.

Алхимик помотал головой.

— К сожалению, нет. Можно только испытать. Кстати, у ворот есть направление. Входить надо с определенного места. Если войти с этого конца яйца, прямо посередине долины, то попадешь на Землю. Если попытаешься войти под любым другим углом, то никуда не попадешь. А чтобы попасть с Земли на Каллибол, все надо сделать наоборот.

Хассманн вздохнул.

— А если они не работают, то грохнешься на дно пропасти. Здорово!

— Ты играл и в более рискованные игры, Хассманн. — Бек устроился поудобней на водительском кресле и завел двигатели.

— Ты же не хочешь нас всех вот так туда грохнуть! — возмутился Грейл. У него слегка выступил пот. — Надо вначале послать кого-то одного! Посмотреть, работают ли они! Посмотреть, что там с другой стороны...

— А если не работают, что ты будешь делать тогда, Грейл? Сидеть здесь и умирать с голоду?

Говоря это, Бек развернулся так, чтобы смотреть Грейлу прямо в глаза. Мы все молчали. Грейл рассмеялся. Бек отъехал назад, чтобы взять хороший разгон. И вот мы на полном ходу помчались прямо на ворота. Вот мерцающее большое яйцо уже прямо перед нами... и тут Грейл и Рит вдруг дали очередь из «Джейнов», стали орать и хохотать, чтобы выпустить нервное напряжение...

Внезапно настала полная темнота. И тут же мы выехали на солнечный свет... и, черт! Мы все поняли, почему Каллибол называют Темным миром.

С тех пор нам приходится на глазах носить фильтры. Солнце обожгло мне глаза, словно каленое железо. Миллионы красок пейзажа резанули по глазным яблокам, как ножи.

Как светло! Как здесь светло!

V

Вы когда-нибудь были в реакторном цехе, когда опускают экраны? Это то же самое. Свет! Сквозь окна шлюпа лил ослепительный свет. За долю секунды я получил впечатление об очень ярких цветах, а после этого больше ничего не видел, кроме ослепительного света. Я вскрикнул от резкой боли в глазах и зажал их руками.

Все смешалось. На меня тяжело навалился Хассманн. Все кричали и сходили с ума, а Грейл и Рит все палили из пулеметов и орали во всю глотку.

Я понял, что мы приземлились на другой стороне, так как шлюп тряхануло, и он покатился вперед, вздрагивая и покачиваясь. Вскоре он остановился. Я услышал, как ругается Бек, требуя тишины.

— Броневые щитки! — кричал он. — Броневые щитки, вы, придурки!

Его пронзительный голос заставил меня действовать. Я нашел рычаг, который опускал часть броневых щитков на окнах, а затем закрыл и амбразуры. Бек, спотыкаясь, ходил по шлюпу, хватался за всех, кто ему попадался, и дергал за рычаги. Он оттащил громко протестующих Грейла и Рита от пулеметов. Постепенно все утихло. Все щитки были опущены, и мы оказались в крошечной тьме.

Бек включил внутреннее освещение. Мы сидели внутри своего стального кокона, глядели друг на друга, обливались потом и пытались снова обрести зрение.

Что там снаружи? Куда мы попали? Грейл снова вскочил и бросился к одному из «Хаккеров», но Бек оттолкнул его назад.

— Думаешь, боеприпасы у нас бесконечны?

— Мы тут сидим вслепую и ничего не делаем! — почти прокричал Грейл. — Да там может быть что угодно. Нас могут уничтожить!

— ЗАТКНИСЬ! — гаркнул Бек.

Это было типично для Грейла — от страха впадать в истерику, но в данном случае он говорил за всех нас. Мы все боялись — боялись неизвестности, того, что может находиться за бронированными бортами шлюпа. Даже Бек был далеко не спокоен.

— Ничего ведь еще не случилось, — сказал он. Бек строго посмотрел на каждого из нас по очереди. — Вы, олухи, перепугались, как трусливые девчонки.

Настала долгая пауза.

— В древности Каллибол называли Темным миром, — произнес наконец Бек. — Ведь так, Хармен? Может быть, называли из-за того, что на Земле так светло?

Хармен сидел в углу на корточках, как всегда в стороне от общих дел.

— Без сомнения, — ответил он звучным голосом. — Здесь, похоже, действительно свет так ярок, что для нас непереносим. За столетия наши глаза, видимо, адаптировались к мраку на Каллиболе.

— Значит, мы слепы, — сказал Рит.

— Нет, — Бек махнул рукой. Хармен встал и, бормоча, отправился в грузовой трюм. Он вернулся с темными очками, которые я уже видел у него на столе в мастерской.

— Яркий свет — частое побочное явление при алхимических процессах, — сказал он. — Защищают вот эти фильтры.

Он стал надевать очки на свой морщинистый лоб.

— Откройте окна и дайте взглянуть на мир наших предков,— властным тоном приказал он.

— Дай сюда,— Бек подскочил и выхватил у него очки. Он быстро надел их на собственный лоб.

— Лучше спрячьте свои глаза, ребята. Я собираюсь взглянуть, что там.

Мы послушались. Я услышал, как открылся броневой щиток. Несколько секунд длилась тишина. Но вот Бек хмыкнул.

— Подойди сюда, Клейн,— сказал он.

Я на ощупь стал пробираться вперед и наткнулся на вытянутую руку Бека. Он передал мне очки. Я надел их, натянув на голову резинку, осторожно открыл глаза и посмотрел в окно.

Вот оно. Все мои страхи, которые создало воображение, вроде того, что мы упали в печь, улетучились.

Свет был так силен, что даже грел мне кожу. Мне это ощущение показалось приятным. Передо мной расстилался мирный пейзаж. Вместо плоской серой каменистой равнины, на которую я глядел уже дней двадцать, я увидел совсем другое. Хотя мы тоже находились на равнине, но чуть дальше она уже переходила в волнистые холмы и вся была покрыта зеленым ковром какой-то массы, которую я вначале принял за некое искусственное волокно. Но я сказал себе, что не может быть, чтобы это было искусственное волокно, и обрадовался, когда вдруг понял, что это за зеленая масса.

Чуть поодаль я увидел большую группу стоящих вместе и слегка покачивающихся колоннообразных образований. Это наверняка деревья, решил я через некоторое время.

Даже сквозь очки освещение казалось неестественно ярким и придавало виду фантастичность.

Ярко-голубое небо над головой было усеяно облачками водяного пара.

Я внимательно на все это посмотрел, затем закрыл броневой щиток, снял очки и повернулся к остальным. Бек сиял.

— Бояться нечего, — сказал я. — Там ничего не движется. Мы одни.

— Как там? — нетерпеливо спросил Хассманн. — Пицца там есть?

— Пицца там есть, — гордо объявил Бек. — Все, как я и говорил. Органическое вещество растет под ногами.

Грейл снова начал ворчать.

— Все это прекрасно. Но как мы его будем собирать вслепую?

Бек посмотрел на Хармена.

— У тебя есть еще такие очки? Или можешь сделать такие же?

— Думаю, что смогу, — сказал алхимик. — У нас, кажется, есть необходимые материалы.

Я и Рит взялись помогать Хармену изготовить световые фильтры. Это заняло совсем немного времени. В трюме лежал лист темного, почти непрозрачного материала, из него мы нарезали полоски и вставили в оправы из пенистого пластика, приделав тесемки. Через час у нас был комплект для каждого, даже для Торчка-Тона.

Бек начал открывать щитки, и все ребята изнывали от нетерпения.

Они очень долго сидели и смотрели на пейзаж.

Наконец Бек открыл большой люк шлюпа.

— Давай, ребята, вы же не парализованные. Выйдете и походите по новому миру.

Никому из нас выходить не хотелось. В шлюпе мы чувствовали себя в большей безопасности. Бек разозлился и начал хватать нас и выталкивать за

дверь. Грейл, перед тем как пойти, прихватил с собой автомат. Мы спускались на землю, нас обдувал легкий ветерок, и мы очень неловко себя чувствовали в своих новых очках. Инстинктивно ища укрытия, мы стали спиной к шлюпу и начали ози-раться.

— Как тут странно, — проговорил Рит.

Большое яйцо слабо виднелось вдали, так как шлюп до остановки проехал еще мили две. Чтобы увидеть яйцо, мне пришлось сильно приглядеться: его здесь было намного труднее заметить, чем на Каллиболе, и оно казалось всего лишь клочком тумана. Если не знаешь, где искать, то вообще не найдешь. Зеленый ковер под ногами напоминал губку. В небе висело солнце, и хотя оно было намного меньше большого бледного солнца Каллибола, на него даже в очках нельзя было смотреть. В небе находилось еще одно тело: огромный желтый шар, покрытый какими-то темными пятнами. Еще одна планета, находящаяся на небольшом расстоянии от Земли.

Торчок-Тон тоже все это заметил и сейчас стоял и с восторгом глядел вверх.

— Красиво, — проговорил он. — Прямо как от дури.

Никто больше, за исключением, возможно, Хармена, не имел способности эстетически оценить этот пейзаж. Для них все это — факты, факты, как улицы и опоры Клиттманна. Честно говоря, когда я постоял дольше и посмотрел на странный, живой пейзаж, я затосковал по громаде из камня и железобетона, по оседающей пыли, по кабакам и притонам и постоянному гулу отрывистой клиттманнской речи. Но я понимал, что никто из нас не расчувствуется при этих воспоминаниях. Свою трагедию мы уже пережили в тот день, когда оказались за воротами Клиттманна.

Я вздрогнул от того, что Грейл вдруг вскинул свой автомат и передернул затвор. Грейл стал стрелять и поливал очередью пустынный пейзаж, пока не кончилась обойма. Он повернулся к нам, сияя, с расслабленно отвисшей челюстью.

— Полегчало? — ехидно спросил Бек.

— Конечно. Обживаюсь. Хочу чувствовать, что могу всех здесь уложить.

Бек поморщился и обратился к остальным.

— Ну вот, ребята, получилось. Вот. Больше нет голых камней. Протеин просто ждет, чтобы его подняли. *Пища*.

Мы тупо посмотрели на землю. Трудно было себе представить, что зеленый ковер состоял из органических веществ. Люди с Каллибола с почтением относятся к органическим веществам, так что мы не знали, куда поставить ноги. Хассманн попробовал первый (иногда это преимущество, когда человек не обременен слишком живым воображением). Он с недоуменным видом опустил на одно колено и набрал горсть зеленой массы, которая росла длинными тоненькими полосками. Позже Хармен нашел в одной книге, что в старину на Земле ее называли словом *трава*. Хассманн понюхал ее, помял пальцами, затем небольшую часть робко положил в рот. Он жевал ее с минуту, во время чего лицо его становилось все более кислым, и наконец выплюнул.

— Не вкусно, босс. Идея хреновая.

Бек сам сорвал немного травы, пощупал ее и попробовал на вкус. Он вопросительно посмотрел на Хармена. Алхимик помотал головой.

— Я ничего не знаю о земной пище.

Бек с сомнением поглядел в сторону деревьев.

— Ладно, — сказал он через некоторое время, — может, ее надо еще поискать. Но еда здесь есть. Это всем известно.

Мы все были рады вернуться в шлюп. На всех членов банды вдруг нашло сомнение. Никому из нас не хотелось отходить далеко от ворот. Бек понял, что такие мысли он должен искоренить сразу.

Он повел шлюп и заговорил с нами.

— Планета Земля — велика, ребята. Нужно время, чтобы все здесь пронюхать. А пока смотрите по сторонам, но не рыпайтесь. Привыкайте к темным очкам, так как носить нам их придется долго. И не надо палить во что попало, так как это все боеприпасы, что у нас есть, а они нам, вероятно, понадобятся. Шлюп, ребята, — это наш козырь, так же, как и в Клиттманне. Так что без приказа не стрелять — слышишь, Грейл?

Грейл хмыкнул.

Но первым позабыл о его наставлении Хассманн. Не проехали мы и трех миль, как он выдал длинную паническую очередь из автомата, который все не выпускал из рук. Бек тут же остановился и сердито посмотрел на нас.

— Что я вам только что говорил? — закричал он.

Мы все посмотрели в окно. Там ничего не было.

— На нас что-то такое летело, босс, — ответил Хассманн. — Бомба или ракета. Мне пришлось стрелять! Вон оно, смотри! — Он показал на валяющийся в траве объект, который он метко сбил.

В конце концов пойти и обследовать объект решил Рит. Он принес его, чтобы мы все посмотрели: это было летающее животное. Рит показал на крылья с перьями. Из тех мест, куда попали автоматные пули, на землю капала кровь.

— Эй, смотрите, — сказал Грейл. Над нами, расправив крылья, парила еще одна такая же птица.

— Не понимаю, — недоуменно произнес Грейл. — Как она не падает?

Ни летающих животных, ни летающих машин на Каллиболе не было.

Бек, ничего не ответив, вернулся на водительское сиденье. После этого мы еще не раз видели птиц.

Мы ехали, и Бек все время рисовал карту, помечая в качестве ориентиров окружающие холмы, чтобы всегда найти дорогу назад к воротам. Шлюп подпрыгивал на кочках, грузно карабкался на холмы и спускался с них, но сутки на Земле намного длиннее, чем на Каллиболе, так что за один оборот планеты вокруг своей оси мы проделали примерно сотню миль. Ночью мы могли обходиться без темных очков, но Бек настоял на том, чтобы ехать днем, так как нам надо акклиматизироваться. Он также настоял на том, чтобы на каждой остановке все выходили из шлюпа, хотя каждый из нас предпочел бы просидеть в нашем собственном искусственном мире.

Мы проезжали по лугам, мимо лесов, озер, рек. Мы долго спорили о том, могут ли животные быть пищей так же, как и растения. Пока что мы не нашли ничего, что хотя бы отдаленно могло считаться съедобным. Во время одой из остановок Хассманн вошел в лес и застрелил какое-то небольшое животное, после того, как услышал утверждения Хармена и Рита о том, что животная ткань содержит больше протеина, чем ткань растений. Вообще-то пища, к которой мы привыкли, всегда представляла собой бруски, отличающиеся только по вкусу и текстуре. Вот почему мы не могли сразу додуматься есть мясо.

Хассманн содрал с животного шкурку и ножовкой отпилил кусок мяса. Он сидел в тени шлюпа, и кровь текла по его рукам и капала на землю. Хассманн понюхал красный, весь пропитанный кровью кусок мяса.

У меня подступила рвота. Мы все замотали головами. Хассманн с отвращением отшвырнул подалеже тушку животного и вытер руки о траву.

— Словно ешь собственную же руку!

Грейл доел свою протеиновую плитку. Пайки были урезаны: уже долгое время никто из нас не наедался досыта.

Он встал и принялся беспокойно расхаживать.

— Могу поспорить, на всей этой проклятой планете нечего жрать. Надо было остаться в Клиттманне и погибнуть в бою.

Бек с любопытством на него посмотрел.

— Никогда не видел человека так недовольного жизнью.

— Чего хорошего быть живым и расхаживать, словно свихнутый алхимик? — Он постучал по своим темным очкам. — Когда мы найдем то, за чем пришли?

— В его словах что-то есть, босс, — тихо вставил Рит. — Все это как-то нехорошо.

— Вам все это кажется как-то нехорошо, потому что вы не видите дальше собственного дула. — Голос Бека был полон сарказма. — Вы хотите, чтобы вам дали все сразу. Конечно, я не знаю, когда и что мы найдем. Но я знаю, с чем бы мы ни встретились, мы должны быть готовы с этим справиться. Если мы не найдем еды, то найдем людей. А там, где люди, там могут быть методы, как ее получать, и тогда у нас будет еда. Вы снова увидите Клиттманн: мы проломим его стены, словно это куличики, и утопим боссов в их же цистернах.

Красное лицо Грейла сделалось опасным.

— Что ты нам гонишь, Бек? — бушевал он. — Нас всего пятеро! Мы одни. Нам конец, нас уничтожили! Как мы захватим Клиттманн, Бек? *Как?*

— Хватит ныть, как ребенок. Заткнись.

Грейл бросился в шлюп, чтобы заняться чистой оружием, чем занимался всегда, когда был не в духе.

Все старались молчать. Даже Хармен загрустил.

Позже Бек послал меня и Рита на холм оглядеть местность. Из достойного внимания мы увидели только поблескивающее вдалеке озеро. Я стоял на вершине холма под открытым голубым небом и пытался избавиться от ощущения, что я голый и незащищенный (даже сейчас, когда я стою под открытым небом, я чувствую себя голым), стараясь не думать о скученном Клиттманне, где кругом техника, все искусственное и знакомое.

— Скажи мне, — произнес Рит сухим, деловым тоном, глядя вдаль, — тебе не кажется, что Бек начинает съезжать?

— Это почему?

— Ну, он говорит о возвращении в Клиттманн. О том, что мы захватим его, словно ничего не произошло. Грейл прав. Нас вышибли из игры. Слова Бека — просто бред.

Я задумчиво посмотрел на узкое, с острыми чертами лицо Рита. Его верхние зубы выдавались вперед, отчего он казался хитрым — каким он и был. У него был также быстрый ум и холодная голова. Я не понимал, почему Бек дает ему ранг ниже Грейла.

— Я хочу сказать, — спокойно продолжал Рит, — что я бы себя глупо чувствовал, если бы шел за парнем, у которого поехала голова.

— Звучит разумно, — сказал я, — но, думаю, тебе незачем волноваться. Кажется, Бек заинтересовался Землей еще задолго до того, как нас выперли. Еще тогда, когда познакомился с Харменом. Он всегда считал, что здесь мы найдем что-нибудь полезное.

Рит пожал плечами.

— Но давай признаем. Мы — бандиты. Мы здесь вне своей стихии. Бек говорит, словно мы тут найдем города, как на Каллиболе. Не найдем. Здесь все по-другому.

— У Бека есть на этот счет своя теория, — произнес я доверительным тоном. — Он полагается на то, что здесь есть цивилизация. А там, где есть цивилизация, там должны быть бандиты. Как только мы свяжемся с ними, мы узнаем, как они действуют, какие у них методы. Затем мы включимся в игру.

Как просто. Нужно быть гением, как Бек, чтобы смотреть на вещи так просто.

Рит даже фыркнул.

— А что если мы не понравимся тем другим бандитам. Если они нас прикончат?

— У Бека на это тоже свой взгляд, — сказал я с грустной улыбкой. — Надеюсь, что Бек не ошибается. Он рассчитывает на то, что мы окажемся хитрее них. На Земле жизнь намного легче, чем у нас. В Клиттманне мы с самого рождения боремся за выживание. Это закон эволюции — то, что мы лучше приспособлены к выживанию.

— Ну, может быть, — вздохнул Рит. — Для меня это слишком теоретично. Я доверяю фактам, а не теориям.

— Беку можешь доверять. Кто еще мог вытащить нас из такой передрыги в Клиттманне?

— Кто еще мог втянуть нас в ту передрыгу? Клейн, мне интересно, что будет, если мы не найдем пищи. Сколько продержится вместе эта банда, если мы в ближайшее время не найдем, чем заняться? Если спросить меня, то я думаю, Бек пытается наугад вытянуть из колоды карту, которой вообще там нет.

Он вздохнул и указал на простирающуюся вокруг степь.

— Не понимаю, почему мы не можем это есть.

— Может, это, как сырой протеин из цистерны,— предположил я.— Если это так, то вещество надо еще перерабатывать.

— Но для этого нужны фабрики и квалифицированные специалисты. Если и на Земле такая жизнь, то мы во всем ошиблись.

Несмотря на свою тайную клятву верности Беку, я ничего не мог придумать в его оправдание.

Мы направились вниз с холма, чтобы доложить. Хассманн, Грейл и Бек играли в карты. Торчок-Тон угрюмо сидел поодаль. На шлюпе ему приходилось несладко: никто из бандитов, кроме Бека, не снисходил до того, чтобы его замечать, а Беку некогда было с ним возиться. Сейчас он сидел и прижимал к себе свою коробку, с которой никогда не расставался. Он пытался растянуть свои дозы, но запаса таял с каждым днем, и положение его было безнадежно. В последнее время судороги у Тона сделались более заметны, отчего другие стали презирать его еще больше, хотя их собственное положение в Клиттманне держалось, в том числе, и на дури.

Только Хармен относился к нему, как к человеку, но сейчас и алхимик сидел в одиночестве, по всей видимости, размышляя.

Солнце начало заходить, и все по одному стали отправляться в шлюп спать, так что в конце концов я остался с Беком один. Я рассказал ему об опасениях Рита и поведал для ровного счета и о своих опасениях. Бек как раз заканчивал сигарету. Он бросил окурок.

Бек сказал:

— Когда стреляют, то бывает, что пуля попадает в цель, а бывает, что нет. Но независимо от того, попадает она или нет, она обладает одной и той же силой. По-другому она не может. Я — как та пуля.

— Значит, с этим все ясно, — сказал я мрачно. — Мы промахнулись.

— Совсем нет. Я — пуля, на которой написано имя. Ты же знаешь старую поговорку? Рано или поздно пуля попадет в человека с этим именем. Другими словами, у меня есть цель. Тебе, может быть, ситуация кажется безнадежной. Но только не мне, и не Хармену.

— Хармену?

Бек улыбнулся.

— Тебе надо как-нибудь поговорить с Харменом, Клейн. У него интересная точка зрения. По его словам, все вокруг — это большой механизм, который должен поддерживать свою работу. А законы работы этого механизма те же самые, что и на Киллиболе, и на Земле, да и всюду во вселенной.

— Ладно, — сказал я, пожав плечами, — и что?

— Значит, если что-то работает в одном месте, то будет работать и в другом. Возьми, к примеру, рычаг: принцип рычага всюду тот же самый. Нужны груз, точка опоры и сила. Ребята, ты, Грейл, Рит и Хассманн — мой рычаг. Я — сила. Все вместе мы представляем собой механизм, рычаг, который там, в Клиттманне совершал для нас работу. Почему же он не может так же работать и здесь? Будет. Если найдем нужный метод. Нам нужен груз, чтобы перемещать, и точка опоры. И тогда у нас будет *мощь*.

Я помотал головой.

— Для меня это слишком абстрактно.

Я решил сменить тему.

— У тебя будут неприятности с Грейлом, Бек. Он начинает беситься.

Бек усмехнулся.

— Грейл — хороший человек. На него можно положиться. Без тебя он был бы моим первым заместителем. Тебе это кажется странным?

— Да,— признался я.

Он снова рассмеялся.

— Согласен, Рит хитрее, но у него есть индивидуалистическая черта. От него можно всегда ждать того, что он поведет себя независимо. Грейл много бесится, но слова свои всегда держит.

— Тебя не смущает то, что мы терпеть друг друга не можем?

— Не смущает. Это не дает вам обоим расслабляться,— Бека явно забавляло то, что я обижен.— Ты еще не все знаешь об искусстве руководить, Клейн.

Может, и не все. Но и о Беке я знал еще не все. На седьмой день мы наткнулись на деревню.

VI

Ароматы. Это первое, на что я сразу обратил внимание, когда мы остановились на вершине холма, за которым лежала деревня. Через окна шлюпа до нас долетал целый букет ароматов.

У жителей Каллибола обоняние притуплено (я только потом узнал, какой резкий затхлый запах имеет Клиттманн), и мое обоняние пробуждалось постепенно. Мне запомнилось то мгновение, как момент откровения.

Склон холма террасами спускался к группе домов со странными изогнутыми крышами. Дома образовывали улицы. Ароматы, которые нес ветерок, шли от стройных деревьев и гигантских воронкообразных цветов, росших на террасах и явно посаженных искусственно.

Вверх по склону также доносилась и музыка. Она была задушевной и спокойной и заставляла думать о прекрасном. Совсем не то, что резкая, бешеная музыка Клиттманна.

Бек подозвал жестом Хармена, чтобы тот сел рядом с ним.

— Что скажешь?

Мы посмотрели на расхаживающих по деревне людей.

— Вид мирный, — сказал алхимик. — Вступим в дружественный контакт.

Бек кивнул и осторожно повел шлюп вниз с холма. Шлюп грузно проходил террасу за террасой, и дома казались все больше.

Когда мы находились примерно на полпути, что-то просвистело сквозь окно и несколько раз скрипело внутри. Я прокричал приказ, и тотчас все броневые щитки были опущены так, что остались лишь амбразуры. По корпусу ударил град крохотных стрел.

Рит смотрел в амбразуру.

— На краю деревни — группа парней, и стреляют в нас из каких-то ружей.

— Ладно, — тотчас произнес Бек, — давайте один из «Хаккеров». Всего несколько выстрелов.

— А это разумно? — спросил я. — Мы ведь не знаем, что еще есть у этих людей.

— Надо показать им, что мы тоже можем драться, — твердо произнес Бек. — Рит, к «Хаккеру».

Рит исполнил приказ. Снаряды упали на стрелков и — коротким дождем — на деревню. От взрывов снарядов дома рушились, поднимая облака пыли, и все жители стали разбегаться и прятаться.

Моторы взвыли, и мы помчались вниз, разметая колесами насаждения на террасах. Шлюп съехал с холма и бронированным носом протаранил дом, так что тот рухнул прямо на нас. Шлюп выбрался из под руин и въехал на другую кучу обломков. Мы оказались на широкой улице, которая проходила через всю деревню.

Мы медленно поползли по ней, словно большой черный слизняк.

— Что теперь? — спросил я. Все мы держали пальцы на спусковых крючках, но никого не было видно.

— А теперь их очередь, — объявил Бек. — Дайте автоматную очередь в воздух. Чтобы поняли.

Здесь среди домов автоматы трещали просто оглушительно. После первой короткой очереди Бек приказал нам отставить стрельбу, и мы стали ждать в мертвой тишине.

Жители деревни только через час начали что-то делать. В конце улицы показались две фигуры и неуверенно пошли в нашу сторону.

— Вот сейчас мы и узнаем, кто из нас тут главный, — проговорил Бек. — Клейн, идем со мной. Остальные, прикрывайте нас, и хорошенько.

Мы открыли люк, огляделись, вылезли и отправились к уже подошедшим тем двум деревенским жителям. Руку я держал на рукояти пистолета. Те, кто начинает стрелять, не разобравшись, мне никогда не нравились.

Жители Земли были человеческими существами, но явно не такими, как мы. Кожа у них была зеленой, точнее, имела приятный бледно-зеленый оттенок. А глаза у них ярко-красные.

Они были немного выше нас, но зато стройнее. Мускулатура у них была тоже немного другой. Лица с тонкими, менее выделяющимися чертами были менее дряблыми и имели более мягкие изгибы, чем наши. Эти люди производили впечатление хрупких и ранимых.

Их пестрая свободного покроя одежда имела яркие цвета и развевалась при ходьбе. Они посмотрели на шлюп, потом на нас и заговорили плавным тоном.

— Красивый язык, да, Клейн? — уголком рта проговорил Бек. — Жаль, что ничего не понятно. — Он помотал перед ними головой.

Местные жители внимательно послушали его слова и нахмурились. Один из них показал на Бека, затем на большую желтую планету в небе. На лице читался вопрос.

— Ну, ничего себе? — удивленно сказал Бек. — Они думают, что мы с той большой планеты. Он снова помотал головой.

Земляне были в замешательстве. Но Бек был доволен.

— У нас, кажется, преимущество, — сказал он. — Давай-ка устроимся здесь и узнаем, что тут происходит. Один из этих домов вполне подойдет. Не знаю как тебе, а мне в шлюпе уже надоело.

Бек выбрал дом и жестами дал понять жильцам, что хочет занять его. Они на удивление быстро согласились. Двери открылись, и из дома вышли несколько зеленых людей, каждый из которых глядел на нас, вытаращив глаза.

Среди жильцов были и дети. Меня особо не волновало то, что мы могли убить кого-то из этих зеленых детей. У меня кружилась голова оттого, что мы выиграли первый раунд и могли брать, что угодно.

Не стоит и говорить, что в первую очередь мы хотели земной протеин.

Рит подогнал шлюп так, чтобы он прикрывал дверь занятого нами дома. Мы осмотрели дом внутри. Одного местного жителя Бек оставил (оказалось, что это вождь), а остальных отослал с приказом — если только они его правильно поняли — принести пищу.

Должен признать, что в доме было очень неплохо. Эти люди со вкусом выбирали узоры и цвета.

Дом имел пять комнат, две из них на втором этаже; стены выложены из разноцветного, пастельных тонов кирпича и задрапированы шторами. Некоторые стены были обиты бархатом.

Окна выходили в сад, раскинувшийся с задней стороны дома. Мы закрыли окна шторами, чтобы нам можно было снять очки. Перед дверью мы тоже повесили множество штор, чтобы, входя и выходя, не впускать слишком много света. Пока мы ждали, когда принесут пищу, я рассматривал мебель, украшенную ручной резьбой и сделанную из какого-то приятного на ощупь темно-коричневого вещества. Роскошь, какую я раньше не мог даже себе представить. С непривычки сразу было даже и не сообразить, что это ведь и есть роскошь. Я уверен, что ни Грейл, ни Хассманн, ни Бек на нее даже не обратили внимания. Мне даже стало интересно, есть ли в Клиттманне такая обстановка у магнатов и членов совета, но долго об этом я думать не стал. Мои товарищи, как и я, с рождения приучены воспринимать только серые свинцовые тона.

— Кто-то идет, — предупредил Грейл.

Шторы зашевелились. Я вынул пистолет. Хотя все должно быть нормально, но снаружи на посту в шлюпе оставался Рит.

В затемненную комнату вошли три женщины и робко остановились.

Я сразу понял, что это женщины. Их тела имели выступы там, где положено. Да и лица их имели еще более ранимый вид, чем у мужчин, и были, как обычно у женщин, более оживленны, мягче и полнее.

Женщины держали в руках миски. Вождь сказал что-то женщинам и указал им на стол. Они поставили для каждого из нас по миске. Вождь удалил женщин, сел, показал нам наши места и принялся есть.

От идущих от мисок запахов я чуть не потерял сознание. Я никогда раньше не чувствовал такого запаха: на Каллиболе пища никакого особого запаха не имеет. Эти запахи были так насыщенные, так густы, так сильны, что, казалось, сквозь ноздри проникают в самую душу.

Мы сели перед мисками.

— Эй,— прошептал Рит.— А что если они нас отравят? Вы же знаете, как это просто — изготовить отравленный протеин.

— Не бойся,— ответил алхимик, держа миску в руках.— С природными тканями так не сделать.— Он втянул носом аромат.— Вот это настоящая алхимия!

— Во всяком случае, он это ест,— заметил я, глядя на землянина.

Мы посмотрели на него, чтобы уяснить, что нам делать. Пища была горячей и состояла из кусочков протеина, плавающих в густой жидкости. Рядом были дополнительно положены плоские куски какого-то пористого вещества, по текстуре немного напоминающего привычные для нас протеиновые бруски. Землянин вылавливал из миски твердые куски руками, а в жидкость макал пористые куски.

Мы начали есть так же, и через несколько секунд были уже совершенно поглощены этим занятием. Местные жители могли бы прийти и поубивать нас всех прямо здесь, и мы бы не заметили. Ароматы, хотя и странные, были так густы, насыщение пищей так приятно, что я решил, что это занятие самое лучшее, какое я только пробовал. Лучше даже занятия сексом. Тот первый обед на Земле я буду помнить всю свою жизнь.

Позднее я узнал, что я был прав. Почти всю земную еду действительно надо готовить. Но способ приготовления довольно прост. Еда, кото-

рую мы ели, состояла из растительного и животного вещества нагретого в воде с различными вкусовыми добавками, отчего в веществе происходили химические процессы, и его консистенция менялась. До этого сами бы мы никогда не додумались.

Закончив есть, Бек отвалился назад и похлопал себя по животу.

— Мы, если захотим, хоть сейчас можем вернуться на Каллибол, — сказал он, улыбаясь. — У нас уже есть, на чем делать новое дело. За такую еду люди мать родную продадут.

Мы довольно долго прожили в деревне. Называлась она Хеша. Жизнь в ней была легкой и приятной. В конце концов, когда мы привыкли к своему окружению, нам даже начали нравиться их женщины.

Бек, как всегда энергично, начал утверждаться в деревне. Наш штаб он превратил в маленькую крепость, сняв со шлюпа пару пулеметов и поставив их сзади и спереди дома. Затем он поставил шлюп на холм, откуда прекрасно просматривалась деревня. Оттуда была видна вся округа. Я бы с удовольствием и не заходил в шлюп, стало казаться, что там нестерпимо душно, но Бек составил расписание дежурств, согласно которому я и Рит сменяли Грейла и Хассманна, два дня проводя на дежурстве, а два — внизу в деревне. Это было не так уж плохо.

Бек тем временем пытался все разузнать. Он заставил всех нас изучать местный язык, даже Грейла, который вначале вспылил:

— Пусть эти придурки учат клиттманнский!

Через несколько месяцев мы уже могли кое-как общаться. Бек и Хармен в этом языке стали просто специалистами.

Зеленые люди называли свою страну Реатт. Деревня Хеша лежала довольно далеко от основных населенных территорий, и со временем стало ясно, что никто не собирается прийти и освободить их от оккупации. Жителям, конечно, не очень нравилось наше присутствие, но они не так уж и сильно возражали против него, как можно было бы ожидать, потому что гораздо сильнее боялись другого врага, с которым нас вначале спутали. На Реатт совершали набеги с Мерамы, той планеты в небе. Хармен знал ее под другими именами: Луна, Мун и Селена. Она вращалась вокруг Земли на расстоянии примерно в восемьдесят тысяч миль, и народ, который там жил, обладал космическими кораблями, которые легко преодолевали это расстояние. Согласно книгам Хармена, Луна должна была быть намного дальше — на расстоянии более четверти миллиона миль. Она явно приблизилась к Земле, либо сама, либо ее кто-то приблизил. Мне стало интересно, как это путешествуют между мирами по космосу. Я когда-то слышал малопонятные рассказы о том, что во времена переселения на Каллибол на Земле также существовало сообщение с другими мирами при помощи огромных ракет, но на Каллиболе никто особо не интересовался космическими путешествиями. Уже хотя бы потому, что у нашего солнца других планет нет, кроме Каллибола, так что летать просто некуда. Жители Хеши с ужасом ждали того дня, когда к ним спустятся мерамиты. Мерамиты, как сообщили нам земляне, это жестокий холодный народ, не имеющий чувства прекрасного. Бекмат же, наоборот, обрадовался, когда услышал о вторжении.

— Будет неразбериха, — сказал он мне. — Может, и себе отхватим территорию.

Но никаких действий Бек не предпринимал, хотя если исходить из того, что мы видели, то мы бы

неплохо показали себя в бою. Оружие землян не обладало такой мощностью, как наше. Ружья, из которых нас тогда обстреляли, представляли собой длинные тонкие трубки, из которых выбрасывался дротик. Дальность полета дротика увеличивалась за счет маленького ракетного двигателя. Эти ружья могли убить, но по сравнению с нашим оружием это — игрушки.

Должен признать, что расчет Бека оказался верен: земляне были мягче, менее резки, чем жители Каллибола. Но что собой представляют те люди с Мерамы, было еще неизвестно.

Где-нибудь на Земле наверняка обитали и другие народы, другие разумные виды. Но они были далеко. Бек сказал, что мы останемся здесь.

— Груз мы нашли, — говорил он мне все время. — Теперь надо найти точку опоры.

В Клиттманне точка опоры означала две вещи: Защита (то есть прямое запугивание) и Нажим (что означало, что вы можете перекрывать поставку какого-нибудь крайне необходимого товара). Наш захват деревни относился к действиям первого рода, но нас было слишком мало, чтобы продолжить это в большем масштабе. Нужны действия второго рода или что-то новое.

В то время мы, конечно, так ясно это все это еще не продумали. Идеи наши были смутны и не оформлены. На самом же деле оказалось, что Бек вдохновлялся двинуться дальше, попытаться сделать что-то большее, может, даже заключить союз с захватчиками с Луны. Как выяснилось, мы правильно сделали, что остались, так как точка опоры появилась из неожиданного, но вполне логичного источника.

Я знал, что у Торчка-Тона дурь почти кончилась, и я ждал, что его начнет ломать, он начнет орать и биться в конвульсиях. В конце концов он

на какое-то время исчез, и я решил, что он заполз куда-нибудь, чтобы сдохнуть. Мне, собственно, на это наплевать, я даже был рад избавиться от необходимости созерцать его ломку, так как уже видел, как ломало одного наркомана. Смотреть не очень приятно.

Но вдруг Тон снова появился.

— Привет, Тон,— сказал удивленно Бек.— Где был?

— Жил у этих зеленых,— ответил Тон, просто так пожав плечами.— Бек, сделай одно одолжение.

— Да? Какое? — Мы оба с любопытством смотрели на Тона. Сейчас он должен был уже умереть. А вместо этого выглядел даже лучше, чем прежде.

Лицо его загорело от солнца, конечно. У нас у всех лица загорели. Он дергался, но не так сильно, как должен бы дергаться. Поправка: он вообще не должен был дергаться. Он должен был превратиться в труп. Я подумал: не дали ли ему что-то зеленые человечки?

Действительно, дали. Они использовали какой-то наркотик, и Тон своим знаменитым чутьем о нем пронюхал. Это вещество снижало у Тона тягу к его наркотику и не давало наступать абстинентному синдрому.

— Расскажи мне об этом веществе,— сказал Бек, усаживая Тона в кресло.— Как его принимать?

— Оно в тампонах, как из пуха. Точнее, тампоны пропитаны этим веществом. Их подносят к носу и вдыхают.

— И ты от этого получаешь кайф?

— Они получают. Этот наркотик повышает их восприимчивость. Вот откуда у них артистизм. Такая утонченность. Он помогает им видеть вещи иначе. Но у меня,— он снова пожал плечами,— он только частично снимает боль.

— Интересно. Как они его называют?

— На их языке название означает «голубое пространство». Но на самом деле он не голубой, а розовый. Они так его называют из-за того, что он дает им ощущение голубого бесконечного пространства. Так они говорят.

— Это вещество вызывает привыкание? — Бек свои вопросы неумолимо подводил все к одному.

Тон кивнул.

— И сколько людей здесь имеют к нему страсти?

— Все его принимают. Все в Реатте.

— *Все?* Целая страна?

Тон снова кивнул.

— Все, кому больше восемнадцати лет. Тем, кто младше — нельзя. Это не так уж вредно, если он у тебя есть постоянно.

Бек откинулся на спинку кресла.

— Черт побери.

Тон начал беспокоиться.

— Ты мне должен помочь, Бек.

— Чего ради? — грубо спросил Бек. — Какого черта тебе еще надо? Наркоту ты себе нашел. Что тебе еще надо?

— Но она недостаточно сильная! — Тон заламывал себе руки. — Она помогает, но недостаточно. Я к ней уже привыкаю! «Голубое пространство» делают, разбавляя более крепкое вещество, принимать которое не разрешают. Ты должен его достать!

— Они, что, отказались дать тебе это вещество? — с удивлением спросил Бек, обеспокоенный тем, что авторитет его банды, оказывается, не безграничен.

— У них его здесь нет. Его раз в год привозят из какого-то другого места. Уже разбавленным. Скажи им, Бек. Пусть достанут для меня.

— Из каких соображений должен я это делать?

— Из жалости! Оно мне очень нужно. Вспомни, ведь я тебе помог, Бек. Я для тебя нашел Хармена.

— Да, но в последнее время ты для меня что-нибудь сделал? — Бек презрительно улыбнулся. Ему было приятно заставлять Тона чувствовать неловкость. — Почему ты не пришел и не рассказал о наркоте раньше? Ты же знаешь, что наркотики — это мой профиль.

— Я думал, ты знаешь... да и тебе все равно это бесполезно. Он у них бесплатный. Это у них вроде социальной службы.

— Откуда его получают? Скажи, откуда его получают, и я, может быть, смогу для тебя что-нибудь сделать.

Я понимал, что Бек всего лишь зондирует почву. Ему было все равно, получит что-нибудь Тон или нет.

— Он весь из одного места. Из какой-то долины. В других местах он не растет.

Наступило короткое молчание.

— В других местах он не растет, — повторил Бек.

— Ладно, Тон, — сказал он после еще одной паузы, — сделай так. Найди долину, где выращивают «голубое пространство». С тобой пойдет Клейн. Иначе ты никак не получишь нужное тебе вещество, так как никто его тебе сюда не привезет. Понял?

Тон мялся.

— Я не знаю, где она.

— А зеленые человечки, они знают?

— Может быть. Но не уверен.

— Ладно, узнай. Чем раньше начнешь, тем лучше. И ни слова своим друзьям о том, что я тебя расспрашивал. Понял?

Тон все прекрасно понял. Он уже не раз видел подобную операцию.

Лучший способ найти источник — это найти того, кто в нем очень нуждается. У таких людей природный нюх. Они, как собаки-ищейки, они в своем отчаянии могут преодолеть все преграды. Надо перекрыть их обычный канал поставки и предложить им как единственную надежду тот новый источник. С Тоном, вероятно, такое уже проделывали.

Когда Тон уплелся прочь и оставил нас в затемненной комнате одних, Бек рассмеялся.

— Подумать только!

Я потер подбородок.

— Это просто поразительно.

— Еще бы. Здесь все так же, как на Каллиболе. Могу поспорить, во всей проклятой вселенной кругом одно и то же. Люди попадают в те же самые ловушки. Наркота. Дурь. «Голубое пространство». — Он хмыкнул. — Все те же старые приемы действуют все время.

— В конце концов, это Земля. Мы отсюда произошли.

— Да, но прошел миллион лет.

— Они все еще люди, — заметил я. — Думаю, люди всегда будут такими, всегда будут иметь те же слабости.

— Пожалуй. Будет здорово, если удастся. Что думаешь насчет предстоящего путешествия?

— Волнуюсь. Придется возиться с Тоном. Что мне надо будет делать?

— Просто разведай это место и возвращайся. Охраняется ли оно, и сможем ли мы, по твоему мнению, захватить его. Постарайся действовать, не выделяясь.

Посмотрев на себя в зеркало, представив себя в больших темных очках (нам лучше заказать очки в местной мастерской), я задумался, как же мне это сделать.

VII

Из Хеши вела дорога, которая, извиваясь между невысокими холмами, уходила за горизонт. Мы отправились на реаттском автомобиле с легким двигателем, работавшем на чем-то вроде бензина. За собой мы везли целый прицеп с запасом топлива.

С нами также был проводник из Хеши, который, как нам сказали, знает дорогу в Долину голубого пространства. Он сказал, что до нее пять дней пути. Я спросил, знает ли он, зачем мы туда направляемся. Он ответил «нет». Я сообщил, что мы едем ради моего друга, который очень плохо себя чувствует без наркотика, который достать можем только там. Проводник очень огорчился и сообщил, что противозаконно употреблять концентрированный наркотик.

Пока мы ехали, я все думал о том, что это за общество, в котором каждый имеет пристрастие к наркотику. В Клиттманне конечно полно наркоманов, но там они — меньшинство. Дурь — это убийца, убивающий тело и губящий рассудок. Но, с другой стороны, действие «голубого пространства» относительно мягко. У тех, кто его употребляет, по всей видимости, возникает спокойное, фаталистическое мироощущение. Реаттцы просто обожествляли все прекрасное, и «голубое пространство» раскрывало им красоту вещей.

Я даже подумал, что, может быть, как-нибудь и сам попробую это вещество. Несколько доз мне не повредят. Но я быстро опомнился. Сколько раз я слышал, как то же самое говорилось про дурь, а через несколько лет от человека оставалась жалкая развалина. Кроме того, хоть реаттцы милые и безобидные, Бек не остановится перед тем, чтобы при

возможности нажать на них. Так что если учесть мое происхождение и окружение, то лучше не заражаться таким взглядом на вещи.

Во время нашего путешествия произошел только один достойный упоминания случай. Мы ехали по ровной поросшей травой равнине, как вдруг я услышал над головой какой-то гул. Я посмотрел вверх и увидел, что по небу с востока на запад плавно летит какой-то объект.

Вначале я решил, что это птица, но крылья у этого объекта были жесткими, и у него был длинный металлический корпус. Это могла быть только машина: Я взял автомат на изготовку, но машина не сделала никаких попыток атаковать, а просто полетела дальше и скрылась из виду. Наш проводник сказал, чтобы мы не беспокоились — это реаттский самолет. Я подумал, что, интересно, еще есть у этих зеленых человечков такого, что мы еще не видели.

Перед самой долиной мы свернули с дороги, отчего проводник заволновался и захотел узнать, зачем. Я велел ему заткнуться и показывать дорогу.

По бездорожью машина ехала плохо. Мы пошли пешком, затем стали взбираться на крутой склон, почти гору. Весь склон был усыпан щебнем, и ничего на нем не росло — что-то связано с особенностями почвы, решил я, из-за чего на ней ничего, кроме «голубого пространства», не растет. Я хотел оставить проводника и проделать остаток пути без него, но он мог сбежать и наделать нам неприятностей. Так что я заставил его лечь, и мы последние несколько ярдов преодолели по-пластунски.

Склон резко заканчивался острой кромкой, которая шла полукругом влево и вправо. Вообще-то долина совсем не была долиной. Это был кратер от метеорита, упавшего несколько тысяч лет тому назад. Внутренний склон был так же крут, как и тот, по

которому мы поднялись, но был менее длинным. В северной стене кратера находился пролом, который, как я ясно видел, использовался реаттцами как вход.

Внутри кратер был превращен в сад, где выращивались небольшие деревца с неимоверно роскошными розово-красными цветами с большими лепестками. В Хеше не было деревьев даже отдаленно похожих на эти. Как только мы перегнулись через край кратера, в нос нам ударил такой аромат этих цветов, что мы чуть не взлетели в воздух. Это был приторно-сладкий запах, который, словно конвекционный поток, столбом поднимался вверх.

Тон сделал вдох, а затем трепетный блаженный выдох. Его организм, изнывавший от томления, узнал свою панацею.

Я несколько минут внимательно осматривал долину, особенно вход. Сюда вела довольно широкая дорога, которая затем, разветвляясь, расходилась по всему кратеру. Вдоль стен кратера располагались какие-то здания — вероятно, помещения для переработки наркоты.

Здания, про которые я решил, что это казармы, располагались сразу у входа по обе стороны дороги. Казармы были небольшими, но я решил, что стоит посмотреть и на то, что тут у них с внешней стороны кратера. Велев Тону и проводнику из Хеши оставаться на месте, я направился в обход. Снаружи у входа стояли часовые — и все. Я успел увидеть, как из долины выезжало несколько фургонов, которые затем поехали по дороге, ведущей вокруг кратера на юг.

Согласно тому, что мы слышали, долина была государственным центром производства и бесплатного распространения определенного вида продукта, чем должны были быть (но не были) протеино-вые цистерны на Каллиболе. По мнению реаттцев,

нет нужды в усиленной охране, на мой же хищный взгляд, долина была жирной приманкой, особенно в случае войны. Будь я главнокомандующим Реатта, я бы расположил здесь целую армию.

Кратер был небольшой. Я решил, что диаметр его мили три. Бек будет доволен.

Я прокрался назад к остальным.

— Возвращаемся, — сказал я, — думаю, увидели достаточно.

— Мы что, внутрь не пойдем? — жалобно спросил Тон.

— Не будь дураком, Тон, — сказал я ему.

— Но ты же знаешь, что я хочу. Бек обещал...

— Ты должен подождать, — ответил я твердо. — Вначале надо доложить Беку. Свою наркоту получишь, когда захватим долину.

Тон молча смотрел на дурманные цветы. Лицо его было таким, словно он вот-вот расплачется.

— Давай, пошли! — сказал я грубо. — Ты столько терпел, так что еще немного потерпишь. — Я повернулся, чтобы идти.

Мы говорили по клиттманнски, но проводник внимательно следил за нашей беседой. Он неуверенно поднялся с сыпучей гальки.

— Ты пришел втайне и прячешься. Ты здесь не ради своего друга. Ты замышляешь какой-то вред для Долины голубого пространства.

— Замолкни! — Я строго посмотрел на обоих, незаметно нащупывая ремень, на котором у меня за спиной висел автомат.

Проводник из Хеши попятился.

— Давайте открыто войдем через ворота. Мне не надо прятаться. Я пойду и скажу, что вы здесь.

Надо дать ему очко за храбрость. Он стал сбегать со склона. Я крикнул ему, чтобы он остановился, и потянулся за автоматом.

Но Тон схватил меня за плечо.

— Извини, Клейн. Сейчас я уйти не могу. Когда я тут, совсем рядом. Дай только...

Не договорив, он перелез через кромку кратера. Я попытался схватить Тона, но было уже поздно.

Я выругался и перевел внимание на проводника, который сейчас уже во всю мчался по склону. Если он доберется до входа, у меня будут неприятности. Я хорошенько прицелился. Автомат дал громкую очередь. Проводник упал, отброшенный пулями еще на несколько ярдов, и больше не двигался.

Я кинулся к кромке кратера, надеясь еще успеть остановить Тона. Солнечный свет ударил мне прямо в очки и ослепил меня. Но вот я увидел Тона. Он не бежал и не шел, а кубарем катился по внутреннему склону к тем цветам, которые, как он надеялся, дадут ему покой.

Он уже находился далеко. Я дал вдогонку длинную автоматную очередь. Эхо зазвенело по всей долине. Тон исчез среди розово-красных цветов, и я не знал, попал я в него или нет.

От мысли спуститься следом я тут же отказался. Множество людей там, в долине, уже наверняка слышали мои выстрелы. Людей здесь слишком много. Мне оставалось только вернуться в Хешу.

Возвращаться назад одному было немного скучновато и страшновато. Я никогда не оставался на Земле один в семи днях пути от своих товарищей. Но я вернулся без происшествий и передал Беку информацию.

— Значит, ты думаешь, что эта долина нарастает? — спросил он, когда я закончил.

— Похоже. Конечно, у них может быть какой-нибудь способ перекрывать вход, при помощи металлической двери или устроив каменный завал, но я ничего такого не видел. Считаю, что мы войдем

в долину так, что они не успеют ее перекрыть. Во всяком случае, шлюп сможет перебраться через стену кратера.

— Хм. Как ты думаешь, Тон разболтает, если он все еще жив?

— Трудно сказать. По своей воле — нет, так как знает, что мы рано или поздно там объявимся и сможем свести с ним счеты. Но если они не станут давать наркотик, он выложит все.

Бек кивнул.

— Такую возможность упускать нельзя. В любом случае надо действовать быстро. Дела уже пошли.

— Да? — Я уже заметил, что в деревне все уже не как прежде. Атмосфера была более сдержанной, приглушенной.

— Кто-то приходил в деревню и сообщил, что сюда идут мерамиты. Местные жители перепуганы. Они просят, чтобы мы воевали за них с мерамитами. — Бек усмехнулся.

— И что будем делать? — спросил я.

— Вначале двинемся на Долину голубого пространства, что бы у нас было с чем торговаться. Вообще-то стоило бы тебя послать на эту работу, но я хочу, чтобы ты остался при мне. Передай всю информацию Грейлу и другим, и они там разберутся.

— Здесь наверняка будет жарковато, босс. Мы почти ничего не знаем, что могут эти парни с Луны.

— Сориентируемся на месте, — ответил он невозмутимо.

Шлюп отбыл на следующий день. Без него я себя уже не чувствовал уверенно. Бек предоставил Хармену выбор: отправиться со шлюпом или остаться. Хармен решил остаться, и Бек придумал, как при вступлении в контакт нам использовать Хармена.

— Придется брать на понт, — объяснил он. — Им не нужно сразу встречаться с самым старшим. Вперед выпустим Хармена. Старая бандитская тактика. Думаешь, что встретился с главным, а потом вдруг оказывается, что он не главный, и сталкиваешься уже с тем, для кого предыдущий — грязь. Производит хорошее впечатление.

Он грустно улыбнулся.

— Кроме того, может быть, нам головы не оторвут.

В конце улицы, противоположном тому, откуда пойдут мерамиты, мы построили бункер, и Бек расставил посты наблюдения. Бек сказал жителям деревни, что все за них сделает, но сказал так только затем, чтобы обеспечить себе их поддержку. Думаю, им было лучше оттого, что Бек ими командовал. Он велел им не сопротивляться, а сдаться, послав парламентаров с сообщением, что деревня находится в руках другой державы, не Реатта.

Бек, однако, не учел манеру поведения мерамитов. Для них Хеша была маленькой деревней, отдаленным поселением народа, который они уже покорили, и к тому же они придерживались политики «опережающего наказания». Мы наблюдали с холма за тем, как, поднимая облако пыли, движется колонна мерамитов. Мерамиты ехали на круглых платформах с колесами, по двадцать человек на каждой. Колонна остановилась перед самой деревней, и мы увидели, что парламентары передают сообщение. Мы увидели, что мерамиты убили парламентаров и неумолимо двинулись дальше.

— В бункер, — отрывисто скомандовал Бек. — Это будет не так просто.

По деревне был открыт огонь, от которого тут и там начались пожары. Мерамитские солдаты были вооружены длинными, похожими на копья шеста-

ми, из которых выбрасывались струйки расплавленного металла. Можно было разглядеть, как они вылетают из конца шеста и тянутся, словно луч света. Солдаты стреляли не метко, но при данных обстоятельствах меткость и не нужна.

Мы сквозь клубы дыма бросились к бункеру. Он занимал удобную позицию в конце главной улицы, и его дополнительно защищали кирпичные здания. Его надземная часть была из двух ступеней, и на каждой этих ступеней мы установили по пулемету системы «Джейн». При таком расположении простреливалась вся улица впереди и вся территория вокруг, и пулеметы прикрывали друг друга от атак с любой стороны.

Бек дал автоматы в руки Хармену и двум местным жителям, которых мы обучили обращаться с оружием. Сами мы устроились за пулеметами и принялись смотреть сквозь амбразуры.

— Идут! — крикнул Бек. — Дадим им!

На противоположном конце широкой улицы показались платформы мерамитов. Мы увидели большие серые фигуры — мерамиты были намного больше реаттцев — которые надменно направляли свои мечущие расплавленный свинец копыя то туда, то сюда, предаваясь бесцельному разрушению, что, как мы узнали позднее, было для них типично.

Мы дали им подойти поближе, и только тогда открыли огонь. Мерамиты никак не могли сообразить, что такое на них обрушилось. Хотя их стреляющие расплавленным свинцом шесты и несли смерть, они никак не могли сравниться с парой хороших «Джейнов», самыми мощными из всех когда-либо созданных пулеметов. Вдоль улицы полетел почти сплошным потоком град свинца, а звук очереди, отраженный от стен домов, гремел, как тысяча клепальных молотков. К обычным пулям

мы добавили еще разрывных и со смещенным центром тяжести. На пулеметах «Джейн» пули можно сочетать по-разному, скажем, одна разрывная и одна со смещенным центром тяжести на десять обычных. Если в вас попадет пуля со смещенным центром тяжести, то превратит вас в месиво.

Наша очередь длилась всего несколько секунд. Надо было беречь боеприпасы. Но подходившие мерамиты были уничтожены, их платформы стояли, накренившись.

— Будут знать, с кем имеют дело, — сказал с улыбкой Бек.

Мерамиты трижды пытались послать солдат вдоль улицы, но результат был тот же. Мы уже начали думать, что мерамиты не очень сообразительны или не очень искушены в военном деле. К этому моменту вся деревня уже весело пылала. Слышны были крики и шипение струй расплавленного свинца. Мне стало интересно, так они поступают с каждой деревней или это только из-за нас.

Несколько раз они пытались подобраться с флангов, но получили тот же отпор. Мы были хорошо укреплены, и к нам они не могли подступиться, пока у нас были боеприпасы, а их у нас хватало. Однако сейчас, насколько я знал, все происходило не совсем так, как Бек планировал. Рано или поздно боеприпасы ведь кончатся.

Я посмотрел на него.

— Все еще надеешься на контакт?

— Конечно.

— И можешь сказать, как это произойдет?

Бек окинул взглядом улицу.

— Подожди немного. Скоро они задумаются.

На этот раз он оказался прав. На другом конце улицы что-то показалось. Высокий и широкоплечий мерамит размахивал флажком.

Мы не стали стрелять, и он странной походкой, подпрыгивая, направился в нашу сторону. Флажок он нес на длинном шесте, и на флажке был изображен висящий вниз головой человек, подвешенный за ноги.

— Это знак перемирия, — сказал нам один из местных жителей. — Они хотят поговорить.

— Хорошо, — проговорил Бек. Он отошел от пулемета и взял у местного жителя автомат. — Иди и скажи ему, что представитель Великого Клиттмана желает разговаривать с равным себе, если такой у них найдется.

— Эй, Бек, — сказал я по-клиттманнски. — Ты же помнишь, что они сделали с теми, кого мы послали в прошлый раз.

— Конечно, но сейчас другое дело. Давай, пошел.

Местного жителя он подогнал хорошим толчком. Бедняга трясся от страха, но все же вышел наружу и смело пошел навстречу мерамиту с флажком.

Вместе они смотрелись странно. Реаттцы в среднем были выше нас, но пришельцы с Луны были еще выше. В среднем рост их составлял от семи до восьми футов. Но вид у них был костлявый, хилый. Я даже удивился тому, что они вообще могут стоять вертикально. Позднее я узнал, что давалось им это действительно с трудом.

Кожа их имела синевато-серый цвет, и такого же цвета была их военная форма. Их широкую грудь крест-накрест пересекали черные ремни портупей, от чего внешность их делалась еще более зловещей и грозной. Парламентер не убил нашего местного жителя, как я ожидал, а стал слушать, и зеленый человечек, глядя снизу вверх, как ребенок на взрослого, передал ему наши слова. Мерамит кивнул, развернулся и ушел.

Через несколько минут парламентар вернулся с еще одним мерамитом, который надменно вышагивал впереди, хладнокровно переступая через тела своих убитых солдат. В отличие от парламентаря, на нем был шлем с какими-то знаками, разобрать которые издали я не мог. Он остановился в нескольких ярдах от нашего передового «Джейна», расставил ноги, а большие пальцы рук засунул за ремень.

Местный житель тем временем радостный вернулся назад в бункер.

— Твоя очередь, Хармен, — сказал Бек довольным голосом. — Иди и прикинься важным. Скажи им, что мы представляем власти Клиттманна, другого мира. Скажи, что у нас нет вражды к народу Мерамы, почему мы и не препятствовали захвату Реатта. Скажи, что такого же уважения мы ожидаем и от них. Затем скажи, что если он — простой офицер, то должен говорить с тобой на улице, а если он — лицо высокопоставленное и является вождем своего народа, то может войти в бункер и поговорить со мной. Дай понять, что я не буду заключать соглашений с мелкой сошкой. — Длинноволосый алхимик долго и задумчиво на него смотрел. Я подумал, что он и одним своим видом произведет на мерамитов сильное впечатление.

Но алхимика уже слишком многое заставляли делать против его воли. Его втянули во множество дел, в которые он не хотел бы втягиваться, а теперь Бек еще заставлял вести вместо себя разговоры. Алхимику это не очень нравилось.

— Я что, твой посыльный? — сказал он. — Твой мальчик на побегушках?

— У тебя нет выбора, — заявил Бек. — Иди и делай, что я сказал. — Он помолчал. — А может быть, и есть выбор. Посмотри, может, сможешь устроить частную сделку с мерамитами, может, они дадут

тебе большую лабораторию. Только помни, Хармен, я тоже обещал тебе большую лабораторию. Очень большую. Ты же знаешь, что мы задумали — так что служи моей цели.

Все это Бек произнес ровным, спокойным голосом. Он явно намекал на какие-то личные беседы с алхимиком. Алхимик нехотя вылез из бункера.

Я следил за тем, как он разговаривает с мерамитом. Мерамит был явно поражен внешностью алхимика. Темные очки, вероятно, убедили его, что мы действительно какие-то новые пришельцы. Наконец Хармен указал на бункер, задавая вопрос громким грубым голосом. Мерамит тоже заговорил громче, и по его губам скользнула презрительная улыбка. После краткого препирательства он пошел за Харменом к бункеру.

Бек показал мне жестом, чтобы я оставался у «Джейна», так что получилось так, что я сижу над головой Бека, в то время как сам он сидит в мягком кресле в нише бункера. Чтобы войти, мерамиту пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Когда он проходил мимо меня, я услышал какие-то смешные щелчки, но когда он прошел, я его уже не видел. Я продолжал наблюдение, слушая разговор у себя за спиной.

Мерамит говорил по-реаттски, но резким, высокомерным тоном и голосом, который был необычно высок для человека таких размеров. У всех мерамитов, как я узнал впоследствии, такие же высокие детские голоса.

— Я — командующий экспедиционными войсками, — сказал он. — Я пришел говорить с вашим командиром.

Послышался скрип, это местные жители подтащили скамейку, чтобы мерамит сел.

— Меня зовут Бекмат, — с подчеркнутой медлительностью проговорил Бек. — Садись.

Мерамит сел.

— Ты утверждаешь, что представляешь другую державу. Не земную?

— Нет.

— И не с Мерамы?

— Нет.

— Значит, с Марса? С Венеры? Я не слышал о том, чтобы кто-либо прибыл из тех миров.

— Мы не оттуда. Наш мир ты не увидишь на небе. Но, хватит об этом. Моя претензия к тебе состоит в том, что ты разрушил эту деревню, которую я захватил.

— Когда к нам в первый раз пришел твой парламентар, — ответил мерамит, — мы приняли его слова за ложь, за отчаянную попытку обмана, и поэтому наказание наше было более строгим, чем обычно. У нас есть причины не разорять страну полностью, но мы должны ее покорить. Однако теперь, когда мы увидели действие вашего оружия, а также то, что вид у вас не реаттский... здесь темно, однако вы защищаете глаза. Вероятно, свет вам неприятен?

— Вы бы хотели иметь оружие? — спросил Бек, не обращая внимания на последний вопрос.

— И у нас оно будет. Обязательно будет.

Ответ мерамита прозвучал неожиданно. Я услышал судорожный вдох. Я обернулся и увидел, что мерамит сидит напротив меня, поджав колени, а его огромное плоское лицо искажается улыбкой. Это была самодовольная улыбка победителя. Бек, Хармен и два местных жителя согнулись вперед и упали на пол.

Тотчас какой-то резкий запах ударил мне в нос и стал драть горло. Конечности начало покалывать. Я попытался пошевелиться и не смог. Мерамит выпустил в бункере какой-то газ, для него самого безвредный.

Теряя сознание, я только успел подумать, что нас обхитрили. Мерамиту тоже были известны кое-какие методы. Нас облапошили.

VIII

Высокие голоса. Неясный шум. Со всех сторон звуки щелчков.

Я открыл глаза и обнаружил, что связан и лежу на земле. Я с трудом сел. Бекмат и Хармен уже очнулись и сидели рядом со связанными за спиной руками. Хармен, как он часто делал, склонил голову и ушел в себя. Бек поморщился, увидев, что я пришел в сознание.

— Думаю, удержать Хешу было труднее, чем взять, — сказал он.

Голова моя быстро прояснилась. Мы находились на одном из больших лугов за пределами Хеши. Кругом стояли транспортные платформы мерамитов. Всюду странной походкой, подпрыгивая, расхаживали серые тощие солдаты, обслуживали механизмы, каких я раньше не видел, или просто стояли.

Каждый раз, когда они шли, раздавались щелчки. Только сейчас я заметил, что у всех у них на ногах прикреплены какие-то шины из металлических прутков. Когда мерамиты ходили, эти устройства работали, как поршни. Это меня озадачило, но тогда я не стал над этим думать.

До нас долетел дым от горящей деревни. Я закашлялся, но вдруг увидел, что над нами стоит мерамитский офицер, который и усыпил нас газом.

Я посмотрел на его плоское серое лицо: тонкие губы, большие, тяжелые челюсти, широкие скулы, необычно тусклый взгляд серых глаз, в котором не прочесть настроение или эмоцию, словно он вообще не принадлежит разумному существу.

Алхимик вдруг поднял голову.

— Вот что значит у вас флаг перемирия, — сказал он с укором.

Губы мерамита выразили презрение.

— Хитрость — это оружие. Мы могли бы и не прибегать к ней. Мы бы могли подогнать более тяжелую технику и выбить вас. Но мы хотели получить ваше оружие неповрежденным.

Он помолчал, затем продолжил:

— Мы обыскали деревню в поисках вам подобных, но никого не нашли. Однако жители деревни упираться долго не стали. Они говорят, что у вас есть еще силы, которые отбыли несколько дней назад. Куда они направились?

— Они еще о себе заявят, — сказал Бек. Голос его звучал словно издалека и не принадлежал ему.

Я впервые почувствовал, что теряю уверенность в Беке. Он казался таким маленьким и жалким рядом с огромным мерамитом. Мерамит выслушал его ответ, посмотрел так, словно ничего не понял, затем оглянулся. Проследив за его взглядом, я увидел, что вдали что-то приближается, низко паря над землей. Это был большой цилиндр серебряного и медного цветов, заканчивающийся с обоих концов усеченным конусом.

— Вас доставят в наш главный лагерь на центральной равнине Реатта, — сказал нам мерамит. — Там ваши ответы станут более вразумительными. Может быть, встретитесь с высокопоставленными лицами, как вы и хотели. Мне вас жаль. Мераме пленные нужны лишь для одного.

Цилиндр сел на траву.

— Вот ваш транспорт. Теперь посмотрим, чем вы сможете быть полезны для ротроксов.

Нас схватили холодные руки и отнесли в цилиндр. Мы усадились на металлическую палубу и при-

слонились к изогнутому борту, а огромные солдаты нас охраняли. Послышался тихий гул, и машина поднялась в воздух.

— Ну и что теперь будем делать? — грубо спросил я у Бека.

Он беспокойно поерзал.

— Все зависит от того, успели ли ребята добратъся в Долину голубого пространства. Если мерамиты добрались туда раньше... — Он пожал плечами.

Летели мы довольно долго. Где-то на середине пути наши конвоиры открыли в палубе люк и принялись с интересом смотреть сквозь него и улыбаться. Один конвоир посмотрел на нас и сказал что-то своим товарищам на странном языке. Его слова им понравились. Он подошел ко мне и подтащил меня к люку, чтобы я тоже мог посмотреть. Мы неторопливо летели над плоской равниной. По ней извивалась бесконечная колонна несчастных ретатцев, скованных вместе цепями. Многие из них были мертвы или без сознания, но товарищи их все равно волокли все дальше. Колонну конвоировали мерамиты на круглых платформах поменьше транспортных. До нас донеслись крики, визг и резкие удары плетей. Я увидел обращенные к нам и смотрящие на нас зеленые лица. По обеим сторонам от меня конвоиры тоненькими голосами жестоко хихикали.

Затем они выдумали новое развлечение. Один схватил меня за ноги, а другой — под мышки и стали раскачивать меня над открытым люком. Меня обдувал ветер. Время от времени они делали вид, что отпускают меня. Я зажмурился. Я сомневался в том, что пара придурков из рядовых осмелится убить доверенного им пленного, но все-таки о манерах поведения мерамитов я же ничего не ведал. Мне стало страшно.

Я почувствовал, как меня сильно качнули, затем почувствовал, что падаю, и грохнулся снова на палубу. Конвоиры хихикали.

— Не волнуйся, Клейн, — негромко проговорил Бек. — Настанет и наш черед.

Жители Реатта не строили городов. Их поселения лежали разбросано, цивилизация имела сельский характер. Но у них, конечно, имелись центры с большей концентрацией населения. Они и были у них вместо городов. Мы полетели над таким главным центром и через открытый люк могли кое-как разглядеть его. Он напоминал парк, простирающийся во все стороны до горизонта. Там были широкие аллеи, сады и рощи. Строений было мало, они стояли далеко друг от друга и представляли собой, в основном, высокие стройные зеленые башни.

Вид был бы действительно прекрасен, если бы мерамиты не решили устроить здесь свой главный лагерь. По парку расползся лабиринт непрерывных низких, похожих на крытые переходы зданий, которые извивались между башнями, и все это очень походило на систему туннелей, построенных над землей. Цвет этих туннелей был серый, как и все у мерамитов.

Я начал понимать, что у нас, жителей Каллибола, больше общего с мерамитами, чем с народом Реатта. Как и мы, они не любили открытых пространств. Они были горожанами, жестокими, хитрыми и практичными. Во всяком случае, намного злее нас. Я надеялся, что это значит, что они глуповаты, и, следовательно, Бек не упустит возможности воспользоваться этой чертой.

Цилиндр начал снижаться и сел. Нас выволокли, затащили на круглую платформу, и мы въехали в

комплекс коридоров. Эти коридоры напоминали мне бесконечные казармы. Освещались они странным беловатым светом, совсем не похожим на дневное освещение. Встречавшиеся по пути мерамиты в военной форме смотрели на нас с недоумением.

По тому, под каким наклоном в местах пересечений отходили некоторые коридоры, я заключил, что мерамиты также всюду копали и под землю. Наверное, они тоже прятались от солнца.

Нас швырнули в темное помещение, и мы лежали там некоторое время. Я спросил у Бека, есть ли у него какие-нибудь идеи. Он сказал, чтобы я не волновался, ждал его указаний, а если останусь один, чтобы я ничего не говорил, даже если они перейдут к грубостям. Я спросил у Хармена, есть ли идеи у него. Алхимик лишь хмыкнул.

Дверь открылась, и Бека уволокли. Через некоторое время дверь снова открылась.

— Кто тут Клейн? — спросил огромный солдат голосом мальчика.

— Я, — ответил я, и меня тут же подняли на ноги и перерезали связывавшие их веревки.

— Еще увидимся, — сказал я Хармену, — надеюсь.

Меня провели по наклонно идущему вниз коридору в большое, довольно дорого обставленное помещение. Бек находился там, он был без защитных очков и от яркого света зажмурил глаза. Куртка и рубашка были с него сорваны. Из бока текла кровь, из того места, куда палач приложил свой инструмент. Палач стоял в стороне и все еще держал окровавленные щипцы.

Но в этой сцене палач играл лишь второстепенную роль. Бек сидел лицом к мерамиту, имевшему размеры больше средних, возвышавшемуся за столом, на котором лежали какие-то непонятные пред-

меты. Я тут же понял, что этот мерамит — большая шишка. За его спиной по стойке смирно стояли еще двое, которые, судя по их отличительным знакам, тоже имели высокий ранг.

Бек кривился, преодолевая боль. Он с закрытыми глазами повернулся ко мне.

— Это ты, Клейн? — спросил он, говоря по-клиттманнски. — Хочу, чтобы ты познакомился с вождем Инмитрином, командующим силами вторжения и одним из главных вождей там, на Мераме. Я настоял на том, чтобы ты присутствовал и был в курсе событий. — К мерамиту он обратился по-реаттски — Теперь можем говорить. Но вначале мои защитные очки.

Вождь Инмитрин кивнул. Палач подошел и вложил Беку в руки очки. Бек надел их себе на глаза и медленно огляделся. Палач тем временем принялся накладывать на раны, которые сам же нанес, что-то вроде пластыря. Кровотечение остановилось.

Инмитрин посмотрел на меня.

— Твой вождь переносит боль и не отвечает на наши вопросы. Мы, ротроксы, уважаем людей, которые переносят боль. Тебя, однако, мы еще не испытывали.

— Они так знакомятся, Клейн, — сказал мне Бек мрачно. — Что-то вроде рукопожатия. Не думаю, что они на тебе станут отрываться.

На мгновение я вспомнил Клиттманн. Я подумал о маленькой комнатке за гаражами, в которой мы обмотали одного парня проводами и включили ток. Это один из способов получать информацию. Бандиты вроде нас не чураются пыток.

Когда я сравнил ту сцену с тем, что видел перед глазами, то понял, что есть различие. В Клиттманне мы были по-мужски прямые, пытка была лишь техническим приемом. А в манере этих огромных

неуклюжих мерамитов было что-то противоестественное, женоподобное. У меня создалось впечатление, что все они фетишисты и прочие извращенцы.

— Вы здесь для того, чтобы беседовать со мной, — сделал резкое замечание Инмитрин, — а не для того, чтобы переговариваться друг с другом. Ты говорил о выгоде нашей встречи, говори. Скажи, откуда вы прибыли.

— У меня также много вопросов к вам, — дерзко ответил Бек. — Полагаю, у вас есть причины для вторжения в Реатт. Давай о них и поговорим.

Инмитрин пожал плечами, словно это детский вопрос, ответ на который и так известен.

— Разве это не очевидно? Племя ротроков завоевало все страны и народы Мерамы, а теперь намерено присоединить к своей империи и Землю. Мы получим рабов, много богатств, те виды природных ресурсов, которых нет на Мераме. Скоро многие народы Земли почувствуют сапог ротроков.

— И вы решили, что Реатт станет идеальным плацдармом, так?

Мерамит слегка нахмурился.

— Реаттцы не очень искусны в военном деле... но ты ошибаешься, если считаешь, что они слабы. Ты нашел, что они слабы? Вероятно, против твоего оружия. Но в захолустной деревне ты не мог встретить реаттских воинов, авиацию и пехоту. Их-то мы и давили с таким удовольствием. К тому же война еще не закончена. За пределами границ Реатта собираются силы. Предстоит великая битва. Однако ничто не может противостоять мощи ротроков.

— Во всех битвах вы, конечно, победите, — сказал Бек, усмехнувшись, несмотря на боль, — но что потом? Если вам от империи нет пользы, нет смысла и создавать ее, ведь так?

Мерамит встал и с хрустом подошел к Беку.

— Ты говоришь дерзко, но со знанием дела, — он на какой-то миг грозно склонился над Беком, словно вот-вот раздавит его своей огромной рукой. Мерамит задумчиво отошел.

— Все так, как ты и говоришь. Реаттцев поражает какая-то болезнь, как только их берут в плен. Дух их ломается. Работать их не заставить. Они просто ложатся и умирают, как бы мы их ни били.

— И вы действительно не знаете, почему это происходит? — спросил Бек с явной иронией.

Инмитрин пожал плечами.

— Дух их ломается.

Бек усмехнулся.

— Я так и знал! — обратясь ко мне, он сказал по-клиттманнски:

— Эти люди немного туповаты. Они ничего должным образом не обследуют. Они даже не знают о «голубом пространстве».

Обратясь снова к Инмитрину, он продолжал:

— Я могу сделать из реаттцев полезных вам рабов. Я могу помочь вам победить в генеральном сражении. Реаттцы мобилизуют все свои силы, так как это их последняя попытка. Кто знает, может, вы и проиграете... без нашей помощи.

— Как вы всего этого добьетесь? — спросил с подозрением мерамит. — Новым оружием? Новыми попытками для реаттских рабов?

— Действовать будем тоньше. Реаттцы зависят от одного наркотика, который они постоянно принимают. Если они не могут его достать, то просто перестают быть собой. Захватывая какую-либо территорию, вы отсекаете ее от поставок наркотика. Вы уже видели, что тогда получается.

Инмитрин строго посмотрел на своих офицеров, затем снова на Бека.

— Ты говоришь правду? Или мне снова прибегнуть к пыткам?

— Я говорю правду, — твердо заявил Бек. Он повысил голос. — Почему вы сами до сих пор об этом не знаете? Вы разве не интересовались, почему реаттцы вдруг заболевают?

— Наша задача — завоевывать, а не интересоваться здоровьем рабов, — произнес Инмитрин, жеманно выражая презрение. — Если твое объяснение истинно, то мы назначим надсмотрщиков из реаттцев, чтобы они занялись этим вопросом. Члены племени ротроков не марают рук подобными делами. Да и вообще, как только мы утвердим на Земле свою империю, мало кто из нас захочет проводить здесь время. — Он снова вернулся к столу и сел, лицо его сделалось унылым. Из-за особенностей черт почти нечеловеческих лиц мерамитов казалось, что он вот-вот расплчется. — Воздух здесь слишком плотный, все предметы очень тяжелые, а все очертания размыты, и все расплывчато. Вы, пришедшие из другого мира, вероятно, тоже видите, как Земля неприятна.

Бек кивнул.

— Рад, что в этом мы уже согласились. Вероятно, в других вопросах мы тоже сможем найти согласие. Я могу поставить вашим рабам и покоренному населению необходимый им наркотик, сделав условием получения наркотика сотрудничество и хорошее поведение. Наркоман сделает что угодно, чтобы получить... в общем, кажется, вы не знакомы с этим аспектом человеческих отношений. Я могу отрезать поставку от войск, которые вам сопротивляются, сведя их боеготовность почти к нулю. Этот наркотик, хотя вы этого еще не поняли, — средство, при помощи которого можно полностью покорить весь Реатт.

Бек помолчал, давая командующему время подумать. Наконец отчетливо и громко Бек произнес:

— И этим средством обладаем мы, а не вы.

— За такую дерзость ты должен умереть, — холодно сказал мерамит. — Все, что люди племени ротроков хотят, они берут. Ты говоришь, что этот наркотик принадлежит тебе? Мы его у тебя отберем. Если надо, мы будем сами его производить, при помощи реаттских специалистов.

— Боюсь, что нет. — Бек медленно и внятно рассказал о Долине голубого пространства, единственном источнике реаттской наркоты. Закончил он тем, что обратился ко мне: — Клейн, скажи, какой приказ дан нашим ребятам, которые сидят в долине.

— Все уничтожить и сжечь сады, если кто-нибудь попытается проникнуть в долину. Сделать это просто: долина не очень большая. Там должны появиться либо я, либо Бек, иначе «голубого пространства» больше не будет.

— Тебе следует иметь в виду, что ребята у меня очень способные и всегда исполняют приказы, — вставил Бек.

Инмитрин оглянулся и посмотрел на своих офицеров, словно прося совета. Один из них пошевелился.

— То, что ты говоришь — смешно. Мы просто организуем выращивание этих деревьев в другом месте.

— В другом месте они расти не будут, — объяснил я. — Долина образовалась в результате удара метеорита. В метеорите, должно быть, содержались особые минеральные вещества, благодаря которым деревья синтезируют наркотик, и это особый вид деревьев, который там и развился. В других местах они расти не будут. Думаю, если вы все-таки сумеете взять у наших ребят долину, то сможете там

найти какие-нибудь выжившие семена и сможете вырастить из них новый урожай, но на это уйдут годы.

Большие метеориты падали иногда и на Каллибол. Всем известен тот случай, когда метеорит разрушил город Чингак и разбросал на мили вокруг радиоактивную пыль.

— Можете сами проверить эти факты, расспросив реаттцев, что вам уже давно следовало сделать, — добавил Бек. — Ладно, ситуация ясна. Теперь обговорим условия.

— Ты ведешь себя дерзко.

— Я так не считаю, — сказал Бек, улыбаясь. — Мы здесь для того, чтобы помочь вам, а не навредить. У нас общие интересы. Да мы уже вам помогли. Вы узнали о наркотике «голубое пространство» и о том, почему ваши рабы не в состоянии работать. Вы даже можете узнать, где находится долина.

— Ладно. Каковы же ваши интересы? — Инмитрин подался вперед. Я видел, что, несмотря на то, что он снисходительно отвечает на вопросы Бека, несмотря на просчеты и оплошности, типичные для этого народа, Инмитрин был тверд, расчетлив и беспощаден. — Но ты ведь еще не ответил на наши вопросы. Где ваша планета? Планируете ли вы тоже вторжение на Землю? Что вам здесь надо?

— Наша планета так далеко, что на небе ее не видно, — ответил Бек. — Она в другой галактике, если вы знаете, что такое галактики. Есть особый способ попасть туда, и известен он только нам. Что касается остальных вопросов, то ответить на них я могу тоже абсолютно откровенно. И тогда вы поймете, почему можете мне доверять. Мы здесь не для того, чтобы завоевывать Землю — как раз наоборот. С моей планеты больше сюда никто не явится. Здесь только мы, кого вы захватили, и другие мои люди

с еще более мощным оружием, какого вы еще не видели, в Долине голубого пространства. Мы изгнаны из своего мира. Мы хотим обосноваться здесь и, создав сильную армию, вернуться на свою планету и уничтожить своих врагов. Так что мы можем предложить вам не только средство с легкостью управлять Реаттом, но и целый новый мир, который вы сможете завоевать с нашей помощью. За это мы хотим, чтобы нам дали почетное положение в вашей империи.

Казалось, что Инмитрин сейчас плюнет.

— Люди других племен не пользуются почетом у ротроков. Надо будет вступить в племя, принеся клятву верности.

— Я согласен. Я дам клятву верности. Мы станем членами племени ротроков.

Инмитрин задумчиво на нас посмотрел.

IX

Через несколько недель я стоял с Бекматом, Инмитрином и тремя его высокопоставленными офицерами и через открытый борт их летающего цилиндра смотрел вниз на поле боя.

Равнину с левого от нас края окаймляли пологие холмы, а справа — целый ряд оврагов. Все утро на эту равнину подходила пехота реаттцев и все ближе подбиралась к стоящим с краю поля колоннам ротроков.

Инмитрин посмотрел на все прибывавших реаттцев.

— Их много, и они хорошо вооружены, — сказал он своим холодным, резким голосом. — Не может быть так, что твой план не удался?

— Узнаем, когда начнется бой, — сердито ответил Бек.

Мы пролетали на высоте примерно в пятьдесят футов над округлым холмом. Над полем парило еще несколько цилиндров, отбрасывая тени на зеленых реаттцев. У нас за спиной в цилиндре находилось переговорное оборудование ротроксов: овальные экраны бледно-голубого цвета, словно ледяные зеркала, установленные над серыми металлическими корпусами.

Телевизионная система очень меня удивила, когда я впервые увидел ее в действии. Там, в Клиттманне, у нас были видеотелефоны, но изображение на них, если сравнивать изображение на приборах ротроксов, было мутным и расплывчатым. Ротроксы могли передавать и цветное изображение, но все цвета получались не те. Больше всего меня удивило то, что они умели передавать электромагнитные колебания без помощи проводов. На Каллиболе идея беспроводной передачи звука или изображения не считалась практичной, у нас ведь не было ионосферы, как на Земле. А ротроксы использовали телевидение даже для связи со своим Советом вождей там, на Мераме.

Смешно, подумал я, что ротроксы, опережая нас в одном, так сильно отстают в другом. Полагаю, при различных условиях жизни техника развивается по-разному.

Я взял оптическую трубу, чтобы посмотреть на лица реаттцев. Вопреки нашим ожиданиям, реаттцы не казались очень уж растерянными. Я знал, что Бек обеспокоен. От исхода этой битвы зависит многое.

Я стал вспоминать события последних недель. Сделка Бека принесла хорошие плоды. Ротроксы позволили ему послать меня с телевизионной камерой в Долину голубого пространства, я прибыл туда и обнаружил, что Грейл, Рит и Хассманн прочно

держат ее в своих руках. Торчок-Тон тоже был там — мои пули его не задели, — но он находился в полусознательном состоянии. От вещества, которое он теперь принимал, Тон пребывал в постоянном трансе. Лицо его теперь всегда имело мечтательно-таинственное выражение.

Бек сразу проявил свой талант организатора. Он составил план распределения «голубого пространства» среди подвластного ротроксам населения и прислал мне подробную инструкцию, в которой говорилось, что и сколько давать каждому приходящему за товаром распространителю. Используя и реаттцев, и мерамитов, он уже создавал целую сеть по распространению наркотика. Бек сразу начал прибирать себе все больше власти.

Он производил на ротроков сильное впечатление. Их всегда восхищал успех, независимо от метода. У Бека был талант общаться с ними, и они принимали его предложения. В результате все мы (за исключением Тона и Хармена) принесли клятву верности, смешав нашу кровь с кровью самого Инмитрина. Церемония была довольно сумбурной, и рана у меня на руке еще не зажила. Но теперь мы принадлежали к племени ротроков.

Инмитрин попытался забрать Долину голубого пространства в руки ротроков. Бек твердо воспротивился этой идее, и мерамиты, поняв, что мы все же опасаемся полностью им доверять, не стали настаивать. И сейчас Рит и Хассманн находились все еще там, чтобы никто не провернул за нашей спиной ничего.

Бек сразу прекратил поставки наркотика армии, которая собиралась у границы. То, что армия тотчас не попыталась окружить долину и взять ее, — еще один пример неумения реаттцев. Но уже стало ясно, что у них имеются запасы наркоты. Возможно,

недостаточно для полного счастья, но запаса хватало, чтобы не валиться с ног. Бек практически обещал захватчикам победу, и если они ее не получают, отношение их к нам изменится. Они могут даже нас поубивать. Но с другой стороны, если они победят, то станут относиться к нам, как к братьям. Стараясь подорвать моральный дух противника, Бек подослал к ним агентов, чтобы распространить слух о том, что им дадут «голубое пространство», если они побросают оружие, сдадутся или просто проигрывают бой.

Инмитрин тоже смотрел в оптическую трубу, но разглядывал не землю, а небо.

— Враг наступае, — объявил он. — Бой начинается.

Он отошел в глубь цилиндра и заговорил на резком языке ротроков по телевизионному переговорному устройству. В небе, довольно высоко, показалась эскадрилья истребителей реаттцев. Они были похожи на самолеты, которые я уже видел, но были меньше и перемещались быстрее. Одновременно от войска внизу донесся мощный крик, и пехота двинулась вперед.

Примерно полдюжины летающих цилиндров, которые все это время безобидно парили над армией, начали сбрасывать взрывчатое вещество и бомбы с газом. Газы — их не стали использовать интенсивно из опасения, что они могут достичь нашей стороны — почти тут же уносились дувшим над равниной резким ветром и большого вреда не причиняли. Бомбы с взрывчатым веществом разрывались красным дымным пламенем и поражали каждый раз человек по двадцать.

Меня немного удивило то, как вяло проводится бомбардировка. Почему ротроксы не послали на реаттцев сотни напичканных бомбами летающих ци-

линдров и не уничтожили армию с воздуха? Но когда я посмотрел, какое наземное вооружение используют обе стороны, я понял, что все они страдают косностью мышления. В сознании и мерамитов, и реаттцев война — это прежде всего ближний бой. Ни мечущие огонь копья ротроков, ни стреляющие дробиками ружья реаттцев не обладали точностью на дальней дистанции, да и их убойная сила была мала. Сражающиеся подкрадывались друг к другу на близкое расстояние или палили друг в друга в упор и, если ничего не получалось, быстро хватались за ножи. Такой стиль ведения боя мало учитывал возможности оружия, которое мы привезли с собой с Каллибола.

Удивительно скоро истребители были уже рядом с нами. Они могли очень ловко маневрировать в воздухе. В передней части фюзеляжа, прямо под кабиной, у них находились пусковые установки ракет.

Ротроксы явно с уважением относились к этим истребителям. Их собственные истребители были менее маневренны, и они были подняты в воздух в самом начале вторжения на Землю. Благодаря численному превосходству истребителям ротроков фактически удалось уничтожить воздушные силы реаттцев, но большой ценой. Сейчас мы видели то, что осталось от авиации обороняющейся стороны, и ротроксы решили не выставлять против них свои летающие машины.

Взамен Бек предложил наши услуги. Сейчас он подал мне сигнал. Я взобрался по трапу. Одновременно борт цилиндра закрылся, как глазное веко, оставив лишь узкую горизонтальную щель вдоль всего корпуса. Я забрался на небольшую платформу, установленную на цилиндре. На ней находилась снятая со шлюпа пушка системы «Хаккер» с броневым щитом и полным боекомплектom.

Я устроился перед пушкой и хорошенько огляделся. Истребители атаковали цилиндры и сбивали их, как кегли. У других цилиндров, кроме нашего, не было никаких средств защиты. Я увидел, как в один из них попали ракеты, как он опрокинулся и разбился о землю.

Я быстро развернул «Хакер». В мою сторону несся истребитель и уже нацеливал на меня свои ракеты. С «Хаккером» я обращаюсь неплохо. Я прицелился и нажал на гашетку. Орудие загрохотало. Истребитель превратился в облако огня, и в стороны полетели его обломки. Я заулыбался и стал, разворачивая «Хаккер», осматривать небо. Платформа подо мной была твердой, как скала, даже не покачнулась от взрыва. Настроение мое улучшилось.

Большинство цилиндров уже падало. Я подстроил прицел и ударил по самолету, который на расстоянии полутора миль от меня как раз выходил из пикирования после атаки. В цель попало лишь несколько снарядов, но у истребителя отвалилось крыло, и он, кувыркаясь, полетел вниз.

Эти истребители были маневренны, но очень непрочны. От одного попадания они разлетались вдребезги. Только после того, как я сбил еще один истребитель с довольно большого расстояния, противник понял, откуда исходит опасность. И вот два истребителя развернулись носом ко мне и начали быстро приближаться. Над головой просвистела ракета и взорвалась недалеко от меня. Через мгновение подлетел пославший ее истребитель, весь в огне и уже разваливающийся на части от моих выстрелов. На цилиндр плеснуло горящее топливо. Несколько секунд я не мог сориентироваться и ничего не видел. Вдруг я заметил, что на меня с ревом летит второй истребитель, и я тут же попытался навести на него свой «Хаккер».

Но не успел я нажать на гашетку, как самолет разлетелся на куски.

Я посмотрел на землю. Это стрелял ротрокс из «Хаккера», находящегося в шлюпе, который только что появился из укрытия в правой части поля боя. Я с удивлением вдруг понял, что, вероятно, жизнью обязан одному из этих серых чудовищ.

Оставался только один истребитель, да и тот во всю рвал когти. Я решил вернуться внутрь цилиндра, из-за корпуса цилиндра мне была плохо видна земля, а я хотел посмотреть, что там происходит.

Теперь, когда воздушная атака миновала, борт снова был открыт. Я спустился в цилиндр, кивнул Беку и посмотрел через борт.

Шлюп присоединился к бою в самый нужный момент. Реаттская пехота уже вплотную подошла к колоннам мерамитов, выстроенным диагональю, и фронт быстро превратился в кровавое месиво, ограниченное с одного фланга линией холмов. С тыла к незащищенным резервным силам реаттцев и ворвался шлюп.

За рулем сидел Грейл. Орудия обслуживали предварительно обученные нами ротроксы, для размещения которых нам пришлось демонтировать часть оборудования.

По моим подсчетам с каждой стороны было задействовано примерно по десять тысяч бойцов. Вооружение шлюпа имело просто опустошительное воздействие на толпы реаттцев. «Джейны» и «Хаккеры», а также ручные автоматы, стрелявшие из амбразур, косили реаттцев сотнями. Грейл вел шлюп, ни на что не глядя, давя горы трупов и стараясь поглубже забраться в толпу.

Ответить реаттцам было нечем. Они толкали друг друга и толпой разбегались от грозной машины. Некоторые, более сообразительные, находящиеся по-

дальше от линии фронта, начали готовить более тяжелое вооружение, стреляющее разрывными зарядами, но мы действие этого оружия уже проверяли и знали, что много вреда оно не принесет. Взрывчатое вещество, используемое как на Земле, так и на Мераме, обладало малой мощностью. Броня шлюпа выдерживала такие взрывы.

Рядами реаттцев овладел страх, затем началась паника. Появление незнакомого и, по всей видимости, непобедимого оружия сломало их и без того уже пошатнувшийся моральный дух. По команде офицеров ротроксы перешли в наступление, и их огненные копья стали выплескивать каскады расплавленного металла на ряды зеленых людей. Длинные стройные шеренги выставленных вперед копий мерно, неумолимо шли вперед. Реаттцев уже оттеснили к склонам холмов. Казалось, что они вот-вот сломаются, но каким-то образом, каким-то чудом, они остановились и начали перестраиваться, несмотря на творимую шлюпом мясорубку. Нашим артиллеристам было приказано вести огонь, пока есть боеприпасы, и это означало, что, кроме нескольких ящиков, припасенных в Долине «голубого пространства», у нас вообще ничего не останется.

На вершине холма вдруг появился новый отряд ротроков. Но это были не воины, а механики. Они установили несколько громкоговорителей и направили их в сторону линии фронта. Раздался громкий голос, голос реаттца, найденного Беком предателя.

«ЛЮДИ РЕАТТА! БОЙ ПРОИГРАН! СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ! ВСЕМ ТЕМ, КТО СДАТСЯ, БУДЕТ ВЫДАНО «ГОЛУБОЕ ПРОСТРАНСТВО», И ВСЕХ ИХ С МИРОМ ОТПУСТЯТ ПО ДОМАМ!»

Слова эти повторялись все снова и снова. Вначале на них не обращали внимания, затем некоторые послушались. Вскоре искушение уже распрос-

транялось, как пожар. Как Бек и рассчитывал, тысячам реаттцев был крайне необходим наркотик. Они были готовы воевать, надеясь на победу, но сейчас, когда надежда улетучивалась, воля их ослабла. Солдаты начали бросать оружие и, покачиваясь, взбираться на холм. Я обернулся и увидел, как зловеще улыбается Инмитрин.

— Разложение началось! — проговорил он то-
неньким голоском. — Думаю, битву мы выиграли,
брат Бекмат.

Мы с Беком переглянулись. Несмотря на то, что мы породнились с их племенем, до этого момента Инмитрин не употреблял слова «брат». Теперь мы поняли, что нас по-настоящему приняли к себе.

Шлюп внизу затих, боеприпасы закончились.

Три тысячи реаттцев взяли в плен, еще несколько тысяч бежало. Ротроксы отвели пленных в огромный загон. Командный цилиндр, из которого Инмитрин руководил битвой, опустился на холм перед загоном. Загон окружало плотное кольцо солдат ротроков.

— Ты действительно собираешься дать им «голубое пространство» и отпустить по домам? — спросил я.

Инмитрин взглянул на меня, подняв брови.

— Это самые непокорные из всего Реатта. Пока они живы, от них нужно ждать одних неприятностей. Обещание, данное врагу, не есть обещание.

Через открытый борт цилиндра он отдал приказ одному из офицеров. Кольцо солдат открыло огонь по пленным из своих мечущих огонь копий. Безоружные пленные заметались из стороны в сторону, стали кричать, стонать. Массовое убийство шло всюю, и все сильнее пахло горелым мясом.

Я вопросительно посмотрел на Бека. Он пожал плечами. Так что больше я не стал думать над этой проблемой.

В глубине души я понимал, что мы уничтожаем красивую, утонченную культуру во имя злой и отталкивающей. Но воспитание и опыт прекрасно научили меня, что красота и утонченность не важны. Важны сила и действенность.

Х

— Не впадай в заблуждение насчет ротроков, Клейн. Они просто обладающие техникой дикари — и все. У них племенной строй, как у кочевников на Каллиболе, и они не городские жители, как мы.

Я постоянно выражал свою озабоченность тем, с какой скоростью Бек влезал в новую администрацию Реатта. Я считал, что ротрокам не понравится то, что он берет дела в свои руки и успешно их выполняет.

— По-моему, они похожи на горожан, — ответил я.

— Ну да. Только потому, что они соблюдают дисциплину и любят всеми командовать. Эти крытые лабиринты, которые они строят, впечатляют, но, в сущности, это то же самое, что земляные норы, какие роют животные. Они ни за что не сообразят, как управлять крупным городом вроде Клиттмана, им не понять даже того, как организовать фабрику. Поверь мне, Клейн, в Основании они были бы швалью, людьми третьего сорта.

Секретарь-реаттец положил перед Беком еще один свиток. Он был испещрен беглым местным письмом, которое Бек еще не одолел. Секретарь зачитывал ему документ вслух, а сам он следил, как мог, по тексту. Наконец Бек кивнул и поставил на документ свою печать.

— Вообще-то идея у них есть, — продолжил он, — но нет опыта. Понимаешь. На Мераме у них есте-

ственное племенное подчинение. Каждый молодой ротрокс приучен соблюдать племенной порядок и на первое место ставить свой народ. Они воюют с другими племенами, но других конфликтов почти нет. Нет внутреннего напряжения. Следовательно, они не отточили друг на друге свой ум, как сделали это мы. — Он усмехнулся. — На Грязной улице Инмитрин не протянул бы и пяти минут. Даже здесь, в Реатте, ротроксы все время путались. Поверь мне, им повезло, что мы подвернулись, и они это понимают.

Может быть, Бек и прав, подумал я. Империя в понимании ротроков — это покорное население и огромная дань в форме сырья, товаров и рабов. Но, подавив волю реаттцев, они уже не знали, как обеспечить выполнение приказов. И Бек тут же занял эту пустующую нишу.

Секретарь-реаттец вышел. Секретарю тоже было нелегко читать документ, так как свет в кабинете у Бека был таким, чтобы мы, клиттманцы, могли обходиться без темных очков.

Я как раз только что вернулся после того, как ездил организовывать небольшую фабрику в пятидесяти милях от того места. Это была первая из задуманных Беком. Эта фабрика должна будет выпускать всего лишь боеприпасы для наших «Хаккеров», «Джейнов» и ручных автоматов. Через несколько недель шлюп снова будет в полной боеготовности.

Фабричное производство для реаттцев было в новинку. Сами они все производили единично, кустарно. Но я был доволен, так как неплохо поработал с имеющимся материалом. Все пойдет как по маслу, как только наладим производство станков. Бек пообещал, что у ротроков будут собственные «Джейны» и «Хаккеры».

Хармен все еще оставался там и проверял качество продукции. Услуги его были неоценимы, в техни-

ке он разбирался лучше всех. Я, например, даже точно не знал, что там за состав в патронах и снарядах. Старый алхимик, конечно, не был заинтересован в наших делах, но Беку каким-то образом всегда удавалось уговорить его помогать нам.

Если не считать Хармена, Бек и я были одни. Грейл, Рит и Хассманн отвели шлюп в Долину голубого пространства. Их присутствие там, как заметил Бек, еще некоторое время — наш козырь.

— Не знаю, почему, — сказал я, — но мне как-то неловко отдавать приказы этим огромным мерамитам. На их месте я был бы недоволен.

Бек пожал плечами.

— Они это видят иначе. Официально я здесь еще не начальник. Главный — Инмитрин, а мы всего лишь часть его штата. Я же тебе говорил, ротроксы приучены подчиняться, к тому же я действую от имени Инмитрина, а не от нашего. Позднее, когда станем действовать независимо, тогда могут появиться неприятности. Но мы с ними справимся.

Бек склонился над своими записями.

— Сейчас наша главная задача — дать реаттцам ощущение некоторой стабильности. Теперь, когда они снова начинают получать «голубое пространство», они могут вдруг сделаться непокорными, тогда Инмитрин снова приступит к их подавлению. Это нам во вред.

— Инмитрин потребовал сразу миллион рабов. Мы сумеем убедить его снизить число?

— Он не поймет. Его начальникам на Мераме не терпится, чтобы ротроксы стали народом-воином, и им не пришлось бы больше работать. Мы наберем миллион, взяв из дальних регионов целые общины. Тогда это будет заметно. Мы всегда можем пустить слух, что каждый, кого пошлют на Мераму, отработав там определенный срок, вернется на Землю.

— Кто в это поверит? — сказал я.

— Не торопись, может быть, со временем мы так и устроим. Ротроксов волнует лишь результат. Они хотят, чтобы успех был наглядным, и мы все делаем для этого.

— Никогда бы не подумал, что ты когда-нибудь будешь сглаживать острые углы, — сказал я с улыбкой.

Бек ухмыльнулся.

— Я многому научился из тех старых книг, которые Тон приносил от Хармена. В них это называлось искусством управлять государством, то есть искусством манипулировать обществом. Знаешь что, Клейн? Кажется, мне здесь нравится. Здесь есть простор для маневра. В Клиттманне было, как в барокамере! — он засмеялся. — Это подводит меня к другому вопросу, который я хочу тебе поручить.

Бек помолчал.

— Я узнал кое-что интересное. У реаттцев, кажется, был национальный лидер по имени Дальго, которого убили во время первой волны вторжения ротроксов. Жена его еще жива и живет тут прямо у нас под носом. Для реаттцев она, по-видимому, все еще что-то вроде символа. Она может оказывать большое влияние.

— А почему ротроксы ее еще не убили? — спросил я.

Бек нахмурился.

— Ты ожидал, что убьют? Как бы то ни было, сходи к ней, Клейн. Может быть, она нам будет как-нибудь полезна.

Госпожа Палрамара жила в одной из зеленых башен, которые в большом количестве расположились на главной равнине Реатта. Реаттцы это место

называли словом, которое означало просто «Парк». Теперь крытые переходы ротроксов уже переросли Парк, насыпной лабиринт растопырил щупальца, охватил красивые сады и оплел их, словно чудовище. Ротроксы предпочитали строить крытый коридор вместо открытой дороги. Мой шофер-ротрокс повез меня в моем личном автомобиле по лабиринту коридоров. Мы выехали через боковые ворота, и скоро подъехали к той самой башне, высокой и стройной, высотой футов в сто, стоящей на мягкой траве.

Я велел шоферу подождать и пошел к овальной двери, ведущей в башню. Внутри ее окутывала зеленая тень. Я вошел в дверь и почувствовал, что пол вдруг начал подниматься. Вокруг чередовались то свет, то тень, и то и другое — зеленые. Лифт вскоре остановился и дверь открылась

— Входи, пожалуйста, — раздался спокойный мелодичный голос. — Мне сказали, что ты придешь.

Я медленно вошел в помещение, расположенное в самой верхней части зеленой башни. Такого красивого помещения я еще не видел. Оно не было большим, но казалось просторными и свободным. Все контуры были сглажены, окна широки и изящны. Стены были светло-зелеными. Мебель и украшения — зелеными более темного оттенка и отсвечивали розовато-лиловым, который сочетался с цветом глаз стоящей там женщины.

Помещение видел я лишь мимоходом. Взгляд мой был тут же прикован к госпоже Палрамаре.

Все реаттские женщины грациозны, но она кроме грации обладала чем-то еще. У нее не было склонности к худобе, в отличие от большинства ее соотечественниц. Ее зеленое тело было полным, округлым и мягким. Лицо — нежное и доброе, взгляд — удивительно чист, зрачки — расширены от больших доз «голубого пространства».

Вам сразу становилось понятно, что она сдержанна, уверена в себе. Вид ее был грустным, но не подавленным. Ее розовато-лиловое платье подчеркивало каждый изгиб тела и акцентировало любое движение.

— Ты ведь один из тех, что пришли из неизвестного мира? — спросила она спокойно. — Вы слуги ротроков?

Я оторвал от нее взгляд, чтобы оглядеть помещение. Учитывая ее положение, я не мог исключать возможности покушения, тем более, что она — женщина. Я уже встречал женщин, которые нападали на мужчин. Я подошел к окну и стал разглядывать эту странную смесь архитектурных стилей реаттцев и ротроков.

— Свет слишком ярок для тебя? — спросила она. — Я слышала о вашей чувствительности. Попытаюсь быть более гостеприимной...

Она подошла к столу и что-то там сделала. Оконные стекла вдруг замерцали и приобрели цвет сепии. В помещении сделалось лишь немного темнее, но качество освещения каким-то образом изменилось. Я попробовал приподнять очки и обнаружил, что могу смотреть, не испытывая ни малейшего неудобства.

— Так лучше? — спросила она. — Для меня такого освещения тоже достаточно. Все дело в выборе нужной частоты.

Я улыбнулся ей и положил очки в карман.

— Ловкий фокус.

— Просто еще одно средство сделать жизнь приятной. — Она перешла в другой конец помещения, словно затем, чтобы лучше меня рассмотреть, прислонилась спиной к стене, а ладони положила на небольшой проходивший вдоль стены горизонтальный уступ.

— Для твоего народа это много значит, да? — сказал я. — Создавать красивое окружение. Делать жизнь красивой.

— Лучше, чем завоевывать и покорять. К сожалению, одни качества развиваются в ущерб другим. Мы не сумели защитить себя от ротроков. Что ты от меня хочешь?

— Буду откровенен, госпожа Палрамара. Реатт завоеван, и тебе придется это признать. Но мы могли бы облегчить положение твоего народа. Ротроксы мне и самому не очень нравятся, но у нас есть причины с ними сотрудничать. И мы не хотим разрушать ваш образ жизни без необходимости. Мы слышали, что в Реатте ты пользуешься уважением. Может быть, ты могла бы нам помочь. Мы могли бы назначить тебя на какую-нибудь официальную должность. Это снова дало бы людям ощущение безопасности. А ты, в свою очередь, помогала бы нам проводить наши программы.

— Думаешь, ротроксы это позволяют? — произнесла она резко.

— Думаю, да. Они приняли все наши предложения.

— Ты не понял. Женщины не занимают официальных должностей ни в Реатте, ни на Мераме. Мое влияние, если оно вообще существует, другого рода. Я не могу занять место своего мужа... тем более, когда он жив.

Я от удивления поднял брови.

— Разве твоего мужа не убили в самом начале войны?

Она пронзила меня своим ясным взглядом. Затем отвернулась и стала смотреть в широкие окна. Мне сделалось интересно, всегда ли она так накачена «голубым пространством», как сейчас. Этот наркотик даже трагедию превращал в поэтическое пе-

реживание. Я решил, что таким образом ей легче переносить то, что с ней случилось.

Она заговорила низким, бесстрастным голосом.

— Они пришли в начале лета. Для нас это стало летней войной. С неба, сверкая на солнце, спускались цилиндры из алюминия и меди. Что мне было делать? Ты явно не понимаешь роли женщины в нашем мире. Я осталась здесь, в этом помещении, стала изо дня в день переставлять украшения, чтобы создавать приятное разнообразие, как того требует обычай. А в окно я видела, как самолет моего мужа врезался в землю.

— И он не погиб?

— Многие посчитали, что он погиб, но он остался жив, хотя и оказался ранен. Ротроксы выволокли его из-под обломков и забрали на Мераму, где и держат в плену. Раз в тридцать дней они показывают мне его по телевизору, хотя он об этом не знает. — Она указала на находящийся в углу круглый экран. — Иногда они пытаются его у меня на глазах.

— И ты смотришь? — удивился я.

— А что мне делать? Если я не стану смотреть, они все равно будут его пытаться. По традиции ротрокам нельзя проявлять милосердия к побежденным. Если хочешь мне помочь, то пусть они отпустят моего мужа.

Я молча помотал головой.

— Не думаю, что смогу это устроить. Он ведь народный вождь.

— Конечно, не можешь. — Она посмотрела на меня тусклым, кротким взглядом. — Видишь, как я беспомощна. Надеюсь, вы действительно облегчите положение Реатта, но помочь вам я не могу.

Тут мне явно нечего было делать. Мне не хотелось уходить, но я никак не мог придумать предлог остаться. Я неохотно повернулся, чтобы уйти.

В дверях она меня остановила.

— Тем не менее, твои... планы меня заинтересовали. Если захочешь сообщить какие-нибудь новости или задать вопросы — добро пожаловать.

Что-то дрогнуло во мне, когда я услышал приглашение. Я кивнул и ушел.

Я никак не мог выбросить из головы эту реаттскую женщину. В Клиттманне все знакомые мне женщины были грубы и скандальны. Госпожа Пал-рамара была не такой. Она обладала качествами, каких я раньше не встречал в женщинах.

И я действительно снова пришел. Затем начал посещать ее регулярно. Мы говорили часами без перерыва. Я ей все рассказал о Клиттманне и о том, как мы оказались на Земле. Но о Бекмате я много не говорил: инструмент неохотно говорит о направляющей его руке.

Она, в свою очередь, рассказывала о своей жизни до того, как пришли ротроксы. В рассказе все выглядело действительно хорошо: легкая, приятная жизнь, где все возможности находят свое проявление, жизнь без нагрузок и нервного напряжения, совсем не так, как в Клиттманне. Думаю, у них бы я не ужился — я уже укоренился в своих привычках и не мог бы сделаться мягким, — но все равно время, проведенное в той красивой зеленой комнате, оказывалось лучшей частью дня.

Я очень долго к ней не притрагивался. Я, естественно, не робкий. Никто бы меня не остановил, да и ей некому было пожаловаться. Просто это было совершенно новым ощущением — находиться рядом с такой женщиной, как она. Но зачастую ее сознание почти полностью выключалось от «голубого пространства», и случай мне представился.

Она начала принимать наркотик все чаще и чаще. Я понимал, что она уже намного превысила норму — большинство принимало его лишь от случая к случаю. Однажды вечером она отключилась прямо на полуслове. Я поднял ее с пола. Я стоял там, держал ее на руках, и кровь моя закипала. Я по лесенке отнес ее в расположенную под главным помещением спальню.

Я знал, что с ней все будет в порядке. «Голубое пространство» никому особого вреда не приносит. Я положил ее на диван. Палрамара пошевелилась, открыла свои большие глаза и посмотрела на меня сонным взглядом. Я понял, что она даже не поймет, кто я такой, что может даже спутать меня со своим мужем. Некоторое время я боролся с искушением и наконец поддался своему стремлению. Я опустил на нее и погрузился в мягкое, теплое ложе блаженства.

Когда я рассказал Беку о том, что народный вождь все еще жив, он недоверчиво покачал головой и сказал:

— Эти придурки мстить определенно умеют.

Позднее он спросил меня, куда это я все хожу по вечерам, я ему и рассказал.

Бек потерял свой подбородок.

— А муженек на Мераме, да? Знаешь что, Клейн, что если мне попросить Инмитрина всадить в него ради тебя пулю?

Я понял, как далеко зашли мои чувства к Парламаре тогда, когда вдруг заметил, что начал надеяться, что придет наконец известие о смерти этого бедного придурка Дальго.

— Неплохая мысль, — тотчас сказал я. Но голос мой прозвучал неуверенно.

— Конечно, он прикончит его как-нибудь по-медленнее. У них такая традиция. — Бек многозначительно почесал свой бок там, куда впивались щипцы палача.

Я долго молчал.

— Брось, Бек, — сказал я, наконец. — Будь добр, оставь все, как есть.

— Конечно, Клейн. Все, как ты пожелаешь.

Больше Бек об этом не заговаривал. Мы были заняты созданием новых организаций, штат которых состоял в основном из реаттцев, а мерамиты присутствовали лишь символически — эти серые великаны вообще мало что делали. Мы взяли Рита из Долины голубого пространства, чтобы он обучил реаттских механиков делать клиттманнское оружие. У нас уже работал экспериментальный цех. Теперь мы были готовы расширить производство, запустив настоящую фабрику.

Бек был убежден, что как только оружие начнет сходить с конвейеров и поступать к ротроксам, мы добьемся их полного доверия. Все их подозрения относительно наших целей окажутся рассеяны; и более того, мы вместе сможем назначить примерную дату вторжения на Каллибол, а вторжение и было главной целью Бека.

Бек все чаще оставался у себя в кабинете, а выполнять всю тяжелую подготовительную работу взвалил на меня. Я приобрел огромный опыт. Бек, как всегда, быстро схватывал технические новшества и уже создавал телевизионную сеть, благодаря которой мог следить практически за всем в Реатте. Куда бы я ни направлялся, телевизионное изображение Бека было рядом, стоило связаться.

Организация фабрики — дело трудное. Наблюдать за всеми работами Бек посылал меня вместе с Ритом и Харменом. Территория должна будет охра-

няться воинами ротроков, чтобы продукция не попала не в те руки, но вся фабрика управлялась реаттскими инженерами — представителями новой элиты, создание которой задумал Бек. Фабрика находилась милях в пятидесяти от Парка. Я провел на ней примерно четыре недели, налаживал производство и добивался необходимой дисциплины. Под конец этого срока реаттцы начали понимать, что от них требуется, но я был вымотан.

Когда я вернулся в Парк, Бека у себя не было. Я сразу направился в башню Палрамары, страстно желая отдохнуть в своем самом любимом месте на этой планете. Лифт плавно, словно через толщу воды, поднял меня сквозь зеленые тени. Я вошел в помещение с большими окнами.

Бек был здесь, сидел на диване под одним из окон. Он был по пояс голым. Рубашка и ботинки валялись в другом конце комнаты. Палрамара тоже была тут. Она заметила, что я вошел, но не посмотрела на меня, а просто отвернулась и стала глядеть в окно.

Ситуация читалась ясно. Никаких речей было не нужно.

— Сколько ты уже здесь? — спросил я прямо.

— Да пару недель, то прихожу, то ухожу. С тех пор, как решил взглянуть на эту бабу. — Бек почесал свою волосатую грудь. — Я выяснил, почему ротроксы ее не прикончили, Клейн. У них, похоже, есть одна традиция: победитель пользуется женой побежденного вождя. Мило, да? Инмитрину на земных женщин наплевать, так что он оставил ее в покое.

— Да, но ты почему здесь? — резко спросил я.

— Как же, я выполняю теперь работу Инмитрина. Ты отлично поработал на фабрике, Клейн. Когда с конвейера сошла первая партия «Хаккеров», Инмитрин взял ее с собой на Мераму, чтобы показать

Совету племени. Ему на Земле не очень нравилось, так что он убедил Совет назначить вместо него комендантом меня. Так что на меня распространяется требование традиции. Я должен выполнять свою обязанность теперь, раз уж я практически член Совета ротроков.

— Ну да,— презрительно усмехнулся я.— Ты ведь всегда уважал традиции.

Бек неприятно улыбнулся.

— Ей не так уж и плохо. Взгляни на это иначе: с ней мог бы быть Инмитрин.— Он непринужденно отхлебнул из бокала.— Ладно, Клейн. Поговорим утром. Приходи ко мне в кабинет пораньше. У нас много работы.

В голове у меня шумело. Пистолет так и хотел прыгнуть из кобуры в руку. Если бы это был кто-нибудь другой, Грейл или даже Рит, я бы застрелил его, не раздумывая. Но сейчас я был парализован. Я стоял и злобно смотрел. Наконец, не говоря ни слова, удалился.

Я явился рано утром, как Бек и просил. Когда я вошел, он мне кивнул. Телеэкраны, выставленные вдоль одной стены, все светились и показывали в основном безлюдные картины различных частей Реатта и цехов фабрики — мы еще не ввели ночную смену.

— Клейн,— сказал Бек.— Думаю, нам надо организовать школу для юных реаттцев...

— Хватит,— перебил я.— Найди себе другого козла отпущения. Я ухожу.

Бек недовольно на меня посмотрел.

— Уходишь, Клейн? И куда уходишь?

— Сам об этом позабочусь. Просто пришел сказать. Грейл в любом случае больше тебе подойдет.

— В общем, может быть, и да. Во всяком случае, он бы не потерял головы из-за бабы.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Я понимал, он чувствует, как я его ненавижу.

— Ты ведь специально так поступил, да? — произнес я с укором.

— Что ты хочешь? Девушек? Бери, сколько хочешь. Я тебе их кучу приведу. Здесь, в Реатте, ты можешь брать все, что захочешь, при условии, что это тебя не станет отвлекать. Ты очень важен для меня, и я не допущу, чтобы что-то тебя у меня отнимало. Мне нужна вся твоя энергия, а это значит, что никто не должен влиять на твое мнение или расхолаживать тебя.

— Это кто тут расхолаживается? — дерзко бросил я.

Бек фыркнул.

— Тот Клейн, которого я знал в Клиттманне, без колебаний бы согласился на то, чтобы Дальго прикончили. Я тогда сразу понял, что кроме нашего Великого замысла у тебя в голове еще что-то.

— Замысла?

— Ты понимаешь, что я имею в виду. В Реатте мы лишь готовим плацдарм для настоящей операции. Меня не интересует ни Реатт, ни ротроксы. У них нет нужных качеств, они — хлипкие придурки, мелюзга. Каллибол — вот тот мир, который мы преобразим. Он как бомба, которая ждет, чтобы ее взорвали. Мы высвободим всю энергию, зажатую в тех городах. Мы создадим общество, империю, в которой все станет возможно...

Его искрящийся взгляд встретился с моим, угрюмым, нашел там ненависть и победил ее. Бек явно знал, что эти его планы действовали на меня неотразимо. Это была идея труда во имя чего-то большего, чем я сам, во имя того, что меня переживет и будет вечным. Он также знал, что я — единственный в банде, кто понимает эту идею.

— Так надо, Клейн, — сказал он. — Такова судьба. И если хочешь ей следовать, то должен принадлежать мне, а не той женщине в башне. Наше дело слишком серьезно. Я не хочу, чтобы были какие-то препятствия из-за эмоций. Ты можешь иметь баб, *но им тебя иметь нельзя*. Развлекайся, но чувства твои должны быть сосредоточены в одном направлении.

— Тебе обязательно надо было сделать все именно так? — спросил я все еще угрюмо.

— А почему бы и нет? Все способы одинаково хороши. Только не говори, что сейчас раскиснешь. — Он внимательно на меня посмотрел. — Просто смешно, есть ребята, которые не боятся ни пуль, ни гранат, ни полиции, но которые ничего не могут поделать, когда оказываются в такой вот ситуации. Только не говори мне, что ты один из тех мягкотелых. Надеюсь, что я хорошо тебя знаю.

— Я справлюсь.

— Я так и думал. — Бек немного помолчал. Затем вдруг наклонил голову на бок и лукаво на меня посмотрел. — Знаешь, как я поступлю, Клейн? Можешь забрать назад ту женщину. Давай забирай. Только в моем деле уже участвовать не будешь, как сам только что говорил. Ты уйдешь. Доживешь свою жизнь здесь, в Реатте, и никто тебя не тронет. Я все сделаю сам. Теперь меня все равно уже ничто не остановит.

Я глубок вздохнул.

— Ты же меня знаешь.

— Думаю, что да.

Бек посмотрел на меня таким взглядом, который вполне можно было назвать сочувственным. Я вспомнил о Гельбор, о той девушке на плоту вместе с нами. Я подумал, прекратит ли когда-нибудь Бек требовать того, чтобы я подчинял все свои чувства ему.

После этого я больше не пытался видаться с Памарарой. Бек же посещал ее регулярно.

XI

Не успел я проснуться, как вдруг послышался негромкий сигнал. На монохромном экране, яркость которого для глаз клиттманнцев была уменьшена, появилось лицо Бека.

Бек был хмур.

— Можешь сюда приехать? Есть срочное дело.

— Сейчас приеду, — сказал я, и изображение погасло.

Я стал быстро одеваться, размышляя о том, что же произошло. Уже больше полугода я видел Бека только по телевизору.

Дело наше шло уже года четыре. Все проходило гладко, если не считать мелких задоронок то там, то здесь. Производственные линии уже выдавали оружие, самолеты и модифицированные варианты шлюпов. Примерно пятьдесят процентов того, что мы делали, шло на Мераму вместе с массой других товаров и сырья.

Реатт по-прежнему был оккупирован войсками ротроксов, но все было тихо, и с каждым годом солдат становилось все меньше. Из реаттских юношей, никогда не пробовавших «голубое пространство», Бек набрал элитарную организацию, обучил их владению оружием и внушил им идеологию, которую сам состряпал. Они презирали образ жизни своих родителей и на Бека смотрели почти как на бога.

Все это Бек проделал без малейшего сопротивления Совета ротроксов. Он даже убедил Совет отложить завоевание других континентов и народов Земли до тех пор, пока не будут созданы достаточные запасы вооружения.

Все в Реатте действовало, как хорошо смазанная машина, благодаря умелому планированию Бека, которому немного помогали я и другие ребята. Это ничуть не меняло того, что мы — новые хозяева страны, — по сути, оставались бандитами и думали и действовали как бандиты.

Населению страны мы, должно быть, казались далекими, странными фигурами. Как только дела наладились, мы стали затворниками, поселившись в зеленых башнях. Грейл и Хассманн жили в одной башне, все же остальные велели построить себе по отдельной башне, без окон и совершенно отрезанной от окружающего мира, и в них каждый жил согласно своим склонностям. Рит оформил интерьер своего жилища сам и увешал все стены изображениями голых каллибольских баб, которых ему из фантазии нарисовал один местный художник. Каждый день он имел новую реаттскую женщину. Дом Торчка-Тона был просто берлогой, где тот находился в постоянно затуманенном состоянии. Хармен, кроме личного жилища, устроил еще алхимическую лабораторию, где работали примерно двадцать реаттских ассистентов. Сейчас, как я слышал, он работал над ядерным реактором.

Я специально построил свою башню без особой роскоши. В отличие от других, которым нечем было заняться, у меня было много работы. Мне Бек поручил проведение программы вооружения и обучение Реаттской лиги, как называлась молодежная организация. Бек теперь не покидал своего кабинета и каждый день связывался со мной при помощи телевизионной связи, чтобы советоваться и давать инструкции.

Одевшись и взяв оружие, я посмотрел сквозь тканевую шторку, как там снаружи. Помещение тотчас наполнилось зеленым светом. Я заключил, что

сейчас полдень, сел в лифт и надел темные очки, чтобы ехать к башне Бека.

Лифт сразу доставил меня к нему в кабинет. Бек сидел в глубоком мягком кресле и держал в руке бокал с хвурой, местным опьяняющим напитком. В Клиттманне он много курил, но так как здесь сигарет было не достать, то пил хвуру.

Бека окружали телевизионные экраны, стопки документов и письменных отчетов.

— Привет, Клейн, — сказал он. — Кажется, кто-то пытается сделать переворот. Иди сюда и посмотри.

Работало несколько экранов. Только подойдя поближе, я увидел тот, на который смотрел Бек. На экране, склонившись над чем-то, стояли несколько ротроков. Когда один из них подвинулся, я увидел, что склоняются они над Торчком-Тоном. Он лежал на диване с отсутствующим выражением на лице. Слышались нечеткие, неразборчивые голоса ротроков. Я напряг слух, но ничего не разобрал.

— Они пытаются выведать у Тона, где находятся ворота, ведущие на Каллибол, — пояснил Бек.

— Он им сказал?

— Нет, но только потому, что так накачался, что не понимает, что происходит. Когда ему понадобится еще один укол, он начнет приходить в себя и тогда все выложит.

— Зачем они хотят это узнать? Инмитрин что, пытается нас обойти?

Бек покачал головой.

— Не думаю. Я уже давно слышу тихий ропот. На Мераме всегда существовала небольшая фракция, которой не нравилось наше влияние и то, что мы возродили страну реаттцев вместо того, чтобы полностью ее уничтожить. Это явно люди из той фракции. Идея их, очевидно, заключается в том, чтобы захватить ворота, сделать за ворота пробную

вылазку, и если им там понравится, обеспечить себе поддержку для организации вторжения одних только ротроков. А нас они захотят оттеснить.

Я молча глядел на экран. Один из ротроков тряс Тона.

— Это разве не пахнет неповиновением? Разве им это сойдет с рук? Что подумает Совет?

Бек поерзал в кресле.

— У ротроков есть странная черта. Я заметил, что какая-нибудь идея или противоречие может висеть в воздухе годами, и ничего не будет происходить. Совет может на что-нибудь наложить вето. Но если кто-нибудь по собственной инициативе предпримет действия, противоречащие запрету, и они начнут приносить плоды, Совет заинтересуется. Так что я не хочу, чтобы эти фанатики совались в наши дела. А в особенности я не хочу, чтобы они совались на Каллибол.

— Почему? Они там просто найдут безжизненный мир.

— Вот это и плохо. Они могут убедить Совет в том, что я им говорил неправду. Ротроксы от похода на Каллибол ждут богатой добычи.

Меня все подмывало задать один вопрос.

— У тебя устроено наблюдение за всеми нашими башнями?

— Строго между нами — нет. Только за башнями Тона и Хармена. Я решил, что это будет разумно.

— Похоже, ты оказался прав. Что будешь с этим делать?

— Возьми отделение, и чтобы никто там не остался в живых.

— Не слишком круто? — спросил я. — Ротроксам может не понравиться.

— Я улажу. Они не очень переживают, когда гибнет их молодежь. Я представляю все так, словно

они ворвались, начали стрелять, а телохранители Тона его защищали. Это может дать понять той фракции, что мы не так беззащитны против посягательств, как им показалось.

— Хорошо.

Когда я уже повернулся, чтобы уходить, Бек добавил:

— Кстати, когда я сказал «чтобы никто не остался в живых», я именно это и имел в виду. Это относится и к Тону.

Я остановился.

— Это обязательно? — спросил я. — Он ведь один из нас.

— Он — слабое звено в цепи, и я хочу его удалить. Ни с кем другим поступить так они бы не решились. Помнится, однажды ты промахнулся в Тона. Теперь есть возможность это исправить.

Башня Тона находилась на расстоянии примерно двухсот миль. Я быстро собрал хорошо вооруженное отделение из десяти молодых реаттцев, и мы на близлежащем аэродроме реквизируемали скоростной самолет. С полным грузом он давал больше четырехсот миль в час, так что вскоре мы были на месте.

Бек сказал, что насчитал в башне пять ротроков, но их вполне могло оказаться и больше. К тому же они могли слышать шум двигателя, когда мы приближались. Укрывшись в роще, я принялся осматривать башню и думать о том, как все же хорошо рассчитан этот тип строений для обороны от нападения.

Сколько ни смотри на башню, сделать можно только одно, а именно — войти в нее через дверь на первом этаже. Уже настал вечер, солнце зашло за

горизонт, и я мог обойтись без темных очков. От деревьев, травы и цветов вдоль земли струился прохладный свежий аромат. Отделение знало свое дело. Я дал команду, и мои солдаты, одетые в обтягивающие комбинезоны, ловко преодолели открытое пространство.

Мы подобрались к основанию башни и обнаружили, что лифт в полном порядке и пуст. Трех я оставил снаружи, а остальные отправились в лифте наверх. Я понимал, что в эти несколько секунд мы крайне уязвимы, поэтому остановил лифт, не доезжая двух этажей до жилых комнат Тона.

Мы пошли по темным, тихим, пустым помещениям. Тон выстроил себе массивную башню, размеры которой намного превышали его потребности. Что у него за башня, он, вероятно, даже и сам не знал. Я повел солдат вверх по лестнице, и мы вышли на жилой этаж, который был освещен и обставлен.

Первая же комната, через которую мы проходили, хотя в ней никого и не было, ясно говорила об увлечении Тона. Мебель имела скругленные очертания, и ее было немного. Всю комнату окрасили в голубые тона (цвета земного неба), а поверхность стен занимали гигантские телеэкраны, по которым ползали различных оттенков голубые разводы, от которых начинала кружиться голова.

Из соседней комнаты доносились резкие высокие голоса ротроков. Я дал реаттам знак передвигаться тихо. Мы подкрались к широкой двери с резными, ручной работы наличниками. Я вышиб дверь ногой, и мы ворвались. Сцена была примерно той же, что я видел на телеэкране в башне Бека. Вокруг лежащего на спине Тона стояли ротроков, переговаривались между собой и ждали, когда Тон придет в себя и окажется в их власти.

Мы без предупреждения открыли автоматный огонь. Ротроксы успели оглянуться, потянуться за оружием, но тут же оказались отброшены назад ударом града свинца и начали падать на мебель.

Грохот автоматных очередей длился лишь несколько секунд. Я стал проверять тела, чтобы точно убедиться, что все мертвы, и увидел, что Тона пули не затронули. Я решил, что следующую часть работы мне лучше сделать наедине.

— Отправляйтесь вниз и ждите меня у основания башни, — приказал я. Солдаты ушли. Я внимательно посмотрел на Тона. Глаза его были закрыты.

Вдруг я опомнился. В комнате было четыре трупа ротроков. Бек говорил, что ротроков пять. Еще один наверняка прячется где-то в башне.

В противоположном конце комнаты находилась еще одна дверь. Я подкрался к ней, приоткрыл ее и скользнул туда. За ней была еще одна голубая комната. Я стоял секунды две, оценивал комнату взглядом, как вдруг справа от меня открылась еще одна дверь и вошел ротрокс.

Мы увидели друг друга одновременно. В руке он держал короткую саблю, какие обычно носят ротроксы. Огнестрельного оружия у него, по-видимому, не было. Я навел автомат и нажал на спусковой крючок.

И автомат заклинило.

Я выругался про себя. Автомат был реаттской сборки, несмотря на все наши усилия, реаттская продукция еще не могла сравниться с нашей. Я тут же подумал о пистолете у меня в кобуре и об оружии убитых ротроков, которые лежали в другой комнате, но не было времени добраться ни до того, ни до другого. Ротрокс моментально бросился на меня с саблей, и у меня оставалась лишь доля секунды, чтобы спасти свою жизнь.

Когда он бросился на меня, руки и ноги его защелкали. Четыре года назад я совсем не сразу узнал, что это за устройства из стержней на руках и ногах у ротроков. Мерама в шесть раз меньше Земли или Каллибола, и сила притяжения на ней во столько же раз меньше. Серебристые стержни и поршни — это механические мышцы, без которых ротроксы на Земле почти не могли стоять.

Я метнулся в сторону, едва увернувшись от удара саблей. Как только серое с оскаленным ртом лицо ротрокса промелькнуло мимо меня, я взял свой автомат за ствол, с размаху ударил прикладом его по ноге и разбил шарнир в районе щиколотки. Послышался звон. Нога ротрокса подкосилась, и он грузно упал на пол. Он стал барахтаться на полу, пытаясь встать при помощи рук и другой, еще действующей ноги. Воспользовавшись временем, я вынул пистолет и выстрелил ему в голову.

Я послушал, нет ли в здании других звуков, затем вернулся туда, где на диване лежал Тон. Сейчас он открыл глаза. Он взглянул на меня своими расширенными зрачками.

— Им нужна была информация, — произнес он тихим вялым голосом. — Я молчал. Я уже давно очнулся.

Я все еще держал в руке пистолет. Когда Тон увидел, куда он направлен, то понял, что сейчас должно произойти.

— Я представляю угрозу, да? — сказал он, пытаясь сесть. — Я себя не контролирую.

— Мы должны заботиться о своей безопасности, — произнес я твердо.

— Конечно. — Он смотрел неподвижным стеклянным взглядом прямо мне в лицо.

Застрели меня, Клейн. Давай. И я стану свободен, буду вечно парить в голубом пространстве.

Я прицелился. Вдруг лицо Тона искривилось в усмешке.

— Бекматовская шестерка!

Выстрел прозвучал неожиданно громко. Пуля проделала аккуратное отверстие в лице и вырвала кусок из затылка. Тон дернулся. Он умер, даже не успев почувствовать выстрела. Я быстро прошел по остальным помещениям, убедился, что там никого нет, и спустился к отделению. Я все думал, расслышал ли Бек, наблюдая за происходящим по телевизору, последние слова Тона.

XII

Планета Земля вращается, освещенная ярким светом. От его яркости атмосфера ее светится. На этой планете страна Реатт — словно один огромный переливающийся самоцвет, словно огромная чаша, полная зеленой травы и дурманящих ароматов, идущих от раскидистых деревьев.

Иногда я выглядываю из своей башни и смотрю на небо, расцвеченное яркими красками утренней или вечерней зари. Хотя все это мне чуждо, я вижу, что это красиво.

Прошло девять лет с тех пор, как мы пришли сквозь ворота с Каллибола. Девять лет, в течение которых мы, хозяева Реатта, сидим, затаившись в своих глухих башнях, редко видим друг друга и редко показываемся местным жителям. Реатт слушается наших команд, потому что мы его таким устроили. Миллионы реаттцев работают на Мераме в цехах ротроков или как домашние рабы. Здесь, на Земле, они трудятся на заводах, медленно, но уверенно выпускающих оружие, которого хватит на целую армию. Мышцами и нервами нового порядка в Реатте стала военизированная элита, ко-

торая никогда не знала «голубого пространства». Мы обучали ее лично. У ее представителей есть твердость, даже жестокость, и они благоговеют перед людьми с Каллибола, благодаря которым и произошли все эти изменения.

Ротроксы все еще оставались в Реатте, они вышагивали со своей обычной надменностью, иногда вооруженные своим традиционным мечущим расплавленный металл копьем, но чаще — с автоматами и пистолетами, которые мы им дали. Реаттская элита ротроков уважала, но ими не восхищалась.

Мое лицо было самым известным в Реатте. Вся организация была делом моих рук, так что иногда я показывался на людях. Но в последнее время я, как и остальные, сделался неразговорчив и замкнулся в своем искусственном мире.

Бекмат уже годами не выходил из своей башни. Сам я в последний раз видел его живьем, когда убивал Тона; но он существовал, преследовал, как тень, давал по телевизору инструкции.

Так что это было из ряда вон выходящим событием, когда Бек вдруг всех нас созвал вместе. Когда я вошел в его жилище, Рит, Грейл и Хассманн уже сидели и ждали меня. Бек сидел в том же кресле, в каком я видел его пять лет назад, все так же окруженный мерцающими телеэкранами.

Из нас Бек постарел сильнее всех. Его бледное лицо стало немного одутловатым, а глаза сделались усталыми. Все остальные были просто на десять лет старше, но по-прежнему бодры и в хорошей форме. Хотя Бек был единственным, кто не набрал вес от большого количества калорийной пищи.

Не тратя времени, Бек сразу приступил к делу.

— Вы, ребята, думаю, не поверили тогда, когда мы бежали и оказались за пределами города, что однажды мы вернемся и рассчитаемся с теми придур-

ками, — сказал он, — но вот этот день настал. Время идти на Клиттманн.

Рит пожал плечами.

— Мне и здесь хорошо. Но как скажешь, босс.

Грейл оскалил зубы. За время, прожитое в Реатте, лицо его сделалось еще более смуглым.

— Давно пора. Мы и так засиделись в этой пропаленной солнцем дыре с зелеными мордами.

— Вот именно, — одобрил его слова Бек. — Думаете, нам тут живется неплохо?

Действительно неплохо. Но это не та планета. Подождите, кода мы закончим дела на Каллиболе. Клиттманн — это только начало, мы пройдемся по всей планете. Я каждому из вас дам по городу. По десять городов. Никто не знает, сколько их там, на Киллиболе.

— Как ротроксы, Бек? — пробасил Хассманн. — Что с ними?

Бек фыркнул, отмахнувшись.

— Они думают, что это будет частью их империи, как Реатт. Но не беспокойтесь, долго на них работать я не собираюсь. Города Каллибола — это мир, в котором они ничего не смыслят. Более того, в нашем распоряжении окажется гигантская промышленность и обученное население. То, что мы делали тут, покажется игрушками.

Грейл довольно усмехнулся.

— Хочешь сказать, мы выпихнем этих придурков из игры? Я — за!

— Именно. Мы им еще немного подыграем, но потом быстро выпихнем их с Каллибола, а после этого выпихнем их из Реатта на Мераму. Пусть забирают свою Мераму, она мне не нужна.

Рит поморщился.

— На что нам этот Реатт? Пускай забирают и его. Мы можем охранять ворота, и они никогда че-

рез них не пройдут. Мы можем даже снова их разрушить.

— Нам на некоторое время еще понадобится Реатт,— сказал Бек, не дав пояснения.

Я решил, что он нужен Беку из-за того, что в кампании будут участвовать реаттские войска. Он не захочет отказаться от всей проделанной тут нами работы. Кроме того, пройдет, по крайней мере, несколько месяцев, прежде чем мы достаточно укрепимся в Клиттманне, чтобы пойти против своих кровных братьев — ротроков.

Я молчал все это время, так как уже знал мнение Бека на этот счет. Теперь он обратился ко мне.

— Надо разобраться с ротроксами, Клейн. Я хочу, чтобы ты отправился на Мераму и поговорил с Советом.

У меня по спине забегали мурашки при мысли о том, что надо будет предстать перед этими холодными, жестокими людьми на их собственной территории.

— Что я им скажу?

— Формально это просьба от меня дать приказ начать кампанию и предоставить свои собственные войска. Я дам тебе магнитофонную запись своей речи. К тому же нам надо обеспечить себе тыл. Я не хочу, чтобы здесь что-нибудь случилось, пока мы рассчитываемся с Клиттманном. Так что сделай вид, что у нас с ними полное согласие, и прикинься послушным слугой.

Хассманн, Грейл и Рит — все улыбались.

Грейл хлопнул в ладоши.

— Девять лет не имел настоящей женщины!

Отправился я в одном из цилиндров, которые регулярно падали с неба и снова поднимались на

Мераму. Я впервые поднимался в космос, первый из всех нас.

Цилиндры перемещались, каким-то образом взаимодействуя с магнитным полем Земли, и во время движения издавали громкое гудение, которое отдавалось гулким эхом внутри их пустого пространства. Они могли летать только между Землей и Мерамой. В более далеком межпланетном пространстве они были бесполезны.

Мне бы хотелось посмотреть на открытый космос, но иллюминаторов не было. Перелет длился около суток, после чего резкий толчок сказал мне, что мы на Мераме.

Экипаж из ротроксов с удовольствием снял с себя устройства из стержней. Теперь ротроксы находились в своей стихии.

Часть борта открылась и образовала пандус. Внутрь залетел холодный разреженный воздух Мерамы. Солнце висело над горизонтом и казалось маленьким и горячим. Пейзаж был серым и мрачным, почва — как свинец. Местами рос чахлый низкорослый кустарник жалкого вида, а на юге резко возвышались горы.

Когда-то, согласно Хармену, на Мераме не было ни жизни, ни воздуха. Обитаема она сейчас лишь благодаря человеку, который либо случайно, либо умышленно занес сюда некоторые виды организмов, выживших и постепенно адаптировавшихся к местным условиям, как и сами мерамиты. Благодаря растениям и бактериям возникла атмосфера и с течением времени образовалась стойкая экосистема. Ни жители Земли, ни жители Мерамы об этом не знали. Все это произошло миллион лет назад, еще до начала истории их народов.

Секретарь-реаттец, которого я взял с собой для помощи при переводе, оглядел пейзаж. На его лице

я прочел отвращение. Для него, человека культурного, этот мрачный пейзаж был просто адом. И это впечатление усиливалось еще и тем, что он уже отслужил здесь срок в качестве раба.

А мне даже понравилось. Все здесь напоминало Каллибол, разве что свет слишком ярок. Единственным признаком человеческого присутствия были какие-то напоминающие хижины постройки, расположенные в полумили от нас.

Сопровождавшие нас ротроксы сошли с пандуса и повели нас за собой. Они уже не вышагивали, подпрыгивая, как на Земле. Их высокие, долговязые тела с широкой грудью были действительно адаптированы к жизни при слабой гравитации, так что теперь ротроксы шли прямо и уверенно.

Мой реаттец уже проинструктировал меня, как мне ходить: тело немного наклонить вперед, делать небольшие скользящие шажки и всегда думать, куда поставить ногу в следующий раз. Уже через несколько ярдов я усвоил эту манеру движения, так что мог продолжить смотреть по сторонам.

Еще одна деталь на Мераме делала эту планету похожей на Каллибол. По всей округе были разбросаны бугорчатые монолиты из грубого, похожего на бетон вещества, которые очень походили на уменьшенные модели городов Каллибола.

Но это были постройки насекомых, термитов. Такие же термитники я видел и на Земле, но там они редко достигали высоты более семи футов. Термиты Мерамы развились до размеров в три-четыре дюйма, а их постройки имели размер от пятидесяти до ста футов.

Мы пересекли тень от термитника и добрались до зданий ротроков. Они оказались намного больше, чем показалось вначале, походили на казармы и образовывали кольцо вокруг одной части большо-

го кратера, противоположный край которого исчезал в темноте. Кромка кратера была скрыта вровень с окружающей поверхностью, а дно, находившееся примерно в сотне футов ниже нас, терялось в тени, и там мерцали фиолетовые огни.

Мы вошли в одно из зданий, такое же, как и крытые переходы строений на Земле, из которого сквозь открытые боковые двери я мог заглянуть в кратер. Сопровождавшие нас ротроксы поговорили о чем-то с пожилым соотечественником, который носил кроме формы племени еще и широкий длинный халат, после чего удалились. Пожилой ротрокс посмотрел на меня, не обратив внимания на реаттца, и холодно улыбнулся.

— Добро пожаловать на Мераму, кровный брат. Совет ротроков знает о твоём прибытии и сейчас примет тебя. Ты готов?

Я и Бек знали язык ротроков, но не очень хорошо. Я едва понял его слова. Переводчик-реаттец, не получив от меня команды, молчал. Я кивнул.

Пожилой ротрокс провел нас через дверь, и мы вышли на нависающую над краем кратера платформу. Платформа оказалась лифтом. Мы начали спускаться сквозь мрак вдоль гладкой стены со множеством входов. Похоже, весь кратер был испещрен туннелями.

У одного из входов платформа остановилась. Мы молча прошли по коридору. Он освещался яркими электрическими лампами, которые давали жуткий зеленоватый свет, отчего казалось, что кожу ротроков покрывает какая-то плесень. Наконец ротрокс провел нас вниз по винтовой лестнице, и мы очутились в круглом помещении, которое было роскошнее, чем все, виденные нами прежде.

Члены Совета ротроков сидели, вытянув ноги вперед на низких диванах. Присутствовало восемь

членов, включая и того, который привел нас сюда и теперь занял свое место среди остальных. Члены Совета сидели полукругом. За их спинами с пустыми лицами стояли, ожидая приказаний, рабы-реатты.

На лицо все ротроксы казались мне одинаковыми, но я узнал Инмитрина по дуэльному шраму, идущему по левой щеке от самого лба. Инмитрин кивнул мне, встал и представил по порядку всех членов Совета.

В языке ротроков мало гласных. Их там две: краткое *и* и краткое *о*, и вместе они редко встречаются в одном слове. Вот имена правителей Мерамы: Обло, Минцинитрикс, Тиникимни, Коблоротовро, Оксотоблов, Виллитринимин и Ожтоблоро. Ну и конечно, Инмитрин. Речь ротроков представляет собой цепочку почти неотличимых друг от друга слогов, поэтому научиться говорить на этом языке очень трудно.

Инмитрин сел. Я волновался оттого, что все они на меня смотрят, но решил не тратить времени. Через переводчика я сказал:

— У меня послание к вам, кровные братья, от вашего слуги коменданта Реатта.

Я поставил магнитофон на стол — сделанный под рост ротроков и доходивший мне до груди — и щелкнул выключателем. Зазвучал баритон Бекмата, говорящего по-ротрокски нарочито спокойным тоном.

— Послание от коменданта территории Реатт Верховному Совету правителей всей Мерамы и территорий Земли, — начал Бек. — Могу сейчас доложить своим кровным братьям, что подготовка к завоеванию Каллибола близится к завершению. Могу обещать своим кровным братьям, что если они отдадут соответствующий приказ, то вторжение, которое

имеет все шансы на успех, может начаться практически сразу. Я очень надеюсь, что войны ротроков охотно присоединятся к нам в этом великом предприятии.

Запись закончилась. Один из ротроков — имени его я не запомнил — взял лежавший рядом с ним на диване автомат клиттманнского образца.

— Наш брат говорит об успехе. Но разве народы Каллибола не обладают таким же оружием? Не могут они выставить миллионы солдат?

— Люди Каллибола живут в больших замкнутых городах, которые не воюют друг с другом, — объяснил я. — Они не ожидают нападения и не держат армий. Будут бои, но одного, может быть, двух легионов ротроков, а так же обученных реаттских солдат, верных теперь Империи ротроков, будет достаточно, чтобы обеспечить победу.

Воцарилось ледяное молчание, и я начал подумывать: что-то тут не так. Но вдруг атмосфера резко разрядилась. Инмитрин подал знак своему зеленому слуге, тот подбежал, из бутылки налил какой-то мутной жидкости в кубок и подал его мне. Я отхлебнул напиток. Вкус у него был крепкий и земляной.

— Передай Бекмату, что мы очень довольны нашими кровными братьями, белыми людьми с Киллибола, — произнес пожилой ротрокс, которого, наверное, звали Обло. — Мы переправим на Землю два легиона для посылки на ту новую планету. Скоро в Империи ротроков будет три мира, и все существа вокруг будут трепетать в страхе, услышав наше имя.

Я почувствовал облегчение. О наших долгосрочных планах они не подозревали. Они нам подыграют, хотя, честно говоря, я бы предпочел, чтобы вокруг Клиттманна буйствовали не два, а один ле-

гион ротроксов. Со всеми этими хладнокровными воинами может оказаться трудно управиться, подумал я.

Они все выпили свои кубки, и им налили еще. Предвкушая будущую кампанию, члены Совета испытывали радостное чувство товарищества. Инмитрин пообещал, что сам будет командовать двумя легионами ротроксов.

— Будет очень приятно снова воевать плечом к плечу с Бекматом, — пропищал он торжественным и немного пьяным голосом.

— Скажи-ка мне, — продолжил он, выпивая еще своего напитка, — что Бекмат сделает со своими врагами, когда они окажутся в его власти?

Я пожал плечами.

— Может быть, убьет, если они будут сопротивляться.

— Убьет? Это очень скромное удовольствие. — Инмитрин вскочил на ноги. Разве он не станет растягивать мучение, дразнить их и злорадствовать? В чем же радость завоевания, если не видишь страданий врага? Просто умереть — разве это мучение? Идем со мной, брат, и, может быть, Бекмату будет интересно узнать, как с побежденными поступаем мы.

Он остановился у двери и взглянул на моего секретаря-реаттца.

— Оставь своего переводчика. Если надо, я сам буду говорить по-реаттски.

Секретарь, который становился все более робок, по мере того как члены Совета делались все более веселыми, был рад присоединиться к стоявшим в дальнем конце помещения соотечественникам.

Инмитрин повел меня по бесконечным коридорам и ведущим вниз каменным винтовым лестницам. Воздух становился все более сырым, свет —

более тусклым. Я почувствовал, что мы приближаемся к подземной тюрьме.

— Тюремщик, пропусти нас. Пусть гость посмотрит на наших заключенных.

В конце коридора, по стенам которого от сырости текла вода, у огромной металлической двери по стойке смирно стояли два ротрокса. Скрипнули замки, зазвенели цепи, и дверь отворилась. Слух уловил тихую какофонию вздохов, стонов, бормотания и лязга. Чувствовалось, что тюрьма плотно забита. Коридор, по которому мы шагали, пересекался другими коридорами. Мы медленно шли и заглядывали в каждую камеру.

Зрелище было довольно жутким. Камеры в основном занимали мелкие вожди и знать покоренных племен Мерамы. Ротроксы с большой изобретательностью создавали невыносимые условия, в которых их жертвам нужно будет провести остаток жизни. Люди — в том числе и женщины — ползали в дерьме, в экскрементах. Один стоял по шею в воде; другой — в какой-то грязи, которая едко воняла и была нестерпимо горячей. Люди висели на крюках, к ним были подсоединены сложные устройства, которые медленно и планомерно кромсали внутренние органы. Заключенные смотрели на нас взглядом, который от долгих мучений уже давно сделался пуст.

— Передай Бекмату, что мы устроим у себя любого заключенного, какого он нам ни пришлет, — радостно пропищал Инмитрин. — Мы можем устроить специальную телевизионную трансляцию, чтобы Бекмат мог посмотреть на его страдания. Вот заключенный, который будет тебе особенно интересен — Дальго, бывший вождь Реатта. Нам уже давно надоело его пытаться. Мы решили, что больше всего мучений причиним ему, если просто оставим его си-

деть в крошечной тьме и думать о том, как унижен его народ.

Он распахнул железную дверь, щелкнул выключателем, и темную камеру залил свет. Человек, сидевший в ней за небольшим столом, поднял взгляд, щурясь от света.

Вот он, значит, Дальго. Он широк в плечах для реаттца, и лицо его не такое изнеженное, как у других, это лицо воина. Время, проведенное здесь, в тюрьме ротроксов, избородило лицо морщинами, но плечи оставались по-прежнему прямы, а осанка гордой. Он молчал. Я глядел на него и пытался представить себе, что это значит, провести здесь десять лет.

— Я бы хотел поговорить с ним, — сказал я вдруг.

Инмитрин улыбнулся.

— Хочешь напомнить ему о его положении? Правильно! Он на тебя не бросится. Он уже знает, во что это ему обойдется. Я подожду в коридоре.

Инмитрин вышел и затворил, но не запер за собой дверь.

— Кто здесь? — спросил глухим голосом Дальго. — Свет режет глаза.

— Меня зовут Клейн, — сказал я ему.

— Клейн? — Казалось, он роется в голове, пытаясь вспомнить имя. — Ах да, помощник Бекмата, марионетки ротроксов, который правит моей страной. Меня держат в курсе событий, как видишь.

Мне было интересно, не прослушивается ли наш разговор. Я колебался, затем спросил:

— Ротроксы не предлагали тебе сделку? Может быть, ты мог бы оказаться им полезен. Может, они отпустят тебя, если принесешь им клятву верности, как сделал я.

Дальго едва заметно улыбнулся. Он отвернулся от света.

— Я даю им все, что они хотят: доставляю удовольствие своим страданием. Больше мне им нечего дать. Я знаю, что мою страну никогда не освободить от их ига, и только поэтому они и сохраняют мне жизнь. Если у меня появится надежда, то у них будет причина убить меня.

Он устало провел руками по глазам.

— Вероятно, ты служишь им, так как у тебя нет другого выбора. Я — их заключенный, так как у меня тоже нет другого выбора. О сотрудничестве не может быть и речи. Они всего лишь грязное пятно в мироздании, но, к сожалению, нет силы, которая могла бы изгнать их.

Мне стало жаль его. Ему пришлось нелегко.

— Твоя жена все еще в Реатте,— сказал я, немного помолчав.

Он вздохнул.

— С ней все в порядке?

— Да.

— Наверное, считает, что я мертв.

— Нет,— ответил я.— Она знает, что ты жив. Ротроксы об этом позаботились.

Лицо его сделалось твердым.

— Ты можешь к ней сходить?

— Думаю, смогу.

— Если действительно желаешь мне добра, скажи ей, что я мертв.

Мне нечего больше было ему сказать, так что я ушел, оставив дверь открытой. В коридоре Инмитрин поздравил меня, жеманно, как все ротроксы, выражая радость.

— Признаюсь, я слушал вашу беседу через скрытый микрофон,— пропищал он.

— Я все больше восхищаюсь твоим умом. Твои замечания были очень хитроумны. В следующие дни его душевное страдание будет все усиливаться, оттого

что он начнет заново переживать прошлое. — Он звонко хихикнул. — Но идем, в твою честь мы устроили праздник.

Он вывел меня из тюрьмы, мы прошли по лабиринту ходов, пронизывавших скальный грунт Мерамы, и вышли к одному из лифтов, которые постоянно двигались то вверх, то вниз вдоль внутренней стены кратера.

Мы спустились на самый низ. Сюда не доходил солнечный свет, хотя наверху были видны горизонтальные лучи. Сквозь них ярко просвечивали звезды, похожие на рассыпанные драгоценные камни. Дно кратера обволакивал некий светящийся мрак, и откуда-то издали доносился приглушенный барабанный бой. На этот звук мы и пошли по упругому дерну.

Прошли мы, наверное, больше мили. По дну кратера было разбросано множество зданий и огороженных территорий. Этот район явно служил ротроксам для отдыха. На одной из множества площадок я увидел прекрасный пример тошнотворных развлечений ротроков.

На участке земли шириной примерно ярдов в пятьдесят, окруженном поникшими деревьями, стояли выросшие в землю человек двадцать или больше реаттцев. Именно выросшие. Было ясно, что они никак не могут сойти со своего места. Кто-то стонал и раскачивался вперед-назад, кто-то громко выл и протягивал в мольбе руки к небесам.

Инмитрин ухмыльнулся, увидев мое удивление.

— Это Сад Тиникимни с людьми-растениями. Я как-то однажды пошутил при Тиникимни, сказав, что раз на Земле растения зеленые, то и реаттцам следует быть растениями. Тиникимни это показалось забавным, и он создал симпатичный садик, засаженный людьми. Им на подошвы ног привита ком-

позитная животное-растительная плацента, которая пускает корни глубоко в почву. Она получает из почвы питательные вещества, которые затем передает в кровь. Эта кровь через ноги дает людям-растениям достаточное питание. Хорошая идея, правда? К тому же получилось так, что процесс передачи крови от плаценты причиняет боль, что к отчаянию прибавляет еще и физическое страдание.

По мнению Инмитрина все это должно было меня восхитить.

Через несколько минут мы вышли на большую огороженную площадь, где рекой тек любимый ротроксами темный напиток, и воины под барабаны исполняли бешеные танцы племени. Впервые, после того как мы встретились с ротроксами, я начал размышлять над тем, во что же мы влипли, связавшись с ними, и стоило ли все это делать. Я почувствовал, что мне становится дурно.

Но на что я жалуюсь? — сказал я себе. Бандит живет одним способом, а именно: ищет, кого бы запугать, кому пригрозить и у кого в конце концов урвать кусок. Прорвавшись на Землю, мы тут же стали, как торпеда, рыскать в поисках цели, как паразиты в поисках хозяина, или вирус, который ищет здоровую генетическую систему, чтобы захватить ее и переделать. Мы нашли такого хозяина, и он работал на нас, как Бек и хотел. Мы отыскиали рычаг, который дал нам огромную силу. Мы делали то же самое, что делали и всегда, в меньшем масштабе, в Клиттманне.

Так чем же я недоволен?

XIII

Сразу после того, как я вернулся на Землю и доложил обо всем Беку, я пошел к Палрамаре.

Я давно здесь не был. Лифт поднял меня наверх, и я оказался в когда-то таком знакомом мне верхнем помещении, где ждала меня сейчас

Палрамара.

Реаттские женщины мало меняются с возрастом. Палрамара была почти все той же.

— Ты хотел со мной встретиться, — сказала она, садясь и спокойно глядя на меня.

До этого момента я еще не решил, передать ли полностью слова Дальго. Сейчас я решил, что она заслуживает того, чтобы ей не лгали. Одновременно я почувствовал, что если захочу, смогу быть жестоким. У меня было желание причинить ей боль за то, что произошло. Но мне пришлось признать, что в том не было ее вины, она являлась невольницей, военной добычей.

— Я был на Мераме, — сказал я ей. — Я видел твоего мужа. Он просил кое-что тебе сообщить.

Глаза ее расширились.

— Да?

Я колебался.

— Может, мне не следует этого говорить. Он просил меня сказать тебе, что он мертв. Просил так сказать ради тебя.

— Да, — медленно проговорила она. — Это на него похоже. Мне его уже давно не показывали. С ним?..

— С ним все в порядке, — сказал я быстро. — Тюрьма ротроксов — не самое приятное место, но сейчас они оставили его в покое.

Мне хотелось спросить, ходит ли к ней по-прежнему Бек, но я не смог произнести этот вопрос. Она поднялась, подошла к окну и стала неподвижно смотреть в него. Вдруг она обернулась и с мольбой посмотрела на меня.

— Ты не сможешь ему помочь? Не сможет Бекмат ему помочь? Он ведь в хороших отношениях с

ротроксами. Они могут отпустить Дальго, если он попросит.

Вообще-то, подумал я, я бы и сам мог хитростью заставить Инмитрина послать Дальго назад в Реатт вместе со мной. Я бы мог сказать, что он мне нужен. Но я также понимал, что с Бекматом такой номер не пройдет.

— Извини, — сказал я. — Даже если бы ротроксы и согласились, а они на это ни за что не пойдут, ты ни за что не уговоришь Бекмата. Ты ведь пыталась, да?

Она опустила плечи.

— Да, пыталась, но недолго.

Она стояла и смотрела на меня искоса своим ясным взглядом.

— Как я ненавижу его! Я не понимаю тебя, Клейн. Ты же сильный человек. Ты прирожденный руководитель. Но с Бекматом ты слаб. Почему ты бегаешь за ним, как собачка? Почему не станешь против него? Я не поверю в то, что ты его боишься.

— Здесь нет тайны, — сказал я. — У нас общие убеждения. Поэтому я и следую за ним.

— Он злой, как ротроксы.

Я помотал головой.

— Он не злой, — сказал я твердо. — Он — гений. Без него Реатту было бы намного хуже.

— Плевать ему на Реатт.

Бессмысленно, сказал я себе, пытаться объяснить ей, что Бекмат действует не ради себя, а во имя высшего идеала. Также не признался я и в своем беспокойстве и сомнениях, которые уже начали, помимо воли, закрадываться ко мне в душу.

Еще до моего путешествия на Мераму мы начали организовывать базовый лагерь на той стороне ворот.

Почти все наше основное оборудование уже размещалось там: сухопутные шлюпы для уличных боев в Клиттманне, большие фургоны для доставки продовольствия, топлива и боеприпасов, а также самолеты, переоборудованные так, чтобы могли нести тяжелые бомбы для разрушения городских стен.

Бек предусматривал большую роль для авиации на новом Каллиболе. Он сообразил, что самолеты могут обеспечить быстрое транспортное сообщение, которого недоставало Темному миру (если воспользоваться его древним названием). Городской изоляционизм, как назвал это явление Бек, вскоре закончится.

Два легиона ротроков не заставили себя долго ждать. Мы сразу провели их через ворота, чтобы они акклиматизировались. В их дела мы абсолютно не вмешивались, но наши войска из реаттцев были построены по иному принципу, они состояли из мелких подразделений, на клиттманнский, на бандитский манер. Реаттцы уже знали, чего ожидать, когда окажутся в городе.

Я все свое время проводил на той стороне, вел подготовку к большому наступлению. Через несколько дней ко мне присоединились Бек и остальные. Все они рвались в дело.

Сцена была ярко освещена. Все заливали светом мощные прожектора — и ротроксы, и реаттцы плохо видели при нашем освещении. В лагере мы вынуждены были все время носить очки, словно на Земле.

Ротроксы, надменные, как всегда, пожелали идти в авангарде. Я выдал им карты, и они отправились на своих транспортерах, мы же тронулись следом через несколько часов.

Мы переправились через реку по наведенному нами мосту и двинулись по безжизненной равнине.

Впереди колонной шли сухопутные шлюпы, следом — фургоны и наши транспортеры. Командный шлюп, в котором сидели я, Бек, Грейл, Рит и Хассманн, был тем самым, на котором мы прибыли на Землю. Он единственный из всех имел атомную энергетическую установку и был больше остальных. Во время привалов мы разбивали лагерь и спали в палатках.

Ужинали мы обычно вместе со старшими офицерами Реаттской лиги, главным среди них был Хеерлау. На второй день похода за ужином вспыхнула ссора. На этот раз Рит, Грейл и Хассманн предпочли есть отдельно, так как никогда особо не сближались с реаттцами. Бек и я сидели с Хеерлау и половиной дюжины других офицеров.

В этот день мы натолкнулись на дело рук шедших впереди нас легионов ротроксов. Ротроксы повстречали племя кочевников. Фургоны и протеиновые цистерны были разбиты и обломки разбросаны. Повсюду валялись трупы. Ротроксы явно никого не оставили в живых.

— Это и есть та цивилизация, которую мы несем на Каллибол? — возмущено произнес один из реаттцев. — Я с самого детства только и слышал о том, что наш труд даст человечеству новую энергию и свободу. Это они и есть?

Заявление было серьезным. Все офицеры были молоды, принадлежали к новому поколению, выращенному нами. Как он и сказал, его воспитывали с детства. Вообще-то от них скрывалось настоящее положение Реатта, или, точнее, оно преподносилось им в сглаженном виде. Это было время их испытания, их первое соприкосновение с неприглядной действительностью.

— От ротроксов всегда следует ожидать жестокости, — ответил Хеерлау, глядя на Бека.

Хеерлау был человеком, который никогда не сомневался в правильности нашей линии, что бы ни происходило. Он был ближе всего к нам и обладал той же твердостью, какая воспитывается в самом Клиттманне.

— Мы должны сотрудничать с ними ради дела, — продолжил он. — Цель оправдывает средства.

Другой офицер перебил его, бросив свой столовый нож на стол.

— А я говорю, это возмутительно. За это следует наказывать!

— Не говори глупости, — сказал ему Хеерлау. — Разве ротроксы могли поступить иначе? А что было бы, если бы те люди, которых они встретили, предупредили бы город о готовящемся нападении?

Во время этого спора я сидел молча. Вдруг неожиданно для себя заговорил.

— Ты прав, — сказал я. — Это отвратительно. Если мы будем вести себя так, то лучше бы мы не отправлялись в поход. Ротроксы — чудовища, и просто трудно представить, что произойдет, когда они ворвутся в Клиттманн.

Бек гневно на меня посмотрел. Последовало напряженное молчание, во время которого реаттцы продолжали с натянутыми лицами есть. Вскоре мы все разошлись по своим палаткам.

Когда мы вошли в свою палатку, Бек предупредил меня.

— Мне не нужно никакого недовольства в наших рядах, Клейн, — сказал он, опускаясь в удобное кресло и наливая нам по кубку хвуры. — Думаю, твое высказывание неуместно.

— Может быть. — Я принял кубок. Но в словах того парня был смысл. Наши реаттцы еще недостаточно закалены. Мы убедили их в том, что создание империи — достойное дело. А сегодня они видят

это бесчинство. Честно говоря, без ротроков было бы лучше.

Бек презрительно фыркнул.

— Помню время, когда ты и глазом бы не моргнул. Как бы то ни было, своим положением мы обязаны ротрокам. Когда время придет, я с ними разберусь. Хеерлау сказал верно: цель оправдывает средства.

Я выпил кубок и потянулся за бутылкой.

— Ты не видел того, что видел я на Мераме.

Мы пили еще некоторое время. Бек сделался задумчив. Он странно посмотрел на меня и сказал:

— Думаю, тебе лучше на несколько дней съездить в Реатт, Клейн.

Я не донес кубок до рта.

— Зачем? — с удивлением спросил я.

— Там придурки разинули свои пасти. Я еще дома — в смысле в Реатте — кое-что заметил. Вполне может быть, что усиливается движение за независимость. Сейчас, когда нас там нет, чтобы его пресечь, ему самое время выйти на поверхность.

— Но мы же скоро подойдем к Клиттманну! Я не хочу пропустить этот момент.

— Ты это никак не пропустишь. Просто пройдишь по Парку и посмотри, все ли тихо. Если все нормально, то лети к Клиттманну. Если нет — то знаешь, что делать.

Я чувствовал разочарование, но Бек был тверд. Пришлось ехать.

Я прибыл в Парк и скоро начал подозревать, что Бек дал мне ложную наколку. Тут все было, как обычно. Система поставок к воротам действовала превосходно. Все организации Реаттской лиги с нетерпением ждали вестей о первых победах.

Бек велел мне оставаться, по крайней мере, дня два, может быть, три. Я стал болтаться здесь, чувствуя себя уныло и не зная, чем заняться. Все мои мысли были с теми колоннами войск, которые там, на расстоянии миллионов световых лет, шли с ярко горящими прожекторами.

Я вдруг вспомнил о Хармене, старом алхимике. Он с Беком был в некотором роде близок. Многие свои идеи Бек взял от Хармена. Может, стоит поговорить с Харменом, подумал я.

Его лаборатория находилась довольно далеко от Парка, так что я полетел туда на небольшом самолете, за штурвал которого сел сам. Хармена я застал в просторном кабинете. В небольшом книжном шкафу стояли его драгоценные книги, которые ему много лет назад удалось вывезти из Клиттманна.

Входя, я обратил внимание на то, что здание полно ассистентов в малиновых халатах, или подмастерьев, как он их называл. Ради них Хармен ярко освещал помещения, а сам все время ходил в темных очках. Во всем остальном он оставался все тем же психом-алхимиком, какого я знал и раньше. Волосы его спадали до плеч, а из-под очков торчал загнутый книзу нос, и все это придавало ему сходство с каким-то хищным зверем.

Я сказал Хармену, что скоро он, если захочет, сможет перебраться в Клиттманн. Ответ его был неопределен. Переезжать будет трудно, сказал он. Некоторые элементы оборудования очень тяжелые, да и условия в Клиттманне первое время будут нестабильны.

Я встал и принялся расхаживать по помещению. Что-то меня ело, но я никак не мог определить, что.

— Это немыслимо! — воскликнул я вдруг. — Когда нас выперли из Клиттманна, можно было поклясться, что у нас нет никаких шансов. А Бек провел

нас через ворота сюда, на Землю — с твоей помощью, конечно. Но даже тогда можно было подумать, что у нас нет никаких шансов, разве что останемся в живых. Мы прыгали наобум. А теперь вот мы возвращаемся в Клиттманн с целой армией. Через несколько дней город будет наш. Это просто немыслимо.

Хармен кивнул. Он, кажется, понял, что я собираюсь сказать.

— Бекмат — человек судьбы. Поэтому все так и произошло. Человек не такой, как он, там, в пустыне, и закончил бы. И никакой возможности ему бы не представилось. А человек подобный Бекмату попадает в вихрь событий, и каждое он может использовать в свою пользу. Вселенная ни в чем ему не отказывает.

Я неподвижно глядел на Хармена.

— Да ты псих... — Я помотал головой. — Все это философствование — просто чушь. Просто бред.

Алхимик снисходительно улыбнулся.

— Разве? Но именно так вселенная и работает. Я это знаю. Я уже близок к тому, чтобы приготовить Тинктуру.

Я махнул рукой.

— Чушь, — повторил я.

— А ворота тоже чушь?

Здесь он меня поймал. И я тут же вспомнил того страшного маленького гомункула, который появился в реторте под гаражом в Клиттманне. Хармен уже доказал, что знает, о чем говорит. Если все это чушь, то это чушь, которая работает.

— Вижу, что ты смущен, — сказал Хармен доверительным тоном. — Честолюбивые устремления Бекмата меня интересуют лишь в той степени, в какой они помогают или препятствуют моей работе. Но я вижу, какую форму они принимают. Еще

когда мы ехали по пустыне на Каллиболе, я понял, что впереди будет что-то такое, что даст Бекмату возможность подняться к власти. Я не знал, как это случится, знал только, что произойдет.

— Но откуда ты мог знать? — спросил я, уже заинтригованный. — У тебя что, было предчувствие? Видение?

Хармен помотал головой, опять улыбнувшись.

— Я просто изучал закономерности событий. Все не так, как нам кажется, иногда следствие притягивает к себе причину.

Хармен помолчал.

— Дело всей моей жизни — это приготовление Тинктуры. Тинктура, первичная Гиле, — это основа существования, и все остальные элементы и формы есть либо результат ее загрязнения, либо поверхностные явления. Следовательно, она и есть цель всего алхимического труда. Она неделима, тонка и неуловима, и она не подвластна законам пространства и времени. Древние тексты говорят, что человек, который ею обладает, сможет знать все и перемещаться куда угодно во времени и пространстве.

Я вспомнил, что и несколько лет назад он делал такие же утверждения. Тогда я не понимал, что он имеет в виду. Теперь я, кажется, понимал его лучше.

— Ты говоришь о видениях, — продолжал он. — Могу показать тебе видения. Иди за мной.

Он встал и повел меня из кабинета в находящуюся рядом лабораторию. Подмастерья в малиновых халатах расступались перед нами. Мы прошли через одну лабораторию, набитую электронными лампами, ретортами и еще неведь чем. Кое-что светилось и гудело. Но вот в самом дальнем конце перед нами распахнулись большие деревянные двери. Мы вошли, и двери затворились.

Камера, в которой мы оказались, походила на длинный коридор, и в нем царила мертвая тишина. В камере было пусто, если не считать торчащие в дальнем конце из стен, пола и потолка какие-то похожие на электроды устройства.

— Главная задача алхимии — это приготовление Тинктуры, — стал объяснять Хармен, — но есть и другая, родственная, второстепенная цель: искусственное сотворение живых существ. Этот аппарат уже приблизился и к той, и к другой цели.

Хармен подошел к пульту управления, с громким щелчком включил рубильник, затем подстроил кое-какие приборы. В камере загудело.

— Не пугайся ничего, что увидишь, — предупредил он меня. — Теоретически Тинктура повсюду, она — в основе всего. Все формы существ происходят из нее. Чтобы получить Тинктуру, надо просто заставить ее проявиться.

Я начал чувствовать, что между электродами создается огромное напряжение. Мышцы мои напряжились. Я невольно попятился к двери.

— Спокойно, — тихо сказал Хармен. — Ничего с тобой не случится.

Вдруг раздался щелчок, словно от гигантского электрического разряда. В пространстве между электродами забушевали краски. Но вот электрическая дуга вдруг сгустилась и образовала высокую фигуру — человека, одетого в очень странный пестрый наряд!

Эта была снова та фигура из реторты, но на этот раз существо имело полный размер и казалось несомненно реальным! Темное, почти черное лицо подчеркивали алого цвета рубаха и белки глаз. Существо нас заметило и двинулось к нам.

Мне показалось, что оно ринулось на меня, выросло — но вдруг исчезло, и на его месте между элект-

родами возникла другая фигура, на этот раз женщина, одетая в более простую зеленую одежду.

— Не обращай на них внимания, — сказал негромко Хармен. — Это случайные существа, спонтанно произведенные стрессовым полем из первичной Тинктуры.

Женщина исчезла, а на ее месте возникла уже третья фигура. Существа стали сменять друг друга все чаще — и вдруг вообще перестали появляться. Гул в камере, по мере того, как Хармен на пульте все прибавлял мощности, перерастал в вой.

— Приближаемся к порогу, — сказал Хармен, на этот раз громче. — Теперь, Клейн — смотри!

Как только он это произнес, меня словно начало тягивать в какую-то воронку. Я перестал чувствовать, что у меня вокруг. Мне вдруг показалось, что все вокруг черно, и я окружен звездами и галактиками. Я был настолько ошеломлен, что никак не реагировал на происходящее, просто плыл по течению. Но вдруг впечатление того, что я в открытом космосе, исчезло, и вот я уже смотрю на поверхность Каллибола. По безжизненной равнине с грохотом продвигается армия, отбрасывая вперед поток света.

Я одновременно увидел не только эту сцену, а весь Каллибол: всю эту мертвую серую планету с ее десятками похожих на термитники городов, и ни один из них не подозревал, что к ним подступает. Затем сюда начали примешиваться образы Земли и Мерамы. Но вот картина передо мной расширилась настолько, что включила в себя множество непонятных драм, происходящих на бесчисленных планетах во всей вселенной; эпопея Бека была лишь одной из них. Я начал понимать, о чем алхимик пытался сказать мне. Не всегда можно отделить причину от следствия. Когда тот алхимик древности

создал ворота между Землей и Каллиболом, он создал не только физический мост, он соединил эти две планеты и в других отношениях. Бекмат, как показалось мне тогда, уже с рождения был предназначен изменить тот мир, в котором жил. Его так же верно влекло к тем средствам, которые изменяют мир, как и в пустынных районах Земли некоторых животных какое-то необъяснимое инстинктивное чувство ведет к водопою.

В ушах гудело. Лихорадочные видения прошли. Я стоял в камере Хармена, и вой устройства стихал. Тяжело переводя дыхание, я стер с лица пленку пота.

— Это правда? — проговорил я. — Или галлюцинация?

Хармен пожал плечами.

— То и другое может не так сильно отличаться. Я предпочитаю говорить, что это правда.

Хармен открыл большие деревянные двери. Я, покачиваясь, но с облегчением вышел из камеры. Не могу сказать, чтобы мне понравилось то, что он мне показал.

— Это и есть Тинктура, о которой ты говоришь?

— Нет, — ответил он, нахмурясь, — то, что ты видел, близко к Тинктуре, но только форма его очень тонка и нестойка. Это эфемерное, частичное проявление Тинктуры, вызванное сильным стрессом. Как и загрязненная Тинктура ворот, оно обладает некоторыми ее свойствами, вроде картины отдаленных событий или взгляд на действие материи во всех ее формах. Пытаться ухватить это проявление — то же самое, что хватать руками воздух. Полностью же проявленная Тинктура — твердая на ощупь, она поддается обработке, из нее можно изготавливать предметы.

Все еще тяжело дыша, я внимательно оглядывал лабораторию, в которой все булькало.

— Да, это наверняка будет что-то, — сказал я. — Рассчитываешь получить такое вещество?

— Думаю, что я близок к тому. Электроразрядный метод, который я только что применил, не способен пересечь последний порог, но мы проводим и другие, более традиционные процедуры. — Хармен с усталым видом провел пятерней по нечесаным волосам. — Честно говоря, нет надежных сведений о том, что кто-либо из людей когда-то достигал конечной цели, разве что знаменитый Гермес Трисмегист, ставший подобным богу. Но никто не сомневается в том, что цель достижима. И я ближе к результату, чем жившие в течение многих столетий до меня.

Мы прошли мимо его учеников, и он отвел меня назад в свой кабинет.

— По совести говоря, я должен еще кое о чем тебя предупредить. У тебя теперь есть призрак.

— Кто?

— Помнишь то существо, которое промелькнуло, когда поле нарастало? Ты находился в контакте, пусть не тесном, со слабым полем Тинктуры. Я из опыта узнал, что неустойчивые существа очень легко отпадают от такого поля. Теперь существует твой призрачный двойник, который будет показываться в моменты сильного стресса, а также некоторое время после твоей смерти.

— Я, кажется, тебя об этом не просил! — в гневе воскликнул я. Мне припомнились сразу все страшные истории про алхимиков, какие я только слышал. Теперь я был готов в них поверить.

Но Хармен оставался невозмутим.

— Он никак тебе не повредит. Скорее всего, ты даже никогда не почувствуешь, что он у тебя есть. Я заговорил об этом только затем, чтобы предупредить, что у Бекмата тоже есть призрак.

— У Бека?

— Ну да. Он ведь все время очень интересуется моей работой. Он тоже принял участие в том же опыте, что и ты сейчас. Опыт очень сильно обнадежил Бека.

Покажется странным, но эти видения, неважно, галлюцинация это или нет, тоже меня обнадежили. Кое-какие идеи оформились более четко. Я яснее увидел, что стоило делать, а что — нет.

Я полетел назад в Парк и решил сразу же вернуться к Беку. Отдав приказ подготовить самолет, чтобы он доставил меня к воротам, я пошел в свою башню, чтобы привести себя в порядок и переодеться.

Я вышел из лифта и замер. Предо мной стоял Грейл. В руках он держал пистолет. С ним вместе были два реаттца из Реаттской лиги.

Грейл улыбнулся своей противной улыбкой.

— Привет, Клейн. А я тебя жду.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил я, похолодев. — Ты же должен быть на Каллиболе.

— Это меня тоже расстраивает, — признал он, подняв брови. — Я хотел быть там, когда начнется веселье. Но не волнуйся. Еще будет много радости, когда я наконец доберусь до старого дорогого Клиттманна.

— Бек знает, что ты здесь? — спросил я, прикидывая расстояние между нами.

Грейл хихикнул. Выражение лица сделалось слащавым.

— Бек сам меня сюда прислал. Он считает, что ты становишься мягким. Он хочет, чтобы тебя там не было, пока все не закончится.

Значит, наковка действительно была ложной. Бек увидел, что я сомневаюсь. Может, он решил, что я все испорчу.

— И послал он именно тебя, Грейл, да? — Старая вражда вспыхнула с новой силой.

— А кого еще. Я двенадцать лет ждал, пока Бек не одумается насчет тебя. Как приятно, когда роли меняются. — Он вдруг крикнул реаттцам: — Ладно, придурки, сам здесь разберусь. Пошли вон! — Затем, вспомнив, что они не понимают по-клиттманнски, повторил свои указания на ломаном реаттском.

Они вышли, а я стал пятиться вдоль стены. Грейл — это сжатая пружина, застоявшаяся без дела машина убийства. Он опасен.

Оставшись со мной наедине, он заулыбался еще шире.

— Знаешь что, Клейн? Бек хочет, чтобы я поддержал тебя тут несколько дней. Чтобы ты не давал неугодных ему приказов реаттцам, которых ты столько лет выращивал. Только зачем я буду так делать? Бек поймет, если узнает, что ты стал возражать. Мне, может, даже придется убить тебя для самообороны. И тогда я снова вернусь к армии.

Едва ли следовало ожидать, что Грейл упустит такую прекрасную возможность избавиться от меня. Он поднял пистолет, глаза его загорелись, а белые зубы оскалились. Лежащий на спусковом крючке палец начал напрягаться.

Сейчас я находился у шторы, закрывавшей отверстие, которое я велел проделать в стене своей жилой комнаты, такой не было ни у кого из остальных бандитов. Я рванул шторку и шагнул в сторону.

Грейл вскрикнул, так как солнце ослепило его незащищенные глаза. Его пуля ударила в стену рядом со мной. Он снова выстрелил, вслепую. Я тоже ничего не видел, но ослеплен не был. Я заранее закрыл глаза. Мой пистолет был уже у меня в руке, и я быстро одну за другой выпустил все пятнадцать пуль, после чего на ощупь закрыл шторку.

Не все мои пули попали в цель, но на черной куртке Грейла красных пятен хватало. Он был мертв, как того и заслуживал.

Из оружейного ящика я взял автомат и прихватил запасной магазин. Как только я вышел из башни, двое реаттцев вдруг обнаружили, что автомат смотрит им в ребра.

Они в ужасе попятились. Они, скорее всего, слышали выстрелы, и их привело в большое замешательство то, что белые начальники вдруг между собой передрались.

— Какие вам даны приказы? — гаркнул я.

Один из реаттцев помотал головой.

— Нам ничего особенного не приказывали. Мы должны были обеспечить охрану. В чем дело, нам не объяснили.

— Я вам объясню. Человек, который был наверху — убит. Он хотел свести со мной личные счеты, но я его опередил. Он кем-то для вас являлся?

Они помотали головами. Грейл им был почти незнаком. Я — начальник, к которому они привыкли.

— Ладно, — коротко сказал я. — Возвращаемся в штаб.

Через несколько часов я уже прилетел к воротам. Картины, которые показал мне Хармен, словно яркий сон, перекрывали все, и я решил, что оставшуюся часть операции проведу рядом с Беком, хочет он этого или нет.

XIV

В базовом лагере не было ни самолетов, ни летчиков, которые знали бы курс. Все они находились под Клиттманном. Инженеры прокладывали наземную линию, так что вскоре будет телевизионная связь уже и между Реаттом и армией Бека, но я не хотел

сообщать того, что возвращаюсь, чтобы у Бека не возникло новых идей задержать меня. Я поехал на одном из фургонов со снабжением.

Добирались мы двенадцать дней. На главное сражение я уже опоздал.

На равнине перед Клиттманном стояли наши фургоны и несколько самолетов, а шлюпы и солдаты уже находились внутри города. На огромную серую громаду Клиттманна страшно было смотреть. Его подвергли мощной бомбардировке, с одной стороны стена была разрушена, массы бетона осыпались, так что стала видна вся сложная послойная структура города.

Я пробрался в город, прихватив с собой какого-то реаттского офицера, и направился искать Бека. Внутри разрушения были просто невероятными. Производились мощные взрывы, и с преступной халатностью не принималось в расчет расположение поддерживающих весь город конструктивных элементов. Запыленные улицы патрулировали черные шлюпы. Обычный фоновый шум деятельности отсутствовал, и среди тишины слышалась стрельба.

Почти весь Клиттманн уже находился в наших руках. Многие из лифтов прекратили работу, и мы в шлюпе направились наверх по пандусам, туда, где на верхних этажах Бек оборудовал свой штаб.

По сравнению с Основанием, где я столько лет прожил до того, как покинуть Клиттманн, верхние этажи, по которым мы сейчас ехали, считались шикарными. Но, проведя десять лет на Земле, я уже не мог заметить различий между тем и этим. Сейчас мне все здесь казалось грязным, однообразным и тесным. Тут только железобетон и затхлый холодный воздух.

Кругом валялись горы трупов. Вначале я подумал, что виной тому ротроксы; но немного не доез-

жая штаба Бека, мы пересекли большую площадь, и тут я увидел, что Бек отомстил сполна и жестоко.

Я приказал водителю остановить шлюп и вышел, чтобы посмотреть поближе. На площади горой лежали испещренные пулями трупы со связанными руками. По тому, что одежда на них хорошая, я заключил, что это представители высших классов, возможно, члены правительства и владельцы цистерн.

Трупы свисали также, подвешенные за шею, с лонжеронов. Я подозревал, что здесь все, кого Бек в прошлом считал своими врагами. Вот вяло покачивается, выпучив глаза, Слепой Бисси, такой же незрячий, как и при жизни.

Бек убил даже собаку Бисси.

Я устало вернулся в шлюп и дал водителю знак ехать дальше.

Когда я вошел к Беку, он сидел в довольно тесном неопрятном кабинете, и соседний стол был завален бумагами. Бек задумчиво курил. Как в старые времена.

Если он и был удивлен, увидев меня, то не показал и вида. Он почти не пошевелился.

— Привет, Клейн. Не ожидал тебя так скоро.

— Да уж думаю, — холодно ответил я.

Я внимательно посмотрел на него, словно вижу в первый раз: ростом намного ниже меня, коренастое, подвижное тело, квадратные плечи и темная традиционная клиттманнская одежда; квадратное лицо и прилизанные черные волосы. За десять лет возникло только одно отличие: вырос второй подбородок.

Бек посмотрел на меня.

— Что случилось с Грейлом?

— Он мертв. Попытался убить меня, Бек. Надо было тебе послать кого-нибудь другого. Или ты все так и задумал?

Он пристально и строго посмотрел на меня.

— Что значит — мертв? Кто дал тебе право убирать Грейла?

— Я же тебе сказал,— спокойно ответил я,— он хотел меня убить и сказать, чтобы я защищался.

Бек выслушал мой рассказ про то, как я перехитрил Грейла при помощи трюка со шторкой. Наконец Бек засмеялся.

— Ладно, похоже, кого-то из вас я просто должен был потерять. Честно говоря, я рад, что потерял не тебя. Хочешь закурить?

Я взял предложенную сигарету.

— Похоже, ты уже всем тут завладел,— сказал я, затягиваясь.

— Да. Приятно было разделаться с придурками, которые заправляли этим городом.

Мне стало интересно, что же стало со всей той философией, о которой Бек говорил раньше. Сейчас им, явно, двигала только месть. Мне было неприятно видеть, как он злорадствует.

— Да,— произнес я,— я видел их по дороге. И что теперь, Бек?

— С этого момента дела пойдут быстро. Очень быстро. Мне нужна будет твоя помощь, Клейн. Сейчас Клиттманн — наш. У нас очень мало времени, чтобы все здесь обустроить. Потому что до конца года нашим уже будет почти весь Каллибол.

Я от удивления задержал дым в легких.

— Но как? — Ведь невозможно за такой короткий срок завоевать все города планеты, один за другим брать их осадой.

Лицо Бека сделалось лукавым.

— Техника, Клейн, техника. Она всегда побеждает грубую силу.

— Не понимаю, как какая-нибудь техника может сделать то, о чем ты говоришь.

— Цистерновая чума.

Я не поверил своим ушам. Я молча глядел на него в недоумении и страхе. Внутри у меня похолодело, словно там лед.

Цистерна и чума, вместе — это самые ужасные на Каллиболе слова. Не один город зачах и вымер, был уничтожен голодом, от которого нет спасения. Никто не приближается к безлюдным руинам такого города даже спустя столетия. А Бек сидел как ни в чем не бывало и говорил об этом.

— Там, в Реатте, у меня проводилось несколько программ, о которых я тебе ничего не говорил, — сообщил он. — Хотя, может, какие-нибудь косвенные упоминания ты и слышал. В общем, пока ты создавал Лигу, я заставил нескольких реаттских ученых работать на меня. — Бек сделал паузу, чтобы прикурить еще одну сигарету. — Просто смешно. Они в этом очень сообразительны. Но никогда не использовали такого оружия против ротроков. Думаю, боялись, что действие может распространиться и на них. В общем, они вывели особый штамм цистерновой чумы, эта болезнь уничтожает питательный раствор, но не трогает ни протеин, ни животные организмы. Я уверен, что защиты против этой чумы нет.

— Значит, через год ни одна цистерна работать не будет?

Бек кивнул, опять посмотрев на меня своим сверкающим взглядом.

— Это превосходно. Вирус. Я уже разослал агентов в десяток городов. Они перекрасили кожу, чтобы не очень выделяться. У них приказ проникнуть в города — в одиночку это нетрудно — и выпустить вирус. Оказавшись в воздухе, он скоро попадет и в цистерны, нет фильтров, которые бы его задержали. Понимаешь, что это значит, Клейн?

— Конечно.— В горле у меня пересохло.— Это значит, что ты станешь единственным хозяином.

Он внимательно за мной следил.

— Правильно. За несколько лет я накопил в Ретте огромные запасы продовольствия. На Каллиболе не будет пищи, кроме той, что станет поступать с Земли через ворота, которые контролируем мы. Все, кто захочет есть, придут к нам. И все будет делаться так, как скажем мы, и никак иначе.

Но хватит ли у Бека пищи, чтобы накормить именно всех? Я в этом сомневался. Даже если предположить, что он не сумеет заразить все города сразу, голодное население составит десятки, возможно, сотни миллионов. Предположим, он оборудует на Земле цистерны, чтобы производить протеин быстрее, чем это может дать выращивание продуктов на почве; но, похоже, сейчас сильнее всего его волнует не забота о каждом, кого он лишает пропитания.

— Нет,— тихо проговорил я.

Взгляд его черных глаз как-то непонятно изменился.

— Что значит нет, Клейн?

Я бросил недокуренную сигарету. В груди было какое-то чувство, которое рвалось наружу.

— Это не то новое государство, которое мы хотели создать, Бек. Ты говорил об освобождении народа от рабства цистерн. О том, чтобы сломать застой. А сейчас мы загоняем города в такие тиски, какие владельцам цистерн и не снились. Как ты это соотносишь со всем тем, что говорил, Бек?

Его правая рука, лежащая на столе, нервно пошевелилась.

— Не будь придурком. Чтобы чего-то достичь, надо быть железным человеком, властелином.

Бек соображал всегда быстрее меня. Так что я понимал, что мне придется все это быстро кончать.

— Не могу тебе этого позволить, Бек,— сказал я.— Извини. Я не ради этого был с тобой столько времени.

Бек гневно на меня посмотрел.

— Ты, сволочь! Ты станешь меня учить, как управлять моей бандой?

Не сводя с меня своих блестящих глаз, он поднялся и вдруг резко бросился к кобуре, которая висела на вешалке на стене. Но мой-то пистолет уже в руке. Я выстрелил. Тяжелая пуля попала ему в грудь и сбила в сторону. Бек упал лицом вниз и больше не шевелился.

Я стоял, глупо держа в руке пистолет, а в ушах все еще звенел шум выстрела. Я чувствовал себя сломленным, подавленным, словно сын, убивший отца, или собака, загрызшая своего хозяина. Мне тогда впервые, сколько я себя помнил, хотелось заплакать.

Я бы этого так и не понял, если бы не то, что произошло со мной в лаборатории Хармена. Те видения расширили мое сознание и заставили посмотреть на все под другим углом. Теперь я ясно понимал, что Беком двигал не альтруистический идеал, а его сугубо личные амбиции. Хотя сами по себе идеи, которые он мне привил, были верны, для него они являлись всего лишь средством прославить себя.

Может быть, одно время он и верил в эти идеи; может быть, он и сам до конца считал, что по-прежнему верит в них. Но под конец он уже зашел слишком далеко, и заявлениям его верить стало нельзя. Если бы он остался жив, то на Каллиболе установилась бы жестокая тирания.

— Привет, Клейн.

Знакомый ровный баритон прервал мои мысли. Боковая дверь приоткрывалась. За ней показался

Бекмат — *тот самый Бекмат, которого я только что застрелил и который сейчас лежит на полу!*

В голове промелькнуло предупреждение Хармена.

Призрак!

Бекмат вошел в кабинет и ногой перевернул свой труп лицом кверху. Затем он посмотрел на меня, как обычно, лукаво улыбаясь.

— Кажется, на этот раз я тебя недооценил, Клейн. А может, это одна из тех подсознательных ошибок, о которых говорит Хармен?

— Бек... — попытался сказать я, но издал лишь хрип.

— Не волнуйся из-за этого. Думаю, я действительно разошелся. Теперь сможешь все сделать по-своему. Строго следи за ребятами, Клейн. События держи в своей власти.

Вдруг мне показалось, что он начал наступать на меня, стал расширяться, заполнять все мое поле зрения, и улыбка становилась все более и более странной.

Он исчез.

Я стоял и трясся, как мне показалось, целую вечность. Но вот я услышал за дверью шаги бегущих ног. В кабинет с автоматом ворвался Рит. Он посмотрел на меня, затем на труп Бека.

Я остановил его, подняв пистолет, и постарался овладеть собой.

— Мне пришлось это сделать, Рит. Он начал заходить слишком далеко.

— Ты имеешь в виду чуму?

Я кивнул. Он с трепетным ужасом посмотрел на труп, затем медленно отвел от меня свой автомат.

— Да, это не очень хорошо, — сказал он, вздохнув. — Но агенты уже в пути. Что нам теперь делать?

Я расслабленно опустил руку с пистолетом. Я даже не мог найти в себе силы вернуть его в кобуру.

— Исправим, — сказал я. — Будем действовать согласно первоначальному плану Бека, тому, который он создал много лет назад, и будем изменять его в зависимости от обстоятельств...

Теперь, когда существует сообщение с Землей, мы можем навсегда уничтожить тиранию владельцев цистерн, подумал я. Мы сможем ввезти любое количество свежего питательного раствора. Мы можем импортировать миллионы тонн почвы для выращивания природной пищи. Вначале из-за вмешательства Бека некоторое число людей может погибнуть, но со временем ситуация нормализуется. Между городами возникнет быстрое воздушное сообщение. Возникнет торговля с Реаттом и остальной Землей. Это будет империя из двух планет, где человек не станет бояться голодной смерти. А что касается ротроксов, то с ними разберемся.

Рит покачал головой с досады.

— А Бек обещал мне дюжину городов.

— Ты их получишь, — сказал я ему. — Необходимо будет проводить большую организационную работу. Но это не будут города, населенные рабами.

Послышались шаги. В кабинет вошел Хеерлау с одним из своих соотечественников. Взгляд его упал вначале на Бека и тонкий ручеек крови, текущий по полу, затем на пистолет, все еще висящий в моей руке. Хеерлау некоторое время стоял, не шелохнувшись.

— Ты правильно сделал, что убил его, — произнес Хеерлау наконец. — Несмотря на свой гений, он был человеком крови и насилия. Но ты-то разве лучше?

— Надеюсь, что лучше, — ответил я устало. — И вы на это надейтесь, так как теперь без меня пропадете.

Это была правда. Реатт, ротроксы, а теперь и Клиттманн — все были соединены сложной проти-

воречивой системой из отношений вражды и взаимной поддержки, — системой, которая, если кто-то не будет ее координировать, рухнет, и тогда начнется кровавая бойня. Бек был тем человеком, который осуществлял координацию, и я — единственный, кто может занять его место. От меня потребуется вся энергия и все мое умение, чтобы разобраться в этой путанице.

Ведь я прошел самую лучшую школу.

Оставалось еще одно дело.

Цистерны Клиттманна, естественно, оказались первыми поражены чумой. Как только провели наземную телевизионную линию, я позвонил в Реатт и приказал разыскать продовольственные запасы, о которых говорил Бек. И после того, как я их нашел, позволил себе позвонить Палрамаре.

На экране появилось ее лицо. У земных телевизоров никогда не получались истинные цвета, и ее лицо вышло розоватым, а не зеленым. Коротко — если только можно об этом рассказать коротко — я сообщил ей обо всем случившемся, в том числе и о том, что Бек мертв.

Она восприняла эту весть без видимых проявлений чувств.

— И что теперь? — спросила она.

Что она имела в виду, политику или нас?

Нас. Это та самая проблема, с которой я борюсь с тех пор, как убил Бека, если только не занят неотложными делами.

Я понимал, что если захочу Палрамару, то снова могу ее получить. И я ее хотел. Теперь, когда Бек не мешает, мы снова могли бы быть вместе. Нас все еще тянуло друг к другу, и это еще поработает в нашу пользу.

Но я также понимал, что если очень постараюсь, то смогу освободить Дальго с Мерамы. Выбор был за мной.

На меня смотрели ее расширенные зрачки. Я проглотил слюну.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы освободили твоего мужа, — быстро проговорил я. Выражение ее лица не изменилось.

— До свидания, Палрамара.

Я резко прервал связь.

Я всегда был одинок. Могу снова быть одиноким — это не трудно.

В тысячный раз я подумал, перестал ли существовать призрак Бекмата тогда, когда он исчез, или его увлекло в какую-то другую часть вселенной. Надеюсь, что он уничтожился, так как мне неприятно думать о том, что он бродит где-то потерянный и тоже одинокий.

ФАКТОР АННИГИЛЯЦИИ

I

Джандрак прибыл как вестник с неопределенными новостями. Но манера его прилета была четкой. Он принесся на космическом корабле дальнего действия с выхлопными трубами: когда до Сморна оставалась еще пара световых лет, Джандрак вырубил двигатели, чтобы оставшуюся часть пути по галактической магистрали пройти на беспрецедентной скорости. Затем, применив отрицательное ускорение, он резко остановил корабль.

Его пилотирование оказалось сверхточным. Теперь он смотрел на лагерь Передана, существующий уже пятьдесят лет: не было необходимости менять место приземления ни на ярд. Кристально чистый воздух давал возможность поразительно четко в нескольких футах внизу видеть крошечную империю претендента на звание принца.

Все было, как и ожидалось, добротным, красочным, оживленным. Взлетное поле с пестрыми космическими кораблями; веселые павильоны дугами охватывали жилые постройки, бараки и огромное

скопление оборудования, в том числе систему постоянной защиты, и все это на площади в десять миль. Ближе к краю территории возвышались вроде небоскребов, крытых красным пластиком, драгоценные склады оружия, всевозможного боевого снаряжения, тягачей и прочей боевой техники — смысла жизни всего Передана.

Весь персонал был на ногах, ожидая приказа.

Небольшую демонстрацию защитной системы лагеря Джандрак смог понаблюдать сразу же. Когда его корабль только появился над базой, вокруг разорвалось шесть предупредительных ракет: по одной сверху, снизу и в каждой четверти румба, что произвело на него впечатление, но не удивило. Чуть переждав опасный момент, он, не торопясь, сел у края взлетного поля.

Ракеты оказались не единственным предупреждением. Всем телом он почувствовал странное давление и необычную боль в переносице: это означало, что его крошечный колоколоподобный кораблик полностью окружен заглушающим полем и в нем уже ничего не может работать. Он попробовал открыть внешний люк — безрезультатно. Придется вручную. Что бы ни случилось, он оказался бы беспомощен. Но сейчас это было неважно: он прибыл не как враг, скорее как советчик.

Пилот стал открывать вручную. Люк легко поддался, и стена кабины развернулась вниз, позволяя спуститься на землю. Шагнул наружу, потянулся, вдыхая бодрящий, богатый кислородом воздух. Его золотистый кораблик виделся теперь несообразно маленьким на фоне гигантских боевых крейсеров лагеря. Он намеренно выбрал для визита это загадочное колоколоподобное суденышко, рассчитывая изумить бунтовщиков. Они, конечно, удивятся, что такая кроха способна на такие же путешествия, что

и их огромные боевые машины. Эти ребята около пятидесяти лет были оторваны от всего королевства и почти наверняка не слышали о новых средствах передвижения с использованием естественных искажений пространства, называемых линиями скольжения, которые и позволили этому хрупкому на вид колокольчику путешествовать по галактике.

Двое мужчин в блузах и брюках из черного мерцающего космического шелка уже ждали его, лазерные пистолеты висели на узких бедрах. Как и все офицеры Передана, они были без знаков различия.

— Я прибыл затем, чтобы поговорить с Переданом, — без всяких предисловий заявил Джандрак.

— Принц Передан, — ответил ему более высокий из офицеров, — не разговаривает с каждым космическим бродягой, которого заносит сюда. Чего ты хочешь — вступить в вооруженные силы?

Джандрак спокойно посмотрел ему в глаза:

— Избавьте меня от этой болтовни, — твердо заметил он. — Я — Джандрак из семьи Санн, старинных друзей отцов Передана. Отведите меня к нему.

Офицер криво улыбнулся:

— Многие старые друзья теперь уже не так дружелюбны. Однако принцу доложат о тебе. Но сначала просим сдать оружие.

Джандрак отдал высокочастотный нейтронный лучемет, небольшой кинжал и ручную версию стандартной силовой винтовки. Офицер осмотрел все, снова улыбнулся и вернул винтовку:

— Это можете оставить, все равно в лагере не сработает.

Джандрак это уже и сам понял. Его обостренные чувства говорили о множестве заглушающих полей в атмосфере лагеря. Он очень сомневался, что нейтронный лучемет работоспособен, но офицеры предпочли не раскрывать свои секреты.

Все молча шли к палатке Передана. Джандрак с интересом осматривал сооружение. Оно походило на ярко расцвеченный сказочный дворец из прессованного пластика с маркизами, куполами и шпилями. Пластмассовое покрытие еще и распылялось на поверхность сооружения для прочности, и Джандрак не сомневался, что «палатка» обладала крепостью гранита.

Сам лагерь производил впечатление бивуака, однако впечатление было обманчиво. — Подождите здесь, — сказал высокий офицер и вошел внутрь, оставив Джандрака на попечении своего товарища.

Через десять минут он появился, уже растеряв часть самоуверенности. Не сказав ни слова, сделал приглашающий жест. Джандрак прошел за ним через занавешенный вход в палатку.

Его первоначальные впечатления теперь полностью подтвердились. Он (вместе с охраной) шел через большие залы, тянущиеся, казалось, бесконечно, с альковами, залитые освежающим бледно-зеленым светом и окрашенные в пастельные тона голубого, зеленого и желтого. Стены были почти без орнамента, но столы и стулья являли собой образцы очень тонкой работы, так же как и множество оборудования, назначения которого Джандрак не понимал и предположил, что это устройства связи и поиска информации. У Передана хватало времени и на роскошь: одетые в шелк офицеры поднимали равнодушные глаза, когда они проходили; его провожатый не обращал на это внимания.

Еще дальше в здании атмосфера была спокойнее, даже холоднее, и там почти никого не было. Впервые Джандрак увидел женщин: молодые девицы восседали за большими дорогими столами, явно ничем не занимаясь. «Секретарши? — подумал он. — Любовницы? Или просто украшения?»

В конце длинного фойе офицер остановился у двери с портиком:

— Входите, — предложил он.

Джандрак толкнул панель. Она... рассыпалась на множество сверкающих обломков и исчезла, за ней оказался офис Передана. Гость шагнул внутрь, дверь за ним... восстановилась. За полированным столом, легко опираясь на него костяшками пальцев, стоял Передан.

Двое мужчин уставились друг на друга; Джандрак жадно смотрел на Передана, который был как будто бы рассеян и сосредоточен на чем-то постороннем. Джандрак стянул черные перчатки и положил их на стол — мирный жест, применяемый в военных переговорах, означающий отсутствие дополнительного оружия на пальцах.

— Признаюсь, давно мечтал посмотреть на этот ваш лагерь, — невозмутимо начал он, глядя на собеседника. Он помнил, что видел принца Передана, когда был еще маленьким: отец привел его во дворец для представления ко двору. Почему-то лицо Передана запомнилось мальчику, и сейчас он внимательно смотрел, не обнаружатся ли в нем какие-либо изменения. Лицо принца было таким же гладким и моложавым, так что до сих пор он казался молодым человеком лет семидесяти, но не своего настоящего возраста — трехсот лет. Хотя при более пристальном взгляде эта моложавость выглядела искусственной. Позже Джандрак узнал, что лицо принца менялось в зависимости от обстоятельств или случайной мысли, так что он выглядел совершенно другим человеком. Даже сейчас мгновенная перемена настроения так изменила черты принца и кожу вокруг глаз, что он показался старше, более озабоченным.

— Я уверен, что многие военные желали того же по разным причинам, — до странности слабым

голосом ответил Передан. — Расскажите, почему вы здесь.

Джандрак вытянулся, щелкнул каблуками и почтительно поклонился:

— Я — аккредитованный посланник Его Величества короля Максима. Его Величество поручил мне предложить вам и вашим последователям полную амнистию вместе со щедрыми условиями переселения в обмен на ваше сотрудничество в вопросе необычайной важности.

— Амнистию? — принц смотрел на него с недоверием и удивлением. — Вы это серьезно? Максим так легко от меня не избавится!

— Возникли... некоторые... обстоятельства, — сдержанно проговорил Джандрак, соображая, как лучше изложить проблему. — Нечто такое, что делает необходимым утрясти наши разногласия и объединиться против общей угрозы.

— Объяснитесь.

— Королевство находится под угрозой аннигиляции! — Джандрак глубоко вздохнул и продолжал: — В северо-восточный сектор вошла неизвестная форма жизни, смертельно опасная для людей. Все наши средства обороны не смогли ее задержать... Нам нужно объединиться и сражаться единым фронтом!

— Итак, — задумчиво проговорил Передан, — инопланетное вторжение! — Он, казалось, был заинтригован, но не испуган и не встревожен.

— Не совсем так. Поначалу мы тоже так думали... но, насколько мы теперь понимаем, вторгшийся объект представляет собой единый организм, перемещающийся в пространстве. Даже не совсем организм, а скорее... э-э... в общем, его называют Пятном. Сначала ученые принимали его не за сущность, а просто за перемещающуюся область пространства с необычными характеристиками. Им пришлось из-

менить свое мнение. Его размер неопределенен, но его передвижения наводят на мысль о наличии сознательной воли.

— И?

— Похоже, оно питается биологическими живыми объектами. Проходящие сквозь него планеты оказываются... совершенно мертвыми! Люди, животные, даже растительность! Все мертво! — должно быть, в его голосе прозвучала нотка ужаса, потому что Передан нахмурился и помрачнел.

— Мои агенты докладывали мне о чем-то необычном на северо-востоке, но я не обратил на это особого внимания. Ни о чем подобном они, конечно, не упоминали.

— Все средства массовой информации подвергаются строгой цензуре, и всякие слухи тут же гасятся в эти дни по всему королевству. Вне пораженных миров об этом известно только очень немногим людям.

— И сколько же миров погибло на данный момент?

— Об этом знают еще меньше людей. Но я бы предположил, что не больше пятидесяти.

— Не больше пятидесяти? — Передан, казалось, был поражен. — Максим, конечно, серьезно не обеспокоится этим, пока не будет уничтожена половина человечества. Типично для него! — принц беспокоился заходил по комнате; его простое сиреневое платье развевалось на нем. — Но, по крайней мере, он признал свою некомпетентность, послав вас сюда. Расскажите мне, какие меры приняты к настоящему моменту, чтобы справиться с угрозой.

Джандрак вкратце и честно перечислил меры, принятые королевскими военными силами в их все более чем отчаянных попытках справиться с неведомым. Бомбы продленной реакции (продолжительные ядерные взрывы, длящиеся месяц), чудовищ-

ные излучатели гамма-лучей (созданные с невероятными затратами специально для этого случая). Пятно проглотило это все без какой бы то ни было явной перемены в его внутреннем состоянии. Огромные количества радиоактивных материалов располагались на его пути, но это тоже не дало результата. Возникла даже теория, что для Пятна это было приятным возбуждением.

Не забыл Джандрак рассказать и о вооруженных космических кораблях, которые Пятно поглотило. Когда он закончил, Передан опустил глаза.

— Ничего подобного прежде не было. Чего же Максим хочет от меня?

— Разумеется, ответ и так ясен: известно, что здесь вы обладаете значительными ресурсами. Не считая вашего вооружения и оружия, может быть, нам неизвестного, в вашем распоряжении есть несколько прекрасных ученых. Выживание королевства важнее политических распрей.

— Стало быть, Максим полагает, что сможет проглотить меня, воспользовавшись общим кризисом, — Передан невесело улыбнулся. — Скажите ему: если его действительно заботит безопасность королевства, он передаст свои силы под мое начало, и я буду руководить операциями.

— Вряд ли он на это пойдет.

— И я тоже не соглашусь на подобное.

Тупик. Джандрак предвидел, что так и получится, и, по сути дела, на это и рассчитывал, но изобразил шок:

— Вашим девизом всегда были мир и безопасность! Чего же он стоит, если вы собираетесь остаться в стороне и смотреть, как гибнут целые системы!?

— Узурпатором является именно Максим, а не я или мой отец.

— Но кто знает, может быть, в этой суматохе... вы найдете способ свергнуть Максима и снова посадить на трон отца?..— голос Джандрака стал вкрадчивым, чуть ли не лукавым.

— Может быть! Если бы я строил стратегию на «может быть», я бы не сидел здесь на Сморне последние пятьдесят лет, вдали от средоточия власти,— он устало поднял руку, явно не желая тратить силы на разъяснение.— С тем, что я здесь имею, я прямо сейчас могу бросить вызов всему королевству. Но я не стану ставить на карту свои резервы и разжигать в галактике вторую гражданскую войну, если не буду полностью уверен в победе. Молодой человек, я играю в эти игры, чтобы победить. Так что не воображайте, что я буду транжирить свои ресурсы на другие дела, какими бы они ни были стоящими, или что мои структуры будут использоваться ради каких-то других целей, а не тех, для которых они и были созданы.

Он произнес эту короткую речь спокойно, почти буднично. Пока он говорил, Джандрак утвердился в своем первом впечатлении от этого человека: жесткость, прикрытая вялостью, сильная, почти отчаянная воля. Этот человек никогда не признает, что дело его проиграно; он заражает своим фанатизмом всех, кто его окружает, пробуждая в них беззаветную преданность.

— Во всяком случае,— продолжал претендент на титул принца,— ваше предложение с трудом согласуется с вашей ролью посланника Максима.

— Простите меня, Ваше Высочество. Сейчас я говорил не как посланник, но как частное лицо.

Брови Передана слегка приподнялись, он повернулся к стене за спиной и, открыв маленькую дверцу, достал два стакана и флягу. Жестом указав Джандраку на стул, он разлил по стаканам зеленую

жидкость и добавил воды. Жидкость стала молочно-белой.

— Перно,— сказал он.— Древний напиток, существовавший тысячелетия, восхитительное дополнение к цивилизованной жизни, мне так думается. Мой коллега, герцог Ретурский, обнаружил этот рецепт незадолго до нашего изгнания. Этот лагерь — единственное место во вселенной, где его можно достать.

Джандрак отхлебнул. Напиток оказался приятного анисового вкуса, который прекрасно освежал.

— Теперь расскажите, что думают обо мне люди в эти тяжелые годы, эти миллиарды, угнетаемые Максимом,— саркастически поинтересовался Передан, усаживаясь напротив Джандрака.

— Непросто суммировать мнение масс. Королевские военные силы, разумеется, считают, что вы представляете собой опасность, но не смертельную. Официально они могут вас уничтожить, но оставляют в покое, чтобы не возбуждать волнений.

— Пропаганда. Они не прилетают сюда, потому что не осмеливаются. Расскажите мне о людях.

— Полагаю, что они постепенно начинают о вас забывать.

— Еще бы,— Передан выглядел погрузневшим.— Пусть будет так. Этого и следовало ожидать. Но все изменится, как только я одолею узурпатора и снова посажу на трон свою собственную семью. Вы увидите, все изменится.

Но расскажите о себе. Во время гражданской войны вы, видимо, были маленьким.

Я помню вашего отца. Будучи лояльным герцогом, он погиб под знаменами старого короля. Вы, похоже, стали герцогом при новом. Насколько я помню, ваша лояльность новому хозяину Унимма никогда не подвергалась сомнению.

— И все же... мои чувства по отношению к старому режиму еще не совсем умерли, — не торопясь, проговорил Джандрак. Он сознавал, что ступил на зыбкую почву. — Моя семья и ваша крепко дружили при старой монархии, и я об этом не забыл.

— Вы хотите, чтобы старая монархия была восстановлена? Говорите свободно, Максим вас здесь не услышит.

Джандрак промолчал.

— Очень хорошо, — невозмутимо продолжал его собеседник, — давайте скажем по-другому. Как лояльный офицер королевских вооруженных сил вы хотели бы, чтобы я был уничтожен? Отвечайте сразу. Рано или поздно каждому придется встать на ту или иную сторону.

— Это мой долг — содействовать вашему уничтожению.

— Хорошо сказано! — с горечью заметил Передан.

— И все же... Король Максим — это выскочка. Его правление — это латание дыр, что ведет к экономическому спаду тысячи планет. Ваша же семья предлагает стабильность тысячелетней монархии, а также законного монарха на троне.

— Стабильность такую сильную, что все королевство развалилось, — Передан усмехнулся. — Мне хотелось бы, чтобы вы перестали влиять, молодой человек. Давайте смотреть на вещи реально. Вы говорите о законности? Максим и сам благородных кровей, их Дом Гречанов тоже претендует на трон, основываясь на том, что его мать вышла замуж за моего деда. У него орды законников, тренированных в искусстве противопоставления его требований моим. А что касается стабильности и безопасности — разве Максим не сделал все, что мог, для этого? Строгие меры против нарушений порядка,

мощные вооруженные силы и даже «стрижка» олигархов и раздача их территорий беднякам, — он кисло улыбнулся. — Мудрый шаг. Немалая часть того, что ему следовало бы сделать, и подачка массам, чтобы они некоторое время не волновались. Ввиду всего этого разве я не представляю угрозу миру? Я соержу частную армию, не скрываю намерения устроить полномасштабное восстание, жду своего часа, чтобы устроить переполох...

«Он прощупывает меня, — подумал Джандрак, — играет роль адвоката Максима, чтобы увидеть мою реакцию».

Если вы действительно так думаете, — нагло заявил он, — то почему бы вам не перейти на другую сторону?

Принц рассмеялся:

— Такой человек, как вы, может быть мне полезен. Вы как офицер высокого ранга могли бы предоставить мне бездну информации: огневая мощь Максима, какое у него появилось новое оружие. Более того, в чем секрет нового космического привода, который доставил вас сюда? Я проинформирован, что ваш корабль очень необычен, он слишком мал для такого путешествия. По сути дела, подразделение защиты лагеря было поражено, с такой скоростью вы приблизились. Ваша сторона, как вам известно, постоянно пытается засунуть ядерную бомбу под наш зонтик. Вас вполне могли разнести в клочья на подлете, пока мы не определили, что вы не вооружены.

— Прошу прощения, — Джандрак встал и вернулся к официальному тону. — Моя симпатия к вам не может повлиять на мою лояльность офицера. Я не продаюсь.

— Я мог бы арестовать вас и разобрать ваш корабль до последнего винтика.

— Это было бы крупным нарушением дипломатической неприкосновенности! — возмущенно запротестовал Джандрак. Он не считал нужным упоминать, что его «колокольчик» был защищен так, что превращался в пар при малейших признаках постороннего вмешательства, так как был уверен, что Передан осведомлен об этой элементарной предосторожности.

— Предложение Его Величества об амнистии действительно в течение трех месяцев. Возможно, мы встретимся снова.

Он повернулся, чтобы идти, но Передан остановил его:

— Подождите. Вы могли бы кое-что сделать для меня.

Джандрак с подозрением посмотрел на него.

— Ничего предосудительного, — заверил претендент на титул принца. — Вы знаете человека по имени Грэйм Либер?

— Хроникера? Он иногда появляется при дворе.

— Скажите, он здоров?

— Полагаю, что так. Я знаю его не очень хорошо.

— Он — мой старый друг. У меня было очень мало известий от него за последние пятьдесят лет. Вы сделали бы мне большое одолжение, если бы зашли к нему от моего имени.

— Конечно, пожалуйста.

— Просто передайте ему мой привет. Я уверен, что могу вам доверять, что вы не сделаете ничего такого, что повредило бы старику. Думаю, вы могли бы с ним подружиться.

Джандрак внезапно почувствовал, что он странно тронут. Он колебался, затем решил:

— Есть еще кое-что, что я мог бы для вас сделать, — твердо произнес он. — Максим убьет меня,

если узнает, поэтому надеюсь, что, в свою очередь, могу рассчитывать на ваше молчание.

Передан утвердительно кивнул.

— Мне строго приказано не сообщать вам, что Пятно движется в этом направлении. Вам лучше немедленно перебазировать лагерь.

Внезапно собеседник показался ему очень и очень старым.

— Сколько у нас остается времени?

— Иногда оно движется быстро, иногда медленно.

— Это придает делу другую окраску, и даже мотивам Максима. Благодарю вас, — он проникательно взглянул на Джандрака. — О чем же, ради Космоса, он думал, когда выбрал вас в качестве посланца?

Джандрак пожал плечами:

— Он довольно безалаберно относится ко многим вещам. Ему нужен был кто-то, кого бы стали слушать по старой памяти, кто-то, кто принадлежит к древней и уважаемой семье, подобной дому Саннов. Видите ли, даже Максим начинает серьезно нервничать.

Он оставил Передана потягивающим перно и погруженным в мрачные размышления.

* * *

Когда Джандрак Саннский взлетел, Передан коснулся одной из многих цветных точек, вделанных в угол столешницы. В другом месте столешница помутнела, затем сменилась цветным изображением молодой женщины с подкрашенными зеленым волосами.

— Найдите генерала Дрэпа, — приказал он.

— Да, Ваше Высочество.

Девушка опустила глаза на клавиатуру. Картинка поблекла, затем возникло оживленное лицо Дрэпа, похожее на луковицу.

— Ваше Высочество?

— Дрэп! — сказал ему Передан. — Только что здесь был молодой человек с Унимма. Хочу проверить правдивость его рассказа. Как только он уйдет за предел обнаружения, пошлите боевой корабль в северо-восточный сектор.

Он отдал дальнейшие указания и отключился. Часом позже зазвучали предупредительные звонки. Один из огромных боевых кораблей, стоявший за линией палаток, поднялся, загудел взлетными sireнами и направился в глубокий космос, тяжело нагруженный аппаратурой обнаружения.

В это время принц Передан сидел в своем кабинете и занимался обычным ритуалом — собирался с мыслями и анализировал свои ощущения.

Как всегда, он пытался избавиться от душевной тоски, которая периодически накатывала на него. Разговоры, подобные сегодняшнему, всегда заканчивались этим. Дипломатия, политика, интриги — все, что по самой своей природе оказывалось игрой, в которой человеческие существа были только шахматными фигурами, было ему отвратительно и не отвечало его истинному призванию. По натуре он был ученым и, если бы не печальные события прошлых лет, проводил бы жизнь в ученом кабинете и занимался бы анализом феноменологии истории цивилизации.

Но лояльность по отношению к своей семье — дому Лоренцев, уважение к древним законам и ненависть к тираническому, властному правлению Максима сделали такую жизнь для него невозможной. Вместо этого, подчиняясь диктату обстоятельств, он посвятил свою жизнь долгу, стратегии и лидер-

ству. После того как Дом Гречанов оспорил право отца на трон и эта ссора переросла в широкомасштабную гражданскую войну в королевстве, он был вынужден проводить жизнь, играя именно в те игры, которые до того презирал.

После первоначального поражения он удачно провел те ходы, которые ему еще оставались. Лояльные остатки армии он спаял в самую эффективную посвященную организацию, которая когда-либо существовала. Со временем она превратилась в прекрасно обученную машину невероятной силы, в копье, постоянно направленное в сердце королевства. Он всегда ждал подходящего момента, чтобы его метнуть.

Визит недавнего посетителя подтвердил правильность его понимания того, что режим Максима прогнил изнутри, подорванный ложной преданностью, основанной только на личных выгодах. Он подумал, что Максим, вероятно, прилагал немало сил, чтобы сохранить всю эту структуру. Один хороший удар ногой — и вся хваленая система развалится с треском.

И все же опасно было так думать. Коррупция или не коррупция, но Максим все еще мог пользоваться всеми ресурсами королевства. Шансы Передана на государственный переворот, о котором он мечтал, были сейчас слишком малы, чтобы решиться на него. Поспешные действия вызовут только очередной кровавый конфликт, в котором он вторично потерпит поражение — на этот раз с этим справиться будет труднее.

Где же, думал он с тоской, находится то «великое устройство»; как ему одним неотразимым ходом поставить мат? В следующем поколении будет слишком поздно: слишком много миллиардов людей сменят свои привязанности. А сколько миллиардов уже

сменили? Передан этого не знал: в эти дни получить новости из королевства становилось все труднее.

* * *

Звездное королевство раскинулось примерно на одной пятой части галактики, от Скоплений Гарлоу на севере до Покровов Тьмы — массивных черных завес из пыли и газа — на юге.

На этом огромном пространстве обитаемых планет было немного, но все же число их доходило до нескольких десятков тысяч. Точное количество миров, входящих в королевство, могло интересовать только составителей каталогов; средний гражданин не задавался вопросом о размере сообщества, в котором он живет: для него королевство и было вселенной. Иностранных королевств не существовало, и гражданин не мог их себе и вообразить. Он знал только, что множество кораблей лавировали во тьме, соединяя между собой провинции и территории, разбросанные на расстоянии тысяч световых лет, и все они подчинялись — теоретически, по крайней мере — трону, кружащему вокруг бело-голубого Ригеля. Названия для этого мира не было, это было просто «королевство».

На большей части территории власть центра проявлялась явно слабо. Слишком много систем, далеко от Максимилии — или Унимма, если назвать город его древним именем, — о гражданской войне доходили только отдаленные слухи, и смена правящей фамилии вызывала мало интереса. Обязательные налоги для этих миров были чисто символическими.

Но здесь, в Максимилии, политика была делом существенным. Джандрак знал: как только его колоколоподобный корабль приземлится во внутреннем городе, ему следует немедленно явиться к королю Максиму. Оставив корабль на попечение специаль-

ных техников, поклявшихся не разглашать тайну, он зашел домой освежиться и предстал перед королем.

Королю уже сообщили о его прибытии. Джандрака провели в потаенную комнату, где монарх с нетерпением ждал новостей:

— Дело сделано?

— Да, Ваше Величество.

— Отлично! — Король Максим хихикнул, весело блеснув карими глазами.

Несмотря на всю его хитрость и двуличие, следовало признать, что король обладал природным шармом. Его лицо, по обыкновению грустное, с легкостью могло быть и веселым. Он был достаточно впечатляющей фигурой, чтобы его замечали где угодно: с маленьким тонким ртом, выдающимся костистым носом и внимательными широко расставленными глазами, казалось, пронизывающими вас насквозь. Кроме того, он носил волосы до плеч, в то время как уже в течение нескольких веков прочно укоренившейся модой были короткие волосы.

Иногда на лице его было, казалось, сумасшедшее выражение: он надувал губы, поднимал брови, гримасничая и искоса посматривая из-за своего длинного острого носа. Некоторые утверждали, что король и в самом деле сумасшедший. Но большинство людей полагало, что он просто комик, веселый монарх, клоун поневоле; проницательный человек выявил бы у него преобладающее настроение меланхолии.

— Я предложил Передану амнистию, Ваше Величество, как Вы и приказывали. Он отказался, разумеется. Похоже, он не догадался, что это предложение было только предлогом для визита.

— Это его немного озадачило, я думаю. Ну, что? Дорога проложена?

— Все прошло прекрасно. Я пересек путь Пятна, затем с этого места по линиям скольжения до-

брался до лагеря Передана на Сморне. Приборы свидетельствуют, что линии скольжения после этого значительно усилились.

— Отлично! Отлично!

Джандрак считал, что уже закоснел в своем искусстве двойной игры, и не мог не восхититься таким способом предательства. Замысел Максима был грязен до невозможности. Было обнаружено, что инородная сущность, которую исследователи называли Пятном, пользуется принципом движения новых скользящих кораблей, перемещающихся быстрее света вдоль естественных линий искажения пространства. Но была и разница: Пятно, проходя по линиям, оставляло их без изменения, прохождение по ним кораблей усиливало их. И Пятно, похоже, предпочитало передвигаться по таким усиленным линиям.

Поначалу ученые попытались использовать это открытие, чтобы управлять Пятном: создать путь по лабиринту галактических линий искажения и вывести Пятно из оккупированных им солнечных систем и из королевства. Но Пятно заупрямилось — и это стало одним из доказательств того, что оно обладает каким-то видом рудиментарного мышления — оно стремилось поглощать населенные планеты. И если такая искусственно усиленная линия скольжения не вела к населенной планете, Пятно поворачивало в другую сторону.

Таким образом, исследователи могли только выбирать планеты, которые были бы уничтожены, но не более того. Этот тревожный факт привел к отчаянной борьбе между вельможами и магнатами, опасавшимися потерять свои капиталовложения. Затем королю Максиму пришла в голову эта блестящая идея. Послав скользящий корабль с визитом к Сморну, он мог направить Пятно прямо на голову своего старого врага.

Голос короля повышался до приступов смеха.

— Он никогда не узнает, что его ударило! Я пошлю туда четвертый и пятый флоты, на случай, если он пронюхает о том, что ему грозит, и попытается удрать. В любом случае, Передану конец!

Джандрака интересовал один небольшой вопрос:

— Что бы вы стали делать, если бы Передан согласился на амнистию, Ваше Величество?

Король пожал плечами.

— Если он такой дурак, что стал бы посылать корабли в эту штуку, то он заслуживает своей судьбы. Я не могу проиграть в любом случае. Кстати... э-э... полагаю, у вас нет записи вашего разговора?

— Боюсь, что нет, Ваше Величество. Заглушающие поля очень сильны по всему лагерю. Магнитофон не работал.

— Хм... Да, конечно... — Максим, казалось, усомнился в этом. Джандрак решил перевести разговор на другое.

— Это чудесная стратагема, Ваше Величество, — восхитился он, — но Пятно все же остается.

— Знаю, — мрачно ответил король, — но что мы можем поделать? Приходится мириться с потерями. Поскольку Пятно идет ровным курсом, то оно пройдет сквозь королевство, и мы снова будем в безопасности.

«Это ты на это надеешься, старый дурак», — подумал Джандрак.

Он вышел с похвалой короля. Удача воодушевила его, но он старался не очень этим гордиться: нетрудно лгать двум сторонам одновременно, если у них нет других контактов.

С какой целью он играл двойную игру — это было неясно даже ему самому. Он вырос в водовороте гражданской войны и не видел особого резона доверять кому-либо, но, поговорив с Переданом, по-

чувствовал какой-то иррациональный импульс предоставить равные шансы обеим сторонам. Дело было не только в этом, конечно. Он также решил, что лично для него никакого преимущества не будет, если повстанцы будут уничтожены. Он предпочитал неопределенную ситуацию, когда талантливый молодой офицер, быстро приобретающий влияние, мог бы воспользоваться подвернувшимся шансом. Дав Передану половинчатое предупреждение, он оказался в конфликте с обеими сторонами и должен был выиграть независимо от исхода.

Никакие угрызения совести ему были неизвестны: так поступать было для него естественным; временем правил макиавеллиевский дух. Кроме того, временами на него «накатывали» амбиции, мучающие еще и тем, что вроде бы какой-то определенной цели у него не было. Иногда это проходило совершенно; когда он лежал в одиночестве в постели, то частенько мучительно обдумывал, как можно обратить себе на пользу строительство больших скользящих кораблей, проект, выполняемый на другой стороне планеты и отданный королем под его начало.

С неопределенным радостным чувством он пересек центральный двор королевского дворца. Шпили и фронтоны на фоне зеленоватого вечернего неба вставали над ним, как фантастические арабески. Наступающий вечер был прохладен и полон ароматов. За контурами дворца возвышались более высокие блоки, башни и арки Внутреннего города, окружая гнездо монархии и закрывая вид на живописный, но совсем не изящный Старый город.

Реконструкция была почти завершена. Оставалось достроить только несколько башен; их каркасы поднимались на высоту до трех тысяч футов. Атакуя Внутренний город, Максим не использовал атомные бомбы, потому что хотел сохранить город

для себя, но все же он засыпал его бомбами большой разрушительной силы.

Нахмурившись, Джандрак вспомнил о своем обещании претенденту, принцу Передану: найти Грэйма Либеры, хроникера. Он туманно представлял себе этого старика, семенящего по дворцу с потрепанными свитками древних документов под мышкой.

Может быть, просьба и была, как и говорил Передан, сентиментальным приветом другу. Однако мышление интригана, присущее Джандраку, говорило ему, что скорее всего это может быть попыткой втянуть его в круг бунтовщиков и поддерживать постоянную связь между ним и Сморном. Во всяком случае, учитывая подозрительную натуру Максима, исполнение просьбы лучше всего отложить на несколько дней. А сегодня вечером он собирался заняться гораздо более приятным делом.

* * *

Перейдя через демаркационную линию в Старый город Максимилии, Джандрак сразу же оказался в другом мире.

Он плотно завернулся в длинный мягкий плащ, чтобы скрыть форму. Здесь, в Старом городе, в мундире он чувствовал себя не в своей тарелке: форма вызывала неприятные эмоции у жителей, можно вполне было ждать и агрессивности со стороны низших слоев населения.

Внутренний город был отделен от Старого кольцом высоких зданий, образующих сплошную стену со множеством арок. Поскольку Внутренний город был расположен на возвышенности, то при выходе за его стены сразу открывалась панорама Старого города. Джандрак находил ее привлекательной, хотя некоторые даже презрительно отзывались о Старом городе.

Вершина холма во Внутреннем городе была срезана, город оказался на ровной местности. В отличие от него Старый город сохранил свой первоначальный рельеф, дома стояли безо всякой планировки, более органично. Джандрак смотрел на беспорядочную массу зданий, в большинстве своем старых и обветшавших, высотой всего до двадцати этажей (если не считать нескольких экспериментальных построек — массивных тусклых блоков высотой в тысячу двести футов, рассчитанных на десять тысяч человек каждый). Слева от него весь город как бы спускался в долину, окутанную смогом.

Город простирался на многие мили, уходя за горизонт. Над ним висела пыльная пелена, сверкавшая на солнце. Пыль была неотъемлемой особенностью Старого города.

Джандрак спустился по холму. Свою машину он оставил по ту сторону стены — на ней были опознавательные знаки его подразделения — и после короткой прогулки сел в общественный транспорт, большие обшарпанные вагоны электрифицированной рельсовой дороги. Несколько миль он проехал, вглядываясь в покорные, худощавые лица попутчиков и наслаждаясь необычностью ситуации. Затем вышел, прошел в боковую улочку и свернул в узкий проход, приведший его во дворик, обрамленный пятью ярусами балкончиков. Здесь он уверенно просвистал легкомысленный мотивчик и стал ждать.

Скоро открылось окно, и Рондана перегнулась через подоконник, улыбаясь ему. Он услышал учащенный ритм своего сердца и улыбнулся в ответ. Через минуту она появилась внизу и впустила его. Пройдя один пролет по шаткой лестнице, они оказались в комнате. Она рассмеялась, когда он плюхнулся на кровать и мягко потянул ее, усадив рядом с собой.

Рондана была молодой женщиной с приятным, счастливым выражением лица и легким характером. Сравнивая ее с женщинами своего круга, с их правильными чертами лица и высокомерием, Джандрак отдавал предпочтение этой девушке из низших слоев, считая ее настоящей женщиной (а их разрисованными куклами).

Она внезапно выпрямилась.

— Наверху живет старушка, она очень больна.

— Да?

— Не посмотришь ли ты ее? — попросила Рондана.

— Но чем я могу помочь? Я не врач.

Девушка встала и вышла из комнаты, как будто не слыша его. Он неохотно последовал за ней по лестнице — один этаж, два этажа, освещенные только закопченными окнами. Пару раз она оборачивалась, чтобы убедиться, что он идет за ней.

Они вошли в квартиру Гудвуман Гровум, которая оказалась запущенной, убогой; Джандрак понял, что точно такая же у Ронданы, и смотрелась она уютной и удобной; здесь же стоял запах нищеты.

Женщина, постанывая, лежала на кровати и выглядела старой, очень старой. Джандрак рискнул подойти поближе. Она выглядела слишком бледной и казалась зеленоватой, у нее был приступ лихорадки. Джандрак в этом ничего не понимал: люди его класса не знали таких болезней.

Он смотрел на пожилую женщину, находящуюся почти без сознания; ей, должно быть, уже пять или шесть сотен лет...

Джандрак спохватился — ей не было пятисот. Не было даже и сотни. Он почувствовал неловкость, осознав, что Рондана двадцать, а ему — при том что он выглядел не старше — восемьдесят, примерно столько же и этой женщине на кровати. Огромная

разница в качестве медицинского обслуживания давала низшим слоям серьезный повод для недовольства; продолжительность жизни разных слоев соотносилась примерно, как четыре к одному.

— Она умирает, — сказала Рондана.

— Что будем делать?

— Ей нужен врач.

— Ну, так вызови, отправь ее в больницу, — Джандрак ощутил безотчетное раздражение, оттого что попал в такую ситуацию.

Рондана колебалась.

— Ты заплатишь? — тихо спросила она.

— Да, конечно, — кисло улыбнулся Джандрак.

Она ушла звонить по видфону в больницу. Тем временем он оставил эту несчастную квартиру и вернулся в уют внизу; ему испортили визит: ведь ему нужно было развлечься и отдохнуть, а его окатили холодной водой социальных проблем.

Он сидел на кровати Ронданы, глядя в окно на пыльный дворик. Политические столкновения благородных домов не имели здесь никакого значения, уступив место другой, более приземленной реальности. Какая истина лежит в основе интриг, бесконечных манипуляций ради власти? А какова роль несчастной женщины, умирающей в обветшалом доходном доме, лишенной даже солнечного света, заливающего планету?

Джандрак нахмурился, отгоняя непрошенные мысли. Даже если все так плохо, никто ничего с этим поделать не может. Политическая наука показала, насколько это невозможно — обогатить бедных; столетия назад она развенчала доктрину социального равенства, являющуюся теперь антигосударственной. Неизбежность полярности богатства и нищеты — это закон природы, и никакой научный прогресс его не изменит.

Через час после их близости с Ронданой приехала скорая помощь и забрала Гудвуман Гровум. Он подписал обязательство оплатить расходы; сумма, для него незначительная, но в Старом городе это была цена самой жизни.

Вздвогнув, он представил себе, во что превратится Старый город, если сюда придет Пятно.

* * *

Далеко в космосе Пятно должно было наткнуться на усиленную Джандраком линию скольжения примерно через месяц. Однако не прошло и двух недель, как боевой корабль, посланный принцем Переданом, вернулся в Сморн. Собственно говоря, к Пятну он и не приближался: в этом не было необходимости, и это было рискованно, так как в регионе работали исследовательские группы. Но, перехватив посылаемые ими сообщения, он получал всю необходимую информацию. В холодной ярости читал Передан эти доклады. Пятно продвигалось не к Сморну и даже не в этом направлении. Его путь пролегал под углом в сто тридцать градусов, то есть почти в противоположном направлении.

«Так что этот щенок все же пытался меня надуть! — подумал он. — Опять грязные выходки Максима!» Суть плана была понятна: пока Передан эвакуировал бы свой лагерь, Максим мог бы воспользоваться его временной уязвимостью и нанести уничтожающий удар.

— Вот тебе и дом Саннов!

* * *

Коттедж хроникера Грэйма Либеры ютился под кроной гигантского мутировавшего дуба в уголке

одного из парков с искусственным ландшафтом, которые были разбросаны по Внутреннему городу. Однажды вечером, примерно в то же время, когда Передан осознал его предательство, Джандрак решил посетить этот домик, уверившись сначала в отсутствии слежки.

Луны над головой и огни города придавали парку таинственности, высвечивая отдельные уголки. Джандрак приближался к коттеджу, дубовые листья шириной в ярд склонялись к нему, создавая живописную рамку для коттеджа и заслоня свет из окон.

Он нажал кнопку звонка. Через какое-то время открылась дверь в небольшом портике. Затем прошло несколько минут. Видимо, его рассматривали. Отворили на другом конце дома.

Либер, почтенный седой мужчина, почти старик, сидел за столом, заваленным бумагами и свитками. Маленькая уютная комната слабо освещалась лампой в углу; вдоль стен расположились шкафы со множеством свитков и даже старомодных книг в переплетах. Царила тишина и умиротворение.

Либер встал, чтобы приветствовать гостя, дружелюбно и цивилизованно:

— Нечасто у меня сейчас бывают посетители. Пожалуйста, присаживайтесь. Желаете выпить? Ра-неоль? Виски? Или, может, ликер?

— Спасибо, виски подойдет.

Джандрак ждал, пока Либер принесет напитки. Глаза его невольно просматривали бумаги, над которыми работал хозяин. Там было несколько голографий, старых голографий, судя по световой обработке. На одной из них он признал изображение знаменитого столкновения боевых кораблей во время битвы за Уним. Другие тоже относились к гражданской войне.

Либер использовал буквопечатающее устройство, чтобы писать на толстом свитке бумаги. Слегка повернув голову, Джандрак мог читать аккуратно напечатанный текст:

«...война велась только ради трона и ни по какой другой причине. Другие фракции, бунтующие против своей несчастной судьбы под старым монархическим режимом, которые пытались смотреть на конфликт как на возможность широкомасштабных реформ, безжалостно подавлялись обеими сторонами».

Он сел в прежнее положение, когда Либер вернулся с напитками. Некоторое время они беседовали, и это оказалось приятным. Старик был непревзойденным собеседником; по мере того как Джандрак поглощал виски, он расслаблялся.

Либер даже не спросил, что у него было за дело. Возможно, он решил: если гостю есть что сказать, он сам придет к этому. Прошло почти два часа, пока Джандрак не заявил:

— У меня есть к вам послание от принца Передана.

Либер поднял брови.

— Серьезно? И какое же?

— Не так много. Он пребывает в добром здравии и... просто передает вам привет.

Либер, казалось, был тронут.

— Ну и ну! После стольких лет! Должно быть, он начинает страдать от одиночества. Вы не могли бы передать ему пару слов?

— К сожалению, нет, — Джандрак наклонился вперед. — Это сообщение что-то означает для вас? — напряженно спросил он. — Я могу вам чем-то помочь?

Историк громко рассмеялся.

— Молодой человек, я так и подумал, что вы пришли с какой-то неинтересной целью наподобие

этой. Если это сообщение что-то и означает, кроме того, о чем в нем говорится, то мне это неизвестно. Возможно, Передан воображает, что все эти годы я работал на него. Если так, то он ошибается.

— Стало быть, вы лояльны по отношению к королю Максиму? — Джандрак внезапно встревожился: может быть, он зря доверился этому коварному старику?

Либер снова рассмеялся.

— Ну и люди! Вам никак не отвязаться от своих идей.

Джандрак смутился и почесал подбородок.

Либер со вздохом поднялся на ноги.

— Вы играете в шахматы?

Джандрак пожал плечами.

— Не очень-то...

— Я когда-то играл, но теперь у меня есть игра получше. Пойдемте покажу.

Он провел Джандрака в соседнюю комнату, не похожую на первую. На скамье у стены была аккуратно расставлена электронная аппаратура в разных стадиях сборки, полки также нагружены устройствами всевозможного назначения, и еще больше их содержалось в шкафах с четкими надписями.

— Электроника — мое хобби, — объяснил Либер. — Помогает прочистить голову, когда я пытаюсь разобраться в путанице человеческой истории.

Он подвел Джандрака к маленькому круглому столику в центре комнаты, сел на стул и другой предложил гостю. Столик был пуст, но Джандрак увидел, что от одной из его ножек к шкафу тянется кабель.

— Откройте ящичек в столе, — сказал Либер, делая то же со своей стороны. Они оказались друг против друга, как для игры в шахматы (но не было между ними ни доски, ни фигур).

В ящичках было несколько рядов кнопок.

— Это усложненная версия шахмат, более сложная и тонкая,— объяснил хозяин. В шахматах у нас искусственный набор правил; я же взял их из реальной жизни.

Он нажал кнопку. Столешница ожила: из нее выскочили фигуры с трехмерным полноцветным голографическим эффектом. На мозаичном шахматном полу стояли десятки прекрасных светящихся фигур — и большинство из них носили королевские мантии!

Либер нажал другую кнопку. Фигурки начали двигаться, жестикулировать, заговорили.

— Мастерски! — выдохнул Джандрак.

— Управляется компьютером, одним из четырех великих изобретений человека наряду с огнем, колесом и атомной энергией. Он создает персонажи, которые вы видите, и направляет их действия; может одновременно управлять сотнями фигур. Но я не люблю этого. Суть-то в игре! Давайте начнем с самого начала.

Управляя кнопками, он очистил доску и создал на ней единственную фигуру. Это был король со всеми регалиями, жестикулирующий во всех направлениях.

— Вот он. Пуп земли, центр всего. Монарх надо всем, на что ни упадет его взгляд.

Джандрак вгляделся повнимательней, стараясь различить черты. Они были упрощенными, как у деревянной куклы, но определенными и характерными. Несомненно, это был Максим!

Но когда фигурка повернулась и посмотрела прямо на него, она изменилась: у короля было совершенно другое лицо. Либер его дразнил!

Хроникер снова рассмеялся

— Как я и сказал, вам никак не отвязаться! Не пытайтесь идентифицировать фигуры, они все гиппо-

тетические. Таким путем мои политические взгляды не определить.

— Я и так их уже знаю,— сквозь зубы проговорил Джандрак.— Вы — радикал, антироялист.

— Неверно, неверно! Не разбрасывайтесь обвинениями, вы меня пугаете. Давайте посмотрим, что у нас еще есть.

Рядом с королем возникла фигура женщины.

— Королева! И одета как королева, естественно. Заметьте, как она опирается на руку короля. Но мы можем быть уверены, что она блюдет и свои собственные интересы.

Быстро изменяясь, королева сменила дюжину лиц и костюмов, пока Либер демонстрировал поразительные возможности своей машины. Джандрак завороченно смотрел, как историк затем ввел бесконечную, казалось, галерею пестрых персонажей. Он даже сыграл для гостя несколько коротких драм со сложной символикой. Иногда было трудно уследить за действием, но тем не менее они были интересными и иногда смешными.

— Ну вот,— сказал наконец Либер, явно довольный восхищением Джандрака.— Вы можете назвать мою машину идеальным сублиматором политики. Мы могли бы играть на ней друг против друга, проводя в жизнь все наши амбиции и интриги, и никто не останется в обиде, если вы не будете считать фигуры, конечно.

— Фантастика! И как же вы играете?

Либер вздохнул.

— В этом-то и проблема. Я понимаю правила, потому что я их изобрел. Но вот другие, возможно, считают их слишком сложными. Поэтому никакой игры. Обычно я играю против компьютера или иногда оставляю фигуры в покое, чтобы они поиграли немного сами по себе. Вы бы все удивились, когда

бы узнали, какими они могут быть изобретательными, — он убрал руки с кнопок. Около тридцати фигур на доске продолжали жестикулировать, драться, спорить, образовывать временные союзы. — Да, это целый маленький мир внизу, настолько близкий к нашему, насколько в моих силах было сделать его таким. Хотя есть и различие.

— И в чем же оно?

— Я могу изменить правила игры для моих голографических кукол, если захочу. Но для нас правила неизменны. Наша игра абсолютна.

— Что вы под эти подразумеваете? — требовательно спросил Джандрак; у него было ощущение, что Либер пытается что-то внушить, и это не нравилось ему.

— Просто то, что мир управляет нами, а мы не можем управлять миром. Это все игра, а мы жалкие фигуры, жизнью которых управляет игра. Обстоятельства загоняют каждую фигуру в положение, которое она занимает в каждый момент времени. Поэтому мы и имеем Передана, который сидит на Сморне в течение пятидесяти лет, король Максим сидит в своем дворце — а мы с вами сидим здесь.

— Я не уверен, что ваша философия не является антигосударственной пропагандой, — вяло проговорил Джандрак.

— Может быть, она такой и кажется — вам! Вы пришли сюда, пытаясь выяснить, на чьей я стороне. Но почему я должен быть на чьей-то стороне? Почему я должен более серьезно относиться к этим живым фигурам, королям и политикам нашего мира, чем к фигурам, которые я заложил в свой компьютер? Я просто старый усталый ученый и планировать предоставляю другим.

Джандрак посчитал мнение Либера бессмысленным и пессимистичным. Но когда немного позже

он оставил спокойную, расслабляющую атмосферу коттеджа и поднял глаза на сверкающие звезды, сияющие над Максимилией, на мгновение ему показалось, что на него навалилась вся вселенная, заставляя его передвигаться то туда, то сюда, будто бы в лабиринте.

II

Исследовательские команды нервно кружились вокруг Пятна наподобие комариной тучи, оставаясь за пределами досягаемости его зловредного влияния, когда оно несло через пространство.

Несмотря на все усилия, они все еще знали о нем очень мало. Это было облако из псевдочастиц шириной в световой год. Присущая ему гравитация была даже меньше, чем у межзвездного водорода, через который оно пролетало, но, несмотря на это, его едва можно было различить, как слабое свечение фотонов, высвобождаемых при взаимодействиях между его странными рассеянными частицами. Исследователи полагали, что все эти частицы виртуальные — этот научный термин означает, что, не обладая постоянным существованием, они передают свою переходящую энергию от одной частицы к другой по бесконечным цепочкам и после этого исчезают. Даже световые фотоны, доходившие до ученых, были необычными. Они делали такое, чего никогда не делали обычные фотоны: распадаясь, они создавали в оптических инструментах призрачные явления, которые невозможно было проанализировать.

Несколько месяцев назад ученые перестали говорить об этом явлении во множественном числе. Это была не стая, как они думали поначалу. Каждая отдельная частица каким-то образом была свя-

зана со всем целым, и как целое Пятно оставалось стабильным.

Откуда оно пришло? Как оно развилось? Тщетно группы ученых ставили опыт за опытом, стараясь найти какое-либо всеобъемлющее поле энергии, которое могло бы оказаться уязвимым для научно организованной атаки. Но ни один из зондов не выслал обратно ни одного полезного результата. И по мере продвижения вперед Пятно проглатывало одну населенную систему за другой, задерживаясь над каждой. И в любом случае оно производило новый феномен: испускало постоянно осциллирующие радиоволны, которые в микрофонах наблюдателей создавали звук, похожий на вой сирен.

Этот звук был окончательным доказательством того, что Пятно — это не случайное энергетическое образование, а организованное и живое существо. Они беспомощно следовали за ним, а когда оно питалось, они в страхе замороженно прислушивались к звуковому доказательству его ужасных пиршеств:

— Пиуу-пиуу-пиуу-пиуу-пиуу-пиуу-пиуу-пиуу...

* * *

В первые несколько мгновений по возвращении в свое тело Кастор Кракно полагал, что он пробудился после кошмара. Но нет, ужасающая реальность его воспоминаний, простое осознание того, что происходит осязаемый контакт с чем-то чудовищным и ужасающим — все свидетельствовало о том, что его переживание к миру воображения не относилось.

Он обливался потом и лихорадочно дышал, будто бы его освободили от удушки. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на боку на бетонном троту-

аре. Вокруг лежали, как разбросанные тряпичные куклы, множество тел. Он медленно поднялся на ноги и стал смотреть вдоль авеню Фрессия. Во всех отношениях, кроме одного, сцена была той же самой, с которой он был знаком большую часть своей жизни. Фасады магазинов и офисов простирались по обеим сторонам улицы до транспортного терминала; через каждые пятьдесят ярдов росли небольшие деревья. Разница была только в том, что граждане, толпами слонявшиеся по авеню, все без исключения, неподвижно лежали на земле. Машины, едущие по центральной части улицы, лишённые управления, или остановились сами по себе, или врезались в деревья или витрины, бесстрастно переехав лежащих пешеходов.

Выглядело все так, будто бы это была газовая атака, которую он видел в клипах о гражданской войне. Но он знал, что это была не газовая атака. Также, полагал он, это не могло быть следствием возобновления конфликта. Совершить такое было не под силу человеку.

Он опустился на колени, чтобы осмотреть одного из лежащих рядом, и убедился в том, в чем и так был уверен. Человек был мертв. Они все были мертвы. Планета Кароул была мертва. Как и соседняя планета Хими — второй и последний обитаемый мир в системе.

Кастор знал, что это так, потому что существо, монстр мышления, похититель сознания, как он стал его называть про себя, не скупился на видения, которые автоматически сопровождали даже короткий контакт с ним. Но видениями дело еще не кончилось.

Перешагивая через трупы своих сограждан, Кастор Кракно сардонически улыбнулся себе и продолжил свое так жестоко прерванное путешествие. Лист-

ва на деревьях, он заметил, уже стала вянуть и осыпаться, хотя была еще только середина лета. Пройдя дальше по улице, он вошел в узкий проход и поднялся на несколько ступенек.

Тайный офис общества «Смерть жизни» располагался в небольшой задней комнате, арендованной у владельца магазина. Войдя, Кракно обнаружил, что все три его компаньона-конспиратора, ядро революционной партии, лежат мертвые, навалившись на стол, за которым они сидели, ожидая его прихода.

Закрыв за собой дверь, Кракно в безмолвном прощании оглядел своим жестким взглядом комнату, начиная от второго стола, заваленного грубо изданной литературой, до настольного копировального аппарата, который ее напечатал.

Стало быть, он остался один. Никто из его товарищей не пережил это космическое нападение.

Он шагнул к узкому окну, задев одно из тел, так что оно упало на пол, и постоял несколько минут, глядя на задний дворик, поросший сорняками и кончающийся кирпичной стеной, закрывавшей обзор. Ему нужны были эти несколько минут, когда он не видел ничего, кроме этой безрадостной сцены, чтобы разобраться в себе и в той невероятной вещи, которая с ним произошла.

Ростом Кастор Кракно был чуть ниже среднего, и его можно было бы назвать полноватым, но энергичность придавала ему выразительность. Ему было сорок лет (годы естественного старения, не продленные лекарствами, доступными вельможам), его черные волосы начали редеть, в то время как красное лицо постоянно выражало только жестокость. Часто его глубоко посаженные карие глаза смотрели свирепо, не отрываясь (подобно животным), хотя в других случаях глаза бегали, как у преступника.

И он являлся неоспоримым лидером — по крайней мере, уже в прошлом, — защищавшим доктрину «Смерть жизни».

Всю свою жизнь Кракно прожил на Кэроуле; он был внебрачным сыном фабричной работницы, жившей в трущобах городка в нескольких сотнях миль от столицы. Он все еще помнил свою мать; помнил, в основном, как она выглядела, приходя уставшей после целого дня работы в их единственную убогую комнатку в двадцатипятиэтажном доходном доме. Он вспоминал о ней, однако, без всякого сострадания. В пятнадцать лет, насмотревшись на то, как с каждым годом она выглядит все более тощей и измотанной, он убежал, чтобы побродить некоторое время по городам и фермам планеты, пока не обосновался в Кинне, столице, где занялся разрушением общества и заменой его на анархию.

Анархисты были всегда; но Кракно придал движению новую жизнь: он превратил его теорию, давно развенчанную историей, в доктрину действия. Больше всего он гордился убийством целой семьи вельмож, считая, что совершил подвиг, взорвав театр Хадркэни; преступников полиция так и не нашла.

Какое-то время он со своими ближайшими помощниками жил на преступные деньги; сами они не совершали акций, поскольку это слишком рискованно, но пользовались помощью криминального мира Кароула, который отчасти симпатизировал их идеям: они не жалели сил на распространение принципов анархизма кракновского толка, или кредо нигилизма:

Уничтожение всего существующего — что означало, в целях пропаганды, разрушение всего, что связано с существующим социальным порядком, его классами, законами и институтами.

Смерть жизни — что означало, в целях пропаганды, смерть стилю жизни, которым люди живут сейчас, смерть привилегированной продленной жизни для вельмож, из-за чего страдания низших классов кажутся еще более непереносимыми.

Но лично для него, в глубине его души, эти лозунги имели второе, более глубокое значение, связанное с ненавистью к жизни в любой форме, ненавистью, которую невозможно было утолить, с ощущением, что само существование есть зло.

Никогда еще это ощущение не было таким острым, как двадцать минут назад.

Для населения в целом приход существа произошел внезапно, без всякого предупреждения. Однако Кракно был уверен, что немногие избранные знали о нем, потому что таким образом можно было объяснить кое-что, озадачивавшее его на протяжении последних нескольких недель. Он узнал, частично из дежурных докладов шпионов, частично из радиопередач, что все главные вельможи и крупные индустриальные магнаты один за другим покидали планету, отправляясь в «деловые поездки». Но по радио никогда не сообщалось, что они брали с собой и целиком свои семьи. До сих пор он был в замешательстве, не зная, какое объяснение могут иметь эти факты.

— Они знали, это точно, — пробормотал он про себя. — Как это похоже на них, вот ведь крысы!

И если они знали, что оно придет, то они знали, что это такое и чего от него можно ждать, как и Кракно теперь знал об этом из более непосредственного, более личного источника. По сути дела, оно все еще было здесь или, точнее, как раз уходило. Кракно ощущал его присутствие, ощутил неопишемое изменение в самом себе, когда оно убыло, наконец. Из того, что было известно о нем, он предполо-

жил, что оно может двигаться через пространство очень быстро, несомненно, быстрее света.

И когда оно встречало жизнь, оно поглощало жизненную силу, сознание, индивидуальность всех существ. *Оно поедало их души.*

С чувством восхитительного, почти восторженного ужаса Кракно вспомнил поглощение, похищение всего того неосязаемого, но тем не менее того, что представляет собой человек — его самого.

К этому ощущению возбуждения и ужаса у него подмешивалось еще что-то вроде стыда, возмущения оттого, что вторгшееся существо оставило ему жизнь. Потому что в течение этих поразительных, невообразимых минут, когда у него выдирали душу, раздирали его на части, насиловали и прогоняли через невообразимую обработку, в его сознании постоянно стучало мощное отрицание «Не-е-е-е-е-е-е-е-т!..

Пирующий монстр его отверг. Выплюнул прямо изо рта.

Для Кракно, стоявшего среди убиенного мира в окружении сотен миллионов мертвецов, когда его мышление стало более ясным и острым, чем когда-либо в жизни, сама мысль о том, что этот похититель жизни, этот вор наивысшей пробы, отверг его жизнь, вызывала у него чувство невыносимого унижения, явившись итогом десятков лет жизни в стрессах и одинокой отверженности. Ему казалось ужасно нечестным, что все эти миллионы, из которых он ненавидел так многих, были мертвы, убежали, в то время как он, который познал ценности жизни и смерти, оказался обойденным.

От жалости к себе несколько слезинок выкатилось из его глаз; они побежали по щекам, но он быстро их вытер, прошел к шкафу с оружием, отпер его и достал длинноствольный нейтронный излуча-

тель. При этих обстоятельствах не имело смысла ходить безоружным. Даже не взглянув на своих мертвых товарищей, он вышел.

Когда он с топотом спускался по ступенькам и выходил на улицу, до его сознания стали доходить и другие факты. Прежде всего, его чувства стали острее и глубже. Когда он вышел на авеню Фрессия, она показалась ему сценой из фантастической живописи. Во-вторых, до него внезапно дошло, насколько быстро он приспособился к такому радикальному повороту событий; и вместе с этим осознанием он ощутил повышение своей жизненности, огромное увеличение магнетизма и силы своей личности. Контакт с монстром сознания подзарядил его душу, поднял его на новый уровень энергии.

В дополнение он обеспечил ему подсознательный резервуар новых идей и прозрений, которые, как он знал, мог при необходимости использовать и которые очень помогут ему в дальнейшей карьере: он уже видел ее впереди.

Он быстро нашел машину в рабочем состоянии и поехал в космопорт, расположенный на краю города, презрительно переезжая встречающиеся на пути тела. Ему нужно было только подобрать подходящий космический корабль, который он может отвести к ближайшей населенной (и нетронутой) системе.

Поскольку Кракно никогда не водил космический корабль, в нормальном состоянии он бы решил, что эта задача ему не по силам. Но сейчас, с его новым потенциалом, который казался ему чуть ли не сверхчеловеческим, он не колебался ни мгновения. В конце концов он выбрал небольшой быстрый кораблик — личную яхту какого-то магната — с максимальной дальностью полета в сто световых лет. Прилежно занявшись картами и учебниками для пилотов, он быстро набрался поверхностных знаний о пилотирова-

нии и несколько самонадеянно решил, что у него хватит компетентности, чтобы бежать отсюда.

Он уже твердо решил не пользоваться аппаратурой космической связи, чтобы позвать на помощь. Его первое космическое путешествие к соседней солнечной системе было успешным, но он всего-навсего оказался в еще одном мире, так же тщательно опустошенном ото всей биологической жизни, как и его собственный (о чем он подозревал). После этого его астронавигационные усилия перестали приносить какие-либо плоды. В конце концов он обратился к спасательному бакену, и Кракно подвели к месту, где его подобрал коммерческий грузовой корабль, капитану которого он рассказал неуклюжую историю о неисправном компьютере. Капитан, напуганный поразительными событиями, происходящими в этом районе, и ошарашенный потоком противоречивых указаний властей, не обратил на него особого внимания. При первой же посадке Кракно исчез с корабля, затерялся в толпах огромного города и направил усилия на то, чтобы пробиться к месту своего истинного назначения — к сердцу королевства, в Максимилию, где, как инстинкт говорил ему, возможно было устроить первую вспышку жестокой революции.

Примерно в то же время, когда Кастор Кракно приземлился в Максимилии, чтобы тут же закопаться в Старом городе, Пятно наткнулось на линию скольжения, предательски проложенную Джандраком, что вела в лагерь принца Передана. Оно задержалось. Линии скольжения распространялись по всей вселенной наподобие бесконечной паутины, и, поскольку оно насытилось в последние несколько месяцев, у него не было причин спешить.

Отдохнув на перекрестке примерн с неделю, оно начало медленно продвигаться вдоль усиленной ли-

нии, все еще наслаждаясь вкусом недавно поглощенной пищи и полностью ее переваривая. Это неспешное путешествие должно было продлиться несколько месяцев.

III

Завершив свою миссию на Сморне, Джандрак вернулся к своим обычным обязанностям в качестве полковника королевских вооруженных сил.

Часть времени он проводил в приятных развлечениях в столице, тасуясь в возбуждающем, хотя и искусственном, обществе Внутреннего города и время от времени по вечерам навещая Рондану в Старом городе. Однако служебные обязанности требовали его присутствия на другой стороне планеты, где он должен был работать большую часть времени и где секретный лифт уносил его в систему огромных подземных пещер, в недра континента.

Для Джандрака основная причина двойной игры со Сморном, если не считать того факта, что король считал его «подходящим молодым парнем», стремящимся к приключениям, заключалась в том, что он был назначен начальником работ по развитию скользящего привода. Это само по себе говорило о том, насколько Максим его ценит, потому что до появления Пятна он рассчитывал, что новые космические корабли обеспечат ему победу над силами принца Передана.

Что касается Джандрака, то он, со своей стороны, был уверен, что король Максим просчитался, доверяя ему. У него были собственные идеи насчет того, как можно использовать эти новые сказочные корабли.

Скрытый в расщелине скалы каньона лифт, отреагировав на запах его тела — эту характеристику

подделать гораздо труднее, чем звуковые параметры голоса, отпечатки пальцев или визуальное сравнение, — опустился на большой скорости и остановился у исполнительных офисов космо-кораблестроительного комплекса. Его ждал подполковник Хин Сетт, заместитель Джандрака и, если бы правда была известна, его личный пособник.

Офисы были расположены высоко в стене одной из самых крупных пещер. Из широких наклонных окон открывался вид, который сейчас больше всего возбуждал Джандрака: корпуса двенадцати огромных скользящих кораблей, в один ряд стоящих под желтым светом огней, расположенных наверху. Корабли были чудовищными, отливая золотистым свечением и делая техников, возившихся внизу, не более чем муравьями.

Через звуконепроницаемые окна из пещеры доносился только слабый гул. В Джандраке росло возбуждение, росло уже несколько недель, потому что скользящий флот приближался уже к операционному уровню, или, по крайней мере, скоро он должен был быть готов к испытаниям; а в плане Джандрака это считалось одним и тем же. Он с нетерпением ждал, когда эти золотистые корабли поднимутся по штольне на поверхность.

В принципе скользящего привода был заложен один момент, состоящий в том, что его эффективность снижалась пропорционально перемещаемой массе, независимо от мощности двигателя. Если корабль был достаточно небольшим, как тот «колокольчик», на котором Джандрак путешествовал на Сморн, он мог нестись сквозь пространство с почти невероятной скоростью. Однако даже гигантские дредноуты, стоящие в пещере, обладали несомненным преимуществом перед любым боевым кораблем как в скорости, так и в маневренности — если толь-

ко они располагались на линии искажения пространства. И, что даже важнее, максимальная дальность их полета была... неограниченной.

— Рад тебя видеть, Хин, — сказал Джандрак. — Как идут дела?

Подполковник жестким взглядом посмотрел сквозь застекленную дверь кабинета, чтобы увериться, что конструкторский персонал весь занят своей работой и никто не проявляет неположенного интереса к их беседе. Он уже поймал там одного шпиона, читавшего по губам, который был прислан из Внутреннего города.

— Технически прекрасно: укладываемся в график. Что касается остального... то надо смотреть в оба.

— Возникли проблемы?

— Смотря как посмотреть. Твоя идея, чтобы полностью отрезать базу от внешнего мира, оказалась хорошей. Некоторые наблюдатели и агенты в наших рядах начали переигрывать, когда перерезали каналы их регулярной связи с внешним миром. Вследствие этого мы знаем, кто они, и их оказалось больше, чем мы думали.

— Что ты с ними сделал?

— Посадил под замок одного-двоих, самых очевидных. Что касается остальных, то они продолжают заниматься своей работой, которой они прикрываются, и считают себя в безопасности. Позже мы сможем обвинить их в саботаже.

Высказав сдержанное удивление, Джандрак надул губы:

— Это слегка разочаровывает. Я думал, что Максим мне больше доверяет.

— Не расстраивайся. Может быть, он не знает, какое здесь ведется наблюдение. Я просто уверен, что большинство шпионов внедрены политической

полицией. Другие могут быть от иных департаментов, которые просто хотят знать, что за работы здесь ведутся. Междепартаментский шпионаж — естественное следствие методов правления. Существует множество частных бюрократических империй, где все завидуют друг другу и любыми возможными средствами стремятся к власти.

Джандрак, смотревший на скользящий флот как на свою личную империю, прекрасно понял мысль Хина.

Хин сделал большой глоток мутного темно-коричневого напитка вроде виски и налил еще, себе и Джандраку:

— В настоящий момент нас серьезно тревожат роялисты, которые жалуются на слабую систему безопасности и недостаток контроля во дворце. Эти максимисты действительно могут быть головной болью. Тебя там дожидается делегация.

— А когда флот сможет вылететь?

— Меньше чем через месяц, — триумфально объявил Хин, глотая виски.

— Вполне прилично. Впускай их.

Хин пожал плечами, нажал кнопку на столе и заговорил в коммуникатор.

Из всего огромного штата подземного кораблестроительного завода только Хин по-настоящему был посвящен в амбициозные личные планы Джандрака, состоявшие в том, чтобы сделать скользящий флот своей собственностью. В доках уже царила атмосфера личной вотчины. Долгое время он брал сюда людей только по собственному выбору, вытесняя тех, чья верность существующему порядку казалась ему чрезмерной. Он заботился о том, чтобы все, кто был заперт в этом замкнутом мире, видели его как можно больше, и делал все, чтобы производить впечатление и вдохновлять их своим присут-

ствием. Многие из братьев-офицеров, руководящих этим проектом, были его личными друзьями. Он знал, что может на них положиться. К сожалению, за оставшееся время уже невозможно было сделать так, чтобы весь штат был настроен в его пользу, и кое-кто теперь жаловался на то, что они оказались отрезанными от внешнего мира. Пять тысяч рабочих-сборщиков так и не могли ни с кем общаться, но офицеры и конструкторы, имеющие влиятельных родственников, возмущались тем, что не учитываются их потребности. Джандрак надеялся, что после завершения проекта он докажет Максиму ценность флота и его можно будет улестить, чтобы Джандраку было отдано командование этим флотом. По сути дела, все его интриги во Внутреннем городе были направлены на устройство этого дела. Аргументы были таковы: правление короля Максима, созданное на скорую руку, не могло быть прочным. И никто не знает, укрепит ли оно, превратившись в постоянную, хотя и тираническую политическую структуру, или же начнет разваливаться. Также Джандрак не упускал из виду и лагерь повстанцев; он чувствовал, что непосредственная победа принца Передана вряд ли послужит его интересам, потому что возвращение старого короля означало бы и возврат к стабильному и законному правительству, что давало бы мало возможностей для авантюрных и безответственных действий — а они для Джандрака были смыслом жизни. Однако реставрация старой монархии, с его точки зрения, это дело очень маловероятное, особенно ввиду присутствия Пятна. Он искал какого-то столкновения, очередного гражданского конфликта — чего-нибудь такого рода, в котором скользящий флот почти несомненно сдвинет равновесие в любую сторону, какую-бы Джандрак ни выбрал. Командир такого фло-

та будет обладать невероятной властью. И если, как это почти случилось однажды, древнее королевство начнет разваливаться на отдельные более крепкие гегемонии, то он сможет выкроить себе свою безумную мечту, свое собственное королевство.

Джандрак потягивал свое виски, размышляя: когда амбиции укоренились в душе человека, то очиститься от них уже нет никакой возможности.

Под холодными взглядами Джандрака и его заместителей делегация недовольных конструкторов вошла в офис. Джандрак знал этот тип людей: обычно они приветствовали революцию и все еще поддерживали Максима, видя в ней какую-то возможность остановить воображаемый упадок морали и сохранить традиции. Они неспособны были понять, что Максим их использовал в своих собственных целях и что общественная жизнь при нем еще более бесцельна и развратна, чем раньше. Если они станут ответственными работниками, то в сексуальной жизни им придется воздерживаться или быть моногамными.

Одевались они консервативно, лица были серьезны. Джандрак с неясным чувством неловкости осознал, насколько они контрастируют с ним и Хином, одетыми в агрессивную военную форму, вызывающий вид которой вполне соответствовал политическому климату этого времени: блестящие черные сапоги до колен, прочные туники с короткими, торчащими, слегка расклепанными полами. К мундиру полагалась портупья с разными устройствами и оружием, что составляло повседневную форму одежды. Остроконечные шляпы, которые можно было прикреплять к вороту туники, так что получались абсолютно боееспособные шлемы, были украшены яркой черной буквой «М», инициалом Максима. Ножки буквы были эффектно скошены и заканчивались

зазубренными, направленными вверх отростками, придававшими символу зловещий вид: символ как бы парил, в виде зловещей птицы с острыми когтями, надо всеми остальными знаками отличия и медалями.

— Вы желали меня видеть?

— Да, полковник. Сначала позвольте принести извинения за то, что отнимаем ваше драгоценное время.

Джандрак коротко кивнул. Он подумал, что стоящий перед ним тип выглядел нелепо: его короткие черные волосы с каким-то масляным блеском были зачесаны на прямой пробор, а руки он сцепил на животе, получилось что-то елейное, подхалимское. Так же были причесаны и другие, видимо, они все относились к одной секте. Полковник отдаленно помнил этого человека — его звали Хорренсотт или вроде того.

— Пожалуйста, продолжайте, чтобы не тратить времени зря.

— Мы все озабочены, — начал говоривший, — нашей длительной изоляцией здесь. Переносить ее нам очень трудно, поскольку у многих есть семьи...

— Позвольте, позвольте, — ровным голосом перебил его Джандрак. — Вам прекрасно известно, так как вы работаете здесь, что для подобной строгой секретности имеются серьезные причины. Или, может быть, вы еще не совсем понимаете, насколько важен этот проект? Что же, могу сообщить вам конфиденциально, что от него зависит будущая безопасность всего королевства. Вы будете хорошо вознаграждены за те жертвы, которые вам приходится приносить; это я вам обещаю.

— Если бы мы хотя могли писать своим семьям, сэр, — вступил, было, другой проситель. Джандрак прервал его, холодно качнув головой:

— Засекреченность есть засекреченность. Никто, повторяю, никто не имеет права передавать информацию ни с базы, ни на базу, кроме меня.

Они многозначительно посмотрели друг на друга.

— Со всем моим уважением, сэр, — сказал первый из говоривших, — с другой стороны, мы не считаем это достаточным для обеспечения безопасности. У нас есть еще один пункт, и в данном случае это касается уже самого проекта. Без достаточного наблюдения, управления и контроля со стороны высших правительственных органов нельзя гарантировать, что проект не начнет рассекречиваться изнутри.

— Объяснитесь, — в глазах Джандрака появился опасный блеск.

— Мы полагаем, что есть основания для тревоги; это связано с появлением множества сомнительных индивидуумов, которые, похоже, хорошо знакомы с проектом, — продолжал Хорренсотт с ханжеским видом. — Индивидуумов, необычных и по манере одеваться, и с точки зрения личных привычек, декадентских по манерам и вызывающих отвращение с точки зрения морали. Короче, личностей, совсем не подходящих для исполнения работ, жизненно важных для здоровья Его Величества.

Джандрака охватило какое-то смутное, мрачное веселье, когда он услышал, как отзываются о его друзьях:

— Вы уже довольно долго не были в столице, — заметил он. — Иначе бы вы поняли, что они совсем не странные, а совершенно нормальные. Скорее, они отстают от моды на несколько сезонов, несомненно, из-за того, что большее внимание уделяют работе, а не стилю жизни своих коллег, — при последних словах он повысил голос.

Речь Хорренсотта явно была заготовлена заранее; он продвигался вперед осторожно, опасаясь прямо

излагать дело, так как он его себе представлял — то есть, что здесь что-то плохо, но он не знал точно, что именно. Ему отчаянно хотелось найти возможность выбраться наружу и посоветоваться кое о чем с вышестоящими.

Симулируя ярость, Джандрак грохнул кулаком по столу:

— Вы имеете наглость являться сюда и подвергать сомнению мои решения, мою лояльность! Что вы можете знать о том, какие проблемы здесь решаются, вы, сидящие за своими столами и конструирующие лампы, трубки и шунты! — он отвернулся, изобразив отвращение.

Остальные покраснели. Он удачно поставил их на место.

— Нам хотелось бы знать, известно ли королю о том, что происходит здесь внизу, — горячо заговорил другой представитель, — знает ли он о том, как обращаются с его подданными?

Трое остальных пробормотали что-то в его поддержку.

— Вам хотелось бы знать, да? Тогда его и спросите! — Джандрак склонился через стол к коммуникатору и нажал несколько кнопок. Из селектора послышался всем известный сигнал приемной королевского дворца.

— Вперед! Вы можете поговорить с королем! Я вам это устрою, проведу вас через коды скремблеров, — и он вызывающе сверкнул на них глазами.

— С... королем? Самим королем? Сейчас? — Хорренсотт заикался от благоговения и страха. — Но как это возможно?

— Разве я не говорил вам о срочности нашей работы? Сам король в любой час дня и ночи готов ответить на мой звонок. Так он ценит нашу работу здесь. Он требует, чтобы о каждом нашем прорыве

здесь ему сообщали немедленно. Именно он приказал засекретить базу и лично одобряет все крупные назначения, — неприкрытая ложь легко слетала с языка.

Его тон праведного негодования вместе с неожиданной угрозой нарваться на гнев монарха сломал их, заставил пойти на попятную, это он увидел. Они ошарашенно смотрели на видеозэкран, где пока переливались только красивые бессмысленные цвета скремблерного кода.

— Вы все еще желаете этой беседы?

Хорренсотт тупо покачал головой. Джандрак, которому так же сложно было бы добиться разговора с королем Максимом, как и поднять мертвеца, с облегчением выключил коммуникатор. Экран потух, и сигнал приема пропал.

— Мои... извинения, полковник, — сказал Хорренсотт с выражением покорности. — С вашего разрешения мы удалимся.

— Конечно, конечно, — Джандрак поднял ладонь в примирительном жесте. — Мне хотелось бы заверить вас, что, хотя ваши опасения необоснованны, я ценю вашу бдительность.

Когда посетители вышли, Хин разразился злобным смехом:

— Ну, ты и ублюдок!

Джандрак пожал плечами и ухмыльнулся, откровенно довольный.

— С людьми такого типа иметь дело проще простого. Фанатики.

— Будем что-нибудь предпринимать?

— Нет. Главное, держать все под жестким контролем, пока флот не будет готов действовать. Когда время придет, держать ухо востро. Мне нужно будет убедить Максима, что набранные мною люди необходимы для обслуживания флота. Я подчерк-

ну, что нужны опыт и знание новых двигателей, что-нибудь в этом роде. Если же кое-какие элементы станут нам мешать, придется устроить взрыв на испытательном стенде, чтобы избавиться от них.

Хин вылил остаток виски, саркастически глядя на него.

— А ты крут, в этом тебе не откажешь. Не боишься, что другим концом может ударить по тебе?

— Я так не думаю. Ты играл когда-нибудь в шахматы? Дело в том, что надо стараться не раскрывать свои планы. Не делай ничего необратимого, пока ситуация не станет необратимой. Что же, флот будет готов к полетам через месяц, ты говоришь? Испытания — это наш шанс основать базу.

— Базу?

— Именно. Нам нужен план на случай крайностей, место, откуда можно было бы при необходимости действовать. В нескольких световых годах отсюда окопалась на астероидах группа разбойников. У меня есть информация, что они выпотрошили некоторое число больших камней и неплохо обустроили все внутри. Мы можем быстро выгнать их оттуда и начать перевозить все, что может потребоваться для настоящей базы флота, оставив там небольшой персонал на непредвиденный случай. Если мы все сделаем правильно, то никто посторонний ничего знать не будет.

— А те, кто там живет, кто они? Объявлены вне закона?

— О, просто отбросы космоса. Ты знаешь, началось как легальная компания по разработке ископаемых на астероидах, но у них ничего не получилось, и вскоре они превратились просто в банду, готовую на все. Мусор, — он слегка усмехнулся. — То же самое сейчас происходит с королевством, если подумать.

Он пристально смотрел на титанические корабли внизу в пещере. Золотые, многообещающие формы!

За два часа до зари и примерно через три месяца после визита Джандрака в спальне принца Переда зазвучала мелодия вызова. Он мгновенно проснулся, соскользнул с кровати и коснулся кнопки на боковом столике. Экран небольших размеров, помещенный среди цветов и украшенных камнями шкатулок, вспыхнул светом и цветом.

— Да?

Румяное молодое лицо с жесткими рыжими усами и бакенбардами, из-за которых их обладатель смахивал скорее на ретивого молодого кабана, пристально смотрело с экрана.

— Сообщение от кораблей наблюдения. Ваше Высочество, вражеские силы заняли позицию в восьми световых годах. Похоже на Четвертый флот.

Итак, это случилось!

— Только Четвертый? — спросил он. — Ладно, другие, может быть, ждут за пределами обнаружения. Вы уже сообщили Дрэпу?

— Его сейчас информируют, Ваше Высочество.

— Скажите ему, чтобы немедленно присоединился ко мне в комнате управления. Кстати, Четвертый флот стоит на месте, не так ли? Он не двинется к нам?

— Стоит на месте, Ваше Высочество! — рявкнуло лицо, тараща глаза. Стремление соблюдать субординацию чуть ли не парализовало молодого майора.

— Какой привод они используют?

— Обычный, насколько можно об этом судить, Ваше Высочество. Снабжены средствами против обнаружения, разумеется. В нормальных условиях мы не смогли бы их обнаружить на таком расстоянии.

Передан удовлетворенно кивнул и отключился. Затем набрал код на кодировщике, также распо-

женном среди цветов на прикроватном столике, объявляя общую тревогу.

Он быстро оделся, сполоснул лицо обработанной, ароматизированной водой и вытерся махровым полотенцем. Одновременно он быстро перебирал в уме все факторы, проверяя их в сотый раз и рассматривая под всевозможными углами зрения. Это были новости, которых он и ожидал.

С того момента, когда раскрылось предательство молодого Джандрака Саннского, он расположил особую наблюдательную службу за пределами солнечной системы Сморна, чтобы просматривать космос далее обычной дистанции обнаружения. Он был уверен, что Максим, ожидая, что он эвакуирует лагерь, попытается нанести удар в момент наибольшей слабости и спрячет свои силы во тьме, чтобы они ждали своего шанса, оставаясь невидимыми, как он считал. Но Передан был готов к первому за многие годы серьезному сражению, причем не в суматохе массовой транспортировки, но в полной боевой готовности. И он был в состоянии и хотел дать Максиму по носу.

Прислуга и помощники нервно толпились у двери спальни. Он пронесся сквозь толпу и легким шагом направился к комнате управления. Извне доносились приглушенные звуки огромного лагеря: ревели клаксоны, низко гудели поднимающиеся в космос боевые корабли.

Когда он прибыл в комнату управления, генерал Дрэп уже ждал. Там также были и другие генералы, поднятые с постелей: Эмшаллер, Корид, Фреер, Вурд. По периметру комнаты стояли младшие офицеры — наблюдение за происходящим являлось частью их обучения, так как им предстояло принять на себя обязанности генеральского состава, когда придет время для такой ответственности.

Когда он вошел, собрание с шумом встало по стойке «смирно». Взмахом руки он разрешил им стоять «вольно».

— План А, похоже, подходит, Дрэп. Согласны? — без предисловия спросил он.

Дрэп кивнул с серьезным выражением красного, как поросенок, лица. Из-под густых бровей он смотрел на предстартовый отсчет времени на одном из множества экранов.

— Это лучше всего. Но нам нужно добраться туда быстро.

— Через шесть-семь часов мы будем уже атаковать.

С этими словами Передан также проверил отчет, загружая информацию в один из множества компьютерных терминалов, установленных на подставках. Персонал комнаты управления занимал свои места по мере того, как ударные силы распределялись по орбите Сморна, проверяя работу систем, поддерживая связь, подсчитывая.

Подготовка к началу атаки таких масштабов — это серьезная операция, за годы тренировки была доведена до совершенства. И в течение трех часов между отлетом с орбиты и прибытием в район цели работа продолжалась в виде постоянного обмена информацией между командным пунктом и различными боевыми центрами — шла проверка оборудования, позиций и процедур. К наступлению критического времени Передан был удовлетворен тем, что каждый воин знал свои обязанности отлично и каждый предмет оборудования был в превосходном состоянии, то есть в стопроцентной готовности. Передан требовал, чтобы его генеральский состав до мельчайших подробностей был знаком с боевым экипажем и диспозицией, и именно с этой целью они прошли специальные курсы по тренировке памяти.

Работа требовала большой отдачи сил, и в комнате управления час за часом росло напряжение. Когда ударные силы приблизились на расстояние выстрела, Передан занял свое место в кресле, похожем на трон, за большим круглым столом в центре помещения. Стул напротив него занял генерал Дрэп. Больше в помещении стульев не было.

Передан коснулся одной из кнопок управления в подлокотнике кресла, и поверхность стола цвета красного дерева расчистилась и превратилась в окно в глубокий космос, усыпанный сверкающими, как бриллианты, звездами.

Этот большой экран был основным устройством для командования сражением. Он мог предоставлять как визуальные, так и графические изображения и также мог использоваться для обсуждения альтернативных планов, так как его компьютер умел обрабатывать устные указания в визуально интерпретированные прогнозы. Передан с напряжением ждал момента, когда флагман подаст сигнал о достижении дистанции потенциального удара.

Передан нажал другую кнопку. На экране появилось множество цветных точек, показывающих расположение Четвертого флота с точки зрения кораблей-наблюдателей. Королевский флот (или флот узурпатора, как о нем думал Передан) расположился в виде достаточно плотной формации, не ожидая нападения, но спокойно дожидаясь сообщений от зондов-шпионов, засланных в солнечную систему Сморна.

В отрывочных, спокойных тонах пришло кодированное сообщение от флагмана. Передан нажал на кнопки и переключил тумблеры, и на видеозэкране возникла панорама противоборствующих флотов. Передан и Дрэп изучающе рассматривали стол, в то же время принц начал передавать приказы.

По количеству и огневой мощи повстанцы немного превосходили силы Четвертого флота, посланного королем Максимом принцу Передану, однако было известно, что он не может полагаться на превосходство ни в стратегии, ни в вооружении. Если сейчас ему предстояло сразиться только с Четвертым флотом, то исход этого сражения можно было считать predetermined. Силы повстанцев уже распространились на огромной территории, образуя сеть, которая теперь накрывала Четвертый флот и могла сжаться в любой момент подобно сжимающему кулаку, и поливали врага очередями атомных ракет.

Преимущество внезапности продолжалось только около десяти минут, но этого было достаточно, чтобы потрясти Четвертый флот из конца в конец. Корабль за кораблем исчезал в белых вспышках ядерных взрывов, пока флот не рассеялся, избегая смертоносной бомбардировки. Затем, в ответ на огонь, начался период суматошной, беспорядочной стрельбы, когда один корабль маневрировал независимо от других, сражаясь с одним или более противником, стреляя напропалую и уворачиваясь от ответных залпов.

Основным видов оружия с обеих сторон были ядерные ракеты различной степени точности, они отстреливались одиночными выстрелами или очередями. Если случалось прямое попадание, то корабль разрушался целиком и полностью, но боевые корабли были очень маневренными, так что прямые попадания случались редко, если не считать случайных столкновений с тысячами направленных снарядов, которые вскоре заполнили район сражения. Чаще происходили неполные попадания, следствием которых было более грязное и кровавое разрушение корабля со слабой надеждой на спасение. Вторичное вооружение кораблей представляло со-

бой пучки гамма-лучей большой интенсивности, при помощи которых они стремились снести внешнее оборудование врага — пускатели ракет, системы наведения и обнаружения — чтобы противник оказался неспособным стрелять и не смог увертываться .

Передан позволил свалке продолжаться некоторое время, обсуждая с Дрэпом различные аспекты развивающегося боя. После успешного первого удара всегда бывает период, когда даже беспорядочный огонь дает преимущество атакующей стороне, пока противник не придет в себя. Важно было поймать момент боя, чтобы отойти и перегруппироваться.

В это время поверхность стола демонстрировала им вспыхивающие, калейдоскопические картины по всей территории сражения. Они видели, как корабли разлетаются в прах, испаряются. Они видели, как тучи людей сыплются из них в космос, тучи отчаявшихся людей, бегущих с кораблей, приборы которых сказали, что через несколько секунд они будут аннигилированы и что системы защиты неоперабельны. Очень немногие смогли избежать расширяющегося шара взрыва, и им еще повезет, если потом их подберут в космосе.

Оценив момент, Передан издал приказ всем флагманам в нескольких световых годах от него. Когда приказ прошел, все корабли, которые могли это сделать, выпутались из боя и на самой высокой скорости прошли несколько миллионов миль к югу, где они построились в виде широкой четкой решетки. Под управлением флагмана решетка начала выбирать цели и систематически уничтожать их объединенным огнем.

Ответные залпы Четвертого флота слабо действовали на перемещающуюся, пляшущую решетку. Кораблей стало много меньше, и командиры явно не знали, что делать дальше. Альтернатива, однако,

была ясна: или нападать, или бежать. Передан спокойно ждал, как они поступят, наслаждаясь видом вражеского корабля, который сначала разрастался яростным белым пламенем, затем рассеивался.

Остатки Четвертого флота начали отступать, набирая скорость, чтобы вывести потрепанные в бою корабли за пределы огня повстанцев.

Генерал Дрэп выжидающе смотрел на Передана. Следует ли пускаться в погоню? Передан колебался. Его разум, его опыт и его интуиция говорили ему, что битва еще не закончена даже наполовину и что пуститься в погоню означало попасть в ловушку и оставить без прикрытия лагерь на Сморне, просуществовавший пятьдесят лет.

Он отрицательно покачал головой, ощутив разочарование младших офицеров и даже некоторых генералов; «Они-то, — раздраженно сказал он себе, — должны уж быть поумнее».

— Сохраняйте положение, — приказал он.

Он нажал кнопки в подлокотнике. Светящиеся точки, представляющие собой военные корабли, собирались в центре стола; масштаб увеличивался с головокружительной скоростью. Возникла долгая, напряженная пауза, пока они смотрели, как потрепанный Четвертый флот ползет к краю стола.

Затем пришло полное оправдание решения Передана. Новое облако точек появилось на краю: оставшаяся часть экспедиции Максима вступала в бой.

— Новоприбывшие идентифицированы как роялистский Пятый флот, — спокойно произнес деловой голос.

Передан нахмурился: только Пятый флот? Он ожидал, что Максим пустит сейчас в бой все, что сможет, Третий и даже, может быть, Восьмой флот, хотя последний, оперирующий по другую сторону королевства, может быть, и невозможно было пере-

править сюда. Неужели Максим его недооценил? Или Третий флот был занят где-нибудь в другом месте галактики, угрожая или подавляя что-либо?

Третья вероятность заставила его похолодеть. Что, если новоприбывший Пятый флот был снабжен новым видом привода, которым пользовался Джандрак Саннский, чтобы прибыть в Сморн? Новый вид движения, с которым его корабли не смогут конкурировать?

Ответ на этот вопрос даст грядущее сражение. Пятый флот приближался в виде огромного колеса, собравшись вокруг центра, где располагались корабли командования, и спиральными лучами отходя к периметру; причем вся эта система медленно вращалась.

Эта «галактическая формация», как ее называли, была хорошим расположением. Невозможно было добраться до кораблей командования на расстояние выстрела без того, чтобы не оказаться под концентрированным огнем всего диска.

— Вводите в действие План С, — сказал Передан.

Осознавая, что теперь он уже не имеет численного преимущества, он слушал, как приказ переводится в поток данных и дополнительных приказов. План С — это была тактика отступления, разработанная на случай сразу нескольких непредвиденных обстоятельств. Это означало возврат к планете, вращающейся вокруг Сморна, и остановку примерно на расстоянии светового года над плоскостью эклиптики. Таким образом, Сморн оказывался прикрытым, это давало время на перегруппировку, а у врага возникало неприятное ощущение, что его увлекают в ловушку.

Королевские корабли неуверенно последовали за ними, затем остановились на безопасном расстоянии,

все еще сохраняя формацию и грациозно вращаясь. Остатки Четвертого флота тащились за ними, чтобы обеспечить дополнительную поддержку.

— Тактика Ф,— бросил Передан.

Формация в виде решетки распалась и собралась в пулеобразную массу. Еще до окончания маневра весь флот устремился вперед на врага.

Ускорение поддерживалось на максимально возможном для кораблей уровне. Перед собой несущаяся вперед пуля выпускала шквал ракет и гамма-лучей, уничтожая все на своем пути. Затем, наподобие настоящей твердой пули, флот прорвался сквозь сравнительно тонкое колесо примерно на двух третях радиуса от центра. Контакт длился всего несколько секунд, но за это время в формации врага возникла огромная дыра, когда пуля сносила все, до чего могла достать своим огнем.

По инерции пуля пронеслась по ту сторону цели на несколько световых лет. С беспыльностью, из-за которой все двигатели стали выть и дымиться, формация повернула и пронеслась сквозь врага в обратном направлении.

На один из вопросов Передана ответ был получен. Вражеский флот реагировал недостаточно быстро для нового привода. Если он у них и был, то едва ли был лучше старого.

При третьей попытке послать пулю сквозь вражеские ряды обнаружилось, что враг к этому подготовился. Колесо резко сократилось в компактную массу, представив собой такую же легкую цель, как и повстанцы для оружия дальнего действия.

В течение короткого времени толстый, почти осязаемый двусторонний луч энергии и ядерных ракет связывал противников. Постепенно оба флота рассеялись, чтобы уйти от этого невыносимо интенсивного потока, и в то же время они понемногу сбли-

жались, пока не возникла такая же хаотичная ядерная драка, как и раньше, когда два или больше корабля объединялись, чтобы уничтожить одного противника.

— Дайте мне оценочные данные, — приказал Передан. Затем картинка на столе дрогнула и пропала: передающий корабль был сбит.

— Чертовое столпотворение, — прокомментировал Дрэп своим бодрым, резким голосом. — Может быть, следует что-то предпринять? Как насчет тактики «Игрек»?

Передан бросил туманный взгляд на одутловатое лицо Дрэпа.

— Не думаю. Мы уже сделали все, что могли. Интегрированными усилиями мы ничего не выиграем, теперь решает только упорная борьба.

Пока они разговаривали, подчиненные старались восстановить «глаза» комнаты управления. Со впечатляющей быстротой им удалось передать функции сбора информации другому кораблю, находившемуся в районе боя, и столешница ожила снова.

Четыре часа прошло с момента первого удара, что вместе со временем в пути составило около десяти часов, проведенных в напряженном ожидании. По мере того как шло сражение, Передан принимал нейростимуляторы, чтобы восприятие не притуплялось.

Оценочные данные по сражению показывали, что постепенно и неумолимо победа склоняется на его сторону.

В конце концов, когда более половины сил Максима было уничтожено, выжившие попытались отступить. Передан предвидел этот ход и послал корабли, оборудованные аппаратурой против обнаружения, чтобы они перекрыли путь к отступлению — он хотел нанести врагу как можно больший урон. Сра-

жение стало еще более отчаянным: противник стремился сохранить жизнь, а не победить.

Сделав окончательный, мощный бросок, побитые Четвертый и Пятый флоты пробились и полетели домой. По предварительным оценкам, домой на базу вернется не более трети королевских экспедиционных сил.

На экране было видно, как рассеянные формации улетали с поля боя на максимальной скорости, бросив своих товарищей со сломанными двигателями. В комнате управления раздались победные крики. Но Передан сердито прервал веселье. С мрачным видом он слушал отчеты о потерях и повреждениях, по мере того как его силы собирались и выясняли урон. Его заботило, смогут ли они, прямо сейчас, если придется, рискнуть отправиться в королевство и повторить сражение.

На данной стадии такая возможность зависела, в основном, от личного мнения каждого. Принц Передан не мог не радоваться исходу боя, но по мере того как он внимательно изучал доклады, лицо его становилось все более грустным и усталым.

На следующий после победы день лагерь повстанцев торжествовал; все были полны энтузиазма и уверенности в себе. На праздничном обеде, который давал принц Передан, возбужденные офицеры доносили его настойчивыми просьбами закрепить достигнутое преимущество.

Эта вечеринка и в самом деле стала поворотным пунктом в настроении последователей Передана. Присутствовали все члены семей, которые все еще хранили ему верность, и также все офицеры рангом выше капитана, кроме тех, кто был на дежурстве. Даже старый король появился ненадолго, вызвав бурю аплодисментов, и потом, как обычно, удалился к себе в апартаменты. Передан обнаружил, что

очень трудно противостоять всеобщему ожиданию продолжения военных действий, тяжелым грузом давившему на него.

— Системы защиты королевства распахнуты настежь! — громко объявил молодой майор. — Мы сами можем выбирать поля сражений и вышибать их по одиночке, пока ничего не останется!

Этот парень много пил, как и все остальные, и его слова встретили бурное одобрение. Молчали только генерал Дрэп и несколько старших офицеров. Дрэп сидел, опустив глаза, с бесстрастным выражением на багровом лице.

«Они понимают, — подумал Передан. — Другие готовы к авантюрам, готовы бросить кости. Потому что слишком долго они только и делали, что занимались тренировками, а теперь попробовали вкус крови. Но Дрэпу известны мои цели».

Факт состоял в том, что двадцать пять процентов кораблей, которые он послал в бой, были уничтожены. Еще тридцать процентов нуждались в серьезном ремонте, что потребует нескольких недель или месяцев, так что теперь к немедленной отправке была готова половина того, с чем он начал.

Против этого Максим все еще мог выставить три полноценных флота — Третий, Восьмой и Десятый (номера относились к последовательности основания флотов, по большей части это было столетия назад; промежутки в нумерации обозначали флоты, которые больше не существовали), и каждый из этих флотов поддерживали многочисленные мобильные эскадрильи. Даже если эти флоты будут полностью уничтожены, борьба еще не кончится. Будет еще муторная и непростая работа по подавлению сухопутных сил Максима на тысячах планет.

Потери были только ненамного больше, чем ожидал Передан, и, имея в виду, что флоты Максима

были широко разбросаны по всему огромному королевству и, по сути дела, даже редко собирались целиком в одном месте, шансы на окончательную победу были недостаточно высоки; другими словами, он также легко мог проиграть, как и выиграть.

Для молодежи с горячей кровью, окружавшей его, этого было недостаточно.

Женский голос нарушил его размышления:

— Это будет так чудесно, снова оказаться в Униме. Я ужасно по нему скучала!

Это говорила герцогиня Алавартская, муж которой, герцог Алавартский, был убит во время гражданской войны. Передан улыбнулся ей:

— Мы все соскучились, мадам. К сожалению, личные чувства не должны влиять на дела государства. Может пройти еще какое-то время, пока мы снова сможем обосноваться в наших законных владениях.

Герцогиня озадаченно повернула к нему свое косметически совершенное лицо. Офицер, который выступал раньше, перебил их беседу с выражением тревоги на лице.

Но, Ваше Высочество! Разве сейчас не самое время нанести узурпаторам смертельный удар? Никогда раньше у нас не было такого шанса!

— Я признаю, майор, что теперешняя ситуация беспрецедентна. Но тщательный анализ возможностей говорит о том, что наше время еще не пришло. Мы доказали свои возможности в бою, и на данный момент этого должно быть достаточно.

— Но, Ваше Высочество, почему?

Передан простил ему наглость, сознавая, что его слова действуют на собрание наподобие ушата холодной воды.

— Военные решения и политические переплетаются очень сложно, — сказал он. — Не только во-

енная ситуация должна быть более благоприятной, но и политическая должна быть подходящей.

— И когда же это будет? — спросила герцогиня холодным, ядовитым тоном.

— В настоящий момент узурпатор Максим очень напуган. По ошибке он может обратиться против внутреннего врага и принять меры против собственного населения, и тогда они с большой теплотой будут вспоминать правление моего отца. А пока мы проведем детальный анализ прошедшей битвы, так что в следующий раз сможем действовать лучше.

— Надеюсь, что так, — высокомерно заметила герцогиня поставленным голосом. — За прошедшие пять десятилетий наши континентальные владения на Алаваре доведены до крайности этими крестьянами, копающимися в грязи (их поселил и там Максим). Я с нетерпением жду момента, когда можно будет выкинуть их в трущобы и снова привести земли в надлежащий вид.

Передан вернулся к своим размышлениям, игнорируя более приглушенные беседы окружающих. Причины, которые он назвал, были, по существу дела, настоящими, но в его собственном мозгу они стали более детализированными, сложными, и их труднее было бы объяснить другим. Прежде всего, в этом уравнении было слишком много неизвестных. Он все еще был озадачен: почему Максим, планируя экспедицию, не включил в нее Третий флот? Это было объяснимо, если бы флот был занят где-нибудь в другом месте, где нужно контролировать гражданские беспорядки, но агенты Передана в королевстве не докладывали ни о чем подобном.

Не может ли быть так, что он перестраховался и требует невероятно хороших условий просто из чистого страха? Он так не думал. Рискнуть всем, что есть, как предлагают ему компаньоны, — это бы-

ло бы облегчение, потому что если бы он проиграл, то избавился бы от груза ответственности.

«Нет, — твердо сказал он себе, отгоняя все пораженческие мысли, — когда мы нанесем удар, он должен быть решительным, бесповоротным и неодолимым. Ни на что меньшее, чем мат, я не соглашусь».

В световых столетиях оттуда Пятно слегка увеличило свою скорость. Оно уже не чувствовало себя таким раздувшимся после пиров, и к нему уже возвращался аппетит к биологической жизненности. Оно не знало, что лежит в конце этой легкой, широкой линии скольжения, но чувствовало, что там что-то найдется. Что-то вкусненькое.

IV

— Проваливай, приятель. Не тревожь нас.

Голос в громкоговорителе был испуганным, но решительным. Джандрак улыбнулся, глядя на своего помощника. Такая же жестокая улыбка появилась и на орлином лице Хина Сетта.

Видеоэкран был чист, мужчина на астероиде внизу отказался показаться им визуально. Несомненно, он не желал выглядеть испуганным, так же как и не желал, чтобы его голос звучал испуганно.

Поначалу жители астероидного кроличьего садка вообще отказывались отвечать на их вызовы, прячась в своих укрытиях, как кролики, и делая вид, что их не существует. Но несколько выстрелов по нагретому солнцем булыжнику из мощной гамма-лучевой пушки вскоре заставили их подойти к передатчику. А теперь они просто старались уговорить посетителей убраться.

— Я повторяю, откройте свои запоры именем короля, — провыл Джандрак.

— Насрать на короля! — завопил высокий отчаянный голос, протолкнувшийся перед первым. — Если мы нужны вам, так приходите и берите нас!

— Ни о чем лучшем мы и не мечтаем, — выдохнул Джандрак и отключил связь.

Основная часть укрытия состояла из пяти крупных астероидов, шедших общим курсом, корректируя свои относительные отклонения при помощи небольших автоматических реактивных двигателей. Зная о склонности горняков закапываться в землю, подобно кротам, Джандрак полагал, что в этом поясе астероидов вокруг красноватого солнца есть множество других разработок. Они тожегодились бы, но по большей части они окажутся покинутыми, и их можно будет разыскать позднее.

Ценность астероидного пояса для Джандрака заключалась в его относительной плотности. Он состоял из тысяч и тысяч угловатых планетоидов — остатков какой-то планеты, которая взорвалась миллиарды лет назад. Ее настоящие владельцы представляли собой легкую добычу для вельможи, за которым стоит вся мощь королевства. Их вооружение было жалким, и, не ожидая нападения, они едва ли заботились о том, чтобы замаскировать выдающие их следы жизнедеятельности и тепла, которые и выдавали их присутствие на этих астероидах, — хотя это им все равно бы не помогло, потому что Джандрак заранее знал их расположение. Но для человека, владеющего оборудованием, чтобы построить соответствующие сооружения, и с таким ужасным оружием, которым располагал Джандрак, этот пояс астероидов мог стать практически неприступной крепостью. А поскольку эскаваторные работы по большей части были уже выполнены, то базу можно было устроить быстро и ненавязчиво, или, короче, тайно.

Весь скользящий флот проходил испытания, и эти испытания полностью соответствовали ожиданиям Джандрака. Верно, этот флот был небольшим по сравнению с любым большим флотом — просто пять десятков старых линейных кораблей против сотен — но у них была скорость, маневренность, невероятно мощная современная огневая сила; он был уверен, что мог бы сразиться с любым из этих флотов и уничтожить его. Большая часть флота была во многих световых годах отсюда и все еще проходила целую серию сложных тестов, изобретенных конструкторами. Такая мощь вряд ли нужна была для выполнения непосредственной задачи. Джандрак отделил от основной формации двух золотистых монстров. В одном находился он и предъявлял свой ультиматум, его корабль пробрался сквозь обломки астероидов к убежищу внизу. Второй ждал снаружи; он служил транспортным кораблем и нес команды возведения сооружений, оборудование и запасы, которые Джандрак собирался оставить здесь.

— Что мы будем делать, — мрачно размышляя, спросил Хин Сетт, — испечем на местах? Или проткнем дыры в их гнездах?

Джандрак ухмыльнулся:

— Слишком большая возня, когда потом все это придется расчищать. Мы отправимся туда — может, найдутся какие-нибудь развлечения для нас.

Он включил связь и резко отдал приказы ожидавшим боевым подразделениям. Они с Сеттом прошли в дальний конец комнаты; панель скользнула в сторону, и ординарцы помогли надеть боевые скафандры. Джандрак взглянул на Сетта и восхитился его ужасающим, чуть ли не зловещим видом с похожей на капюшон лицевой пластиной.

Скафандры были матового каштанового цвета, наиболее подходящего для разнообразных условий,

в которые мог попасть космонавт. На груди и шлеме ярко выделялась черная хвостатая буква «М».

Несмотря на всю броню, скафандры были сделаны из легкого, звонкого металла, не ограничивающего движений. Джандрак, и вслед за ним Хин, пошли по серому коридору к камерам отправки.

Сотня человек построилась повзводно по десять человек с одним офицером на взвод у выходных камер. Джандрак, как только они с Хином заняли свои места, грохнул кулаком по грудной пластине. Раздался звук гонга «бум-м-м-м!» — сигнал к отправке.

Они строем вошли в камеры; офицеры замыкающими. Когда с лязгом закрылись люки, на стенах камер начала формироваться мерцающая поверхность, похожая на воду. Люди схватились за рукоятки на опорах, сделанные специально с этой целью. Затем они быстро скользнули в космос.

Когда их выбросили, похожая на воду поверхность расправилась, приняв форму вязкого, прозрачного пузыря, с виду похожего на мыльный, поддерживаемого легкой рамой, к которой были прикреплены рукоятки, чтобы за них можно было уцепиться. Этот жидкий пузырь удерживал воздух, так что в нем мог жить даже человек с поврежденным скафандром, и также он предохранял от солнечных лучей и от умеренно жесткой радиации.

Десять пузырей отпали от широкого бока корабля и быстро понеслись к самому большому из близлежащих астероидов. Держась за опору, Джандрак внимательно осматривал местность.

В среднем астероиды пояса составляли несколько десятков миль в диаметре, но здесь таких не было. Тот, к которому они направлялись, был в диаметре миль тридцать — весь из твердого камня, и, может быть, с шахтой для проживания глубиной

с милю. Или, вероятно, глубже — они скоро это выяснят. Входные шлюзы заметить было несложно, но Джандрак осматривал остальную поверхность. Где-то, скрытый под каменной крышкой, должен быть старый корабль горняков, несомненно, потерянная старая шаланда, едва ли годная для выхода в космос. Внутри астероида, наверное, сейчас идут споры по поводу того, не попытаться ли на нем удрать, но, учитывая, что население булыжника, вероятно, гораздо больше, чем мог вместить корабль, то эти дискуссии могли закончиться только свирепыми и ничего не решающими драками.

Джандрак также старался обнаружить у них хоть какие-то защитные сооружения. Не может быть, чтобы ничего такого не было.

А не было. Поблескивая среди грубых скал, трубы и станины нацеливались на стремящиеся вниз пузыри. Возможно, скрипучие излучатели и одна или две ракеты. Они были сумасшедшими, пытаясь в них стрелять, но Джандрак и так принял как само собой разумеющееся тот факт, что жители этой норы должны быть сумасшедшими в любом случае.

В тот же момент, как он заметил орудия, с корабля раздался залп прикрытия. Беззвучные в пустом пространстве, горячие гамма-лучи проблеснули мимо них и ударили в позиции, вызвав вихри расплавленного металла и взрывы, в которых пыль и щебень заблестели на солнечном свете, пока они разлетались над крошечным, бесплодным ландшафтом.

Но теперь они уже опустились, расположившись в виде круга вокруг группы входных шлюзов. Коснувшись грунта, пузыри лопнули и исчезли, а рамы сложились в коробки размером с рюкзак и прицепились к поверхности.

По мере того как они продвигались вперед, солнце играло на газовых струях, постоянно бьющих из

плеч скафандров. Эти реактивные струи для хождения предназначены удерживать людей на поверхности независимо от почти не существующей гравитации астероида и по необходимости обеспечивать им возможность ходить с нормальной скоростью.

Всего входных шлюзов было три; неловко встроенные в астероид, они явно были сооружены в разное время. Взмахом руки Джандрак послал двоих людей вперед. Они прыгнули к ближайшему шлюзу, уменьшили силу своих реактивных струй и прикрепили взрывные заряды. Затем прыжками присоединились к остальным и спрятались за выступающими скалами.

С глухим жестяным ударом, который они ощутили через подошвы сапог, и с яркой бездымной вспышкой круглая крышка слетела с креплений. Взводы сгрудились у открывшегося отверстия.

Однако не появилось ни внезапного облачка, не было и внезапного свиста, что говорило бы о том, что воздух вырывался наружу изнутри астероида. Джандрак заглянул в туннель, который они открыли, и увидел предохранительную переборку в пятидесяти ярдах внизу.

— Они хорошо заботятся о своем воздухе, — задумчиво заметил он. — Мы вполне могли бы поступить так же. Поставьте купол.

Работа заняла не более нескольких минут: нужно было зацементировать купол по кругу выбитой крышки люка и прикрепить к нему тканевый зонтик со своим собственным, похожим на войлок, воздушным шлюзом. Сейчас он висел, сложившись складками, но когда в шахту ворвется воздух, он расправится в виде невысокого купола, предотвращая потерю воздуха.

В это же время при помощи клейкой ленты они прикрепили небольшие заряды к переборке. Когда

все было готово, Джандрак ослабил силовую винтовку в кобуре, чтобы иметь возможность быстро ее вытащить, взял в левую руку высочайший нейтронный излучатель и приказал сержанту-взрывнику подорвать заряд. С яростным горением вроде магниевого (это длилось почти минуту и, казалось, ограничилось радиусом футов в десять) заряд выжег переборку, оставив только раскаленный, дымящийся металл по краям.

Взвод Джандрака уже был в штольне; они падали со скоростью примерно фут в минуту. Если жители этих мест и пользовались искусственной гравитацией, то сюда она не достигала. Они прижимались к стенам. Как только переборка, как казалось, была выжжена, Джандрак пару раз выстрелил туда, хотя и ничего не видел из-за сверкания все еще горевшего заряда.

Он заговорил в микрофон в шлеме, на волну которого было настроено все подразделение:

— Ладно, проходим.

Джандрак бросился к отверстию; за ним последовали остальные. Как только он миновал переборку, мимо него пролетел нейтронный луч, едва задев его доспехи и раскалив их докрасна. «Кто-то пользуется выдохшимся энергетическим элементом», — сказал он себе, посылая в ответ гораздо более сильный луч.

Впереди слышался шорох, когда принимающая их компания отступила. Джандрак обнаружил, что за переборкой туннель разделялся на четыре прохода. Все новые туннели были погружены в темноту. Судя по своему положению, однако, и по направлению, в котором он слышал шорох, он предположил, какой коридор ведет к центру убежищ.

Сильный луч света засиял от его солнечного сплетения, вскоре поддержанный фонарями других вок-

руг него. Джандрак почуял ловушку, но, уверенный в своем превосходстве, приказал людям идти вперед, безрассудно бросившись в темноту.

Внезапно загрохотали взрывы — впереди и позади них. Туннель заполнился пылью и обломками. Направляя луч фонаря то туда, то сюда, Джандрак уверился, что туннель был полон ловушек и что в обе стороны путь был перекрыт кучами щебня, образовавшимися от взрыва. Он заметил, что проходы были выполнены очень грубо, без какой-либо отделки, просто голая скала, на которой виднелись канавки от сверлильных машин.

Гравитация астероида была такой слабой, что об обломках скалы даже нельзя было сказать, что они падают. Они висели в воздухе, образуя свободную компактную массу. Джандрак связался с Хином.

— Мы осмотрели остальные проходы, — сообщил ему подполковник. — Они ведут к складским помещениям, к системам переработки воздуха и пищи и тому подобным вещам. Особого сопротивления мы не встретили. Что это за шум?

— Нас попытались заманить в ловушку между двумя обвалами. Надолго это нас не задержало. Продолжайте осмотр; где бы они ни прятались, туда могут вести и другие пути.

— Мы также заняли электростанцию. Может, оставить их всех в темноте, если желаешь?

— Не стоит, я предпочитаю видеть то, во что стреляю, — он вынул силовую винтовку и обратился к своим людям: — Давайте расчистим туннель.

Поставив эжектор на широкий луч, они нацелили силовые винтовки на завал. Обломки заскрежатали и стали медленно отодвигаться под действием объединенного силового поля. Отодвинутые с середины камни и щебень распределились дальше по проходу, позволив людям пройти.

Джандрак засунул винтовку в кобуру и двинулся вперед, неловко пробираясь между медленно движущимися массами камней. Видимость стала очень плохой, пыль висела в воздухе. Люди чертыхались, натыкаясь на камни и друг на друга.

Впереди показался свет. Туннель расширился, мягко изгибаясь, как ветви растения. Внезапно Джандрак вышел из облака пыли и снова обрел способность видеть.

— Роялистские ублюдки!

Этот вопль, полный ненависти, встретил атакующих, когда они, пригнувшись, выбирались из туннеля. В этот же миг на них обрушился шквал огня.

Своими тренированными органами чувств Джандрак моментально воспринял всю сцену. Пещера была сравнительно большой, с низким, куполообразным потолком, с которого свисали светящиеся шары, отбрасывая бледный, мутный желтый свет. Пространство пещеры было заставлено всевозможной мебелью; в стенах вырезаны альковы как дополнительные помещения, и именно оттуда шла основная стрельба. Только несколько бравых фигур стояли, расставив ноги, в центре пещеры, поливая людей огнем.

К счастью, похоже, там было совсем немного смертельно опасных дорогих силовых винтовок. Вне королевских вооруженных сил они встречались редко. Но там были нейтронные излучатели, тепловые мазеры, и, судя по стуку по доспехам Джандрака, из-за чего он едва удержался на ногах, старомодные пулеметы, стреляющие пулями.

Они невозмутимо восприняли это нападение. Их скафандры, эти прекрасные скафандры, в которых любой сухопутный солдат мог без страха входить куда угодно, отреагировали моментально. Сотни тонких броневых пластинок выскочили из ячеек, обес-

печив взаимно пересекающуюся систему на расстоянии от шести дюймов до фута от тела. Противнику при этом казалось, что человек вспыхивает под огнем наподобие живого факела. Даже в самых сложных условиях это помогало выиграть ценные секунды.

А Джандраку и его людям и нужны были именно эти секунды. Нейтронный излучатель в его левой руке слал смерть в центр пещеры. Меньше чем за секунду силовая винтовка, выскочив из кобуры, как бы при помощи магии оказалась с внутренней стороны вытянутой правой руки в специальном упоре.

При стрельбе в таком положении силовая винтовка имела не только преимущество неодолимой мощности, но и невероятную точность. Нажимая большим пальцем в перчатке на кнопку управления, чтобы сузить луч до толщины карандаша, Джандрак только смотрел вдоль руки, чтобы попадать во все, на что он смотрит. Расширяя луч, он мог расчищать себе путь, распыляя камень, металл — все, что угодно.

Бух! Бух! Пока он рассылал смерть одновременно и из правой, и левой руки, гранатомет на уровне его талии метал высокомошные гранаты в альковы в дальней стороне пещеры. Они нацеливались движениями головы. Чтобы выпустить гранату, ему нужно было только смотреть на цель и определенным образом сжимать левую перчатку.

Как и остальные девять человек из взвода, он представлял собой ужасную боевую машину с огромной огневой мощностью. Большинство людей вокруг него опустилось на колени, чтобы уменьшить площадь поражения для врага, ведя огонь и представляя собой оригинальное зрелище с их напряженными вытянутыми правыми руками. Однако Джандрак в горячке схватки предпочел пренебречь

инструкциями. Через некоторое время он приказал прекратить огонь.

Его голос загремел по внешнему громкоговорятелю:

— Сдавайтесь, негодяи, и, может быть, мы оставим вас в живых!

Молчание последовало за его словами, нарушаемое только стонами раненых. Затем в поле зрения появился, качаясь, мужчина в лохмотьях, за которым тянулся кровавый след. Он держал в руке что-то, от чего тянулся провод во взорванный альков, из которого он вышел.

— Тогда давайте взлетим все вместе, вы!..

Не успев договорить, он обмяк и упал. Из-за его спины из полутьмы выступила фигура Хина Сетта в скафандре, с поднятой как бы в странном приветствии рукой. За ним шел его взвод.

Дойдя до убитого (его уложили силовой винтовкой), он перевернул его ногой и отбросил в сторону предмет, который был зажат в руке.

— Это включатель к детонатору, — Джандрак услышал его по внутренней связи. — Это горняки. У них, возможно, запасено достаточно взрывчатки, чтобы разнести весь этот чертов астероид.

— Тогда я рад, что ты появился вовремя, — заметил Джандрак.

Сетт приказал своим людям расположиться вдоль стен пещеры, сунул винтовку в кобуру и присоединился к Джандраку.

— Ты был прав, все эти туннели соединяются вроде лабиринта.

— Это самая большая пещера?

— Никоим образом. Здесь они живут, но есть и другие, гораздо больше и заброшены. Похоже, у нас будет много места для парковки кораблей, когда придет время.

Теперь несколько человек со страхом выглядывали из альковов. Джандрак опустил лицевую пластину и осмотрел пещеру более внимательно.

В воздухе стоял густой, неприятный запах долгого человеческого жилья. На полу в беспорядке стояли раскладушки, кровати, стулья, столы и другая мебель, вся сломанная, — несомненно, все каким-то образом было прикреплено к полу, поскольку иначе любой толчок при слабой гравитации запускнул бы ее в воздух. Мебель располагалась не только на полу: она поднималась и по стенам, собираясь у потолка в виде связанных групп платформ, кроватей, стульев и столов, так что это коммунальное образование производило эффект трехмерного.

Несмотря на грязь и неустроенность, атмосфера жилища производила впечатление какой-то нездоровой комфортности. Непонятным образом пещера походила на внутренность матки.

— Живут, как животные, — с отвращением заметил Хин, неприязненно оглядываясь.

Тех людей, второй специальностью которых было лечение, Джандрак переключил на раненых жителей астероида. Его голос снова разнесся по пещере:

— Покажитесь! Выйдите из укрытий; теперь вам больше нечего бояться!

Они стали медленно появляться. Там были мужчины, женщины и даже дети; все одетые в жуткие лохмотья. Когда они подошли ближе, он увидел, что лица детей заплаканы: пережитый ужас давал себя знать, но они с интересом таращили глазенки. Некоторые из взрослых тоже были в ужасе. Но другие, головорезы с виду, все еще пытались держаться с наглостью отчаявшихся.

Обитатели астероида усовершенствовали свое хождение при почти нулевой гравитации: они могли быстро скользнуть дюймах в двух над полом, из-

редка помогая себе пятками и носками. По сравнению с ними люди Джандрака выглядели неуклюжими и медлительными, перемещаясь при полном «же», обеспечиваемом наплечными реактивными устройствами.

У многих мужчин, похоже, появилось странное пристрастие: они украшали свои тела цветными татуировками. Джандрак подошел к одному из них, стоявшему поодаль от других и нагло смотревшему на двух офицеров.

Приблизившись, Джандрак увидел, что на груди у того была непристойная татуировка, изображавшая пару, совокупляющуюся широко известным извращенным способом. Когда мужчина шевелил мышцами, пара корчилась в диком экстазе. При приближении офицера мужчина разинул рот в широкой ухмылке, обнажив черные, больные зубы. Джандрак, никогда не видевший гнилых зубов, почувствовал тошноту.

— Привет, аристократическая дрянь, — приветствовал его мужчина, увидев фамильный герб среди других знаков отличия на боевом скафандре Джандрака. — Почему бы тебе не поползти обратно к своим дворцам и не оставить нас в покое?

— Вы все — мои пленники, — сообщил ему Джандрак. — Ты, очевидно, считаешь себя чем-то вроде лидера, поэтому скажи своим друзьям, чтобы они мирно сложили оружие и не делали глупостей.

— У нас здесь нет лидеров, ты... — мужчина разразился тирадой оскорблений, которые были невозможно грубы. — Мы анархисты! Мы делаем, что нам заблагорассудится. — Джандрак рассмеялся:

— С этого момента вы будете делать то, что заблагорассудится мне.

— Такие убийцы, как вы, всегда думают, что мужчина боится умереть... — мужчина, слегка при-

сев, сжимал и разжимал кулаки, как тигр, готовый к прыжку. Джандрак удержал его на расстоянии, пригрозив нейронным излучателем, и жестом приказал присоединиться к остальной толпе.

Под командованием Хина солдаты привели пленников, взятых в других местах на астероиде, и добавляли к ним людей из пещеры, забирая их немногое оружие, и под аккомпанемент воплей, борьбы и криков отчаяния клейкой лентой прикручивали им руки к бокам и вели к туннелю, выходящему на поверхность.

Джандрак грубо толкнул нарушителей спокойствия к ближайшему солдату. По внутренней связи он заговорил с Хином:

— Отправьте их наверх в пузырях. Думаю, нам придется их держать на базе в Максимилии, — ему нравилась идея включить жителей астероида в ряды своих сторонников по причине их антигосударственного настроения. Но они явно были слишком разболтанны, чтобы от них была какая-то польза.

— Кастор Кракно вас достанет! — отчаянно кричал мужчина с татуировкой, когда его уводили. — Вот погодите! Кракно вас всех достанет!

Джандрак едва его слышал, осматривая пещеру и планируя расположение своего командного центра.

Без особых проблем они очистили четыре оставшихся астероида. Самое сильное сопротивление оказал последний, где окопавшиеся горняки сражались при помощи взрывчатки и старых экскаваторов. Джандрак потерял пятерых.

Когда уводили последних захваченных защитников, произошло событие, которое привлекло внимание Джандрака. Один из людей, цепочкой проходивших мимо него, внезапно выпрямился, посмотрел ему в глаза взглядом, почему-то обеспокоившим Джандрака, и заявил:

— Не беспокойся, ты, долгоживущая крыса. Никакие твои медикаменты не помогут, когда Кастор Кракно до тебя доберется.

— Что такое? — Джандрак сердито шагнул вперед, схватил мужчину за руку и выдернул из строя. Тот сопротивлялся, но сила офицера, подкреплённая электричеством, была для него чрезмерна. Джандрак заставил его опуститься на колени и навис над ним под тихий гул моторов своего скафандра.

— Кто этот Кракно? — резко спросил он.

— Узнаешь, — угрюмо ответил пленник. Сквозь разодранную рубашку Джандрак увидел татуировку — змеи, обвивающие шею и руки, расположили головы на ладонях.

Хин, слышавший разговор, подошел поближе:

— Отвечай на вопрос, падаль, — прорычал он, оттаскивая пленника подальше от движущейся колонны и швыряя на четвереньки. Быстро наклонившись, он содрал с него рубашку. — Если будешь молчать, мой нервный кнут сделает тебя поразговорчивее.

Мужчина со страхом оглянулся на Хина, который достал кнут с короткой рукояткой. Его длинные, тонкие нити поблескивали. Электрические частоты, которые они несли, были подобраны в точности так, чтобы возбуждать нервную систему до невыносимой боли. Хин опустил кнут. Жертва завопила и, корчась, попыталась поползти.

Хин опустил сапог и прижал им ногу пленника.

— Говори! — он снова поднял кнут.

— Хватит! — поспешно вмешался Джандрак. — Отпусти его.

Подполковник поднял кнут, отпустил мужчину и смотрел, как тот, качаясь, уходит.

— Совестьливый ты человек все-таки, — уныло заметил он.

— Не так уж мне нужна эта информация, — без особой уверенности ответил Джандрак.

— Наверное, я смогу как-то ответить на твой вопрос. Во время этого дела я пару раз слышал это имя. Насколько смог понять, этот тип Кракно является чем-то вроде агитатора на Максимилии — в среде низших классов, имеется в виду. Похоже, что недавно между этим местом и Максимилией произошел обмен информацией. Смотри, я забрал это у одного из наших пленников. Любопытно, не правда ли?

Он передал Джандраку карточку со стереорисунком, дюйма в четыре площадью. На переднем плане было красивое лицо девушки или юноши. Но со второго взгляда плоть, казалось, начинала растворяться, становилась прозрачной, открывая белый ухмыляющийся череп мертвеца. С заднего плана, протягивая зловещие пальцы из неизвестных глубин, накатывал серый туман. Если карточку поворачивать, то со всех направлений видны были только вспыхивающие слова: СМЕРТЬ ЖИЗНИ.

— Да, любопытно... — по какой-то неизвестной причине из-за этого тумана ему вспомнилось Пятно, великое неведомое нечто, которое могло все их планы обратить в ничто.

— Какое-то полоумное тайное общество, поставившее себе целью свергнуть аристократию, — продолжал Хин. Он коротко рассмеялся. — Может быть, я бы к ним и присоединился, — он, строго говоря, аристократом не был, будучи внебрачным сыном мелкого графа. В королевстве были детские сады таких внебрачных детей. Многие опускались до низших классов или, в лучшем случае, становились руководителями среднего звена. И немногие, как Хин, ухитрялись пробиться в офицерский корпус или во что-то подобное.

— В Старом городе происходит много странных вещей, — рассеянно согласился Джандрак. Он ощущал карточку со странным, непонятным лозунгом. «Отчаяние», — решил он. Это вызвано отчаянием. Внезапно и на очень короткое мгновение он слегка устыдился того, чем занимается, и подумал о том, сколько еще таких астероидных гнезд разбросано по всему королевству — жалкие убежища для тех, кого общественное устройство выжало из себя наружу.

Впрочем, это не имело особого значения. Пятно могло еще пожрать их всех.

V

— Не-е-е-е-т...

Кастор Кракно с криком проснулся.

Тяжело дыша, он снова упал на подушку. В полутемной комнате появилась фигура и склонилась над ним:

— С тобой все в порядке, Кастор?

— Да, все в порядке, — едва дыша, ответил лидер анархистов; Хоррис Дэйджел, его личный лейтенант, привык к таким приступам и не стал тревожиться.

Дрожа, Кракно поднялся с постели, рукавом ночной рубашки вытер холодный пот с лица, прошел, спотыкаясь, к окну и раздвинул шторы.

Над старым городом наступала заря.

Восходящее солнце посылало на раскинувшийся внизу город свои первые яркие и тонкие лучи, оставляя в предрассветной темноте многочисленные провалы и дымные долины. До Кракно, жившего на двадцать пятом этаже, со дна этих долин доносились отдаленные гудки, которые внизу были оглушительным воем, призывавшим десятки людей к

началу рабочего дня. Слева, на границе его поля зрения, он видел огромную возвышенность, сиявшую и сверкавшую на солнце наподобие волшебной горы — выровненная верхушка холма Внутреннего города.

Его невольная дрожь уменьшилась. Эти приступы всегда вызывали у него подобную быстротечную, но жестокую лихорадку, как будто бы еще оставалась опасность, что из него будет высосана жизненная сила. Он закрыл глаза и схватился за раму окна, стремясь стряхнуть остатки этого кошмара — если это вообще был кошмар — и вернуться к нормальному состоянию бодрствования.

Как мерзкий вкус во рту, он все еще ощущал свою отверженность: он был ужасным образом презрительно отвергнут. Он чувствовал себя как насекомое, на которое наступили. И точно определить, было ли это только воспоминание или же какая-то часть этого зверя извне галактики все еще жила в нем, он не мог. Ему пришло в голову, что между этими альтернативами особой разницы может и не быть.

Через своих шпионов с момента прибытия в Максимилию он старался узнать об этом звере как можно больше. Среди аристократов о нем знали многие, это было нетрудно установить. Но где он находился сейчас, откуда пришел, какова его природа, с научной точки зрения, — все это было старательно засекреченной информацией. Могло случиться так, думал он, что он сам уже знает о звере больше любого другого человека; в какой-то мере зверь все еще был в нем, оживлял его, придавал ему силы — и мучил.

— Собрание на Заре готово, Кастор, — услышал он за спиной тихий голос Дэйджела.

— Хорошо. Спускаюсь через пять минут.

Он быстро оделся, теперь уже чувствуя себя самим собой. Его не волновало, держит ли его зверь в своих лапах. За хорошую цену он мог бы продать свою душу — для него это ничего не значило. Что важно, так это то, что он был самим собой, что это переживание пробудило дремавшие в нем силы, способность подчинять людей своей воле — а раньше эта способность проявлялась в нем только изредка.

Бросив последний взгляд на разгоревшуюся жарю, он вышел из квартиры и спустился этажом ниже. Собрания на Заре стали основным средством расширения быстро растущего движения «Смерть жизни». Используемые для набора новых членов, они эффектно отсеивали тех, кто в другое время дня пришел бы просто из любопытства или по какой-то другой случайной причине. Заря — это время, когда вещи только начинают развиваться, но на самом деле еще ничего не произошло, поэтому меньше риска, что эти встречи привлекут внимание полиции. Только профессиональным агентам удавалось проникнуть на эти собрания, но с ними у Кракно был короткий разговор.

В небольшом конференц-зале присутствовало человек двадцать — обоих полов, молодые и старые. В большинстве своем это были рабочие, мужчины и женщины, одетые в однообразную спецодежду, в которой они пойдут после встречи на работу. Было несколько подмастерьев со свежим цветом лица, все еще обучающиеся своей специальности. Кракно никогда не уставал поражаться тому, насколько низшие классы могут недооценивать свои способности; в век автоматизации, когда автоматизированный процесс может быть дешевле самого дешевого неквалифицированного ручного труда, рабочие за мизерную плату создают приборы и аппараты, требующие высокого уровня мастерства и технологических зна-

ний. Кракно встречал многих людей, которых по праву можно было считать чуть ли не гениями, хотя и в ограниченной области знаний: без их изобретательности и выдумки правящим классам не удалось бы достичь такого экономического успеха. И тем не менее, они неизменно считают себя некомпетентными как само собой разумеющееся, а также грубыми и невежественными, и с благоговением смотрят на своих хозяев, управляющих и аристократию. Однако собравшиеся здесь люди явно начали мыслить по-другому. Поэтому Кракно и гордился своими собственными агитационными кампаниями, проведенными в течение последних нескольких месяцев. Теперь пора было проверить, найдется ли в них достаточная сила духа.

Четким шагом он прошел к трибуне и сразу же начал просматривать аудиторию своим упорным взглядом, коротко глядя каждому в глаза, по очереди. Еще с момента его ужасного пробуждения на родной планете Кароул ему достаточно было только взглянуть на человека, чтобы знать о нем все, что нужно.

Одна персона заслуживала более долгого взгляда — это был молодой блондин, сидевший в углу. Когда их глаза встретились, шок подсознательного узнавания потряс обоих, хотя незнакомец, разумеется, не знал, что это означает — если не считать того, что он ощутил некоторое беспокойство.

«Рад видеть, что политическая полиция все еще не дремлет», — подумал Кракно про себя. И хотя одет он был рабочим, молодой человек явно был шпионом.

Кракно не был настоящим телепатом, в полном смысле слова. Но его сверхъестественно энергетизированная сущность обеспечивала ему возможность видеть человека насквозь, воспринимать его существо. Никто не мог скрывать от него свои намере-

ния долее нескольких секунд. Очень скоро главе политического отдела дворцовой полиции короля Максима надоест эта их неспособность проникнуть в почти мифическое общество «Смерть жизни», и он перейдет к более решительным мерам. Но Кракно будет к этому готов. Затем он выбросил эти мысли из головы и начал выступление.

Только войдя в помещение, он сразу же осознал воздействие, которое оказывало на окружающих его присутствие. Его контакт со зверем каким-то образом потревожил дремавшие внутри него силы; что придало ему магнетизма и необъяснимого обаяния, из-за которых незнакомые люди в течение минут или даже секунд становились или его последователями, или заклятыми врагами. На первой стадии работы в Максимилии присущая ему сила личности дала возможность спаять вместе отдельные группы анархистов города, превратив их в полезный инструмент. Теперь это помогало ему устанавливать контакты с обычными людьми планеты, чтобы выковать инструмент восстания, которое уже расползлось щупальцами по огромному и мрачному подпольному миру королевства.

К ауре обаяния, убежденности и страха, которыми, на первый взгляд, он покорял своих потенциальных революционеров, Кракно мог добавить факты и аргументы. Он сравнивал нищету, отчаяние и безнадёжность жителей Старого города с богатством, беззаботностью и веселой жизнью богачей. Он перечислял случаи произвола властей, говорил о беспомощности служащих перед лицом закона, о вопиющих нарушениях прав и свобод индивидуума. Это все было рутинной работой. У него было собственное крошечное, но эффективно действующее бюро, которое все время занималось не чем иным, как сбором подобных примеров. Он сравнивал жизненные стан-

дарты, которые они могли позволить себе на свою зарплату, с потоками капиталов от их труда.

— Но у нас нет ни машин, ни заводов, ни механизмов,— слабо возразил ему мужчина средних лет.— И разве владельцы всех этих машин не имеют право на большие доходы? Они платят нам за нашу работу, и это честный договор.

Или этот мужчина был слишком глуп, или слишком умен и проверял его. Кракно махнул рукой. Ему часто встречалась такая точка зрения: за сотни лет пропаганды это мнение глубоко укоренилось.

— Позже вам всем предоставится возможность изучить теорию несовершенства производства, которая докажет вам, что вас грабят,— сказал он.— А пока спросите самих себя: кто делает эти машины?

Потом он перешел к проблеме, которая всегда задевала их до глубины души.

— Вы,— агрессивно сказал он,— указывая на молодую женщину,— сколько вам лет?

— Двадцать пять,— она смотрела на него, кусая губы.

— Герцогине Макинской девяносто четыре года, но она выглядит не старше вас. А вам,— он указал на мужчину,— сколько вам лет?

— Сорок шесть.

— Любому из вельмож в таком же физическом состоянии, как у вас, будет двести-триста лет.

Он обернулся к шпиону, сидевшему в углу.

— А вам сколько лет, приятель?

— Тридцать,— он слегка порозовел.

На самом деле ему должно быть на два-три десятка лет больше. И если он будет хорошо работать на бюро политики, добьется доверия и станет нормально расти по службе, то он сможет позволить себе медицинское обслуживание, которое продлит его жизнь лет до двухсот или немного меньше.

Легкая улыбка появилась на губах Кракно. Ему нравилось, что шпион ежится.

— Тридцать, да? Что же, пусть будет так.

Солнце уже вовсю светило в окна. Меньше чем через полчаса, им всем уже нужно появиться на работе, иначе они потеряют дневной заработок.

— Когда-то здесь были долины, где росли деревья, цветы и трава. Если бы здесь жили богачи, эти долины до сих пор были бы приятными и прекрасными, и то там, то здесь стояли бы изящные дома. Богатые так и живут. Таких мест на этой планете множество, как и на всех обитаемых планетах — гораздо больше, чем могут заселить богачи. Но вы, поскольку вы не богачи, живете в дыму, грязи и поту. Вас держат здесь как стадо, ограничив законами, которые придумали не вы; вы рождаетесь в ситуациях, в которых вы не можете себе помочь и не можете помочь своим детям. В то время как там... — он сделал резкий жест в сторону окна, за которым виднелась часть огромного блестящего тела Внутреннего города, нависающего над Старым, — вы постоянно видите дворцы тех, кто вас угнетает, кто унижает вас.

Волнующие тембры голоса Кракно, казалось, даже атомы стен заставляли многозначительно вибрировать.

— Всякая власть репрессивна. Власть лишает вас индивидуальности. Власть не дает вам брать то, что предлагает природа. Власть заставляет вас работать на хозяина в грязи, в дыму, с унылой монотонностью. Государство есть инструмент власти. Единственный путь к свободе — это уничтожение власти. Уничтожение государства!

Он подождал, пока это до них дойдет. Эта лекция была только вступлением к планомерному отображению его анархической, нигилистической фи-

лософии. От них нельзя было ожидать, чтобы они восприняли ее сразу и целиком, но, оглядевшись, он увидел, что его мысль дошла до большинства.

— Следующее собрание завтра в это же время, — закончил он. Но, поскольку есть еще немного времени, то, может быть, у вас есть вопросы?

Мужчина лет шестидесяти с виду почесал голову и озадаченно нахмурился:

— То, что вы говорите, было верно когда-то и отчасти, конечно, это верно и сегодня, — медленно проговорил он, — но ситуация улучшилась после того, как к власти пришел король Максим, не правда ли? Теперь вы можете получить землю, или, по крайней мере, некоторые из нас могут. Этого не было при прежнем правителе из дома Лоренцев.

Кракно смотрел на него задумчивым взглядом:

— Вы действительно думаете, что они что-то дают?

— Ну да, распределяются целые планеты. Всем об этом известно. Моему собственному сыну дали тысячу акров, чтобы он занимался фермерством на земле герцога Эмбройдского, причем он получил эту землю за полцены, и не надо платить никакой арендной платы. Это тяжелая работа, конечно, но ради себя уж стоит постараться. Вы не можете утверждать, что Дом Гречанов ничего не делает для народа.

Кракно разразился ужасным, зловещим хохотом, каркающей пародией на веселье.

— Лет через шестьдесят ваш сын умрет. Но герцог Эмбройдский будет жить еще сотни лет. Он не берет плату за аренду, потому что использует арендаторов для того, чтобы они разработали землю, сделали ее плодородной. Он может себе позволить раздать землю в аренду на всю жизнь, потому что когда этот срок пройдет, сам он будет жить. И тогда

он потребует огромной платы от детей арендаторов или же выгонит их. Он не предлагает вам начать жизнь сначала. Просто он экономит на этом, чтобы самому не разрабатывать землю, и готовится сосать кровь ваших детей и внуков!

Лицо пожилого человека приняло грустное, озадаченное выражение. Кракно коротко со всеми попрощался. Но при этом он сделал предостерегающий жест Хоррису Дэйджелу. Надо было еще разобраться со шпионом.

Они перехватили его на площадке, пока остальные ждали лифты, чтобы спуститься на землю:

— На пару слов, если не возражаете, — сказал Хоррис.

— Но я опоздаю на работу...

— Никто не станет вас долго задерживать.

Чувство долга и ощущение опасности боролись — Кракно явственно это видел — в мозгу шпиона. Он заметил, что последние члены группы загружаются в лифт, и, казалось, слегка встревожился.

— Обыщи его, Хоррис, — сказал Кракно, как только дверь лифта закрылась.

Хоррис приблизился к блондину, который был не слабым на вид и сделал попытку сопротивления, но Кракно ткнул его лазерным пистолетом. Хоррис забрал нож с узким лезвием.

— Это все, Кастор.

— Наверх, приятель.

Раскрасневшись от ярости, агент двинулся вверх по лестнице.

— Ты ничего не добьешься своей жалкой пантомимой, ты, преступный подонок, — резко бросил он Кракно. — У нас есть способы, чтобы разбираться с такими насекомыми, как ты.

— А у нас — с такими, как ты, — пробормотал Кракно. Остановились у его квартиры. Он открыл

дверь в маленькое, пустое помещение.— Сюда, пожалуйста.

Когда пленник переступил порог, Кракно отдал пистолет Дэйджелу и пробормотал:

— Это не займет много времени: он уязвим.

Когда Кракно закрыл дверь, агент, казалось, на мгновение удивился, затем бросился на него. Почти без видимых усилий анархист отбросил его, так что тот, казалось, отскочил от плотного, резинового тела. Снова побороть его агент не пытался. Он был физически сильнее Кракно, но остановило его что-то другое: глаза!

В глазах Кракно была такая взрослая, мощная сила, что мужчина из Внутреннего города внезапно почувствовал себя маленьким ребенком. Он стоял, моргая, спиной к голой стене, в присутствии более старшего, мудрого и во всех отношениях более авторитетного мышления.

— Я просто подумал, что нам следовало бы немного поговорить о тебе,— сказал Кракно, прикоснувшись локтем к двери.

И затем началось. Поначалу мягко, затем со все более растущим напряжением, с которым не может сравниться никакое физическое воздействие.

Кракно просто говорил и спрашивал. Но манера разговора и навязываемые вопросы были подобны физическим объектам, которые невозможно было проигнорировать. Поначалу агент старался хранить тупое молчание и делать вид, что не слышит Кракно; но это подавляющее присутствие оказалось невозможно игнорировать. Умело и беспощадно Кракно расширял трещины и вытаскивал на белый свет такие вещи, которые, как кажется каждому человеку, знает о себе только он сам.

Через двадцать минут агент смотрел на стену невидящим взглядом, краснел и мечтал провалить-

ся сквозь землю. Но это было только начало. Кракно, каждый раз аккуратно возвращая жертву на линию стрельбы, когда бы она ни попыталась вывернуться, продолжал снимать напускное с человека, затем более скрытое, а потом безжалостно вытаскивал на свет самое тайное из глубин души, необходимое для здоровой психики. Это было расчетливое нападение на эго, на сами основы существования человеческого существа.

Через сорок минут агент пребывал в стадии продвинутой шизофрении. Через сорок пять минут Кракно опустошил его эмоционально, он потерял даже свое шизоидное чувство своего «я» и растянулся на полу с разинутым ртом и невидящими глазами.

Осторожно и точно Кракно вернул его назад до той точки, когда он вновь стал узнавать, где находится. В этой точке ум раздавленного человека принял последнюю попытку утвердить себя.

— Оставьте меня в покое! — взвизгнул он, всхлиывая. — Бога ради, оставьте меня!

Кракно прыгнул вперед и схватил его за плечо.

— Смотри на меня, — приказал он. — Смотри на меня. Смотри на меня. Смотри на меня, смотри на меня. Ты знаешь, не правда ли? Ты знаешь, ты знаешь, знаешь, знаешь!

В эти слова и во взгляд нигилист вложил всю свою, как он это про себя называл, инопланетную силу смерти. Мужчины обмяк, его нижняя челюсть тряслась.

Кракно отпустил его, шагнул к двери и открыл ее. За дверью стоял Дэйджел.

— Мы завершили нашу маленькую беседу, — дружелюбно сказал Кракно. — Наш приятель теперь уходит.

Агент вышел, едва переступая ногами. Дэйджел возвратил ему нож и помог спрятать.

— Теперь иди, — тихо сказал Кракно. Агент поднял на него взгляд, отчаянный, умоляющий, но, заметив каменное выражение лица анархиста, повернулся и ушел.

Кракно ни разу не упомянул о том факте, что он — агент. Теперь мужчина, может быть, побродит некоторое время по Старому городу, может быть, попробует вернуться к своей роли на фабрике или в офисе, возможно, даже вернется во Внутренний город, но не сможет представить своему начальству никакого серьезного отчета о том, что он нашел. Через шесть часов, а может быть, и намного раньше он убьет себя, намеренно и без всякой видимой причины.

В его внутренней жизни не осталось ничего стабильного, чего не уничтожил бы Кракно. Обычный человек смог бы так уничтожить личность, если бы он был злым гением. И у него было бы несколько месяцев свободного времени. Кракно смог сделать это за час и только потому, что его собственная психика особым образом подпитывается чем-то таким, что не имеет человеческих параллелей. Похититель Жизни научил его отбирать жизнь у других.

Кракно показал агенту его жизнь: пустую, бессмысленную, не обладающую ни ритмом, ни смыслом. Он показал ему то, что сам Кракно понимал все время, но с такой яркостью и ускорением психологических процессов, которых только мог достичь нигилист, что агент увидел это с невыносимой ясностью, которая свела на нет все прошлые интересы или обязанности. Никто, кроме, может быть, самого Кракно, не смог бы долго продолжать такое существование. Желание умереть, однажды разбуженное, в конце концов в подобных случаях побеждает.

Кракно мог это сделать. Некоторые были на грани смерти и выжили, чтобы рассказать об этом. Но

Кракно пошел дальше. Он прошел по ту сторону смерти и вернулся. Он знал, что такое вообще жизнь: для него это было ничто.

VI

Не успев даже войти во Внутренний город, Джандрак Саннский понял, что что-то происходит.

Он внесся в атмосферу позднего вечера, царившую в северном полушарии. Приближаясь к Максимилии-Сити, он снизил скорость, чтобы она стала меньше звуковой. Впереди виднелось многоцветие огромного города, сиявшего, как обычно, под вечерним небом. Однако с панели управления понеслись предупреждающие сигналы.

Поскольку его машина была военной, то по природе сигналов он определил, что вокруг города действует полицейская радарная сеть. Приблизившись, он увидел огромный вертикальный световой столб из Внутреннего города в космос. С частыми интервалами вверх в небо проносились сверкающие точки — он знал, что это посыльные, разносящие инструкции находящимся на орбите станциям защиты класса «А».

Все говорило об экстренной ситуации. Джандрак замедлился до скольжения и включил свой приемопередатчик. Все волны были забиты путаницей голосов. Он набрал номер базы скользящих кораблей; после короткого шума скремблерного кода на экране появился Хин Сетт.

— Судя по всему, здесь беспокойно, — сказал Джандрак. — Ты ничего не слышал?

— Нам только сказали, чтобы мы держались в стороне, — ответил Сетт. — Похоже, по всему королевству объявлена тревога. У тебя есть какие-нибудь идеи: в чем может быть дело?

— Нет. Я тебе позвоню, когда узнаю.

— Может быть, тебе следует возвратиться сюда, пока еще есть время?

Джандрак обдумал этот вариант.

— Нет, — решил он, — это преждевременно. Но будь готов действовать быстро.

Лицо Сетта рассыпалось в беспорядочные цвета скремблера, когда экран отключился. Джандрак продолжил путь к Внутреннему городу, и вскоре электронная защита выслала ему вызов. После того как он передал свой код, ему было разрешено приземлиться в месте назначения — во дворе изящного комплекса королевского дворца.

Причиной его визита был бал, который сегодня давал сам король. Для начала Джандрак прошел в зарезервированную для него в гостевом крыле комнату и тщательно облачился в полную форму, которая была ревностно приготовлена ординарцем в другой стороне планеты. Затем, разукрашенный в тонко поблескивающие цвета, он пошел прогуляться по множеству залов и салонов и попытаться разузнать, что удастся.

Дворец уже наводнили толпы вечерних гостей; но происходило что-то более важное, чем просто подготовка к балу. Атмосфера была наэлектризованной: к напускной веселости подмешивалось тревожное ожидание. Офицеры с беспокойными лицами быстро ходили по неведомым делам. В комнатах звучали таинственные звонки или гонги, не соответствовавшие обычному ритуалу при обычном общественном событии. Никто еще не видел короля или его родственников.

Джандрак взял за пуговицу знакомого майора, служившего во дворце. Они сели в алькове за элегантный столик. Джандрак подозвал слугу и заказал напитки.

— Новости пришли часа два назад,— сообщил офицер в ответ на его расспросы.— У Сморна была большая битва. Четвертый и Пятый флоты разбиты наголову — практически уничтожены.

— Четвертый и Пятый?..— он оставил вопрос висеть в воздухе, моментально сбитый с толку.

Майор подергивал свой пышный ус, тревожно оглядываясь вокруг:

— Не знаю, что они там делали. Должно быть, летели по первому классу секретности. Чертовски странное дело.

Мысли Джандрака со страшной скоростью неслись в прошлое: он вспомнил беседу с королем после возвращения со Сморна, Максим упоминал о том, чтобы перевести Четвертый и Пятый флоты накрыть Сморн на случай, если принцу Передану станет известно, что его вскоре поглотит Пятно. Очевидно, вместо этого принц узнал о передвижениях королевских вооруженных сил.

— Король в совершенной ярости,— продолжал майор низким, доверительным тоном.— Головы уже покатались. Лично я желал бы оказаться в тысяче световых лет отсюда.

Джандрак не мог не подумать, что подобное положение было бы гораздо полезнее и для его здоровья тоже.

— А после битвы что-нибудь происходило? Какая-нибудь активность со стороны Сморна?

— Пока нет, но прошло всего несколько дней. Это же очевидно, не правда ли? Если Четвертого и Пятого нет, то мы становимся полностью открытыми. Передан окажется чертовым дураком, если не попытается этим воспользоваться. Шевеление начинается, скажу я тебе.

Джандрак задумчиво тянул напиток, который принес слуга. Если бы он не знал, что из дворца его

сейчас не выпустят, он испытывал бы большой соблазн вернуться на базу скользящих кораблей.

Затем слышались музыкальные трели, оповещающая о начале бала. Стараясь подавить страх, Джандрак присоединился к толпе, плывущей сквозь арки к большому залу. Воздух наполнился приятными ароматами и цветными дымами, привлекающими взгляд. Автоматически он начал приглядываться к женщинам, в поисках подходящей цели. В обычных условиях его переполнял бы приятный дух предвкушения.

Архитектура зала была тщательно рассчитана таким образом, чтобы он, при своих немалых размерах, не оскорблял зрения и не делал бы человека потерянным и незначительным. Его стены были не прямыми, но состояли из серии кривых различного радиуса и образовывали группы альковов вокруг главного пространства. В них располагались места для отдыха, гостиные и обеденные площади. На главном пространстве потолка была изображена гигантская версия герба Дома Гречанов. Оркестр располагался не на одном уровне с полом и не на сцене, а вертикально, на ярусах балкончиков, занимавших всю стену в дальнем конце зала.

На данный момент многочисленные слуги стояли вдоль стен по стойке «смирно». Гости расхаживали примерно по периметру главной части, поднимая гул разговоров. Ничего не могло начаться, пока не появится король. Джандрак, инстинктивно чувствуя себя в безопасности в толпе, присоединился к группе офицеров.

Наконец, с трепетными трелями и грохочущими фанфарами, король и королева прибыли на зеленой платформе, опустившейся из потолка на пол. Это был великолепный образчик помпезности, как бы уводящий в сказку, что король Максим обожал.

Во время спуска они стояли бок о бок, совершенно неподвижно, и держались за руки, в то время как второй рукой Максим торжественно демонстрировал изумительный сверкающий скипетр. Король был одет в длинную струящуюся мантию пурпурного цвета, на голове — корона, и такая же корона, но поменьше, была на голове королевы; в каждую из корон были вставлены дюжины редчайших драгоценных камней во вселенной — эллюксов, электрически активных камней, которые постоянно испускают потоки радужного света.

Королева Галатея, стоя рядом с мужем, не казалась такой уж впечатляющей фигурой. Она была маленькой и тонкой. Несколько поверхностно миловидна, она рассеивала это впечатление своим угрюмо-незаинтересованным видом. В разговоре обычно проявляла себя пустоголовой и легкомысленной и вела себя скорее как собственность короля, а не его партнерша.

Тем не менее этим вечером ее кутюрье создали творческий шедевр, преобразив в одну из наиболее заметных и соблазнительных женщин Внутреннего города. Волосы были пострижены коротко, как у мальчика. Пенный материал ее платья обхватывал шею и плечи и, ниспадая, обвивался вокруг талии прозрачными изгибами; из складок выглядывали соски небольшой, но крепкой груди, розовые и дерзкие. Платье заканчивалось пленчатой миниюбкой, оставлявшей голыми ее стройные ноги, с оригинальным разрезом, так что, когда королева двигалась, приоткрывался интересный вид на ее лобковые волосы, красиво оформленные, расчесанные и покрашенные в бледно-лавандовый цвет.

Когда королевская пара сошла с платформы, подбежавшие слуги приняли у них короны и сняли мантию с Максима. Под ней был более подходящий

костюм: верх из ослепительной парчи с подбивкой и парчовые бриджи с серебряной филигранью.

Джандрак с беспокойством смотрел на короля, стоявшего в гротескной позе и с яростью глядевшего на собравшихся; руки его висели, как у гориллы; голову он подал вперед. Даже со своего места Джандрак чувствовал его яростное напряжение и силу его личности. Он напомнил себе, что Максим не смог бы захватить трон, если бы не обладал исключительными личными качествами, и был далеко не капризным клоуном, за которого многие его принимали. Даже если он и был психом, то таким, с которым следовало считаться.

В этот момент его ярость, несомненно, готова была выплеснуться через край. Заметив группу военных, он двинулся к ним большими шагами, грубо таща за собой королеву Галатею.

— Ага! Наш генеральский состав! — воскликнул он громким, отчаянным голосом. — Плейбои, которых мы назначили защищать наш мир!

Джандрак и раньше замечал, что в стрессовые моменты Максим иногда использует архаичное множественное число для обозначения королевской персоны, наподобие плохого актера, внезапно вспомнившего свою роль.

Военные стояли по стойке «смирно», с деревянным выражением лиц. Когда королева Галатея приблизилась, нос Джандрака ощутил непреодолимый сексуальный аромат, наполнивший его почти неконтролируемым желанием; Джандрак был рад тому, что сложная форма скрывала автоматическую реакцию его тела. Он знал, что и другие чувствуют то же самое: королева часто пользовалась духами с возбуждающими добавками. Королю нравилось, когда другие мужчины желали ее, зная, что обладать ею может только он.

Король ударил вслепую, заставив нескольких офицеров закачаться на пятках.

— Поймите одну вещь, красавчики. Если мы потонем, то вы потонете вместе с нами!

Он резко обернулся к толпе вельмож, поднял оба кулака, и его голос, неровный, но звучный, зазвенел четко и ясно:

— Чтобы никто из вас не вздумал воображать, будто мы в опасности или что корона неустойчиво держится на нашей голове. Наоборот, мы, несомненно, окопались глубже, чем когда-либо! Мы счастливы сознавать, что являемся субъектом глубокой любви миллиардов наших подданных, сознавать непоколебимость основ нашей политической власти. Ответственные же за этот тяжелый удар по нашему мирному королевству вскоре станут объектом внимания нашей особой команды специалистов по пыткам — и все это на благо предателям, двойным агентам и пораженцам — а они мастера своего дела, ах, какие мастера!

Ни шепота не донеслось от притихших, испуганных слушателей. Королева Галатея смотрела в сторону, равнодушно жуя жвачку с ароматом земляники.

— А вы, полковник! — Максим внезапно повернулся и ткнул пальцем в Джандрака: — Может быть, вы лучше, чем кто-либо другой, сможете объяснить, как бунтовщики узнали о том, где искать мои силы? А? Как? Как? Кто им сказал? — его голос сорвался на высокие ноты.

— Не я, Ваше Величество! — задохнулся Джандрак.

— А разве мы сказали, что это вы? Мы видим вину, написанную на вашем лице? Э? Отвечайте!

— Может быть, следует предположить, что расположение Четвертого и Пятого флотов Вашего Вели-

чества было рискованным? — заметил Джандрак, ужаснувшись своему безрассудству.

Он говорил тихо, так что его могли слышать только те, кто был поблизости. Но он почти чувствовал, как они задрожали при мысли о том, что в катастрофе виноват сам король.

Максим наполовину повернулся в сторону, затем застыл в странной, пугающей позе, с поднятой рукой и вытянутыми пальцами. Искося он взглянул на Джандрака. Его тонкие губы растягивались в веселой улыбке, пурпурно-карие глаза горели.

— Итак?.. — мягко произнес он.

Затем момент спокойствия прошел; вернулась ярость.

— Давайте! — рявкнул он, подгоняя собравшихся рукой, будто стадо. — Танцуем!

Взяв королеву Галатею под руку, он прошел к центру зала; за ним последовало множество пар. Все приняли «учтивую» исходную позицию. Грохнула музыка, и танец начался.

Музыка представляла собой свободную интерпретацию джаза и свинга — очень древних форм искусства, раскопанных дворцовыми политическими исследователями. Громкие звуки труб, сопровождаемые живым, но монотонным ритмом ударных неизменной высоты. Сходная комбинация монотонности и живости характеризовала и сами танцевальные движения. Они были стилизованы до крайности: синкопированные, негибкие, перемежаемые небольшими прыжками каждые несколько тактов. Причем они должны были исполняться точно и безошибочно.

Непосвященному наблюдателю такое представление показалось бы несколько странным, но так и должно было быть. Этот танец являлся инструментом политики, предназначенным для воздействия

на нервную систему и приведения ее в соответствие с требованиями политики. Тщательно стилизованная последовательность движений, специально подогнанная к нервным ритмам, была особенно эффективна для воспитания автоматического восприятия власти. В данном окружении это означало более близкую идентификацию с личностью короля Максима, признание необходимости его правления и праведности целей. По сути дела, этот танец был значительным шагом к тому, чтобы запрячь всех и каждого в ритуальный танец его правления, и в последнее время Максим настаивал, чтобы его танцевали все больше и больше.

Инструктора политического танца ходили среди дергающихся пар, следя за тем, чтобы все его движения были правильны. Джандрак огляделся в поисках партнерши, но в этот момент его хлопнули по плечу.

— Пройдите, пожалуйста, с нами, полковник.

За ним стояли два сержанта в форме политической полиции.

— Ради Космоса... — начал, было, он, затем замолк.

Стоявшие вокруг офицеры отодвигались от него, избегая смотреть в глаза и стараясь стать незаметными. Один из сержантов сделал короткий жест, приглашающий следовать за ними, повернулся и пошел. Джандрак двинулся следом, рассерженный, чувствуя себя униженным. Он совсем не так представлял себе завершение сегодняшнего вечера: он собирался закончить его с женой или дочерью какого-нибудь вельможи, в одном из множества будуаров...

Они поднялись на пролет по широкой мраморной лестнице и пошли по балкону, тянувшемуся по всему периметру бального зала. Внизу дергающие-

ся фигуры продолжали поворачиваться и прыгать. Джандрак был бы более спокоен относительно последствий танца и будущего всего королевства в целом, если бы сам король не практиковал этот танец; но таким образом он погружался в собственные фантазии и тащил королевство за собой.

По другую сторону балльного зала Джандрак заметил Хинкина — создателя танца, смотревшего из затененного алькова. Зловещая фигура в обтягивающей черной одежде он был маленьким тощим и таким сгорбленным, что его можно было назвать горбуном. Ученый-политик и нервный специалист — по слухам, пытки являлись одним из его хобби — наблюдал за танцем со зловещей улыбкой на угловатом лице. Сам он не танцевал, но его плечи неприятно дергались в ритм музыки. Когда они вышли из зала, звуки бала стихли. Джандрака провели по коридорам нейтрального серого цвета в крыло, где располагались конторы дворцовой полиции, политический отдел. Эта часть была пронизана атмосферой тягостной и угрожающей. Джандрак попадал сюда и раньше, но с другими целями.

Через дверь, которая за ним тут же закрылась, они прошли в длинную приемную с мягким ковром на полу, затем через похожую дверь в почти такую же комнату. Везде царила мертвая тишина, несмотря на то, что в помещениях сидели женщины-секретарши в форме (все лесбиянки — женщин другого типа в политическую полицию не брали). Джандрак понял, что его ведут во внутреннее святилище.

Последнюю дверь сержанты закрыли за ним, но сами не стали входить. Перед Джандраком был стол с лампой, и это был единственный источник света в комнате. За столом, глядя на него ледяным взглядом, сидел Гринсект, ужасный шеф политического отдела.

Джандрак знал полицейского шефа только в лицо. Причины бояться его были у каждого. Это был человек из стали, он и выглядел стальным и сильным, и был сильным. Его серые глаза, не допускавшие и мысли о юморе, поблескивали в свете лампы, когда он кивком подозвал Джандрака и приказал ему сесть.

— Король недоволен вами, — сказал он глубоким и мрачным голосом. — Вы находитесь под подозрением.

— Но почему? — возразил Джандрак. — Я верно служу королю. Я выполнял особые поручения для него... — он прервался, слегка смутившись, не зная, до каких пределов Гринсект был посвящен в схемы и политику Максима.

— Вы можете говорить свободно, — Гринсект махнул рукой. — Я знаю все о ваших обязанностях и о причинах, вызвавших их к жизни. Теперь насчет вашего визита в Сморн...

— Я выполнил свою задачу в точном соответствии с инструкциями, — горячо настаивал Джандрак. — Не меня надо винить в том, что получилось не так, как планировалось: возникли другие факторы.

— Это вы так говорите, естественно. Насколько истинны ваши заверения — это известно только вам... на данный момент времени, имеется в виду.

— Погибшие флоты отправили к Сморну после моего отлета. Я не мог рассказать о них бунтовщикам.

— Вы посетили историка Грэйма Либера?

— Ну, да... посетил.

— А зачем вы это сделали?

— Принц Пер... Лжепринц попросил меня передать ему привет, — с болью признался Джандрак. — Это все.

Гринсект кратко кивнул.

— Об историке Либере мы знаем все — со значением проговорил он. — Так что вам придется признать, что ваши отношения с домом Лоренцев не только официальные. Чтобы вы могли передать информацию обратно на Сморн?

— Да зачем я бы стал это делать? — взорвался Джандрак. — У меня нет абсолютно никаких причин это делать. Как насчет Пятна? Этот план тоже провалился?

— Пятно на пути к Сморну, — подтвердил Гринсект. — Будет ли Передан на месте, чтобы его встретить, или же окажется в десяти тысячах световых лет оттуда — только время покажет.

Ситуация начинала давить на Джандрака. Стены комнаты были почти невидимы в полутьме. Только маленький островок света от лампы, слабо освещенные черты лица Гринсекта, с одной стороны, и его собственного — с другой, в то время как он потел перед спокойной, неспешной логикой полицейского шефа. Создавалось впечатление, что Гринсект имеет какую-то версию и играет с ним в кошки-мышки.

— Почему вы не доложили об этой просьбе прежде всего?

Джандрак промолчал.

— Что же, поговорим о чем-нибудь другом. Проект скользящих кораблей. Он полностью вверен вам, со всеми полномочиями. Примечательная ответственность для такого молодого человека.

— Тогда это само по себе должно для вас служить доказательством того, насколько король ценит мои способности, — резко бросил ему Джандрак, — и также мою верность.

— Полковник Санн, сейчас допрашивают вас, а не короля. База, на которой выполняется проект, полностью закрыта, не так ли?

— Да.

— Не странно ли это?

— Почему это должно быть странным? С момента выполнения моей миссии Передан уже знает о существовании нового типа привода. Разумно предположить, что он будет предпринимать усилия, чтобы узнать о нем побольше. Я считаю, что полная закрытость базы совершенно оправдана.

— Даже когда туда не пускают моих людей? — Гринсект подался вперед, его гранитное лицо излучало самую сущность тирании. — Неважно, если вас отстранят от проекта: это будет означать, что король ничего не имеет против того, чтобы проект оказался под надзором моей организации. Тогда не будет вопроса о дезертирстве.

— Но это нелепость! — внезапно Джандрак решил побороться по этому вопросу. — Я надзирал за проектом со дня его основания и намерен довести до конца!

Будто бы не слыша, Гринсект обратился к папке, лежавшей на столе. Джандрак заметил, что она только что спечатана с компьютерного файла и что на ней его имя.

Он заговорил, было, снова, но Гринсект проигнорировал его, открыл папку и склонился над ней. Чуть ли не десять минут он перелистывал страницы, в то время как Джандрак сидел в напряженной тишине.

Внезапно полицейский шеф встал, потянулся, отошел от стола и стал ходить туда-сюда в полутьме.

— Король назначает людей на должность, — с чувством пояснил он, — инстинктивно. Он смотрит, чувствует, ощущает и предполагает. Мой метод, однако, научный. Я наблюдаю за человеком и собираю факты, привычки, выражения и жесты. Затем я анализирую это, пока не пойму, что у него внутри.

Пока Гринсект развивал тему, Джандрак не мог не заметить его рост, настолько огромна была его широкая спина, одетая в серое и пересеченная двумя ремнями.

— Естественно, — продолжал полицейский, — время от времени мы держали вас под наблюдением. Вы для нас не являетесь неизвестной величиной, — он сделал паузу и коснулся чего-то на столе. Послышался щелчок. Новый источник света заставил Джандрака взглянуть налево: на стене ожил видеоэкран.

Джандрак удивился, увидев себя в одном из залов дворца, беседующим с коллегой-офицером во время одного из своих первых визитов во Внутренний город. Шпионская камера перемещалась туда и обратно, выхватывала позы, выражения и всю эту важную мимику лица, которой человек выдает себя, сам того не осознавая. Микрофон камеры воспринимал каждое слово разговора.

— Знаете что, — сказал Гринсект более оживленным тоном, — давайте поговорим о вещах более общих. К примеру, что вы думаете о бедственном положении бедняков? — он сел и снова коснулся панели управления. Джандрак собирался было выдать несколько убедительных, но идеологически безопасных банальностей, чтобы его равнодушие казалось более естественным. Но последующая сцена дала ему понять, насколько он должен быть осторожным. Он был в Старом городе и ехал на одном из этих грохочущих электрических трамваев, с интересом рассматривая окружающих. По его лицу одна за другой гнались десятки скоротечных, полусознательных эмоций — жалость, отвращение, восхищение, изумление. Они явно указывали на то, что его реальные ощущения описать не так-то просто, и он подумал, насколько широко политический отдел опутал своей сетью Старый город.

— По сути дела, — осторожно начал он, — это вопрос к ученому-политику.

Экран потемнел на несколько мгновений. Перед тем, как он загорелся снова, по нечетким повизгиваниям, криканьям и стонам он в ужасе предчувствовал то, что увидит через пару секунд. Его страхи реализовались: он видел комнату Ронданы, где они двое, голые, в диком восторге занимались любовью.

В ярости он вскочил на ноги и с ревом бросился на Гринсекта. Здоровяк, тоже встав, просто пихнул его обратно одной невероятно огромной и мощной рукой.

— Сиди, щенок, и не возбуждайся. Мы наблюдаем, за кем хотим и когда хотим.

Джандрак сел и стал смотреть на это холодное лицо, по-настоящему испуганный этими проявлениями силы. Он слышал, что элитные офицеры политического отдела каждый день подвергаются сеансу нервной пытки, чтобы поддерживать свою «крутизну».

На экране он достиг восхитительного, всеохватывающего оргазма и теперь снова бросался на Рондану, чтобы делать ей такие вещи, которые сейчас заставили его покраснеть. Гринсект, повернув голову, смотрел на все это с явным удовольствием; сардоническая улыбка впервые нарушила жесткую бесстрастность его лица.

«Он — чудовище, — думал Джандрак, отвернувшись в другую сторону и сжимая кулаки. — Он должен быть уничтожен».

— Со вкусом, — подцепил его полицейский босс, когда картинка на экране милосердно поблекла. — Не беспокойтесь, полковник, это был единственный раз, когда мы расположили камеру в спальне вашей маленькой шлюхи. Мы не устанавливаем свои устройства постоянно — если бы мы везде их остав-

ляли валяться, мы бы могли скомпрометировать свою славу «невидимок».

— Теперь расскажите мне, что вы думаете по поводу бедственного положения бедняков...

В течение нескольких часов неутомимый Гринсект беседовал с ним «о вещах вообще». О политике, сексе, общественных проблемах, о короле Максиме и его маленькой болонке-королеве, о разных личностях, знакомых обоим. Он обнаружил, что у Гринсекта нет ни малейших сдерживающих факторов, когда речь заходит о чьих-нибудь личных недостатках, даже если это недостатки его хозяина.

Они говорили о спорте, религии и музыке. Гринсект спросил его, кто, по его мнению, победит в этом году в воздушных гонках вокруг планеты. В сфере музыки шеф полиции признал, что страстно ценит классический тип абстрактной, экстремально интеллектуальной композиции, достигшей своего расцвета с гением Сконорбала около сотни лет назад.

И постоянно, о чем бы они ни беседовали, на видеозэкране разворачивались кадры с Джандраком, готовые, с точки зрения эксперта — Гринсекта, подтвердить мнения, которые он высказывал. Джандрак осознал, что он играет в игру умов, в которой его целью было любой ценой скрыть свою двойственность, подойти близко к правде, не открывая ее. Он не знал, насколько верно утверждение Гринсекта о том, что можно узнать человека путем научного анализа, но он и раньше слышал о «языке тела» — втором, инстинктивном языке, посредством которого люди общаются с помощью жестов и поз, независимо от устного языка.

Одна-две из сцен его прошлого явились для него откровением, к немалому развлечению Гринсекта. Одно из них было то, что при игре в карты со старым герцогом Бруорнским, когда он проиграл по-

лосу земли площадью в десять тысяч квадратных миль, хитрый вельможа его обжулил. Второе поразило тем, что он однажды провел ночь в постели жены одного из офицеров Гринсекта.

— А он знает? — спросил он.

Гринсект расхохотался, как канализационная труба:

— Конечно. Он увидел эту ленту на следующее же утро. К сожалению, капитан Херст не разделяет модного «эмансипированного» взгляда на такие вещи; он хотел вас убить. Я удержал его, естественно, в интересах долга. Но он выбил у меня обещание, что если нам когда-нибудь придется применить к вам нервное возбуждение, то заниматься этим будет он.

Откинувшись в кресле, он положил руки на стол.

— Как бы вы отнеслись к тому, что я отдам вас Херсту?

Джандрак глубоко вздохнул.

— У вас может быть шанс искупить свою вину. Для этого вы должны снова добиться благосклонности короля. Вы, если не постоянно, но, по крайней мере, часто посещаете Старый город.

— И что? — Джандрак был озадачен.

— Нам нужна некоторая информация о возникшем там новом движении, — Гринсект решительно махнул рукой, — в таком месте всегда существуют ненормальные политические движения. Однако в данном случае похоже на то, что у нас нет агентов, подходящих для установления плодотворного контакта.

— И вы думаете, у меня это получится лучше?

— Как вы сами сказали, вы — человек способный, который в прошлом выполнил много заданий. Получилось так, что ваша девица низшего класса, Рондана Криль, вовлечена в это движение, хотя и не очень глубоко. Мы узнали об этом из внепланового рапорта.

— Я этого не знал, — тихо проговорил Джандрак, игнорируя жгучее презрение к низшим классам, понижающее слова Гринсекта. — Что это за движение? Оно направлено против существующей власти?

— Общество называется «Смерть жизни».

Джандрак порылся в кармане, достал бумажник и вытащил карточку.

— Вы имеете в виду это?

Гринсект рассмотрел ее.

— Да. Любопытно, неправда ли? Где вы ее достали?

Джандрак пожал плечами.

— Во время боевых маневров новых кораблей один из моих офицеров очистил астероид; там было гнездо сброда. У одного из убитых была эта карточка. Офицер решил, что она любопытна, и дал мне.

Гринсект отдал карточку.

— Может быть, она поможет вам в вашем расследовании. Вы, конечно, согласитесь выполнить это задание?

— Естественно.

В это мгновение послышался шум голосов, и дверь внезапно открылась. Свет полился в комнату. Фигура короля Максима стояла в проеме, слегка качаясь.

— Ваше Величество! — Джандрак и Гринсект вскочили на ноги и хором приветствовали короля.

Максим шагнул в комнату, разглядывая их обоих слегка остекленевшими глазами.

— Так что вы еще с нами! — сказал он дружелюбно, хлопнув Джандрака по плечу. — Я думал, что наш приятель к этому времени уже смыл ваши останки в канализацию! — он хихикнул.

Несмотря на черный юмор, давешняя ярость короля, похоже, совершенно рассеялась. Он был веселым и непредсказуемым, как всегда.

При ярком свете офис полицейского шефа выглядел по-другому. В нем не было ничего роскошного или даже необычного. Это был офис обычного клерка, уставленный потертыми зелеными шкафами. Будто бы прикосновением к выключателю был разрушен кошмар.

Но сам Гринсект остался таким же впечатляющим. Хотя Джандрак и сам был высоким, его экзаменатор возвышался над ним, недвижимый, как скала, и такой же непоколебимый. И рядом с ним Максим, всегда необычайно подвижная и беспокойная личность, казался маленьким и недисциплинированным.

— Полковник Санн выразил желание заняться расследованиями в Старом городе, Ваше Величество, — сообщил полицейский офицер. — Я рекомендую его кандидатуру.

Король взглянул на Джандрака, кивая и улыбаясь:

— Это мелочь, но такая, которая меня порадует. Служите мне хорошо, друг мой. Я нуждаюсь в вашей верности.

— В моей верности вы можете не сомневаться, Ваше Величество!

— В этом я уверен. Что же, вам следует немного отдохнуть, как и всем нам. Ночь была напряженной.

Осознав, что его отпускают, Джандрак щелкнул каблуками, отдал салют и ушел. Когда дверь за ним закрылась, король Максим повернулся к своему политическому приспешнику, грустно качая головой.

— Мне должно быть стыдно, что я бросил такого ягненка в лапы такого волка, как вы.

— Ваше Величество его недооценивает.

— Возможно. Сколько человек, вы говорите, потеряно в связи с этими психами в Старом городе?

— Пятеро погибло таинственным образом. Мы необязательно связываем их смерть с порученным

им заданием. Более тревожно, что столько наших агентов получили нулевой результат.

— Что же, если Санн окажется не лучше, вы можете взять под свое начальство базу скользящих кораблей, как я и обещал.

— Тогда я ему желаю неудачи из неудач. Ни о чем лучшем я бы и не мечтал. К сожалению, мне кажется, что его шансы достаточно высоки.

VII

Джандрак мудро решил не слишком расстраиваться по поводу этой встречи с Гринсектом. Таких неприятностей следует ожидать в той игре, в которую он играл, если он не хочет поступаться своими амбициями. Риск и опасность — все это является частью игры.

Он старался даже уйти от ощущения опасности. Максим и Гринсект, он был в этом уверен, собирались только напугать каждого в эти времена максимальной угрозы. Ни один из них, похоже, ничего не знает о его закулисной деятельности. Что же касается уничтожения Четвертого и Пятого флотов, то по отношению к этой катастрофе Джандрак искренне считал себя невиновным, это было вполне естественно при его двуличной позиции. Источник его ощущения состоял в том, что для него это было так же неожиданно, как и для короля; он не имел ни малейшего понятия, как повстанцы узнали об этой тактике, если, разве что, они не пользовались каким-то новым видом детектора обнаружения.

Он не стал терять времени, стремясь побыстрее заняться своими новыми обязанностями, от успеха которых, как он считал, зависит, останется ли скользящий флот под его командованием. Сначала он сделал короткий, скрытый звонок Хину Сетту

(был почти уверен, что политический отдел не знал кода скремблера, но всегда лучше перестраховаться) и затем отправился прямо в Старый город; оставив форму и все украшения и одевшись в простую одежду, которая не вызовет комментариев. Его гордость, однако, не позволила ему опуститься до неряшества. Он инструктировал портного, чтобы тот сшил одежду элегантную, из хорошей ткани и только с намеком на шик, что подходило к его характеру.

Входная дверь доходного дома, где жила Рондана, была открыта. Джандрак поднялся по лестнице до ее комнаты, коротко постучал и вошел, не ожидая ответа.

Она повернула к нему испуганное лицо.

— А, это ты.

Она сидела за туалетным столиком, подкрашиваясь и явно собираясь уходить. В ее тоне заметил он не столько облегчение, сколько замкнутость. Он сознавал, что не приходил к ней уже почти полтора месяца.

— Ты не рада меня видеть? — весело спросил он тоном, который подразумевал положительный ответ. Но она пожала плечами, избегая смотреть ему в глаза.

— Мне жаль, но у меня уже назначено свидание. Тебе следовало дать мне знать, что придешь. Это было на нее похоже.

— Ты встречалась с другим мужчиной! — возмущенно взорвался он.

— А почему бы и нет? Ты приходишь или не приходишь — как тебе захочется. И ты думаешь, что я собираюсь просто сидеть здесь и ждать?

— Но, Рондана, я имею в виду... мы с тобой...

Она встала, открыла шкаф и осмотрела свой небогатый гардероб.

— Теперь мне пора идти. До свидания.

Схватив ее за плечи, он повернул ее к себе.

— Кто он? Где он? Давай посмотрим, достаточно ли он тебя ценит, чтобы встретиться со мной на ножах или с пистолетом!

Она яростно сбросила его руки.

— Как это на тебя похоже! Как ты будешь гордиться, тренированный солдат, когда убьешь рабочего, который в жизни не брал в руки оружия! Скотский убийца!

Непривычная брань шокировала его.

— Что случилось, что ты стала такой? — хмурясь, он подергивал себя за усы.

Она утомленно села на стул, отвернувшись.

— Кто я для тебя? Просто твоя маленькая шлюха в трущобах. Мне двадцать лет, а тебе сколько? Девяносто? Сто? Могу поспорить, что ты развлекался с такими же девицами, как я, семьдесят лет назад. Ты навещаешь их сейчас, когда они стали старухами? Ты придешь ко мне, когда я постарею, а ты будешь таким же, как сейчас? Это все ясно как день.

Джандрак неловко кашлянул. У него не было готового ответа. В подобной ситуации справедливостью не пахло, это верно. Но он не был воспитан в мире справедливости, никогда не искал ее и не ожидал найти. К примеру, очень маловероятно, что он женится на Рондане, введет ее в высший класс общества или же организует для нее что-либо, что означает принадлежность к этому классу — например, долгую жизнь. Тот факт, что он вообще мотается среди низших классов, было чем-то вроде безрассудства с его стороны, и большинство людей, которых он знал, сурово осудили бы его.

— Если бы я знал, как изменить мир, я бы так и сделал, — сказал он. — Нет смысла обвинять меня

в моем рождении, так же как и тебя — в твоём. Я прихожу сюда потому, что ты мне нравишься больше, чем любая из тех, наверху, — он презрительно ткнул большим пальцем в направлении Внутреннего города.

— Что же, у тебя больше возможностей изменить его, чем у меня.

— Это не так. Из аристократии никто ничего не может изменить. Тебе нужно среди них жить, чтобы понять, насколько это невозможно. Любое изменение должно идти снизу, отсюда, из масс.

— Герцог, ведущий бунтарские речи! — презрительно заметила она.

— Почему бы и нет? — украдкой он пробрался вперед и положил ладони ей на плечи, затем ласкающе провел вниз по рукам. Она не сопротивлялась.

— Скажи мне честно, — пробормотал он, склоняясь к ней. — Я тебе нравлюсь больше, чем этот, другой тип? Ты не можешь отрицать свои чувства ко мне.

— Да, — шепнула она, откидываясь назад, к нему, закрывая глаза и проникаясь его ласками.

Всего несколько минут потребовалось, чтобы прилив чувств захватил обоих; они снова оказались в постели, очередной раз наслаждаясь бездыханным возбуждением мужчины и женщины, открывающих для себя друг друга.

В одно из мгновений он приподнялся и изучил противоположную стену — искал позицию, с которой видел подобную сцену. Любая из множества случайных точек могла оказаться шпионской камерой. Гринсект пообещал ему, что она убрана, но Гринсекту, разумеется, верить нельзя.

Да и какое значение это имело? Выкинув из головы эту вероятность, он снова обратился к трепе-

щущей девушке. Такие вещи приходится принимать.

Все это он делал во имя службы королю.

* * *

Собеседником Джандрака оказался молодой товарищ из общества «Смерть жизни», которого Рондана встретила в питейном доме, часто посещаемом членами движения. Потребовалось еще два дня мягких уговоров, подлизывания и лицемерия, пока ему удалось, не вызывая ее подозрений, уговорить Рондану взять его с собой.

«Герцог Фринский» (Джандрак был восхищен, узнав, сколько питейных домов в Старом городе были названы именами аристократии) был зажат между двумя массивными фабриками. Основное помещение представляло собой большой дымный подвал, и именно здесь Джандрак впервые ощутил вкус бунта — настоящего, старомодного бунта, а не ссор и маневров аристократов. Разговоры были странными и непонятными. Молодые люди с растрепанными волосами обсуждали такие вещи, как «диалектика угнетения», «высвобождение творческих потенциалов» и «отрицание отрицания», и от этого у него просто возникало впечатление, что его забросили в середину сюрреалистического действия.

Вполне естественно, он поклялся Рондане, что не станет открывать, кто он такой, и в конце концов решил игнорировать жаргон и создать имидж и как бы свое кредо, основываясь на эмоциях: негодовании, которое тлело подспудно во всех ведущихся здесь разговорах. Именно в этом виде он постарался попасться на глаза личностям, которых уже определил как агентов, ищущих новобранцев для пополнения движения. За достаточно короткое

время он получил приглашение посетить Собрание на Заре.

До сих пор для Джандрака все было просто, и он был озадачен этим, не ведая, что идет путем, который до него уже прошли несколько агентов Гринсекта. И только когда через несколько минут после окончания собрания лазерный пистолет Хорриса Дэйджела ткнулся ему в ребра, он осознал, что в конце концов все не так просто.

Дейджел отвел его в ту же самую пустую маленькую комнату, в которой Кракно уже принял и уничтожил пятерых тренированных агентов Гринсекта. На этот раз, однако, в помещении были два вертящихся стула. Дверь закрылась за Джандраком, напомнив ему о конфронтации с полицейским шефом, и он оказался наедине с анархистским лидером.

Он никогда не слышал о Касторе Кракно и до этого не видел. Оставив свою позу рабочего, Джандрак встал прямо, как офицер, и посмотрел странному маленькому человеку в глаза. Кракно, внимательно изучавший его и во время собрания, и сейчас, когда Джандрак вошел в комнату, расхохотался.

Сбитый с толку, Джандрак поспешно решил раскрыться. Даже сейчас он не мог поверить, что жители трущоб осмелятся причинить вред персоне его ранга.

— Я требую отпустить меня,— заявил он.— Вы пожалеете о своих своевольных действиях, как только узнаете, кто я.

— Вы, несомненно, экспериментатор,— заметил Кракно, вытирая слезы на глазах.— Ладно, кто вы?

— Я — герцог Саннский.— Джандрак сердито и властно смотрел на пленившего его человека, ожидая увидеть страх.

Но Кракно только разразился новыми взрывами хохота.

— Ни много, ни мало! Почему вам и не быть им?

В первый раз самоуверенность Джандрака поколебалась. В этом человеке среднего роста с кожей лица, похожей на резину, который, как видно, находил его таким смешным, было что-то тревожащее и твердое. Это не была уверенность нормальных людей — это было подвижным и сильным.

— Меня зовут Кракно, Кастор Кракно, — сказал тот. Он приглашающе протянул руку: — Не желаете ли присесть?

Джандрак осторожно сел. Может быть, он раскрылся слишком рано?

— Что же вы находите такого смешного? — сердито бросил он.

— Вы смешные. Гринсект прислал вас сюда, я полагаю.

— Похоже, вы в более выигрышном положении, чем я, — медленно проговорил Джандрак.

— В каком-то смысле, да. Но и Гринсект тоже.

Каждый раз, когда Кракно смотрел ему в глаза, Джандрак ощущал это как электрический удар, вытягивающую душу, силу личности другого человека.

— Видите ли, он верно увидел в вас двуличного оппортуниста, который всегда пытается играть на две стороны против середины. Поэтому он и выбрал вас для этой работы. Он каким-то образом понял или догадался инстинктивно, что я в состоянии отличить агентов, которых он засылает, по их бескомпромиссной, хотя и скрытой, враждебности. Поэтому ему и не удалось проникнуть в мою организацию. Тайные намерения его шпионов настолько ослепительно ясны для меня, что я или отваживаю их, или убиваю. Он полагает, что вы, с другой стороны, сможете пройти сквозь мои экраны благодаря вашей неисправимой двуличности.

— Вы, конечно, не можете узнать обо мне так много за несколько секунд знакомства.

— Извините, но — могу. Я умею читать человеческую натуру. До определенных пределов может и Гринсект.

«Свинья», — подумал Джандрак. Уверения анархиста были настолько уравновешены и точны, что у него и мысли не возникло отбросить их как вымысел или предположения.

— Ладно... И что теперь? — Глаза Кракно, казалось, ввинчиваются прямо в суть его естества.

— Как я сказал, ваш эгоизм, ваши интриги, ваша двуличность — вот центральная точка вашего характера. Это необычно, что нужен такой человек, как Гринсект, чтобы это увидеть... Эти аристократы на самом деле самые невероятные дураки... — Кракно казалось, на мгновение погрузился в сон наяву: — Чего мне до сих пор не доставало, так это новобранцев из числа вельмож.

— Если вы думаете, что я объединю свои силы с вами, рожденным на свалке сбродом... — от отвращения Джандрак едва мог продолжать. — Стреляй, ублюдок, стреляй!

— Не утомляйте. У вас есть собственные глубокие интересы, разве не так? Мы живем в изменчивые времена; по меньшей мере, я делаю такой вывод, иначе политический отдел не тревожился бы так по поводу моей скромной деятельности. Ваши интересы и мои могут не так уж сильно отличаться.

— К чему вы ведете? — Джандрак был заинтригован.

— Нужно ли нам быть настолько враждебными? Я понимаю, что поставил вас в достаточно угрожающие условия. Давайте перейдем в соседнюю комнату. Это место вызывает неприятные ассоциации и у меня тоже.

Он открыл дверь и провел Джандрака в комнату побольше, невероятно захламленную; казалось, она выполняет функции спальни, столовой и офиса одновременно. Окна были закрыты, так что в этой ловушке был и запах животный, происходивший, несомненно, от комбинации постоянного присутствия Кракно и отсутствия свежего воздуха.

Хоррис Дэйджел уже был в комнате. Кракно удобно устроился в большом кожаном кресле.

— Присаживайтесь где-нибудь, — гостеприимно сказал он Джандраку. — Я уверен, что Хоррис принесет нам что-нибудь выпить.

Лейтенант анархиста вышел и принес им по изрядной дозе виски в потрескавшихся чашках.

Джандрак отпил.

— Так что там насчет моих интересов?

— Просто то, что прочтение вашего характера Гринсектом может поставить вас в еще более рискованное положение, чем вы можете себе представить. Вы были избраны не за то, что заслуживаете доверия, а за то, что не заслуживаете. Другими словами, вы в безопасности, пока остаетесь полезным. Поэтому, почему бы не развивать революционные контакты и быть также полезным мне, в то же время создавая себе задел на то время, когда наступит кровавая баня революции — а она наступит со временем.

— Вы удивительно много знаете о Гринсекте.

— Я никогда не встречался с ним. Но я знаю его по методам и через других людей, которые пострадали из-за него. О, знаю ли я Гринсекта! Это человек, который хочет добраться до моей собственной души, человек без иллюзий, без эмоций, без сердца. Человек, который любит смерть больше жизни. Мы оба понимаем человеческую натуру. Вот почему это удовольствие — сражаться с ним.

— Он — чудовище, — с мрачной задумчивостью проговорил Джандрак. — Он не заслуживает того, чтобы называться человеческим существом.

— Высокая похвала, действительно! — ответил Кракно с блеском в глазах. — Я расскажу вам историю. Один из моих людей, один из крутейших, был арестован политическим отделом. К несчастью для него, он мало мог сказать; тем не менее его немилосердно пытали, пока он не стал умолять, и пресмыкаться, и просить, чтобы его или убили, или отпустили. Там был и Гринсект. Когда анархиста довели до состояния истеричного ребенка, он снял его с нервной дыбы и сам на нее забрался. По его приказу операторы прогнали его через все те же процедуры, что и пленника. Гринсект все перенес, и, кроме скрипа зубов, никакой реакции не было. Когда они закончили, он сошел и сказал: «Вот что значит быть мужчиной». Затем они отпустили пленника. Верно, Хоррис?

Его лейтенант, на заднем плане, кивнул.

— Да, Хоррис и был этим пленником. Он тогда был рядовым членом общества. И это было единственным посланием мне от Гринсекта напрямую.

Джандрак не знал, что и ответить. Он чувствовал себя более расслабленным из-за виски, обжитого помещения и сердечного отношения анархиста. Также, до определенной степени, он попал под влияние личности Кракно. Когда тот присутствовал в комнате, кто угодно другой казался полутенью.

— Вы предлагаете мне стать двойным агентом? — спросил Джандрак. — Ваш человек во Внутреннем городе?

— Ничего такого грубого. Как я и говорил, Гринсект каким-то образом догадался, что я в состоянии отличить их психологическим способом, а именно примечая, что они лгут, делая вид, что принимают мое кредо, а, по сути, настроены полностью

против него. Поэтому ради эксперимента он попробовал послать человека с амбициями настолько неискренними, что о нем нельзя сказать, что он против кого бы то ни было; он глубоко посвящен только самому себе — а именно вас. Однако, я его переплюнул, потому что гораздо проникательнее, чем он думает. Ваше двуличие для меня так же ясно, как та стена. Я не против того, чтобы вы возвращались во дворец и докладывали о своем продвижении, если будете держаться в рамках и не станете поднимать слишком большой тревоги. Таким образом, Гринсект не станет сходить с ума и придумывать что-нибудь отчаянное. Также это предохранит вас от нервотрепки. Со своей стороны сделки, я хотел бы только того, чтобы мы беседовали время от времени, как мы беседуем сейчас. Это даст мне то, чего мне на данный момент не хватает: знания того, как аристократия мыслит и чувствует.

— Так как же насчет этого? В конце концов вы на самом деле ни на чьей стороне, и я уверен, предпочитаете ставить на огонь как можно больше утюгов, — вступил лейтенант.

«Его домашний вельможа, — подумал Джандрак с оттенком отвращения к себе. — Умный маленький ублюдок. Хотя он прав, вообще-то. И когда-нибудь в будущем я смогу, если так повернется, извлечь кучу пользы для себя, широко раскрыв весь этот заговор».

— А потом вы сможете даже заработать себе несколько медалей, передав всех нас властям, — победоносно заявил Кракно.

Джандрак испуганно поднял глаза. Кракно мягко рассмеялся:

— Нет, я не читаю мысли. Но в некоторые моменты мне бывает исключительно просто сказать, что люди думают. Кстати, мне нечего особо боять-

ся, если вы попытаетесь всех нас сдать. Наша организация сейчас слишком развилась для этого. Мы сможем справиться со всеми непредвиденными обстоятельствами.

— Вы все сумасшедшие, — сообщил ему Джандрак. — Революция, освобождение — это все сны наяву. Ради галактики, что, по вашему мнению, вы можете сделать?

— На это потребуется время, но время придет.

«На это могут потребоваться столетия, — подумал Кракно. — Я этого уже не увижу: столько не проживу. Но кое-кто из вас, свиней, живущих сейчас, останется и до дня расплаты».

Джандрак смотрел на него трезвым взглядом, стараясь подхлестнуть свое врожденное чувство превосходства в противовес самонадеянному животному чувству Кракно.

— Ваши теории кажутся мне несколько запутанными, — высокомерно заявил он, — и, разумеется, они в любом случае очень односторонни. Все, о чем вы говорили внизу, это разрушение. Вы говорите, что уничтожите существующий порядок. Чем же вы его замените?

— Свободными условиями, когда вся власть принадлежит индивидууму, и никакой власти — государству или закону.

Вельможа фыркнул.

— Нелепо! Ведь доказано научно, математически, логически и исторически, доказано всеми способами, что существующая структура общества — единственно возможная в долговременном плане. Даже если она насильно изменяется каким-либо образом, то в течение определенного периода времени она должна вернуться к первоначальному варианту.

Вряд ли нужно упоминать, что эта теорема была настолько глубоко вживлена в авторизованную док-

трину, что Джандрак сам нарушил закон уже тем, что вступил в спор по этому вопросу.

— С наукой, конечно, не поспоришь, — с сарказмом согласился Кракно. — Даже если соглашусь с тем, что ваши слова истинны, я все равно настроен непримиримо по отношению к классовому обществу. Если ненависть — это все, что мне остается, то пусть ненависть будет моим богом. Если я должен буду разрушить мир огнем, так что после этого ничего не останется, кроме запустения, пусть будет так.

Хоррис Дэйджел вновь наполнил грязную чашку Джандрака. Что-то в словах анархиста невольно взволновало его до глубины души.

— Вы странный человек, — пробормотал он, качая головой. — Но кое-что я должен знать. Вы заявили, что узнали обо мне с одного взгляда или примерно так. Ладно, я убедился в этом. Но как вы это делаете? Где вы этому научились?

— Вы бы не поверили, если бы я вам рассказал, — ответил Кракно.

VIII

Проходили дни, недели и затем месяцы, а ожидаемого вторжения бунтовщиков так и не происходило. Король Максим и его окружение вздохнули с облегчением. Но монарх все еще отказывался ослаблять давление. Поток обвинений и преследований не прекращался по мере того, как король давал волю своей ярости от унижения. Для большинства населения Максимилии, не говоря уже обо всем королевстве, время тащилось лениво. Но для некоторых, тех немногих, кто был завязан на политике или подозревался в этом, это было время арестов и казней.

Грэйму Либеру и в голову не приходило ожидать какого бы то ни было посещения. Он уже со-

бирался ложиться спать, когда в дверь позвонили и вошли четверо полисменов. «Политическая полиция!» — пораженно подумал он, моргая глазами на ордер, который ему предъявили.

— Вы пойдете с нами, историк Либер.

Они игнорировали его вопросы; у него не было выбора, пришлось идти. Они также захватили «вещественные доказательства», перетряхнув дом в поисках книг и рукописей, включая объемистый свиток его наполовину оконченной «Истории гражданской войны». Той же ночью он оказался в руках индивидуума, который называл себя прокурором. Мужчина с лицом ястреба насмешливо и сердито смотрел на него сверху вниз.

— Где ваши друзья?

— Друзья!?

В ярости допрашивающий заскрипел зубами.

— Вы отрицаете, что вы член исторического общества?

— Да нет. Зачем мне это отрицать?

— Вопросы задаю я. Следовательно, вы также признаете, что являетесь пособником Мурнора Гелакта, президента этого общества.

— Слово «пособник» я вряд ли здесь употребил бы. Общество занимается чисто научными исследованиями. Мы не принимаем ничью сторону чисто из принципа.

— Не пытайтесь сбить меня никчемным либерализмом. Близится время, когда любое описание истории, написанное не политической полицией, будет считаться политической изменой, — прокурор покрутил ролики для чтения у себя на столе. На них был свиток «Магнум опус» Либера. — Вы только посмотрите на это! Измена, антиправительственная пропаганда и клевета на короля в каждой строке свитка!

— Неверно! — возразил Либер, откровенно обескураженный. — Ничего подобного. Я старался написать объективный отчет о войне...

— Не испытывай мое терпение, ты, высокомерный яйцеголовый! Если вы такие беспристрастные, почему тогда Мурнор Гелакт и другие члены общества ушли в подполье? Разве может быть более явное доказательство измены? — он бросил на историка ненавидящий взгляд.

После окончания войны Либер был отмечен как потенциально симпатизирующий бунтовщикам из-за его дружбы с принцем Переданом в прежние дни. По мнению прокурора, его просто терпели при дворе, чтобы иметь возможность наблюдать за ним, и в последние несколько недель оказалось легко собрать огромное количество обличающих свидетельств против невинного исторического общества.

— Ни Галакт, и никто из других членов не занимался предосудительной деятельностью, насколько мне известно, — неуверенно проговорил Либер. — Если в ваших обвинениях и есть хоть какой-то смысл, то они, должно быть, сформировали неизвестную мне подгруппу. Но, с моей личной точки зрения, то, что вы подразумеваете, — это нелепость. Мурнор не настолько глуп, чтобы совершить измену.

— Да, да, болтай, сколько хочешь, старый дурак, — прокурор презрительно махнул рукой. — К сожалению, твои друзья ускользнули от нас сейчас. Тебе, несомненно, известно, где они скрываются, — он склонился неприятно близко к Либеру. — Тебе придется сделать гораздо больше, коротышка!

Шеф полиции Гринсект следил за разговором на видеозэкране в своем офисе. Дюжины видеозэкранов располагались около него, звук был приглушен, так что создавался слабый фон из воплей, визгов и стонов из комнат для допросов в подвалах дворца и

наполняли воздух «запахом» нового правления, террора короля Максима.

«Этот старый ученый представляет интерес», — думал Гринсект. Позже, возможно, он и сам, лично, поразвлекется с Либером.

Звонок на столе сообщил ему, что с ним хочет говорить король. Гринсект включил линию.

Максим смотрел на него алчным взглядом:

— Вы уже начали работать с этой маленькой жабой?

Он имел в виду арестованного недавно шпиона, работавшего на бунтовщиков Лоренцев прямо в королевском дворце.

— В данный момент он в комнате нервной обработки, Ваше Величество.

— Дайте на него посмотреть! Я хочу его видеть!

Гринсект сделал нужные переключения, соединив монарха с комнатой нервной обработки. Все еще присутствуя на полицейском экране, Максим свирепо наблюдал, потев от волнения, сцену, где несчастный агент был растянут на нервной дыбе. Слышался низкий, булькающий звук постоянной конвульсии, в то время как вокруг в полутьме стояли «специалисты», применяющие разные пыточные приемы постепенно.

Король облизал губы, затем слегка вздрогнул. Как будто бы зрелище вдруг стало для него невыносимым, он протянул руку и выключил экран, затем снова обратился к Гринсекту:

— Вы чего-нибудь добились от него?

— Да, но мы хотим вытянуть из него все до конца. Он может знать такие вещи, которых даже сам не понимает.

— Не слишком-то спешите. Работайте с ним медленно. Для такой крысы никакие пытки не будут слишком сильными.

— Ваше Величество может положиться на нас.

— Отлично. Жду вас вечером на торжественном обеде. Развлекайтесь — и экран потемнел.

Гринсект рассеянно улыбнулся. Склонность короля к паранойе в последнее время становилась все более выраженной. Гринсект считал это положительным фактором. С его точки зрения, исполнение абсолютной деспотичной власти, жесткий контроль над населением — а этой системой он восхищался больше всего — будут стопроцентно эффективны только в том случае, если сам правитель является параноидальным мономаньяком. Только тогда бюрократы, непосредственно окружающие его, безо всяких помех могут диктовать свою волю. История полна подобных примеров.

Он отключил звук допроса Грэйма Либера и занялся другими делами. Молодой герцог Саннский нашел контакт с обществом «Смерть жизни» и прислал несколько предварительных рапортов. Их интересно было почитать. Гринсект впервые узнал имя Кастора Кракно, идеолога общества, и почуял достойного противника. Его вполне освежило бы сражение умов с кем-нибудь таким, что потребовало бы полного напряжения возможностей его интеллекта.

Следующие несколько недель для Джандрака были веселыми, но в то же время и очень нервными.

Веселыми, потому что Гринсект, получив его первые рапорты, полностью изменил отношение к нему и, казалось, стремился подружиться. Он тепло беседовал с Джандраком на темы, которые его интересовали: музыка (он спрашивал мнение Джандрака и внимательно выслушивал ответы); литература, в области которой, как оказалось, имел огромные познания; и социология — его беседы становились по-настоящему захватывающими. Несколько раз он при-

глашал Джандрака к себе домой, где они проводили приятные вечера, слушая музыку. Джандрак был поражен, узнав, что полицейский шеф, которого боялись во всем королевстве, оказался хорошим семьянином. У него была тихая, работающая жена, трое хорошо воспитанных детей и скромный дом, от которого веяло милым уютом. Джандрак был польщен, что ему оказывает внимание этот облеченный властью и производящий глубокое впечатление на многих человек. Он начал ощущать, что впервые в жизни входит во взрослый мир, где большую роль играют культура и общественный порядок.

Но с этими встречами перемежались другие, такие же неотразимые, но другие по качеству, встречи с Кракно. Когда он был с одним из этих людей, то влияние, которое он ощущал, казалось, перебивало влияние другого. Он чувствовал себя между двумя выдающимися умами как теннисный мяч между ракетками. Как оно на самом деле и было, Гринсект был не таким наивным, чтобы не представлять себе истинного положения Джандрака в Старом городе. Обе стороны использовали его как зонд.

Интерес Кракно, однако, заключался не в том, о чем он сказал. Его не занимала ментальность аристократии — к ней он относился с крайним презрением; — он не надеялся также получить от Джандрака информацию, которую они до сих пор скрывали друг от друга, — о Пятне.

Сознавая, что присутствие Пятна в королевстве являлось государственной тайной, сначала он хотел вызвать доверие Джандрака. Это было нетрудно; у молодого вельможи обнаружилась приятная черта — чистосердечие. Джандрак начинал даже очень нравиться Кракно за полное отсутствие у него каких-либо принципов или веры, за его приверженность чистому прагматизму и личной выгоде.

Была еще одна причина его стремления узнать побольше о Пятне. Он понимал, что претворение его планов в жизнь может стать возможным только при наличии какого-либо необычайного оружия или технологии. К счастью, это оружие находилось в пределах досягаемости. Его погружение в Пятно дало ему некоторое представление о том, каким образом оно высасывало из живых существ жизненность и сознание. Он полагал, что такого эффекта можно достичь, если различные химические вещества подвергать ударам электрического тока. По всему Старому городу в бесчисленных подвалах булькали воющие смеси, из которых он пытался дистиллировать «эликсир смерти».

Согласно его теориям, этот эликсир будет обладать прекрасными свойствами, которые дадут ему возможность уничтожить аристократию и отдать вселенную бедным. Против него не будет защиты. Тоньше, чем газ, он пройдет сквозь любой материал. Мало того, Кракно верил, что его можно будет сделать избирательным по действию. Пятно похищало жизнь, впитывая переживания существа. Следовательно, эликсир можно будет настраивать на людей определенного типа. Например, на тех, кому больше сотни лет от роду. До сих пор удача избегала его. Что Кракно хотелось найти, так это результаты деятельности официальных исследовательских групп, которые, несомненно, изучали Пятно — или Зверя, как называл его про себя Кракно — с момента его появления. Их доклады могли бы помочь ему заполнить пробелы в знаниях. Он выбрал момент, когда они с Джандраком пили в одной из многочисленных берлог, которые анархисты устроили по всему Старому городу. У Джандрака глаза на лоб полезли, когда нигилист стал описывать чужеродный феномен, который опустошил королевство.

— У вас ошибочная информация, — беззаботно заметил он. — Такой штуки не существует.

— Послушайте, — предупредил Кракно. — Не оскорбляйте меня. Я видел целые планеты, лишённые жизни, миллионы мертвецов. Я, возможно, знаю о Звере больше всех живущих. Как это случилось, по-вашему, что я очутился в Максимилии? — безо всякой паузы он перешел к рассказу о своей жизни на Кароуле, о своем кульминационном переживании там и о последующих путешествиях.

— Так что, как видите, — закончил он, — я знаю о том, что происходит. Я знаю, что эти склизкие черви, которые правят нашей жизнью, хранят молчание по этому поводу. И вы также понимаете, что мне нужно знать больше.

— Да... понимаю, — ответил Джандрак, ошарашенный рассказом. Когда взгляд Кракно ввинтился в него, голова его закружилась. Его собственная личность, казалось, поблекла, стала похожей на бумагу.

— Да... Я посмотрю, что смогу узнать.

* * *

На далеком Сморне принц Передан решил часик-два поспать.

Он спокойно работал в личных апартаментах, изучая рапорты всех секций. Ремонт поврежденных боевых кораблей был практически завершен. Были собраны и материалы для постройки новых кораблей взамен потерянных, но при такой работе ресурсы лагеря подвергались серьезному испытанию. В качестве альтернативы Передан обдумывал рейд на какую-нибудь сравнительно слабую и отдаленную базу, чтобы захватить корабли. Также он получал рапорты от агентов, заброшенных на населенные планеты, и эти рапорты тоже лежали на столе.

Комната была погружена в полутьму. На кушетке у стены лежал спящий принц. Он беспокойно зашевелился. Что-то злоеющее совершалось в уме Передана. Он видел неприятный, какой-то неистовый сон. Затем что-то томительно-неприятное предупредило его спящий разум, что не все в порядке.

Он заставил себя проснуться и скатился с кушетки. Голова кружилась, его тошнило, и, что хуже всего, сознание ускользало. Будто бы вытягивали все его существо.

Без всяких размышлений он понял, что может сейчас легко «уйти под воду». Сделав невероятное усилие, чтобы остаться в сознании, он сфокусировал глаза и заставил себя сосредоточиться на обстановке комнаты, на формах и цветах, ясно и четко. Постепенно ощущение благополучия возвращалось.

Но это было не все. Он осознал, что сама комната трясется, вибрирует. Предметы падали с полок. Он стал терять равновесие.

Шатаясь, Передан вышел из своих комнат в ярко освещенные офисы. В воздухе раздавался гул, слышался отдаленный грохот рушащихся зданий. Внешние офисы были полны телами его секретарш, молодых женщин, с которыми он годами делил постель. Переходя от тела к телу, он осматривал их. Некоторые, казалось, умирали, другие просто находились в глубоком, наркотическом сне.

Он пошел дальше по палатке. Везде было то же самое. Все женщины и большинство мужчин лежали без движения. Несколько мужчин ходили, спотыкаясь, контролируя себя в разной степени.

Один из них, более оживленный, чем другие, прислонился к колонне и обратился к нему:

— Ваше Высочество! Вероятно, это нападение!

Передан поспешил дальше сквозь зеленую атмосферу палатки. Снаружи он взглянул на небо.

Но там ничего не было.

Немногие могли ему помочь. Он пришел в ужас, осознав, что его организация внезапно оказалась беспомощной. Безо всякого предупреждения целый лагерь был выведен из строя.

Все еще ослабленный, он нашел автомобильчик и проехал почти три мили до главного лабораторного корпуса. С трудом войдя, он обнаружил некоторые признаки жизни и деятельности. Многие ученые сохранили способность работать и быстро и спорно делали свое дело.

— В чем дело? — крикнул он, перекрывая гул генератора.

Только тогда его заметили. Один из ученых поднял голову и подошел. Передан заметил, что хотя его глаза выглядели живыми и понимающими, он, похоже, постоянно боролся с собой.

— Это жизненная форма с северо-востока — Пятно. Почему наши агенты не предупредили нас, что оно идет сюда?

Передан не ответил. Он последовал за ученым в огромный склад, где люди устанавливали измерительную аппаратуру и другие приборы, доставленные с дальнего конца лаборатории.

— Что вы делаете? — спросил Передан.

— Пытаемся узнать о нем что-нибудь. Но каждая мысль, каждое движение дается с трудом. Мы все сходим на нет. Долго мы не продержимся.

Рядом ученый в белом халате тихо вздохнул и растянулся на полу. Коллеги быстро утащили его с дороги и продолжили работу.

— Почему мы еще живы? — спросил Передан.

— Мы не знаем.

Когда пришли эти новости, король Максим хохотал долго и громко:

— Проглотило их всех! Я знал, что это сработает.

Гринсект, стоявший рядом, склонил лицо.

— Ваше Величество можно поздравить с такой невероятной хитростью.

— Избавьте меня от лести, Гринсект, это государственное дело, — король залпом выпил серебряный зеленый кубок и отдал его служанке, чтобы снова наполнить. — Ах, я просто не могу в это поверить. Дом Лоренцев наконец уничтожен!

— Есть ли более детальные сведения? — настаивал Гринсект.

— Конечно, нет, ты, увалень! Исследовательские команды, естественно, в световых годах от нас. Во всяком случае, производить наблюдения на планете, находящейся внутри Пятна, почти невозможно. Оно каким-то образом глушит излучение. Но вы видели, что оно делает с любым миром, на который нападает. Не может быть никаких сомнений.

Шеф полиции медленно потер ладони друг о друга, как будто смакуя.

— Единственный потенциальный источник политической оппозиции исчез. Теперь пора, Ваше Величество, дисциплинировать королевство и стремиться к истинному политическому единству.

— Что же, вы знаете, что надо делать. Подождите, пока молодой Санн не услышит об этом. Он будет в восторге! Я подарю ему пару планет за то, что он выполнил эту работенку!

Гринсект, который как раз собирался подать мысль о том, что Джандрака следует забрать для дальнейших допросов, промолчал.

IX

Высокие облака проносились над Максимилией по зеленоватому небу. Глядя на них через окно апартаментов, Кастор Кракно на мгновение вспомнил о

своем родном мире, Кароуле. Там небо было бледно-оранжевым, а облака — лимонно-желтыми.

— Полагаю, вы знаете, что делаете, — сказал он Джандраку, — но я все еще склонён называть вас дураком. Разве я не говорил вам, что недавно у меня возникли предчувствия? Знак Зверя на мне, должно быть, проявляется в виде новых симптомов... должно произойти что-то странное. Я это чувствую. С нами вам будет безопаснее.

За несколько минут до этого Кракно, как это ни удивительно, предложил Джандраку оставить свой пост, оборвать все связи и позволить анархистам укрыть его. Джандрак счел эту идею смехотворной.

— Это верно, что я сформировал наши отношения ради своего собственного преимущества, — согласился Кракно. — Однако я чувствую, что ваша полезность быстро иссякает. И хотя я не испытываю никакой любви ни к вашему классу, ни к воспитанию, мне все же не хотелось бы отдавать вас Гринсекту и машине для рубки мяса.

— Не беспокойтесь, — беззаботно заявил Джандрак. — Мы с ним лучшие друзья.

Кракно фыркнул.

— У Гринсекта нет друзей. Даже я, который никогда его не видел, могу это вам сообщить. Помните, он выбрал вас на эту двойную роль, потому что он знает о вашей склонности к двурушничеству. Он считает, что вы узнали о моей организации больше, чем писали в рапортах, и ему известен только один верный способ вытянуть из вас все. Сейчас, видимо, то время, когда он соберется потребовать карты обратно.

Хорошие новости со Сморна не внесли в официальную политику того расслабления, которого ожидал Джандрак. Хотя Максим сходил с ума от радости, когда лагерь повстанцев исчез в Пятне, он про-

сто удвоил усилия по преследованию диссидентских элементов и охоте на изменников, в то время как политическая полиция усилила бдительность. Весь правительственный аппарат начинал скрипеть под давлением террора. Но Гринсекта он не боялся.

— Что, подвергать нервной пытке человека, которого так ценит король? Не посмеет!

Кракно с сардонической улыбкой посмотрел на него.

— Не понимаю, зачем я с тобой вожусь. Ладно, поезжай.

Пурпурные облака все еще неслись по зеленому небу, когда Джандрак прошел во Внутренний город через одну из огромных арок, отделявших его от остальной части Максимилии-Сити. На ближайшей стоянке его ждала машина, которую он всегда парковал здесь во время своих визитов в Старый город. Она скользила вдоль широких белых проспектов на положенной высоте в три фута, пока не оказалась в окрестностях дворца, где Джандрак резко повел вверх, чтобы пришвартоваться у портала на высоте в семь футов на фасаде одного массивного здания.

Оставив машину у портала и разобравшись с системами безопасности, Джандрак шагнул в свой небольшой удобный офис. Он налил себе стакан холодной, как лед, воды и уселся писать очередной рапорт. Через два часа от видеозэкрана послышался резкий сигнал на тоне «срочно».

Он тут же включил его и, после краткого мельтешения скремблерных полос, увидел разъяренное лицо Хина Сетта.

— Что такое, Хин?

— Здесь политическая полиция, боевое подразделение, — выплюнул подполковник.

Боевое подразделение представляло собой быстро растущее ответвление политического отдела: пол-

ностью экипированная военная сила, тренированная для боевых действий в разнообразных условиях. Однако в связи с особенностями их тренировки Джандрак заподозрил одно время, что конечной целью их подготовки являются операции против королевских вооруженных сил в случае мятежа.

— Что ты имеешь в виду под «здесь»? — резко бросил он. — Внутри базы?

— Да.

— Ну, и как они вошли?

— Они взорвали вход! Они заявляют, что пришли для того, чтобы взять под свое командование базу и флот. И они обвиняют меня в том, что мы закончили работу несколько месяцев назад, но не доложили об этом.

Хотя это было действительно так, Джандрак ждал наиболее благоприятного момента, чтобы представить эту новость королю, — он полагал, что со стороны политической полиции это было более чем догадка.

— Где они сейчас?

— Все еще на уровне один. Я их удерживаю.

Не успел он ответить, как его внимание привлекло гроыхание в небе.

— Подождите минуту, — сказал он и подошел к окну.

Вглядываясь в небо, он заметил слабые вспышки и огоньки, которые, казалось, пришли с другой стороны планеты.

Хмурясь, он опустил глаза, стараясь охватить взглядом как можно большую часть Внутреннего города, видимого ему с этой высокой точки наблюдения. До него дошла слабая вибрация. Части города перестраивались в процессе грандиозной, плавной операции: некоторые из зданий опускались под землю, другие перемещались на массивных катал-

ках и сцеплялись друг с другом, в то время как на том месте, где они стояли, земля открывалась, и из нее показывались массы направленных в небо орудий и ракетных пускателей. Еще больше зданий, казалось, разворачивались и сворачивались по-другому, превращаясь в крепости, оцетинившиеся оружием, направленным за пределы атмосферы. Система противокосмической защиты Максимилии вступила в действие. То, что он не получил своевременно сообщение о нападении, он отнес к тому факту, что официально он не был на боевом дежурстве. Изумленный и опарашенный, он вернулся к видеоэкрану.

— Здесь что-то происходит. На город совершенно нападение.

— Что? Кто?

— Одному космосу известно, но, похоже, дело серьезное.

— Так что же ты хочешь, чтобы я делал с этими придурками здесь?

Джандрак соображал быстро. Его инстинкт говорил, что пришел решающий момент и робеть уже не время.

— Уничтожь их, — с диким выражением лица приказал он. — Ты должен быть в состоянии избавиться от этих ублюдков. Затем приготовься к отлету. Я прибуду, как только смогу.

— Отлично! — ответил Сетт. При мысли о схватке он улыбался от удовольствия. — Береги себя!

Отключив экран, Джандрак обалдело огляделся, соображая, есть ли у него в офисе что-нибудь такое, что надо взять с собой или уничтожить. В глубине его свербила мысль, что если это нападение, откуда бы оно ни пришло, окажется ложной тревогой или незначительным инцидентом, то ему еще придется оправдывать свои действия. Он пока еще не сделал ничего необратимого. «Я могу заявить,

что мы решили, что люди Гринсекта заявили на базу хорошо организованными для государственного переворота, — сказал он себе. — Я могу утверждать, что верен королю».

Затем другая мысль: «А что, если это и есть государственный переворот, совершаемый Гринсектом? В любом случае, надо убираться, пока никто не начал легкомысленно обращаться с оружием».

Он уже собирался повернуть к portalу, где была припаркована его машина, когда дверь с грохотом ввалилась внутрь. В офис ворвались капитан и сержант политического отдела с нацеленными лазерными пистолетами.

— Вы арестованы, полковник. Заберите оружие, сержант.

Сержант со знанием дела обезоружил его.

— Похоже, это все, сэр.

— Значит, так оно и есть! — воскликнул Джандрак. — Дворцовый переворот!

— Что? — на мгновение нахмурившись, капитан уставился на него. — Вы придержите язык, пока мы не доставим вас в политическое крыло. Там у вас будет множество возможностей поговорить.

Отдавшись судьбе и потя от страха, Джандрак позволил провести себя по бесконечным коридорам офисного блока. Деятельность политического отдела была очень заметна. Мужчины в серой форме были повсюду: они арестовывали работников офисов, по большей части офицеров вооруженных сил, подобных Джандраку. Компания с Джандраком подошла к лифтам, однако они оказались перегружены и были заняты постоянно.

— Внизу все равно будет чертовская давка, — прорычал капитан. — Мы возьмем машину.

На платформе парковки, выступающей с другой стороны здания, была такая же толкотня. Все мар-

шпрутные кэбы отсутствовали, а те, которые приземлялись, почти сразу же взлетали снова. Однако те, кто арестовывал Джандрака, по-видимому, обладали приоритетным правом. Капитан достал сигнальное устройство и нажал кнопку. Патрулирующая полицейская машина со зловещей зубастой «М» на борту отделилась от группы экипажей, которыми, казалось, был заполнен воздух, и опустилась рядом. Джандрака втолкнули внутрь, и все трое понеслись к главному штабу политического отдела.

Пока его везли, Джандрак имел возможность понаблюдать за внезапной активностью, как в пчелином улье, охватившей Внутренний город. Громыканье и слабые вспышки за облаками приблизились, так что иногда казалось, что все небо залито зависающим огнем, а взрывы звучали, как гром. Орудия города — некоторые, как он заметил, были расположены и в Старом городе — выпускали лучи и ракеты в сторону невидимого врага в космос. Их развертывание означало, что орбитальные системы защиты пробиты.

В воздухе была невероятная толкотня. Тысячи аэрокаров покидали столицу, как блохи, удирающие с тонущей собаки. И не только аэрокаров. Среди них проблеснула длинная форма без крыльев — небольшой космический корабль, унесшийся по низкой траектории с намерением часть пути пролететь вокруг планеты перед тем, как вознестись в космос. Король Максим с семьей удирал, пока это еще было возможно. Джандрак мог вообразить себе панику, охватившую людей на земле и в зданиях, когда все понеслось к убежищам. Настоящая паника будет и в Старом городе тоже, потому что там не было запланировано укрытий от атомного удара.

За несколько минут полицейская машина довезла их до главного штаба политического отдела. Перед

тем, как Джандрака завели внутрь, он успел бросить на окружающее последний взгляд, который превратил в чепуху все его предыдущие предположения о ситуации: он увидел массивную форму боевого корабля бунтовщиков, стремительно опускавшегося с тем, чтобы потребовать капитуляции Унимма.

Гринсект, с мрачным и ненавидящим выражением на лице, поигрывая дубинкой, стоял в приемной, куда приволокли арестованных. Среди них было множество значительных персон; Джандраку никогда и в голову бы не пришло, что шеф полиции может обнаглеть до такой степени, чтобы их арестовать.

— Итак, мы все-таки тебя заполучили, а? — с усмешкой сказал он, когда к нему подвели Джандрака. — Я никогда не доверял военным.

Джандрак посмотрел ему в лицо в поисках хоть намека на товарищество, которое раньше проявлялось частенько. Но все это ушло.

— Что происходит? — требовательно спросил Джандрак. — Кто нас атакует?

— А ты будто бы не знал! Но не беспокойся, ты заплатишь за измену!

Джандрак открыл рот, чтобы возразить, но Гринсект ударил его дубинкой по голове. Из нее исходили нервные токи, и он, качаясь, попятился, подняв руки к одеревеневшему от судорог лицу.

— Впрочем, это не играет роли, я в любом случае тебя арестую. Заприте его вместе с его приятелем, историком, — приказал он. — Я скоро займусь им.

Грубо, безо всяких дальнейших объяснений, Джандрака потащили по проходам, которые становились все уже. Когда он оказался в состоянии забыть о боли в лице, он очутился уже в маленькой,

просто обставленной камере. На него пристально смотрел Грэйм Либер.

— Добро пожаловать в клуб, — сухо проговорил академик.

Джандрак смотрел на него в недоумении, думая о том, проходил ли академик нервную обработку.

— Я слышал, что вас арестовали, — сказал он, — но ничего здесь не могу поделать... Надеюсь, вы понимаете.

— Вполне понимаю. Во всяком случае, вы ничего и не были мне должны. Но почему арестовали вас? Я уже некоторое время не слышу новостей из внешнего мира.

Не было никакого сомнения, что все, происходящее в этих камерах, автоматически записывается, но Джандрак не видел причины, почему бы ему не познакомить старика с недавними событиями. Он описал основные события, произошедшие со дня ареста академика: заманивание Пятна к лагерю повстанцев и внезапное нападение на город. Тем не менее он тщательно избегал любых намеков на реальную беседу, которую он вел с принцем Переданом.

— Экстраординарно, — пробормотал Либер. — Кто же атакует, как вы думаете?

— Ну, на одном из боевых кораблей я заметил символику Лоренцев.

— Но, согласно тому, что вы сказали, вторжение с той стороны невозможно.

— Да, это так. Может быть, это месть нескольких кораблей, которых не было на Сморне, когда... — он не стал заканчивать фразу. — Или, может быть, за всем этим стоит Гринсект, и, чтобы создать путаницу, он продемонстрировал один из захваченных кораблей бунтовщиков. Не знаю.

Он нервно кашлянул.

— Кстати, они вас?..

— Не пытали ли? Нет, еще нет. Я думаю, Гринсект притащил меня сюда для собственного развлечения. Несомненно, он должен знать, что я представляю только интеллектуальную угрозу его режиму, но не действующую.

Седоволосый Либер вздохнул как невероятно утомленный человек.

— Я действительно слишком стар для подобной ерунды. Гринсект — это плохо воспитанный хулиган, которому следовало бы поумнеть.

После еще нескольких замечаний наступило длительное молчание. Гринсект поместил их вместе с очевидной целью использовать все, что бы они ни говорили друг другу, и также, может быть, получить новую информацию.

И все же Джандрак дрожал при мысли, что могло его ждать впереди. Даже если город падет к ногам невидимого врага, то до этого момента пройдет еще несколько часов или дней, что даст шефу полиции достаточно времени, чтобы осуществить свои садистские намерения.

Прошел примерно час, когда дверь камеры открылась снова. При этом Джандрак невольно прижался к стене, не стыдясь выказать свой страх перед Либером. Но люди, которые вошли в камеру, едва взглянули на него.

— Приветствуем вас, историк Либер. Его Высочество принц Передан послал нас на ваши поиски. С вами все в порядке?

Они были в форме повстанцев Лоренца.

Позже он узнал, что неожиданно быстрый захват принцем Переданом Максимилии (предположительно, теперь это снова был Унимм) был совершен благодаря комбинации внезапности, тактики и

технологии. Пробив защитный зонтик на краю атмосферы, корабли Передана опустились на город. И где обычный военный опыт говорил бы, что следует ожидать долгой и кровавой битвы или полной аннигиляции при помощи атомного оружия, из-за статуса города это неприемлемо ни для одной из сторон.

Но за годы, проведенные на Сморне, ученые Передана провели оригинальные исследования и получили удивительные результаты. Одним из них явилось оружие ужасающей эффективности, для работы на коротких дистанциях. Корабли бунтовщиков могли проектировать пучки ионов водорода в контролируемой реакции термоядерного синтеза. В результате оружие направляло энергию водородной бомбы в виде строго контролируемого луча.

Идея термоядерного пучка в военной науке не нова, но по техническим причинам это давно считалось невозможным. Изгнанники Передана добились невозможного. Чтобы расчистить для себя место посадки, атакующий флот намеренно испарил целые группы зданий, которые были возведены во время правления короля Максима, включая и тот блок, в котором располагался офис Джандрака.

Это переживание оказалось серьезным уроком для всех жителей Внутреннего города — видеть, как волшебным образом избирательно исчезают небоскребы и на их месте оказываются корабли. Город капитулировал, и оккупация была принята без звука. Таким образом, Гринсект, лелеявший мысль о введении мрачного режима террора, был лишен этого удовольствия.

Но для Джандрака, ходившего туда-сюда по камере и пытавшегося найти какое-то объяснение данному повороту событий, все это было неясно. Почти три часа прошли, пока дверь камеры не открылась

снова, и двое солдат Передана в лимонно-зеленой форме кивком приказали ему выходить.

Пока его вели по дворцу, он успел заметить, что бунтовщиков прибыло много. Зеленая форма встречалась везде. Во дворце наблюдались некоторые признаки прошедшего сражения, но не так много, как можно было бы ожидать. Некоторые стены были опалены, мебель сгорела. Портьеры были или сорваны, или обожжены и запятнаны кровью. По большей части, пожары, которые могли бы бушевать во дворце, похоже, были потушены. Выгорели только несколько больших помещений; кучи мусора встречались лишь изредка.

Наконец он оказался в отдельной части дворца, которая, как он знал, являлась раньше жилыми апартаментами короля Максима. Теперь, очевидно, Передан превратил их в штаб. Джандрака заставили подождать несколько минут в роскошной комнате, сплошь уставленной известнейшими произведениями искусства. Затем двери с изысканными панелями раскрылись, и его ввели в меньшее, более скромное помещение, где с властным видом стоял Передан.

Это была личная комната Передана. Ее украшали его вещи: фигурки, статуэтки, картины, настенные композиции. Когда Джандрак вошел, из кабинета вышли несколько рабочих, которые укрепляли шкафы для свитков и полки, заполненные старомодными книгами. Все эти свидетельства своих личных пристрастий Передан перенес с флагмана сразу же после того, как закрепился во дворце. Он мог хорошо работать только в окружении, которое было ему понятно.

Во славу данного места на дальней стене висел большой цветной трехмерный портрет старого короля, отца Передана. Джандрак заворуженно уста-

вился на него, вспоминая, как в детстве его привели ко двору и представили самому королю.

Монарх Лоренцев представлял собой редкий генетический атавизм — он продолжал линию, которая в их роду считалась более слабой, а именно, был чистокровным зулусом. Высокий, тонкий, худощавый, и кожа у него была цвета черного дерева. Но он был стар, очень стар — ему было целых шестьдесят лет. Его кожа высохла и покрылась морщинами; курчавые волосы побелели. На портрете он все время двигался, делая незначительные жесты, кажущиеся естественными, дышал, моргал и улыбался мягко и терпимо. Существует математическая формула, выражающая, насколько часто или, вернее, насколько редко могут возникать образцы всех древних рас, которые давным-давно смешались, образуя современное генетически однообразное население. У принца Передана были только следы негроидных черт его отца: слегка кудрявые волосы, немного расширенный нос; но кожа его была бледной, глаза — голубыми, и губы — тонкими.

— Вот ваш новый монарх, — сказал он, заметив заинтересованность Джандрака.

Джандрак попытался изобразить очаровательную улыбку.

— Я рад снова встретиться с вами в более удовлетворительных обстоятельствах, Ваше Высочество.

— Я потребую доказательства ваших слов.

Только сейчас Джандрак заметил, что Грэйм Либер тоже находился в комнате; он вертелся у книжных полок и просматривал титульные листы. «Историк, по-видимому, недоволен», — подумал он.

— Вы имеете в виду предупреждение насчет Пятна? Да, мы с Грэймом только что обсуждали это, — в его тоне слышался опасный сарказм.

Либер фыркнул.

— Настоящая комедия, не правда ли? Настоящий фарс! Мы вполне можем нарисовать целостную картину с вашим участием, Санн, чтобы вы перестали прикидываться дурачком. Принцу известно, что настоящая цель вашего визита в Сморн состояла в том, чтобы вывести на него Пятно. По корыстным причинам, похоже, вы сделали ему предупреждение, или, по крайней мере, половинчатое предупреждение. Но чего вы не знаете, так это того, что после вашего отлета он проверил вашу информацию и обнаружил, что Пятно движется в противоположном направлении, из чего он заключил, что вы лгали и пытались его надуть. Как следствие, Пятно пришло к Сморну совершенно неожиданно.

Джандрак облизнул губы.

— Пришло? Тогда что же случилось? Почему вы все не погибли?

Передан внимательно на него посмотрел.

— Многие из нас погибли. Не было предупреждения. Нас спасло только одно.— Он сделал паузу и взглянул на Либеру перед тем, как продолжить.

— Наш лагерь был защищен самой большой в галактике концентрацией глушащих полей. Они каким-то образом некоторое время удерживали смертельное поле Пятна. Усиление полей еще больше снизило смертельное влияние на наши сознания, и некоторое время мы были в состоянии довольно ясно думать и действовать.

— Понятно...— пораженно пробормотал Джандрак.— Это была очень удачная ситуация.

— Да. За то время, которое мы таким образом выиграли — а это было только временное явление, потому что мы понимали, что Пятно в конце концов пробьет наши волновые щиты,— мы оказались в уникальном положении глубоко внутри поля Пятна и были все еще живы.

— И вы использовали это время для того, чтобы эвакуироваться и затем пошли в атаку?

— Нет, это было бы невозможно. Наше экранирование было не таким эффективным, — Передан опустил глаза и погладил статуэтку. Похоже, ему не хотелось продолжать.

— Скажите ему! — слегка покраснев, с неприятливым лицом потребовал Либер. — Вы же вскоре выступите с публичным заявлением, так что нет смысла стесняться сейчас.

Принц согласно кивнул.

— Благодаря моему превосходному научному отделу мы оказались в состоянии воспользоваться этой беспрецедентной ситуацией. Моим ученым удалось узнать кое-что о природе Пятна, что оно делает, чего оно хочет. Более того, мы установили с ним коммуникацию.

— Вы разговаривали с ним? — Джандрак не верил своим ушам.

— В каком-то смысле. Пятно нельзя полноценно назвать чувствующим в том смысле, в котором мы это понимаем. Но оно обладает определенной ментальностью, примитивной, чужеродной, но достаточной, чтобы, используя подходящую методику, с ним можно было общаться и приходить к определенным соглашениям. Мы предложили ему выгодный обмен, на который оно легко согласилось. Вот почему я выбрал этот момент, чтобы нанести контрудар по Дому Гречанов, потому что совершенно невероятно, чтобы я мог сейчас проиграть. Я обладаю властью распоряжаться жизнью и смертью в галактике.

— Вы имеете в виду, что вы его приручили? Вы пригрозите населению аннигиляцией, если они вам не покорятся? — при этом Джандрак подумал про себя, что Максим, возможно, и не был таким уж плохим в конце концов.

— Не совсем. Мы, конечно, могли бы так сделать. Нам удалось так близко подобраться к Унимму, не поднимая тревоги, отчасти благодаря помощи Пятна. Но мы не желали бы править, пользуясь подобными угрозами. Нет, я прибыл в королевство как спаситель, но не для того чтобы угрожать. Пятно ищет пищу. Но его пища — особого рода. Оно кормится индивидуальностью органических существ, той таинственной сущностью, которая делает любого мужчину, женщину или животное сознательным существом, слегка отличным от любого другого. Когда она поглощается, индивидуальность теряется; за этим следует смерть, и тело распадается на свои химические составляющие.

— Это достаточно интересно, если не считать того, что слишком близко касается нас, но это более или менее то, что мы уже и так знали. Однако все предполагали, что Пятно просто бродит наугад по населенному людьми космосу и со временем снова выбредет наружу, так что выжившие останутся в безопасности. Вообразите наш ужас, когда мы узнали, что Пятно осведомлено о размерах королевства и не собирается уходить, пока не пожрет его целиком.

Либер бормотал что-то на заднем плане.

— Человечество, сожранное живьем, — услышал Джандрак.

Передан не обратил на это внимания.

— Несколько дней спустя дальнейшие исследования навели нас на идею возможного выхода из ситуации. Переживания — это часть того, чем Пятно наслаждается в существах, которых поглощает. Но это только специи, пикантные добавки, улучшающие вкус диеты. Основа же его питания — это просто существо, сам факт пребывания в живом состоянии. Для этого индивидууму нет необходимости быть взрослым. Подойдет любая стадия развития.

Направление беседы озадачило Джандрака:

— К чему вы клоните? Чтобы мы предлагали ему наших новорожденных детей?

— Не совсем. Пятно может извлекать как питание, так и удовлетворение из гораздо более ранних фаз жизненного цикла. Короче говоря, оно может извлекать их из только что оплодотворившейся яйцеклетки. Отсюда и наше решение проблемы, в соответствии с которым каждый подданный королевства должен будет жертвовать: от женщин нам будет требоваться часть ее неоплодотворенных яйцеклеток, а от мужчин регулярные пожертвования спермы. Яйцеклетки и сперматозоиды будут сводиться вместе, в присутствии Пятна, миллиарды за раз, и стимулироваться для воссоединения. Вы согласитесь с тем, что каждый раз, когда сперматозоид оплодотворяет яйцеклетку, то теоретически это значит, что зачат новый индивидуум. Для Пятна это не теория, но факт; оно будет питаться, поглощая эквивалент миллиардов человеческих индивидуумов. Оно уже согласилось принимать такое угощение раз в месяц в обмен на то, что не будет трогать население королевства. В дополнение к этому,— Передан небрежно махнул рукой,— в качестве деликатеса мы будем время от времени поставлять ему группы взрослых людей. В королевстве ежегодно приговариваются к смерти тысячи людей, так что они могут умереть с пользой, и здесь не будет никаких проблем.

Джандрак был ошеломлен.

— Но каждая оплодотворенная яйцеклетка — это развивающееся человеческое существо, потенциальная личность. Вы сами так сказали!

— Просто зигота. Одноклеточное создание, в котором едва ли можно обнаружить что-то человеческое. Но вы правы, это такой налог, взимать который будет непросто. Возникнут проблемы.

— Почему бы не использовать животных?

— Пятно этим не удовлетворится. Больше всего оно любит человеческих существ. Их индивидуальность, хотя для нас это материя странная и таинственная, для него гораздо изысканней, чем сущность более низших существ.

Внезапно Джандраку припомнилась древняя легенда, которую он когда-то слышал, о народе, которому каждый год приходилось приносить в жертву чудовищу какой-то процент своих новорожденных детей.

— Какой мужчина или какая женщина согласится на то, чтобы отдавать свое семя ради подобной цели? — возразил он. — Это же отвратительно!

— Да, это отвратительно, — согласился Передан, — но, к сожалению, альтернативы нет, если не считать гибель расы. Взгляните на это дело логически: что на свете может растрачиваться больше, чем клетки, предназначенные для размножения? Они, как икра, мечутся триллионами, просто чтобы оказаться выброшенными. И если одна клетка из миллионов встретит партнера и образует зиготу, то еще меньшее число зигот достигнет зрелости.

— Представляйте это, как хотите, — заявил Джандрак с бравадой, на которую в нормальных условиях не решился бы, — но мне это все же не нравится, и я не собираюсь этого делать.

— Никто не будет освобожден, — сказал Передан более жестким тоном, — кроме короля. Послушайте, Санн. Я полагаю, что правильно прочитал ваш характер. Вы человек, которого не собьет с пути слезливый сентиментализм; вы реалист. Я могу использовать ваши способности. Я послал за вами, чтобы предложить вам должность в реорганизованных королевских вооруженных силах, и я готов сейчас выслушать вашу новую клятву в верности.

Джандрак бросил умоляющий взгляд на Либер, но старик казался смущенным и смотрел в сторону. Раньше Джандрак бы уцепился за это предложение. В сущности, и сам он не совсем понимал, что его удерживает, если не считать того, что не полностью еще верил в план принца. Что-то в нем восставало против этого, наперекор здравому смыслу.

— А если я откажусь? — спросил он.

Принц сдвинул брови на утомленном лице.

— Откажетесь? Какой же здесь разумный выбор? Сам факт, что я могу отвадить Пятно, не оставляет Дому Гречанов никакой власти. Где Максим со своими фаворитами может спрятаться? К кому они могут обратиться? Королевство должно стать моим или погибнуть, — он проницательно посмотрел на Джандрака. — Вы должны понять одну вещь. Сейчас критический момент, жизненно важный для успеха моей миссии. Реорганизация королевства включает в себя неприятные решения. Я собираюсь подавлять раздоры, и подавлять жестко. Берегитесь, как бы вам ни присоединиться к тем тысячам, которых сейчас казнят ежечасно.

Джандрак кивнул, полагая, что все понял.

— В этом отношении, по крайней мере, я на вашей стороне, — сказал он. — Я рад слышать, что Гринсект со своей зловещей командой уже получил по заслугам.

Пока он произносил эти слова, Либер со значением сверкал на него глазами. Но скорее взгляд принца дал ему понять, что он сказал что-то не то:

— Не говорите мне, что вы их отпустили!

— Они заперты в камерах для безопасности.

Либер влез в разговор с сухим, горьким смешком:

— Гринсект со своим штатом являются самой профессиональной политической полицией, которая вообще существует, — пояснил он Джандраку. — И

они знают все королевство с изнанки. Потребуется годы, чтобы создать заменяющую их организацию и довести ее до подобного уровня.

Некоторое время Джандрак не мог говорить.

— Вы... вы собираетесь сами их использовать,— сказал он с недоверием вялым голосом.— Аппарат власти одинаков, независимо от того, в чьих руках он находится.

Пока Джандрак слушал Передана, ему стало ясно, что всю жизнь он прожил в мире осязаемого зла, в котором ничего хорошего не происходит. Ему казалось нелепым, что он никогда не понимал, что оно есть на самом деле.

— Я рад, что я — не вы,— задохнулся он, побелев.— Вы даже хуже Максима. У него, по крайней мере, есть то оправдание, что он ненормальный!

Молодое-старое лицо принца погрузнело; затем он откинул голову назад и расхохотался долгим, неприятным, пугающим смехом.

— Должно быть, я все-таки неверно о вас судил! Я принимал вас за человека амбициозного, прагматика до мозга костей. Но у вас, похоже, в голове ничего нет, кроме пустого идеализма! Что же, подобные ситуации для того и существуют, чтобы отделять мужчин от юношей!

— Простите, Ваше Высочество, если я предпочитаю свободу, даже если это только духовная свобода, службе, которую вы мне предлагаете...

— Вы дурак, свободы не существует,— хихикнул Передан.— Материальная вселенная — это сеть, сквозь ячейки которой мы не можем проскочить, сколько бы ни пытались. В течение всей истории люди лелеяли такие же мысли, как та, что вы так запоздало обнаружили, из-за вашей пристрастности и брезгливости. Но вселенная всегда потешается над такими людьми. У нее всегда найдется что-нибудь

более странное, более чудовищное, такое, с чем нам не под силу справиться — как, например, Пятно.

Поскольку Джандрак не ответил, возбужденным жестом он указал на книжные полки как со старомодными книгами из листов, так и с современными, в виде свитков.

— Вы думаете, я рад той роли, которая была на меня возложена? У меня нет желания заниматься политикой. Это просто моя обязанность по отношению к моему отцу, моему дому и королевству, которое в свое время должно стать моим. По правде говоря, я бы лучше занимался исследованиями, стараясь найти какой-нибудь другой смысл жизни. Посмотрите на эти тома: теория игр, каббала, сайентология, когда-то ее считали наукой жизни! Психокинетика. Теория мотивации. А вот интересней: принятие решений и структура нервной системы. И все же — знаете ли вы, что дали прошлые исследования и современные доктрины? Они показали мне, что у нас нет выбора, кроме как играть в ту игру, которую навязывают нам обстоятельства. Я участвую в этой игре, чтобы победить, и сейчас я сделал неотразимый ход. Шах и мат.

— Так вот что для вас это означает, — тупо заметил Джандрак, — личную победу.

— Вы бесповоротно меняете свою судьбу, герцог. В этот момент их перебил Грэйм Либер.

— Боюсь, что я согласен с Санном, — с сожалением проговорил он. — Передан, несколько минут назад вы попросили меня написать официальную историю, обработанную согласно вашим требованиям. Даже Максим, хоть он и сумасшедший, позволял мне спокойно работать и писать отчеты, которые были объективными даже в том случае, если были не очень-то лестными для него. Может быть, он поступал так именно из-за того, что он сумас-

шедший. Во всяком случае, несмотря на наши прошлые отношения, я вынужден отказаться. Я не буду на вас работать.

— Я отказываюсь от вашего назначения, — присоединился к нему Джандрак, уже осознав, что подписывает себе смертный приговор. — И не буду кормить вашего монстра своей спермой.

— Глупо, глупо, — Передан повернулся к Грэйму Либеру. — Мне горько выносить смертный приговор другу. Но во многих отношениях я не такой человек, который может позволить себе испытывать нормальные чувства. Я — будущий король. Интересы государства — прежде всего, и мы не потерпим оппозиции.

Он сделал жест охранникам, стоявшим у двери по стойке «смирно».

— Отведите их обратно в камеру. Проследите, чтобы в эти последние часы жизни они не испытывали неудобств.

Когда их уводили, Джандрак заметил, что принц избегает смотреть на Либера. Он отвернулся, склонив голову и опершись рукой о стол. Он трясся всем телом.

— Вы думаете, он действительно прикажет нас расстрелять? — спросил Джандрак, когда они снова уселись в камере. — В вашем случае, похоже, причина для этого не слишком серьезна.

— Боюсь, что прикажет. Он не видит альтернативы, — хроникер вздохнул. — Ах, быть монархом — это ужасная вещь. Это искажает мышление и растраивает чувства.

— Это меня слабо успокаивает, — и все же, как ни странно, Джандрак не жалел о своей вспышке в приемной, хотя он легко мог спастись, уступив желаниям Передана. Он не воспринимал нависшую над ним смерть философски, как, похоже, делал Либер;

он просто решил, что больше не будет пресмыкаться, независимо от последствий.

«Возможно, — подумал он, — что на мои взгляды повлиял жесткий индивидуализм Кастора Кракно?»

— И, кроме того, вы должны понять, что он в ужасном положении, — размышлял Либер. — Ему нужно организовать зиготный налог в широком масштабе, за очень короткий срок, иначе Пятно может забеспокоиться и проглотить еще несколько миллиардов людей. Вообразите себе, что это значит — пытаться объяснить населению, что от него требуется! Следующие несколько месяцев будут очень тяжелыми. И я не единственный близкий друг, который кончит тем, что станет трупом.

— У меня из-за него сердце кровью обливается, — раздраженно бросил Джандрак, бегая туда-сюда по камере.

Через час мрачного сидения Джандрак услышал шум в коридоре. Он прижался к двери, чтобы лучше слышать, и отпрыгнул, когда дверь открылась.

— Сэр?

Джандрак вытаращил глаза. В камеру заглядывали три растрепанных солдата, все еще носившие форму королевских вооруженных сил. Ему даже не нужно было разглядывать знаки полка у них на форме — они были ему знакомы; это были солдаты взвода жизнеобеспечения из того полка, которым он сам командовал — Королевского полка Армагеддона.

— Ого, будь я проклят! Ради Космоса, что вы здесь делаете?

Капрал бросил взгляд в тот и другой конец коридора.

— Лучше побыстрее отсюда смотаться, сэр.

— Вы чертовски правы, — Джандрак щелкнул пальцами в сторону Либера. — Шевелитесь, старина, мы уходим.

— Вы идите. Я слишком устал бороться.

— Вам не повезло; вы мне больше нравитесь живым, чем мертвым,— схватив старика за руку, Джандрак выдернул его из камеры. В коридоре на полу лежали два охранника в зеленой форме. Жесткие береты с перьями, которые носили все сержанты Передана, валялись в луже крови.

— Куда?

Солдаты поспешно провели их в конец коридора, круто повернули и прошли в отверстие в стене. Как только все они оказались по ту сторону, запирающая панель тихо скользнула на свое место.

— Мы в подвалах политического крыла,— сообщил капрал.— Это лабиринт тайных проходов.

— Ладно,— решительно сказал Джандрак,— а теперь объясните, что вы здесь делаете.

— Весь полк знает о вашем аресте, сэр. Когда в городе шли бои, политическая полиция сошла с ума, арестовывая практически всех, кто носил форму. Так мы и попали сюда. Конечно, немало офицеров полка было арестовано, как вы знаете.

Джандрак, который почти не контактировал с полком за прошедшие несколько месяцев, не знал об этом. Тем не менее он кивнул.

— Когда бунтовщики захватили камеры, возникла некоторая сумятица,— продолжал капрал.— Нам удалось захватить одного из политиков, лейтенанта. Он выглядел крутым, но оказался мягким, как воск. Он дал нам схему этих проходов. Естественно, мы не могли уйти, оставив вас здесь.

У Джандрака потеплело на душе. Все еще существовала такая вещь, как верность.

— Куда ведут эти ходы? — спросил он.

— Похоже, туннели проходят под всем Внутренним городом. Тайные выходы по большей части в официальных учреждениях, иногда на улицах.

Джандрак думал быстро.

— Хмм. К этому времени бунтовщики перекроют весь Внутренний город. Если мы сможем добраться до Старого города, то знаю место, где мы будем в безопасности.

— Это то же самое, что пройти сквозь стальную стену, сэр. Бунтовщики будут охранять все подряд, и особенно выходы. А мы все еще в форме!

— Если мы доберемся до моего коттеджа в дубовом парке, я смогу помочь, — заметил Либер.

— Каким образом? — спросил Джандрак.

— Как я вам говорил, электроника — это мое хобби. У меня есть некоторые устройства, которые помогут нам пройти через посты.

— Что же, до парка мы можем добраться, — подтвердил капрал, разглядывая план и хмуря брови. — Мы идем, сэр?

Джандрак кивнул.

— Воспользуемся шансом. Давайте, двинулись!

Капрал дал Джандраку ручной нейтронный излучатель, который он забрал у одного из убитых бунтовщиков. Они двинулись по боковому туннелю, отделанному металлом, консультируясь с диаграммами, которые с интервалами были нанесены на стены туннелей. Джандрак мог вообразить, что сотни, едва не тысячи пленников прошли своим путем. Система подземных туннелей давала возможность политической полиции арестовывать свои жертвы и мгновенно, будто бы при помощи магии, убирать их с глаз публики.

Вскоре они поднялись по спиральной лестнице. Капрал осторожно поднял люк и выглянул наружу, затем кивнул остальным. Выбравшись, они обнаружили, что находятся в тишине и спокойствии дубового парка. Вокруг не было никого. Либер вел их через рощи огромных мутировавших дубов, пока

они не пришли к коттеджу под ветвями одного из деревьев. Джандрак и его люди достали оружие, но, похоже, в коттедже никого не было.

— У Передана еще руки не дошли до перетряхивания моих бумаг,— буркнул Либер, открывая дверь.— Во всяком случае, ему нет необходимости идти дальше досье Гринсекта.

Внутри коттедж оказался точно таким же, каким Джандрак его и запомнил: уют, аккуратность и чистота. Старик закрыл за ним дверь, затем прошел в соседнюю комнату. Через открытую дверь они видели, как он роется в шкафах и сундуках, выбрасывая груды неизвестных, но интересных аппаратов.

— Вообще-то жаль оставлять это,— заметил Либер.— Столько труда я туда вложил... а, вот и они.

Он достал горсть черных полосок, к которым с интервалами были прикреплены блестящие, дискообразные призмы, по четыре на полосу.

— К счастью, когда я изобретаю что-нибудь такое простое, как это, то я делаю по меньшей мере дюжину экземпляров,— у меня есть автоматический сборщик для вещей такого типа, как вы понимаете — так что их хватит на всех нас. Пусть каждый наденет полосу на голову.

— Что это такое? — подозрительно спросил Джандрак, ощупывая головную повязку, которую ему вручил Либер.

— Это позволит нам незамеченными пройти мимо стражи за городскую стену.

Остальные начали тут же подгонять полоски. Джандрак, однако, не был удовлетворен.

— Я стану относиться к этому лучше, если вы объясните.

— Само по себе устройство очень простое. Стоящая за ним теория посложнее, но все равно ее нетрудно уяснить. Области восприятия в мозгу работа-

ют путем узнавания в окружающем знакомых форм и моделей. Призмы на этих головных повязках являются проекторами, работающими на голографическом принципе, и, когда они включены, тело оказывается обернутым слабосветящимися формами и фигурами, которые постоянно меняются. Однако, эти модели тщательно подобраны таким образом, чтобы они ни малейшим образом не походили на что-либо из обычных переживаний. Просто их геометрия не встречается в природе, — Либер пожал плечами и улыбнулся. — Эта часть, конечно, вне моей компетенции. Мне пришлось воспользоваться компьютерами дворца, чтобы сконструировать эти голографические повязки. Во всяком случае, суть в том, что тот, кто на вас смотрит, просто не может вас увидеть. Поскольку их аппарат восприятия никак не может объяснить образы, которые он воспринимает, поэтому они ничего и не видят.

— Вы хотите сказать, что они сделают нас невидимыми? — с сомнением спросил Джандрак.

— В сущности, да. У стражников может возникнуть ощущение беспокойства, но они ничего не заметят в течение нескольких минут; это время потребуется на то, чтобы их концептообразующие области мозга выделили повторяющиеся элементы в новых моделях и увидели бы в них что-нибудь осмысленное.

— Сэр, я не понял ни слова, — заметил капрал, — но хотел бы попробовать.

— Да, полагаю, мы должны попробовать, — Джандрак надел повязку и взглянул на Либеру. — Вы готовы уходить?

— Да. Мы включим повязки, когда выйдем из парка. Выключатель — это вон та маленькая кнопка. Но перед тем, как идти — еще одно дело.

Он шагнул к музыкальному проигрывателю, оттащил его от стены и нажал какой-то переключатель.

Комната — весь коттедж — исчезли. Джандрак со всеими солдатами стоял среди странного, многоцветного лабиринта, с коридорами, бесконечно простирающимися во всех направлениях, изгибающимися с изобретательностью, отвергающей логику.

Не было ни следа Грэйма Либеры.

— Что за... — сердито начал было Джандрак. Но он прервался, когда Либер появился снова, выйдя, казалось, из ближайшей стены.

— Не паникуйте, — ободряюще сказал он. — Это просто шутка, чтобы запутать людей Передана, если он пошлет их обыскать мой коттедж.

Джандрак оглядел прочный с виду лабиринт.

— Тоже голография?

— Верно, весь лабиринт — это иллюзия, проектируемая со стен и с потолка. В реальности мы стоим в передней.

— Выглядит совсем как настоящий, — пробормотал один из солдат.

— Преимущество хорошо выполненной голографии состоит в том, что она неотличима от реального предмета, — ответил Либер. — Должен заметить, что этим устройством я особенно горжусь. Лабиринт устроен так, что человек никогда из него не выберется, если будет действовать систематически. Там есть несколько ловких визуальных трюков, из-за которых человеку будет казаться, что он прошел много миль, в то время как он ходил кругами на пространстве в несколько ярдов. Стены лабиринта — только видимость, конечно, так что сквозь них можно проходить; но, пройдя, вы окажетесь просто в другой части лабиринта. Нам, однако, нет необходимости ходить так далеко. Просто следуйте за мной.

Глядя вперед, он наискось прошел сквозь ближайшую «стену». Взяв себя в руки, Джандрак последовал за ним.

Следующие несколько моментов казались сумасшествием. Проходя сквозь голографические образы, он видел мельтешение невозможных картинок. Инстинкт требовал, чтобы он повернул туда или сюда, в направлении, куда указывал здравый смысл. Только не выпуская из виду удаляющуюся спину историка, он смог пройти по прямой и выйти через дверь коттеджа на воздух.

Сразу же вслед за ним появились капрал и один из солдат. Третий, однако, не появился. Улыбнувшись, Либер протянул руку в дверь (на вид она казалась безобидным коридором), поводил рукой по обитой циновками стене и вытащил потерявшегося солдата наружу. Как и было оговорено, Джандрак снял свою повязку и выключил ее, дойдя до торгового центра внизу спуска к Старому городу.

Он первым там оказался. Но в течение пяти минут появились остальные четверо, будто бы выпрыгивая из пустоты.

Это переживание оказалось необычным. Джандрак был совершенно не в состоянии видеть своих товарищей. Не то чтобы он мог видеть сквозь них, скорее, он просто не совсем понимал, что видит.

И все же когда так получалось, он не очень-то старался их рассматривать. Гораздо больше его интересовал изменившийся облик Внутреннего города. Везде кишели повстанцы в форме. Многие прекрасные здания исчезли, и на их месте стояли огромные боевые корабли, смотрящие в небо. Поскольку Джандрак не знал о существовании термоядерного пучка, он был очень удивлен и даже потрясен.

— Что же, хроникер, — сказал он, когда появился Либер, — теперь я понимаю, почему вы не принимаете ничью сторону. Любая сторона, на которой бы вы ни оказались, непременно победит.

— Вы мне льстите. Однако следующий ход ваш.

Улицы были необычно тихими. В нескольких местах густыми столбами поднимался дым. Откуда-то из прилежащих долин донесся грохот взрыва.

Это могла быть и работа мародеров или уличных банд, а также была вероятность, что Кракно и его команда «занимались делами».

Они не видели никаких признаков беспорядков, никто не мешал им на пути к «берлоге», где, по мнению Джандрака, он мог найти нигилиста. К его удивлению, подземная «берлога» оказалась практически покинутой, с признаками поспешной эвакуации. Единственной живой душой там оказался бородатый агрессивный молодой человек лет под тридцать, который жег бумаги в центре комнаты.

Когда они вошли, он схватился за нейтронную винтовку, но затем узнал Джандрака и опустил ее.

— А, это вы. В своих настоящих цветах на этот раз, как я вижу.

— Где Кракно, Пьерет? — требовательно спросил Джандрак. — Нам нужна помощь.

— Он на станции, вместе с другими. Мы сматываемся из города. На вашем месте я бы тоже так сделал.

Джандрак нахмурился.

— Вы возьмете нас с собой?

— Берите сами себя, это не проблема. Мы заняли станцию. Могли бы занять весь этот чертов город, но что толку?

Они поспешно ушли. Электрические трамваи не работали, а до станции больших магнитных линий было больше трех миль. Им потребовался почти час, чтобы дойти до нее, и один раз пришлось обходить опасную с виду толпу, которая на площади старалась повалить статую короля Максима.

Станцию охраняли анархисты бандитского вида, которые пропустили их после короткого и взаимно

оскорбительного спора. Внутри ангаров развивалась хаотичная, но целенаправленная деятельность.

Магнитная железная дорога представляла собой всепланетный вид транспорта и использовалась в основном для перевозки грузов, но ею пользовался, в какой-то мере, и рабочий класс, и даже, в более роскошных вагонах, низшие управленцы. Подвешенные над дорогой на магнитной подушке поезда могли в лучшем случае достигать скоростей около двух тысяч миль в час, так что максимальная дальность путешествия, если ехать без остановок, равнялась расстоянию, проходимому за шесть часов езды.

Члены организации Кракно готовили к отправлению два больших состава. Простых работников послали на упаковку. Джандрак наконец заметил вождя нигилистов в большом стеклянном офисе контролеров, нависающем над главным ангаром. Кракно потел, нервничал, но вообще держал себя в руках и ровно руководил операцией.

— Привет, полковник, я думал, вам конец. Все же рад вас видеть. Кто ваши друзья?

Джандрак представил Либера, но проигнорировал солдат, которые застыли по стойке «смирно».

— Слышал о вас, хроникер, — приветствовал Кракно. — С нетерпением жду момента, когда можно будет побеседовать с вами.

— Зачем этот переезд? — спросил Джандрак.

— Я не рассчитывал на вторжение принца, — буркнул Кракно. — Он разнесет город на части, камень за камнем. Вы и чихнуть не сможете без того, чтобы вас не арестовали. Мы передислоцируемся в один из провинциальных городков, где будет поспокойнее. Точнее, в Эндекауэр.

— Но вы сможете это сделать? Это долгое путешествие, — а что, если контролеры на узлах откажутся пропустить вас?

— Не откажутся. Мы выслали вперед наши инструкции. Они знают, что произойдет, если они не послушаются.

Джандрак решил сыграть свою партию без дальнейших проволочек. Он рассказал Кракно о существовании базы скользящего флота и предложил сделать ее пунктом назначения, вместо Эндекаура, а потом объединить силы с ренегатами в астероидных убежищах. Кракно слушал без заметного удивления, то и дело кивая головой.

— Как далеко эта база от ближайшей станции маглинии? — спросил он.

— Около сотни миль. Мой заместитель мог бы подобрать нас там, если флот еще не ушел. Все зависит от того, удастся ли мне связаться с ним пораньше.

— Это можно устроить, — Кракно щелкнул пальцами, подзывая ближайшего помощника. — Я хочу, чтобы вы настроили видеосвязь. Полковник Санн сообщит вам частоту.

Оборванные техники принялись за работу. В это время Кракно взглянул на Либеру и, заметив, что тот устал, предложил ему отдохнуть в своем личном вагоне.

— Спасибо, — благодарно ответил историк. — Последние часы... были утомительными...

В это время Джандрак соблаговолил заметить также своих солдат. Он послал их вниз помогать с погрузкой, приказав сесть на поезд, когда экспедиция будет готова к отъезду.

Когда они ушли, Кракно, который во время разговора вел себя спокойно и был внимателен, похоже, внезапно сломался. С неестественным выражением лица он уставился на Джандрака и схватил его за рукав. Он обливался потом.

— Оно здесь, Джандрак, оно здесь, — сказал он тихим, дрожащим голосом.

— Что? — Джандрак был озадачен.

— Пятно!

Джандрак сделал шаг назад, вырвав руку у нигилиста.

— Ради Космоса, — пробормотал он.

— Я чувствую его. Оно у меня в мозгу, в моих костях, в моей душе. Как неприятный запах, как мигрень... — Кракно поднялся на ноги, но закачался и оперся ладонями о стол. — Это невыносимо! Но я не могу понять, почему все еще жив!

Джандрак с сожалением посмотрел на него.

— Я думаю, вам следует кое-что узнать... — медленно проговорил он.

Он рассказал о недавней беседе с принцем Переданом. И снова Кракно, взяв себя в руки, выслушал его, не моргнув.

— Но я не знал, что он привел Пятно вместе с собой, — закончил Джандрак. Он слегка вздрогнул. — Это действительно странно. Мы просто внутри него!

Нигилист пораженно покачал головой. Затем искоса посмотрел на Джандрака.

— Зиготный налог! Ничего более дикого я в жизни не слышал! — внезапно он издал жесткий, хриплый смешок. — А с вами-то что случилось? Неужели вас корежит от такой мелочи, как ежемесячная сдача спермы? В противном случае, она все равно оказалась бы на простынях!

— Может быть, это вас удивляет, — раздраженно ответил Джандрак. — Меня это удивляет тоже. Но я поставил границу и на это не пойду.

— Вы уверены? Может быть, проблема здесь заключается в том, что или вы соглашаетесь на это, или все забирает Пятно. В распоряжении Передена имеется теперь абсолютное оружие — если он сможет его контролировать, в чем я сомневаюсь, — а такие вонючки, как он, сделают все ради власти.

Едва он закончил говорить, как видеосвязь была установлена. Джандрак прошел к экрану, который посылал сигналы вызова на частоте базы. Почти через две минуты появилось возбужденное лицо Хина Сетта:

— Джандрак! Где ты был, черт побери? Что случилось с твоим скремблером?

— У меня его больше нет, — сообщил ему Джандрак. Если кто-нибудь прослушивал эту частоту, то дело плохо. — У меня были проблемы. Что там, на твоем конце?

Хин злобно улыбнулся:

— Мы быстро разобрались с задирами Гринсекта. Но затем нам позвонили с расстояния около пяти световых лет: король Максим, лично, требует, чтобы мы взлетели и следовали за ним. Мы, естественно, сидим прочно. Так что, мы тебя все же дождемся?

— Да, но я буду не один. Я подобрал нескольких друзей, точнее, их два поезда. Мы прибудем по магнии где-нибудь в течение ночи. Ты знаешь грузовой узел милях в ста к северу от тебя? Я был бы рад, если бы ты послал воздушную машину, чтобы наблюдать за нашим прибытием.

Сетт принял его указания без вопросов. Джандрак отключил связь, затем повернулся и стал наблюдать за работой в ангаре, что легко можно было делать сквозь наклонные стеклянные панели офиса. Там было много шума и гама, и методы анархистов казались необдуманно, неорганизованными. Но, несмотря на это, они действовали энергично и эффективно. Оружие и оборудование, незнакомое Джандраку, потоком грузили в большие вагоны.

— Подождем темноты, — заметил Кракно. — Это снизит вероятность того, что нас заметят воздушные патрули Передана или при помощи спутникового наблюдения; и, чтобы добраться до базы, у нас будет около двенадцати часов темного времени.

Джандрак указал на партию запечатанных контейнеров, похожих на баки, которые везли к поезду.

— Что это?

— А, это, — Кракно улыбнулся. Джандрак не знал о его планах насчет эликсира смерти. — Просто мое маленькое хобби.

Он добавил:

— Мы надеялись оставить водородную бомбу с часовым механизмом, которая взорвалась бы после нашего отъезда. Но... — он пожал плечами, — мы не сможем собрать ее вовремя.

Х

Поскольку у него оставалось время, Джандрак занялся тем, что тревожило его совесть. Он нашел машину и поехал за Ронданой. Он обнаружил ее дома, и она упрямо отказывалась ехать с ним и с анархистами. Когда он дал ей понять, что готов применить силу, она с готовностью поддалась.

Он вернулся с ней вместе.

Наступили сумерки, и экспедиция была готова к отбытию. Два поезда представляли собой странное зрелище: артиллерийские установки (одному космосу известно, где Кракно их раздобыл) были приварены к крышам нескольких вагонов и закрыты обтекаемыми кожухами.

Джандрак нашел место для себя и Ронданы в одном из комфортабельных вагонов, в котором ехала личная свита Кракно. С усиливающимся визгом силовых установок поезда приподнялись над стальными рельсами. Вместе со свистком раздался последний приказ садиться. Мужчины и женщины сбегались со всей станции, вопя и визжа от возбуждения по мере того, как они прыгали и карабкались на уже движущиеся вагоны.

Они медленно выплыли из массивного ангара, поезд Кракно первым, затем плавно заскользили мимо огромных дворов. В сумеречном свете убогость Старого города все быстрее проносилась мимо окон вагона, то там, то здесь освещаемая огнями пожаров. Расположенный на высоте Внутренний город все еще сверкал в последних лучах заходящего солнца, как золотая корона.

Они были в пути.

На открытой местности поезд рванулся вперед, легко набрав максимальную скорость. Рондана сидела, прижав нос к окну. Джандрак, который никогда раньше не путешествовал поездом, тоже наслаждался.

— Мы едем! — восхищенно заметила Рондана. — И где же это закончится?

Через некоторое время Джандрак оставил ее одну и отправился исследовать состав. Большая часть поезда состояла не из пассажирских, а из товарных вагонов; в них анархисты весело загрузились сами, намереваясь провести путешествие в большой, шумной компании.

Несмотря на все их хвастовство, он обнаружил, к своему удивлению, что внешне анархисты не выглядели агрессивными. Среди них не было драк, серьезных споров — ситуация весьма отличная от той, которая бы возникла в сходных обстоятельствах среди сержантов его собственного полка. Здесь агрессивность, похоже, была обращена внутрь. У них была привычка подстрекать друг друга на суицидальные попытки, и шумный смех и громкие песни время от времени прерывались пистолетными выстрелами — результатом какой-либо смертельной игры или пьяных выходок.

Слегка пьяный Джандрак вернулся через пару часов и обнаружил Грэйма Либера, стоящего в кори-

доре в одиночестве и, опершись на поручень, смотревшего задумчиво в окно. Взошла одна из лун Максимилии, отбрасывая призрачный серебряный свет на проносившийся мимо ландшафт. Историк приветствовал его без всякого юмора.

— Привет вам, — сказал Джандрак. — Компания Кракно вам наскучила?

— Я только что имел с ними довольно долгую беседу, — согласился Либер. — Может быть, оно и так.

— Он действительно весьма странный парень. Вы знаете, он единственный человек, которого Пятно выплюнуло живым?

— Да, знаю. И также знаю, почему.

— О? — Джандрак нахмурился. Ученый повел разговор серьезнее, чем он намеревался сам.

— Танатофилия — патологическое влечение к смерти. Клиницистам известно это состояние, хотя оно достаточно редко встречается. Вот почему Пятно его отвергло. Оно любит жизнь, оно питается жизнью. Любовь к жизни и жизненные переживания есть та пища, которой оно наслаждается в своих жертвах. Кракно представляет собой такое стремление к смерти, что Пятно сочло его несъедобным.

Слегка протрезвев, Джандрак потер подбородок.

— Все сходится. Уничтожение всего сущего. Смерть жизни. Вся эта нигилистская теория. Как он вообще?

— Плохо. У него было что-то вроде припадка, он стонал, как маньяк. Он чувствует, что у него персональная взаимосвязь с Пятном — по сути дела, так оно и должно быть; он единственный знает, что оно здесь. Он не в состоянии переносить его присутствие. Оно отказывается поглотить его, видите ли, оно осудило его на жизнь. Это Кракно просто ошеломило.

Джандрак медленно кивнул.

— Спасибо за краткость изложения. Я пойду посмотрю, укладываемся ли мы в график.

Шагнув мимо Либера, он открыл дверь в комнату отдыха Кракно.

На базе скользящих кораблей подполковник Хин Сетт созвал общее собрание. Офицеры и солдаты, инженеры и техники собрались в зале, в котором Джандрак и сам произносил речи по ходу работ. Сетт уверенно оценил настроение собрания. Будучи убежденными ренегатами, большая часть присутствующих уже была за него. Они с Джандраком давно уже предпринимали энергичные усилия, чтобы закрепить это большинство.

— К этому времени мы все уже знаем, что силы повстанцев, ведомые принцем Переданом Лоренцским, вторглись в королевство и захватили столицу, — начал он. — Король бежал. Ситуация запутанная, при этом положении дел мы должны взять судьбу в свои руки и определить наше собственное будущее.

— Если мы решим сражаться на какой бы то ни было стороне, мы только растратим свои силы в очередном бесполезном конфликте. Если воспользуемся тем, что создавали в течение этих трех лет, то мы еще сможем получить какую-либо награду за свои труды!

Люди, которых они с Джандраком постепенно спланировали в частную армию, яро его поддержали. Подняв руки, добиваясь молчания, он продолжил:

— Мы реквизируем скользящий флот и обустроим независимую базу, которая уже подготовлена. Принуждать никого не будем, и никакого вреда не будет причинено тому, кто не захочет отправляться с нами. Любой может прямо сейчас выйти на поверхность.

Вскочил офицер, один из немногих монархистов, которого Джандраку не удалось исключить из состава администрации.

— Предатель! Если бы мы сейчас подвели наши корабли к Максимилии, то смогли бы удержать город для короля!

Отдельные группы гражданских потрясенными голосами поддержали его. Сетт махнул рукой в сторону вооруженной охраны.

— Арестуйте майора Фьюила, отправьте его наверх и отпустите. Вы все слышали, что я сказал. Любой, кому не нравится эта ситуация, может уйти без вреда и без помех. Что касается остальных: отправляйтесь к своим докам и готовьтесь к отлету!

Из шести тысяч человек, обслуживающих базу, только немногим больше тысячи пошли к лифтам, чтобы подняться на поверхность.

Когда Джандрак вошел в купе, Кракно сидел за столом, сжимая голову руками. Хоррис Дэйджел и другие лейтенанты сидели неподалеку, изредка поглядывая на него.

— Мы успеваем по времени? — спросил Джандрак, обращаясь ко всем.

Дэйджел рассеяно кивнул. Джандрак присел к столу рядом с Кракно, озабоченно глядя на дрожащего нигилиста.

Кракно медленно поднял голову на несколько дюймов, опустив руки.

— Дайте мне пистолет, — пробормотал он еле слышно.

— Что?

— Дайте мне свой пистолет, — свистящим шепотом повторил Кракно.

Джандрак озадаченно достал из кобуры лазерный пистолет. Но Дэйджел быстро шагнул к ним и остановил его руку.

— Нет, не делайте этого, полковник. Мы уже забрали у Кастора его оружие. Он все время пытается убить себя.

Кракно бесстрастно пробормотал:

— Не беспокойтесь. Все будет в порядке, как только мы удалимся от Ригеля, подальше от этого чертова Зверя.

В это мгновение мертвенно-бледный свет на долю секунды осветил ночь за окнами вагона. Поезд слегка качнуло. Кракно резко поднял голову, сверкнув глазами. Со стороны крыши слышалось быстрое «вжик-вжик» ракетных установок и низкий рев гамма-артиллерии.

— Что происходит? — рявкнул Кракно в микрофон на столе.

Крошечный громкоговоритель ответил жестяным голосом:

— Атмосферный самолет-штурмовик. Впрочем, мы его достали: слетел вниз, как птичка!

— Стало быть, бунтовщики знают о нас, — заметил Джандрак.

— Не обязательно, — возразил Кракно. — Они просто обязаны иметь несколько атмосферных истребителей, патрулирующих в округе, а этот, может быть, просто носился ради развлечения. Решил разрушить магнитную линию возбуждения.

Громкоговоритель заговорил снова:

— На экране еще отметки. Похоже, у того мошенника было еще три приятеля.

Поезд закачался из-за серии коротких, резких взрывов, но не нарушил хода. Джандрак припомнил, что атмосферные истребители носят ракетные подвески, спроектированные так, чтобы покрывать огнем большую площадь, а не поражать отдельную цель.

Истребители, без сомнения, были очень удивлены тем приемом, который им оказали. Поезд затряс-

ся, когда установленные на крышах средства защиты устроили какофонию на целую минуту. Но еще до того, как грохот прекратился, поезд резко дернулся, так что присутствующих отбросило к передней стене, в то время как поезд резко затормозил.

В конце концов давление снизилось, и Джандрак с трудом встал на ноги. Лицо Хорриса побледнело.

— Мы на аварийном питании — едем по рельсам, — задохнулся он.

— Мы можем так ехать? — удивленно спросил Джандрак.

— Да, когда отрубается основной источник питания; но это не езда; больше двухсот миль в час мы не сможем делать.

Громкоговоритель снова затрещал:

— Это, конечно, была знатная стычка. Но мы свалили их, всех троих, — пауза. — Э-э, знаете что? Поезд номер два за нами больше не следует.

Дэйджел схватил другой микрофон и соединился с кабиной водителя в конце поезда.

— В номер два попали. Задний ход.

На этот раз торможение было не таким зверским; вскоре они тихо двигались назад.

«Они с ума посходили, — думал Джандрак про себя. — Эти атмосферные истребители — просто игрушки. А что, если бунтовщики пошлют крейсер или даже орбитальную платформу для атаки? Нас уничтожат».

Но этого, вероятно, не произойдет. На данный момент они представляли слишком мелкую цель для любого офицера повстанцев, а у них не так-то много боевых машин, чтобы беспокоиться о деталях. По той же причине, однако, со стороны Хина Сетта будет глупостью посылать в облет планеты скользящий корабль, чтобы их найти. Такая ак-

ция, несомненно, будет замечена и вызовет ответный огонь. В последующем сражении поезда магглинии будут уничтожены избытком разрушительной энергии, которая высвобождалась, когда боевые корабли встречались в космосе в бою.

«И все же,— печально сказал сам себе Джандрак,— чтобы добраться до базы на скорости двести миль в час, потребуется несколько дней».

Когда пятившийся поезд со скрипом остановился, открылись десятки дверей, и толпы людей стали выпрыгивать, чтобы посмотреть, что случилось. Свет от двух поездов падал на потемневшую сельскую местность. Примерно в миле от них ярко горел погребальный костер сбитого истребителя.

Второй поезд экспедиции выглядел, как ужасно изуродованное насекомое. Третий вагон был полностью разбит прямым попаданием, но, предположительно, когда ракета в него ударила, основной источник питания уже вышел из строя, потому что восемь из двенадцати длинных вагонов чудесным образом оставались еще на рельсах; однако они воткнулись друг в друга, как трубки телескопа, так что стали похожи на скорчившуюся гусеницу, в то время как сошедшие с рельсов вагоны пьяно шатались, и фары первого вагона пронизывали тьму под странным углом.

Вопли и стоны наполняли воздух. Анархисты потоком ринулись к изуродованному поезду и начали систематически осматривать, спасая попавших в ловушку, пристреливая серьезно изувеченных, помогая тем, кто был ранен несильно, найти убежище в первом поезде. Джандрак нахмурился, увидев, как на импровизированных носилках несут ребенка.

— Это сумасшествие — тащить детей в подобную увеселительную поездку,— пожаловался он Кракно.

— Детей? — мрачно осведомился нигилист. — Не бывает таких людей, как дети. Просто они — взрос-

лые, которые не слишком долго прожили, удачливые свиньи.

Джандрак прошел вслед за ним к ведущему вагону первого поезда. Двое инженеров беседовали тихими, напряженными голосами.

— Я так понимаю, что нас отключили от основного источника? — решительно спросил нигилист.

— Это абсолютно не так. В нескольких сотнях миль по линии взорвалась трансформаторная подстанция. Может, в нее попала ракета истребителей.

Кракно фыркнул.

— Хорошие новости на этот раз! Ее можно починить?

— Мы не можем этого знать, пока не доберемся туда и не осмотрим.

Они прошли к вагону Кракно. Через полчаса снова двинулись в путь. Без магнитной подушки поезд ехал с какой-то поющей, явно заметной вибрацией, которая действовала успокаивающе.

Однако, как только они устроились, Кракно достал из кармана ручной нейтронный излучатель и с улыбкой положил его на стол, ладонью придерживая рукоятку. Джандрак сделал быстрое движение, чтобы схватить его, но пистолет мгновенно оказался в руке Кракно, который направил его себе в грудь.

Дэйджэл навис над ним, остальные нерешительно толпились позади.

— Отдай мне пистолет, Кастор, — утомленно сказал Дэйджэл.

— Да будут прокляты ваши души, — прорычал нигилист. — Я же сказал, что провожу вас до конца, разве не так? И я так и сделаю, вас не брошу. Но я должен знать, что я смогу умереть, если захочу.

— Должно быть, он забрал его у кого-нибудь во время остановки, — заметил кто-то из стоявших за Дэйджелом.

Дэйджел устало вздохнул, затем кивнул Джандраку:

— Ладно, пусть останется у него.

Остаток путешествия Джандрак провел в наблюдениях за Кракно, ловя признаки надвигающегося самоубийства.

Потребовалось полтора часа, чтобы добраться до подстанции. После быстрого осмотра инженеры доложили, что основная функция может быть восстановлена примерно за пять часов. Ночь уходила, люди старались завершить работы. Джандрак решил, что бунтовщики перестали заниматься их поисками, потому что, обнаружив уничтоженный поезд, предположили, что он был единственным.

Наконец, ремонт был закончен. Поезд приподнялся на магнитной подушке и рванулся вперед. Кракно лежал, навалившись на стол, едва в сознании, в то время как остальные беспокоились, чтобы достигнуть места назначения до восхода солнца.

И уже поднималась заря, когда они притормозили недалеко от товарных складов. Огромные строения нависали над ними в сером свете, поблескивая от росы. Джандрак тревожно вглядывался в окна вагона, ища глазами скользящий боевой корабль.

Но вместо него появился дискообразный объект, косо спускавшийся к ним над выглянувшим шаром восходящего солнца. Джандрак испустил дикий вопль: это была орбитальная огненная платформа, сконструированная затем, чтобы врезаться в атмосферу, заливать цель шквалом огня и так же быстро взлетать обратно на орбиту. Кракно мгновенно проснулся, бросил взгляд в окно и завопил в микрофон:

— Открывайте огонь, ублюдки! Достаньте ее, пока она...

Беспорядочная, неэффективная стрельба вверх уже велась с поезда. Но это их не спасло. Солнце

засверкало на высокой золотистой колонне, которая следовала за платформой, летающей вокруг планеты. Из нее ударил мерцающий луч; орбитальное атакующее средство взорвалось кучей обломков.

Затем вторая золотистая форма всплыла в кильватере первой. Хин Сетт прибыл, как и обещал. Они были в безопасности.

XI

Прошел год.

Год, в течение которого скользящий флот уютно устроился в почти неприступном окружении астероидного пояса, где пещерные кроличьи садки были расширены, переоборудованы и соединены электроникой для защиты. Никакой прилетевший враг теперь не смог бы сказать, какой из этих болтающихся в пространстве каменных шаров был безвреден и покинут, а какой представлял собой смертельно опасную крепость. Принц Передан узнал это дорогой ценой. Он уже потерял двух командующих флотами, предпринимая дорогостоящие попытки уничтожить ренегатов.

Энергичность его попыток уничтожить эту «берлогу» ошибающихся субъектов вытекала не из его непримиримости, но из того факта, что оппозиция его правлению была слишком громогласной и слишком эффективной. Уже почти год астероидное убежище проводило очень мощную телевизионную кампанию, спроектированную пропагандистами Кракно, направленную на то, чтобы очернить дом Лоренцев, характер правления принца Передана и особенно зиготный налог, который нетрудно было представить нелепым и унижительным. Из-за этой кампании невероятно увеличились трудности, с которыми принцу Передану пришлось встретиться при введении на-

лога. Дальность действия передатчиков Джандрака равнялась нескольким тысячам световых лет, и, несмотря на эффективное глушение во многих секторах и закон, строго запрещающий просмотр нелегального канала, по оценкам, программу ежедневно смотрели несколько миллиардов людей.

Обитатели убежища, в свою очередь, и сами смотрели некоторые интересные программы. Как только правление Передана вошло в силу, они смогли посмотреть — хотя многие отказались — то, что обычным людям было предписано смотреть законом: публичную казнь экс-короля Максима и всей его семьи, включая племянника и племянницу, которым обоим было меньше пяти лет от роду, методом медленного удушения.

По этим и другим ежедневным признакам постоянного укрепления власти можно было судить о том, что Гринсект со своим сохранившимся политическим отделом работали на нового хозяина с усердием, которого они не проявляли даже во время правления Максима. Джандрака мучило от этого. Похоже, только Грэйм Либер был в состоянии наблюдать за развитием событий невозмутимо. Он просто грустно качал головой, когда слышал возмущенные проклятья Джандрака.

— Это просто иллюстрирует то, что я говорил вам о природе власти. Мышление человека не может остаться незатронутым, если он станет абсолютным правителем над столькими миллиардами людей. Принц Передан уже, должно быть, находится на пути к помешательству; это незаметно, конечно, но это уже начальные шаги, — он вздохнул. — Я пришел к выводу, что единственная надежда для человечества состоит в том, чтобы королевство разбилось на множество отдельных государств. Нынешние его размеры оказывают слишком большое

давление на любой единичный мозг. Еще бы, их едва можно охватить воображением.

Либер, однако, не присутствовал, когда узкий пучок энергии, посланной с Ригеля, зондировал астероидный пояс в поисках приемопередатчика. «Тревожная команда», дежурившая в тот день, быстро идентифицировала пучок, отделила сообщение от несущей частоты, пронесшей его через световые годы расстояния, и расшифровала. Это была совершенно секретная передача от самого принца. Джандрак пристально смотрел на видеоэкран. За прошедший год принц определенно изменился. Моложавое спокойствие сменилось чем-то вроде какой-то каменной непоколебимости. Передан, в свою очередь, смотрел на него с видом высокомерной праведности.

— Для меня большая честь сознавать, что само чудовище сочло меня достойным разговора, — усмехнулся Джандрак. — Или же мне следует сказать «домашний любимец чудовища»?

— Я не стану требовать от вас предписанного правилами обращения, поскольку ожидать цивилизованного поведения от варваров и изменников — это пустое дело, — бесстрастно ответил принц. — Я уделяю вам такое внимание в знак моего мягкосердечия, чтобы дать вам последнее предупреждение и последнюю возможность сдаться на мою милость.

— Мне кажется, я помню, что мои первые слова, обращенные к вам на Сморне, были примерно такими же, — заметил Джандрак с легкой улыбкой.

— Наши позиции действительно поменялись, если не считать того, что вы слабее, чем я был тогда, а я сильнее, чем кто бы то ни было во все времена.

— Да, конечно. Даже на таком расстоянии от Унимма я чувствую ваш запах, — Джандрак позво-

лил отвращению отразиться у себя на лице; он чувствовал желание выключить приемник.

— Не тратьте мое время на оскорбления. Я звоню вам потому, что вы в таком положении, что можете уничтожить и себя, и своих последователей.

— Вы уже пытались этого добиться и раньше. Но мы все еще здесь. Наши позиции неприступны.

— Действительно. Я не могу сдвинуть вас с места, но я все же могу вас убить.

Джандрак понял важность сообщения.

— Продолжайте.

— Если вы не сдадитесь, я сделаю так, что Пятно отправится в ваш район космоса и покормится вами.

— Мы обсуждали эту возможность давным-давно, — медленно проговорил Джандрак после тяжелой паузы. На терминале под видеоэкраном он выстукал сигналы, вызывая к разговору Кракно, Либера и Хина Сетта. — Мы решили, что это неосуществимо. Вы можете отваживать Пятно своими ежемесячными выплатами, но слишком рискованно пытаться заставить его плясать под вашу дудку. Оно может снова стать ненасытным и нарушить соглашение.

— Ваши рассуждения разумны, но они устарели. За прошедший год мы достигли прогресса в наших отношениях с Пятном. Мои ученые заявляют, что провести его к любому региону, с ограниченным разрешением питаться, теперь осуществимо. Слегка рискованно, но не слишком.

— Мы не сдадимся, — деревянным голосом ответил Джандрак. — Мы уйдем.

— Но разве вы не понимаете? — принц, казалось, был раздражен. — Вам некуда идти! Во всем королевстве нет ни уголка, где я не мог бы вас достать!

— Значит, мы покинем королевство, — заявил Джандрак.

В конце концов так было решено уже давным-давно.

XII

Случилось самое худшее. Джандрак в глубине души всегда знал, что до этого дойдет.

Флот мигрантов неся по линии скольжения с визжащими выхлопными трубами. Позади них, по мере того как флот плыл на всех парусах по направлению к более отдаленным галактикам, звезды родного линзообразного скопления начали сливаться в светящийся покров света, состоящий из миллиардов солнц и дымки газа. Этот вид пугал их всех, потому что даже с этого расстояния все королевство, простирающееся от скоплений Гарлоу до Покровов Тьмы, можно было окинуть невооруженным глазом.

Флот, который являлся содержанием договора Джандрака с принцем Переданом, представлял собой пестрое собрание сотен кораблей, в которые было загружено почти полмиллиона человек; пассажирские лайнеры, боевые корабли, грузовые шаланды; все, что можно было подогнать к новой роли и снабдить устройствами скользящего привода, поспешно изготовленными на фабриках королевства.

Первое же предложение Джандрака о том, что они готовы покинуть королевство, принц с радостью принял. Но он хотел большего: не просто изгнать их в другую часть галактики, как предлагал Джандрак, но изгнать их во внешнюю тьму, за пределы галактики, откуда анархисты уже никогда не вернутся. В обмен Джандрак потребовал укрупнения экспедиции и возможность взять с собой некоторое количество народу из миллиардов подданных королевства, чтобы основать человеческую цивилизацию в другом месте.

На это принц тоже согласился. Таким образом, Джандрак, против своей воли, снова оказался вовлеченным в игру заговоров и контрзаговоров, на этот раз с самим собой, в качестве почти беспомощного партнера. Потому что нетрудно было догадаться, что Передан увидел в этом соглашении возможность решить несколько проблем сразу. Он не только избавлялся раз и навсегда от назойливого гнезда анархистов, но по числу тех, кто своим присутствием раздул флот мигрантов, можно было догадаться, что людей, добровольно ответивших на телевизионный призыв Джандрака, разбавили тысячами политических недовольных, которых полиция Гринсекта сочла подходящим материалом для транспортировки.

Третий пакет договоренности с Переданом давал еще больше оснований для беспокойства. Джандрак полагал, что принц почти наверняка планирует использовать усиленную линию скольжения, которую флот оставил у себя в кильватере; как наживку в попытке навсегда выманить Пятно за пределы королевства, точно таким же образом, как Джандрак когда-то навел эту угрозу на Передана.

Такая возможность вызвала пылкие споры. Грэйм Либер страстно настаивал на том, чтобы проект был продолжен независимо от исхода; если их жизни окажутся принесенными в жертву, то это небольшая цена за то, что человечество в целом будет спасено от этой связи с чужеродным монстром. Джандрак отчасти был с ним согласен. В конце концов он привел убедительный аргумент:

— У нас и так нет выбора. Если мы останемся, мы погибнем; если уйдем, то можем выжить. Пока, насколько мы знаем, Пятно движется сравнительно медленно. Наши корабли способны раз в десять превзойти его среднюю скорость, поэтому оно никогда не сможет нас догнать. Во всяком случае, мы не

можем быть уверены, что ученым Передана удастся выманить его с безопасных мест кормления.

— Зачем бы еще нам нужно было брать с собой полмиллиона человек? — сердито пробормотал Хин Сетт. Он был единственным, кто стойко возражал против решения Джандрака. Сетт выступал за то, чтобы разделить и дать последний бой, чтобы блеснуть напоследок. Но Джандрак безапелляционно отклонил его предложение.

Теперь наступил момент истины.

На мостике флагмана приборы и мониторы управления щелкали и гудели в напряженной тишине.

— Мы могли бы увеличить скорость еще на восемь процентов, — спокойно говорил Джандрак Сетту и Кракно, которые были на мостике рядом с ним. — Но это опасный уровень. Мы рискуем попортить трубы, и часть кораблей неизбежно отстанет.

Пятно все же следовало за ними. И как только оно оказалось вне периметра галактики, его скорость невероятно увеличилась.

Кракно потел.

— Уберите ограничители, — рыкнул Сетт, — нам конец в любом случае.

Джандрак кивнул и по командной панели передал приказ всему флоту. Металл корабля слабо брэнчал, когда скользящий привод вибрировал на пределе своих возможностей.

Это не делало погоды. Пятно постоянно, минута за минутой, сокращало разрыв.

— Что же, — сказал Джандрак, поворачиваясь к остальным и стараясь утихомирить стук сердца, — вот мы и попались.

Что-то на одном из экранов привлекло его внимание. До сих пор он скрывал от остального флота новости об их плачевном положении, но факты каким-то образом просочились, или же они обо всем догада-

лись сами. Флот в панике отклонялся от основного курса, разбегаясь в окружающем космосе. Но как только они уходили с линии искажения пространства, их скользящие машины становились медлительными и неуклюжими; у них не было возможности уйти вовремя. Находящиеся на мостике уже могли ощущать электрическое покалывание. Они пораженно переглядывались между собой. «Я находился в ловушке с самого начала... Слишком много могущественных игроков в игре... Дело шло к этому давно...»

Эти мысли шли из мозга Джандрака сами по себе.

— Мне жаль, Кастор, — сказал он, — мы теперь уже не построим общество, в котором люди будут равны.

— И власть будет принадлежать индивидууму, — поправил его Кракно. Он криво улыбнулся, борясь со своим страхом. — Я никогда по-настоящему и не верил, что такое общество возможно. Человек создан по-другому.

Джандрак подумал: «Я должен пойти повидаться с Ронданой, пока...»

Последнее, что он услышал, был вопль Кракно.

Казалось, будто воздух вырывается из комнаты в пустоту. Казалось, это был раскат грома, за которым последовали тишина и мрак.

Эти голоса в пустоте:

ПРИДИ, ПРИДИ, ПРИДИ, ПРИДИ, ПРИДИ...
НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ... ОТДЕЛЯЙ, ОТДЕЛЯЙ, ОТДЕЛЯЙ, ОТДЕЛЯЙ, ОТДЕЛЯЙ, ОТДЕЛЯЙ, ОТДЕЛЯЙ...

Взрывы в психике.

Отделение тела от мышления.

Похищение души.

Какофония псевдоэнергий, стучащих в полмиллиона гибнущих нервных систем в форме призрачных

визгов и стонов; чужеродные звуки, которые невозможно описать, приносящиеся с бесконечных расстояний, мятущиеся облака неустойчивых частиц, которые появлялись и выпадали из существования согласно своим собственным мистическим законам.

Полмиллиона душ флота мигрантов осознавали все это так, как только умирающий человек может осознавать пролетающие воспоминания прошлого. За секунды, которые казались столетиями, невыносимое давление разбухло до кульминационной точки, и их агония подошла к концу наподобие падающего занавеса.

Забытье.

Это была смерть.

Это была жизнь.

Это была жизнь. И все же это была смерть.

Это была тайна, неподвластная мысли.

Джандрак сидел на траве, глядя, как радужные рыбы прыгают в реке. Время от времени он поглядывал на луга, леса и ручьи или смотрел в небо.

Крик позади заставил его обернуться, и он увидел, как Рондана Криль и Грэйм Либер идут через вершину холма. Он встал, ответив на восторженную ухмылку Ронданы такой же, собственной.

— Так вот ты где, наконец! — заметила она. — Мы слышали, что ты живешь где-то здесь.

— Я искал тебя, — извиняющимся тоном сказал он, — но не мог найти. Это все такое большое...

— Ты должен был продолжать стараться, — говорил ему Либер. — Мы все появились в пределах вполне определенной области и в разумной дистанции друг от друга. Похоже, это одна из характерных черт способа, которым Пятно питается.

Джандрак указал на коттедж, который он построил выше по склону:

— Заходите.

У двери коттеджа Либер задержался, оглядывая невероятный мир вокруг. Там было небо. Была земля, и холмистые луга, и извилистые реки, деревья и кустарники. Но там не было горизонта. Вдали местность, казалось, схлопывалась сама на себя, и ничего определенного невозможно было разобрать.

Он вошел вслед за Джандраком и Ронданой. Джандрак выставил на деревянный стол вазу с фруктами и достал несколько чашек и кувшин с жидкостью с резким вкусом.

— Мне потребовалось немало времени, чтобы сделать все эти вещи, — сказал Джандрак. Он сел и хлопнул чашкой о стол. — Вы мне объясните, — обратился он к Либеру. — Мы должны быть мертвы. Мы и являемся мертвыми. И тем не менее мы живы. У нас есть тела, мы живем в вещественном материальном мире — или, во всяком случае, он похож во многих отношениях на старый материальный мир, и я знаю, что мы внутри Пятна, и что Пятно — это совсем пустое пространство.

Либер вздохнул, перебирая фрукты.

— Странно, что мы всегда думали о Пятне как о чем-то зловещем и страшном. Истина в том, что это сама жизнь, чистая ментальность; рудиментарная и едва ощущающаяся сама по себе, но являющаяся вместилищем для любой другой ментальности, которую она встречает. Вот так она и поддерживает себя — поглощая другую жизнь в себя целиком нетронутой.

— Но твердость. Все кажется таким реальным.

— Назовите это иллюзией, если вам нравится. Когда Пятно поглощает существ, для них возникает подходящая окружающая среда. И все же это может быть совсем не иллюзией, в точном смысле слова. Это верно, если наблюдать Пятно научным способом, то это только таинственная цепочка энер-

гетических процессов, занимающая большую площадь в основном пустого пространства. Но Пятно — это больше, чем показали наши наблюдения; оно обладает собственными ментальными измерениями. Мы населяем эти измерения, и мир, в котором мы живем, это, так сказать, «ментальная материя». Но если вы настаиваете на том, что она иллюзорна, что ее не существует, то по тому же признаку вам пришлось бы признать, что мир, откуда мы пришли, тоже иллюзорен.

«В некоторых отношениях, — напомнил самому себе Джандрак, — законы материи, движения и расстояния в этом новом мире не совсем такие, какими они были в старом мире. Усилием воли — хотя и чрезмерно энергичным для того, чтобы этим можно было заниматься ради удовлетворения каприза — было даже невозможно создавать новую материю.

Он потягивал свой традиционный слабоалкогольный напиток:

— Пятно имеет примерно световой год в поперечнике, — заметил он. — Это очень большой мир.

— Он еще больше. Мы не в обычных пространственных протяженностях. Пятно создает ментальное пространство любого размера по мере того, как оно ему требуется. Потенциально оно такое же большое, как и вся физическая вселенная.

Джандрак поставил чашку и пораженно уставился на него.

— Мы никогда не узнаем, насколько велико оно на самом деле, — продолжал Либер. — Каждое существо, когда-либо поглощенное, находится где-то здесь, и каждый тип существа имеет соответствующее окружение; некоторые из них такие странные, что они едва ли могут быть постижимы для нас. Я полагаю, что здесь есть даже некоторые новые окружающие среды, которых не существует снаружи.

— Также я не думаю, что это Пятно — единственный представитель своего вида, — размышлял хроникер. — Скорее, я считаю, их должно быть много — возможно, бесконечно много, — носящихся по вселенной, используя линии искажения пространства как какой-то вид космической решетки. Мне сдается, что это первичная жизнеформа вселенной. Органические существа, такие как мы, вторичны, и служат для них пищей.

Рондану передернуло, но Либер добавил:

— Еще только одна вещь. Здесь вы никогда не умираете.

Наступило молчание.

— Что же, Рондана, — в конце концов заметил Джандрак, — теперь я тебя уже не переживу.

Она покраснела, казалось, в замешательстве, затем сказала:

— Что произошло с этим твоим ужасным другом, Хином Сеттом? Он тоже живет здесь?

— Когда я перешел сюда с той стороны, — с улыбкой ответил Джандрак, — он был единственным человеком, оказавшимся рядом со мной. Он собрал нескольких наших людей и отправился на поиски приключений. Мы слышали, что далеко отсюда идет какая-то война.

— И еще был тот парень, Кракно, — вставил Либер. — Интересно, что случилось с ним?

НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ...

Со стонами и хныканьем, с ощущениями, представляющими собой смесь жалости и отвращения к себе, Кастор Кракно открыл глаза.

Он лежал на полу мостика. Все, казалось, функционировало нормально. Приборные панели холодно мерцали; прерывистый гул скрытых контрольных

механизмов нарушал тишину каждые несколько секунд. Только трупы, которыми было завалено все вокруг, явились признаком того, что что-то не совсем нормально.

Это нечестно, что ему пришлось пройти через это дважды. Ни от кого нельзя требовать такого, пройти через это...

Постепенно слезливые мысли ушли, частично его силы вернулись к нему, и он встал на ноги и перевернул несколько тел. Герцог-полковник Джандрак Саннский; подполковник Хин Сетт; примерно полдюжины младших офицеров.

В корабле должны быть еще тысячи тел. С этими телами у него возникнут серьезные проблемы.

Внезапно на Кракно навалилась дикая тошнота.

Когда его перестало рвать, через длительное время после того, как в желудке ничего не осталось, он, качаясь, прошел к одной из приборных панелей и попытался уяснить себе данные приборов. Пятно уже намного обогнало флот и быстро двигалось к отдаленной чужой галактике, находящейся в конце линии скольжения. Оно явно забыло об удобных пастбищах королевства.

Кракно, однако, не забыл. Он ощущал в себе новые силы, новую ненависть, струящуюся вокруг него. Еще сильнее, чем раньше, он осознал, что может сгибать людей, подчиняя их своей воле.

Он разразился уродливым, пугающим хохотом. Затем он начал соображать, как ему нужно развернуть корабль, чтобы направиться обратно, к своим старым врагам.

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный вирус (Перев. с англ. В. Яковлевой)	5
Империя двух миров (Перев. с англ. А. Митрофанова)	135
Фактор аннигиляции (Перев. с англ. А. Флотского)	317

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бейли Баррингтон
Звездный вирус
Империя двух миров
Фактор аннигиляции

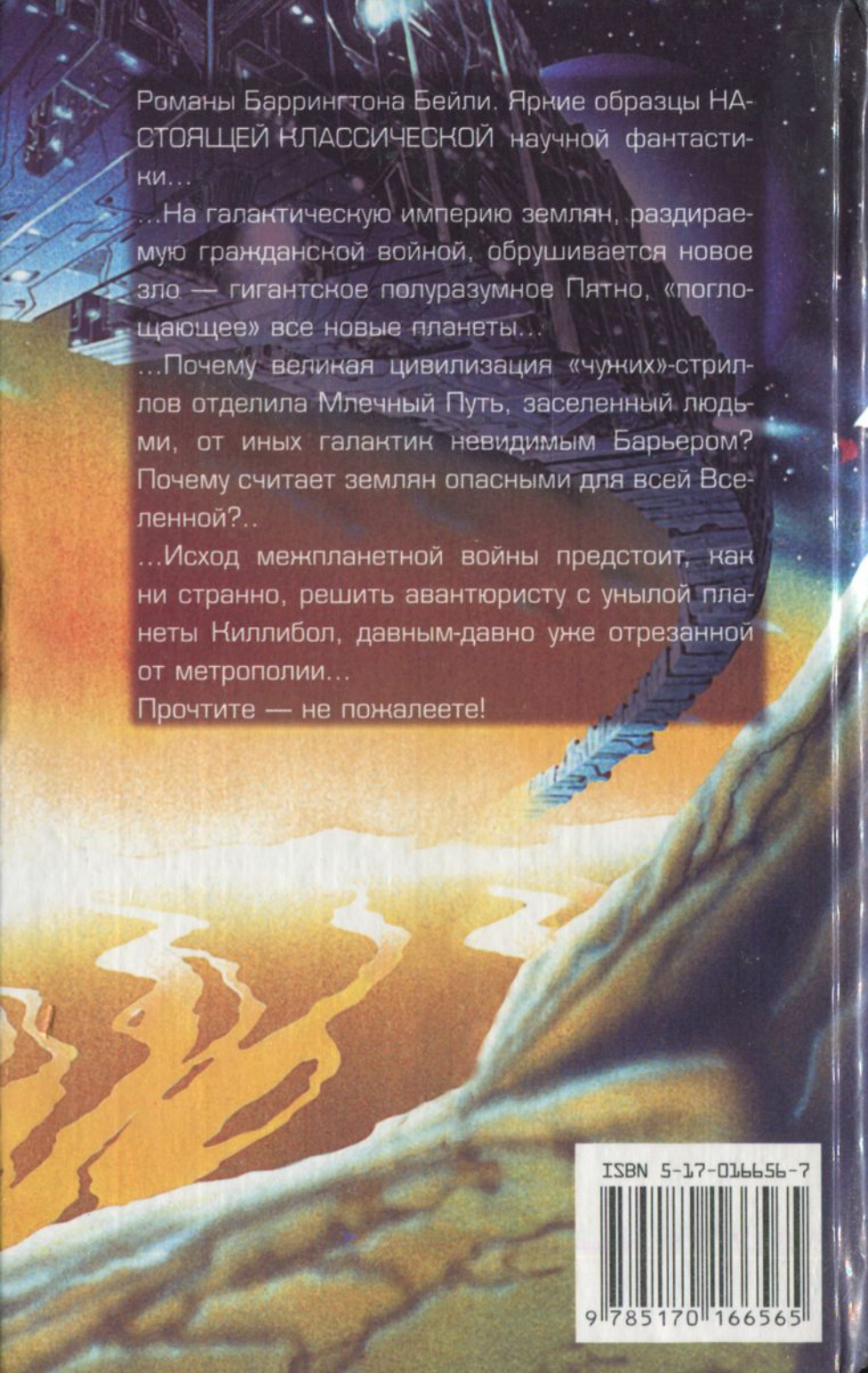
Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин
Ведущий редактор П. Киракозов
Редакторы Н. Романова, А. Гурова, С. Федотов
Художественные редакторы В. Андросва, О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: Ю. Борисова
Корректор Л. Макеева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
«Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.





Романы Баррингтона Бейли. Яркие образцы НА-
СТОЯЩЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ научной фантасти-
ки...

...На галактическую империю землян, раздирае-
мую гражданской войной, обрушивается новое
зло — гигантское полуразумное Пятно, «погло-
щающее» все новые планеты...

...Почему великая цивилизация «чужих»-стрил-
лов отделила Млечный Путь, заселенный людь-
ми, от иных галактик невидимым Барьером?
Почему считает землян опасными для всей Все-
ленной?..

...Исход межпланетной войны предстоит, как
ни странно, решить авантюристу с унылой пла-
неты Киллибол, давным-давно уже отрезанной
от метрополии...

Прочтите — не пожалеете!

ISBN 5-17-016656-7



9 785170 166565